ISSN 2313-612X

Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

К Р Ы М С К О Е
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

C R I M E A N
HISTORICAL REVIEW

№ 2
2014

Казань – Бахчисарай

Учредитель
ГБУ «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан»

Журнал основан в апреле 2014 г. Решением Ученого Совета Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Главный редактор Р.С. Хакимов (Казань)

Заместитель главного редактора
Э.Х. Сейдаметов (Бахчисарай-Симферополь)

Редактор английских текстов Л.С. Сейтхалилова (Симферополь)

Редактор крымскотатарских текстов
Н.С. Сейдаметова (Симферополь)

Редактор татарских текстов Л.Р. Муртазина (Казань)

Редакционный совет:
М.Г. Крамаровский, И.М. Миргалеев, И.В. Зайцев, Г.Р. Альтин

Редакционная коллегия:
Халил Инальджик (Анкара, Турция), Г.Т. Бекирова (Симферополь), Г.Ф. Габдрахманова (Казань), М.М. Гибатдинов (Казань), Р.Р. Сабитов (Париж, Франция), Т.Б. Усеинов (Симферополь), А.И. Галенко (Киев, Украина), А.А. Непомнящий (Симферополь), Эдвард Лаззерини (Блумингтон, США), Брайан Глин Вилльямс (Дартмут, США), А.М. Меметов (Симферополь), И.А. Керимов (Симферополь), Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция), Грета Лин Улинг (Мичиган, США), Н.С. Сейтягьяев (Симферополь), Ионуц Кожокару (Бухарест, Румыния), У.К. Мусаева (Симферополь), Н.М. Акчурина-Муфтиева (Симферополь), В.П. Кирилко (Симферополь), Р.Р. Салихов (Казань), Д.П. Урсу (Одесса, Украина), Идиль Измирли (Вашингтон, США), Р.Д. Куртсеитов (Симферополь), А.М. Эмирова (Симферополь), Э.И. Сейдалиев (Симферополь)

Технический редактор Л.Ф. Байбулатова

Адрес редакции:
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5, Институт истории АН РТ
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

Республика Крым, г. Бахчисарай, Салачик, ул. Басенко, 57 «Л», Крымский исторический музей «Ларишес» (комплекс «Девлет-Сарай»)

Founder
State Budgetary Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan»

Journal was founded in April 2014 by the decision of
the Scientific Council of Sh. Marjani Institute of History of AS RT

Editor-in-chief R.S. Khakimov (Kazan)

Deputy Editor-in-Chief
E.Kh. Seydametov (Bakhchisaray-Simferopol)

English texts editor L.S. Seytkhalilova (Simferopol)

Crimean Tatar texts editor
N.S. Seydametova (Simferopol)

Tatar texts editor L.R. Murtazina (Kazan)

Editorial council:
M.G. Kramarovsky, I.M. Mirgaleev, I.V. Zaytsev, G.R. Altin

Editorial board:
Halil İnalcık (Ankara, Turkey), G.T. Bekirova (Simferopol), G.F. Gabdrakhmanova (Kazan), M.M. Gibatdinov (Kazan), R.R. Sabitov (Paris, France), T.B. Useinov (Simferopol), A.I. Galenko (Kiev, Ukraine), A.A. Nepomnyashchiy (Simferopol), Edward J. Lazzerini (Bloomington, USA), Brian Glyn Williams (Dartmouth, USA), A.M. Memetov (Simferopol), I.A. Kerimov (Simferopol), Ilyas Kemaloğlu (Istanbul, Turkey), Greta Lynn Uehling (Michigan, USA), N.S. Seytyagyaev (Simferopol), Ionut Cojocaru (Bucharest, Romania), U.K. Musaeva (Simferopol), N.M. Akchurina-Muftieva (Simferopol), V.P. Kirilko (Simferopol), R.R. Salikhov (Kazan), D.P. Ursu (Odessa, Ukraine), Idil P. Izmirli (Washington, USA), R.D. Kurtseitov (Simferopol), A.M. Emirova (Simferopol), E.I. Seydaliev (Simferopol)

Technical editor L.F. Baybulatova

Editorial Office Address:
420014, Kazan, Kremlin, entrance 5, Sh. Marjani Institute of History of AS RT
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

The Republic of Crimea, Bakhchisaray, Salachik, 57 «L», Basenko str.,
Crimean Historical Museum «La Richesse» (complex «Devlet-Saray»)

Содержание

История и современность

Диляра Абибуллаева. Жизнь и деятельность министров просвещения Крымской АССР 6
Гарун-Рашид Гусейнов. К этно- и политогенезу крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений 23
Uğur Demir. Kırım'da ilk rus konsolosluğunun açılması, faaliyetleri, kapatılması ve buna dair tartışmalar (1763–1766) 39
Дамир Исхаков. Об одном послании из Поволжья в Крымское ханство 1635 г. 50
Григорий Кондратюк. Крымские татары – советские служащие в реализации национальной политики в Крымской АССР (20–30-е годы XX ст.) 63
Ema Miljković, Ionut Cojocaru. The Golden Horde, Russia and the Ottoman Empire: the end of an era 77
Borbála Obrusánszky. Tatarian-Hungarian relations 88
Ярослав Пилипчук. Новая татарская политика Великого Княжества Литовского. Сигизмунд I и татары, 1506–1516 гг. 98
Владимир Поляков. История Бахчисарайского партизанского отряда 125

Литература и язык

Гульнара Аджимамбетова. Структура сложных наречий в крымскотатарском языке 142
Виктор Ганкевич. Самоидентификация Исмаила Гаспринского в плеяде национальных первопечатников 157
Исмаил Асаногълу Керим. «Дерги» журналында Эдиге Къырымалнынъ эки макъалесине даир малюмат 169
Темур Куршутов. Художественный аспект в мемуарах Дж. Сейдамета «Базы хатыралар» («Некоторые воспоминания») 178
Nariye Seidametova. Eski Türkçe ile Kırım Tatar Türkçesindeki yapım ekleri üzerine 191

Наследие

Марсель Әхмәтҗанов. Урта гасырлардагы татар гаиләсе тарихына бер сәхифә 203

Культура

Улькер Мусаева. Плюсы и минусы «национальной музейной политики»: краеведческий музей в Евпатории (20–30-е годы XX века) 211
Эльвиз Османов. Реставрационные работы в комплексе построек Ханского дворца в 1960–1964 гг. 218
Эмиль Сейдалиев, Джемиле Халилова. Сельджукские мотивы в орнаменте Бахчисарайских дюрбе 231
Нияз Халит. Архитектура Крымского ханства 243

Новые издания: рецензии, отзывы

Андрей Непомнящий. Историография крымоведения, которой нет. Рец. на: Пащеня В.Н. Историография крымоведения (Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 368 с.) 282
Эльмира Сайфетдинова. Рец. на: Акдес Нигмет Курат. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы 292

Хроника

События сентября, октября 2014 г. (*С.А. Сеитмаметова, Э.Х. Сейдаметов*) 296

Список сокращений 298
Правила для авторов 299
Instructions for authors 301

УДК 94(=512.19)–058.237"1920/1930"

Жизнь и деятельность министров просвещения Крымской АССР

Диляра Абибуллаева
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. В статье рассматривается политическая жизнь и деятельность наркомов просвещения КАССР в годы сталинского тоталитарного режима.

Ключевые слова: нарком просвещения, народное образование крымских татар, тоталитарный режим.

После февральской революции 1917 года в России политическая жизнь в Крыму перестала быть стабильной и предсказуемой. Частая смена власти и гражданская война привели к полной экономической разрухе и голоду всего населения полуострова. В этот сложный период происходили значительные перемены в области культуры и просвещения, в частности, в системе народного образования крымских татар, при активном участии представителей национальной интеллигенции и советского правительства. Цель данной публикации рассмотреть состояние национального образования и изменения, которые были введены в результате реформирования уже советской властью. Новой властью был создан Народный комиссариат просвещения (наркомпрос), который возглавляли народные комиссары (министры) из числа крымскотатарской интеллигенции после образования Крымской

АССР. Наша задача показать деятельность министров просвещения в Крыму, достаточно в сложных условиях, жизнь которых прервалась в результате сталинских репрессий в 30-е годы.

Историография нашего исследования состоит из научных трудов известных крымских ученых, в частности, А.Г. Зарубина, В.Г. Зарубина, Д.П. Урсу, Р.И. Музафарова, И.А. Керимова, Е.В. Новиковой и других; источникова база – из архивных источников, которые впервые вводятся в научный оборот.

После февральской революции 1917 года политическая жизнь в Крыму приобретает новый характер, заметно активизируется борьба за национальное возрождение. Определенную роль в развитии образования крымских татар до создания Крымской АССР сыграли передовые деятели национальной культуры, в том числе и те, кто примыкал к партии «Милли Фирка» («Национальная партия»), которым в течении трех лет удалось создать по одному высшему начальному училищу в каждом уезде Крыма, татарскую женскую учительскую школу в Симферополе, татарское среднее художественное училище и учительскую семинарию в Бахчисарае, реформировать высшую духовную семинарию «Зинджирли медресе», введя туда гуманитарные дисциплины, естествознание. Созданные национальные учебные заведения функционировали до установления советской власти в Крыму [9, с. 164].

В марте 1918 года большевистской властью был создан Народный комиссариат просвещения, который взял курс на реформирование системы народного образования в Крыму. Возглавил наркомпрос молодой матрос-коммунист Иван Лазукин [11, с. 48]. Постановлением наркомпроса от 1918 года были упразднены учебные округа, руководство школ передано местным Отделам народного образования, входившим в состав исполкомов Советов. События гражданской войны и смена властей затрудняли последовательное решение проблем в сфере образования [10, с. 98]. В апреле 1919 года вторично была провозглашена Крымская Советская Республика, которую возглавляли коммунисты Д.И. Ульянов и Ю.П. Гавен, а Крымским отделом народного образования заведовал П.И. Новицкий – видный общественный деятель, бывший председатель губернского комитета меньшевиков и губернского совета рабочих и солдатских депутатов, лидер крымских социал-демократов (в послереволюционные годы –

крупный деятель советской культуры, профессор истории театра и театральный критик) [11, с. 34, 52]. 18 июня 1919 г. деникинские войска под командованием генерала Слащева высадились у Коктебеля и за 2–3 недели заняли весь Крым. Был арестован и два месяца находился в Симферопольской тюрьме красный комиссар П.И. Новицкий, он был освобожден по просьбе крымской общественности как человек гуманный [11, л. 55].

16 ноября 1920 года врангелевские войска под натиском Красной армии окончательно покидают Крым. В Крым вступили 1-я и 2-я конные армии, конная армия махновцев, 4-я и 6-я общевойсковые армии «красных» численностью более 300 тыс. человек. Лавина голодных, полураздетых, обмороженных бойцов заполняла города и села Крыма, располагалась на постой на частных квартирах. Гражданская власть в Крыму перешла к революционным комитетам, назначенным реввоенсоветами армий. Высшую власть представлял Крымский Обком РКП(б) и Крымский ревком. Председатель Крымревкома Бела Кун возглавляет террор большевиков, направленных на «очищение» от буржуазных элементов. Были распущены все небольшевистские партии, а 30 ноября запрещена партия «Милли Фирка», начались массовые облавы и расстрелы [11, с. 64]. В конце ноября 1920 года новой советской властью И.П. Новицкий был снят с поста заведующего губернского отдела народного образования, после чего он перешел в университет деканом факультета общественных наук [11, с. 66].

Заведующим губернским народным образованием стал один из первых татар-комунистов – Исмаил Керимович Фирдевс (Керимджанов) (1888–1937) – педагог, известный общественный деятель. В 1906 году И.К. Фирдевс, закончив с отличием Симферопольскую татарскую учительскую семинарию, начал свою педагогическую деятельность. В 1913 г. за активное участие в общественно-политической жизни и критику царского правительства был выслан из Алушты с лишением права учительствовать. В революционный 1917 год И. Фирдевс находился в Москве и активно включился в политическую жизнь, в мае был принят в большевистскую партию, а в декабре этого же года направлен в Крым. В 1918–1919 гг. И. Фирдевс в Советских правительствах занимал высокие должности народного комиссара по делам национальностей, народного комиссара по иностранным делам, заместителя

председателя чрезвычайной комиссии, секретаря ЦИК. С июля 1919 – по сентябрь 1920 г. И. Фирдевс по заданию РКП(б) находился на партийной и государственной работе в Казани [6, с. 194].

После занятия Крыма советскими войсками в 1920 году И. Фирдевс был приглашен на должность председателя по народному образованию в Крыму (1920–1921 гг.). На этой должности И. Фирдевсу пришлось выполнять приказ Крымревкома от 30 ноября 1920 г. «О перестройке работы учебных заведений», в котором давалась установка всем учебным заведениям Крыма неуклонно и немедленно провести в жизнь следующие подготовительные к коренной школьной реформе меры: все учебные заведения Крыма – так называемые казенные, частные, общественные, профессиональные и национальные – переходят в ведение Социалистической Советской Республики. Все частные лица, общественные учреждения и национальные общины утрачивают все свои права по отношению к своим учебным заведениям. Средние учебные заведения временно сохраняют название советских средних школ и нумеруются по порядку; все учебные заведения Крыма объявляются советскими. Религия есть частное дело верующих и не может быть навязана школе. Поэтому преподавание тех или иных вероучений в школе запрещается. Все преподаватели вероучений не могут входить в состав школьных советов и т.д. [12, с. 144–145]. И. Фирдевсу приходилось работать в условиях разрушенной экономики, социальных катаклизмов, массового голода и политического террора, когда система народного образования Крыма находилась в полном упадке и особенно школьное образование крымских татар. В компетенции заведующего Крымским отделением народного просвещения И. Фирдевса находились вопросы культуры и искусства в Крыму. Об этом свидетельствуют архивный документ, подписанный им 7 декабря 1920 года, это мандат – данный Крымревкомом Г.А. Бонч-Осмоловскому – заведующему секцией по охране памятников старины, культурных ценностей подотдела Искусств крымотдела народного образования [5, л. 45]. Архивный документ от 17 декабря 1920 года, подписанный заведующим крымским отделением народного образования И. Фирдевсом, направлен председателю Ревкома Давыдову, где речь идет об относительно высоких ценах в театрах [5, л. 62].

Крымревком начал кампанию против партии «Милли Фирка», как вредным и ненужным пережитком, устной и письменной агитацией. Исмаилу Фирдевсу поручили написать брошюру, направленную против «Милли Фирка», что значило запрещение партии [7, с. 328]. Без всякого сомнения можно утверждать, что И. Фирдевс не выполнил это поручение, так как еще Кун и Самойлова настаивали на том, чтобы убрать из Крыма «мягкотелых» Ю.П. Гавена, С.В. Бабаханяна, И.К. Фирдевса, П.И. Новицкого, В.П. Немченко и других в виду недостаточности твердости и устойчивости, которые позже станут жертвами сталинского террора в 30-х годах [7, с. 332]. Исмаил Фирдевс недолго возглавлял наркомат просвещения, в 1922–1923 годы был наркомом юстиции в Крыму. Он был одним из противников нового алфавита на латинской графике, стоял на позициях сохранения арабской письменности, был участником антисталинской группировки М.Х. Султан-Галиева. В 1926 году И. Фирдевс был отозван из Крыма в Ростов, где он занимал должность инспектора краевого отдела народного образования. В 1929 году он был арестован, в 1930 году был приговорен к высшей мере наказания, которая была заменена на 10 лет лагерей. Во время отбывания наказания на Соловках И. Фирдевс был повторно осужден и приговорен к смертной казни. 27 октября 1937 года Исмаил Фирдевс был расстрелян на Соловках [6, с. 193–194].

Таким образом, Исмаил Фирдевс был первым комиссаром наркомпроса из крымских татар, ставший жертвой советской власти, которой он верно служил на протяжении всей жизни.

После окончания гражданской войны, в условиях голодомора и террора советская власть приступает к решению национального вопроса Крыма. 18 октября 1921 года была образована Крымская АССР, по канонам большевиков автономия была создана как государственность крымскотатарского народа. На X съезде РКП(б) (март 1921 г.) было объявлено, что крымские татары, карачаевцы, чеченцы и другие имеют право на создание автономии в составе России. Кроме этого газета «Жизнь национальностей», орган Наркомнаца РСФСР, в статье «К провозглашению Крымской Республики», где многократно упоминается, что удовлетворение нужд «коренного населения» признается первостепенной задачей, писала: «Крымская Республика» – это

закрепление максимума автономных прав и инициативы для широких трудовых масс коренного населения в деле культурного и экономического возрождения» [13, с. 121]. 11 ноября 1921 года, согласно постановлению I Учредительного съезда Советов КАССР, был образован Совет народных комиссаров (Совнарком). Правительство автономии состояло из 15 народных комиссариатов (министерств), из них только 3 были крымскими татарами, еще двое – председатель и нарком просвещения (С. Саид-Галиев и К. Хамзин) были казанскими татарами [13, с. 16]

Народный комиссар просвещения (министр просвещения) КАССР Керим Хамзин (1921–1923) руководил деятельностью научных, учебных, просветительских и воспитательных учреждений. К. Хамзин получил «домашнее образование», согласно тому времени никакого, (партийный) функционер с низким образовательным цензом. Об этом он говорил без стеснения на областной конференции в ноябре 1921 года, накануне своего назначения на пост наркома, в третьем лице буквально следующие слова – «несчастный малограмотный татарин» [13, с. 89]. В период Крымского голодомора, система образования была парализована, из-за высокой смертности среди учителей и учеников, отсутствия средств, продовольствия, одежды, обуви. В этот период возникла опасность закрытия татарских школ. В конце ноября 1921 года нарком просвещения Хамзин заявил о необходимости закрытия до 400 татарских школ. В первую очередь были ликвидированы начальные школы традиционного типа – мектебы, содержавшиеся на средства местных мусульманских общин [14, с. 90]. К тому же была катастрофическая задержка выплаты жалования учителям, задолженность только по Симферопольскому округу, где учителя не получали зарплаты 4 месяца, составляла 2,7 млн. золотых рублей [14, с. 91].

Весной 1922 года К. Хамзин сообщал в Совнарком, что «более 3 тыс. учителей и других школьных работников брошены на произвол, так как они лишены пайков, им грозит голодная смерть» [14, с. 212]. В январе 1922 года Совнарком Крым АССР рассмотрел проект положения о крымскотатарских школах, обеспечение продовольствием которых было возложено на Наркомат продовольствия, а расходы по содержанию включены в смету наркомпроса. Благодаря общественным деятелям В. Ибраимову,

И. Фирдевсу, О. Дерен-Айрлы, С. Меметову, Б. Чобан-заде, А.С. Айвазову и С.-Дж. Хаттатову сумели отстоять в эти тяжелые годы систему образования на родном языке крымских татар. В частности, в июле 1923 года заведующий татарским отделом Наркомпроса Бекир Чобан-заде прибывает в Джанкойский округ и в результате обследования выясняет, что окружной отдел народного образования не достаточно проявил энергии для поднятия дела народного образования среди татар, ни разу не созывал совещания учителей-татар, что запросы к просвещению татарского поселения громадны. Б. Чобан-заде принимает меры к организации школы-коммуны, созывает митинг (пришло свыше 3 тыс. человек), на котором призывает собравшихся о материальной помощи просвещению. Несмотря на тяжелое экономическое положение населения, было собрано до 100 тыс. рублей на ремонт школ и покупку учебников [14, с. 91–92].

В феврале 1924 года К. Хамзин скончался в Казани, как раз во время работы I Всекрымского съезда учителей, в президиуме которого рядом с Фирдевсом, Гарютиным, Мухитдиновым сидел Чобан-заде. Присутствующие почтили память покойного наркома просвещения вставанием [14, с. 211].

Сменившие Хамзина на посту наркома просвещения Крымской АССР Гарютин и Мухитдинов тоже не блистали образованностью. Бекир Чобан-заде на таком фоне выделялся своей энциклопедической эрудицией, знанием иностранных языков, энергий и деловитостью, как в самом наркомате просвещения, так и среди педагогов всего Крыма, пользовался огромным авторитетом. Он был не только организатором школьного дела, но одновременно преподавал в Тотайкойском педтехникуме и в женском педагогическом училище в Симферополе [14, с. 89].

Михаил Иванович Гарютин был народным комиссаром просвещения Крымской АССР с 14 декабря 1922 года по 1 ноября 1923 года. В эти годы школьная сеть начала медленно восстанавливаться. Среди главных задач тогда были возвращение детям школьные помещения, которые были реквизированы и дети занимались в неприспособленных домах. Платность образования, сначала высшего, затем и среднего вызвала дополнительные заботы наркомпроса – добиваться половинной льготной оплаты

детей из необеспеченных семей или их полного освобождения от оплаты [14, с. 91].

В 1923 г., когда функционировало всего 20 татарских школ и отсутствовали учебники, наркомом просвещения КАССР стал Мухитдинов (1923–1924 гг.). В дальнейшем постепенно начинается рост сети школ, открываются техникумы, в частности, в Симферополе были открыты музыкальный, промышленно-экономический, фармакологический, сестринско-акушерский техникумы, а также татарский педагогический и фельдшерско-акушерские техникумы, заметно увеличивается число учащихся и учителей. Перед центром остро ставится проблема издания учебной литературы на крымскотатарском языке [1, л. 111].

В 1923 году на совещании в Москве нарком просвещения КАССР Мухитдинов, критиковал Наркомпрос РСФСР за невнимание к выпуску учебников на восточных языках. «Издание их централизуется в Москве, это – несуразица. Это уже верх нецелесообразности», – говорил он [13, с. 16–17].

Недолгое время после Мухитдинова наркомом просвещения в Крымской АССР был Рашид Ногаев [14, с. 95], с 1896 года рождения, образование среднее, с 1918 года был членом партии. В декабре 1926 года Р. Ногаев был снят с поста наркома юстиции, а вскоре исключен из партии. В 1928 году он был приговорен к расстрелу по делу Милли Фирка [14, с. 213]

Вскоре уже новому народному комиссару просвещения Усеину-Вели Балич (октябрь 1924 – март 1928 года) удалось развернуть выпуск школьной литературы в Крыму. Усеин Балич родился в 1884 году в д. Корбек Ялтинского района. Начальное образование получил в сельской новометодной школе. В 1897–1902 годы учился в Симферопольской татарской учительской школе, после окончания которой работал учителем в Алуште и Симеизе. Начиная с 1905 года принимал участие в революционном движении, в 1907 году был арестован и выслан за пределы Крыма. Около 3 месяцев находился в Турции, после возвращения работал в городской управе Бахчисарая. В апреле 1917 года переехал в Ялту, где был избран членом земской управы и заведующим отделением народного образования. В 1918–1919 годы работал в национальной Директории (правительство Курултая) в качестве инструктора финансовой комиссии [6, с. 48–49].

С установлением советской власти Усеин Балич был принят в партию, до июня 1921 года он работает завотделом народного образования Ялтинского Ревкома, с июля по ноябрь 1921 года – член Крымревкома и зав Крымнаробразом. С февраля 1922 по декабрь 1923 года У. Балич был представителем Крымской АССР в Москве при Наркомнаце РСФСР. После возвращения в Крым У. Балич был заместителем председателя ЦИК Крым АССР [6, л. 48–49].

В октябре 1924 года У. Балич становится наркомом просвещения КАССР. На этом посту он неустанно боролся за развитие школьного образования на крымскотатарском языке, требовал ассигнований на строительство и материальное обеспечение преподавателей, выступал с предложением восстановления в Крыму университета и медицинского факультета. К концу 1927 года в КАССР действует уже 360 школ I степени (41% от общего числа). Школ повышенного типа значительно меньше – всего 17 (27% от всего количества). Открываются среднетехнические заведения, техникумы [13, с. 17]. 17 марта 1928 года на заседании Крымского областного комитета ВКП(б) постановили: «В целях усиления Крымплана в связи с общими задачами плановой работы и задачами текущего строительства в Крыму – рекомендовать Бюро фракции Крым ЦИКа и Совнаркома в качестве заместителя председателя Крымплана тов. Балича, освободив его от обязанностей народного комиссара Просвещения Крымской АССР» [2, л. 63]. На этом же заседании приняли следующее постановление: «В связи с выдвижением тов. Балича на ответственную работу в Крымплане и с освобождением его от обязанностей Наркомпроса – рекомендовать Бюро фракции Крым ЦИКа и Совнарком на пост Наркомпроса тов. Мамут Недима» [2, л. 64].

На самом деле в марте 1928 года У. Балич был снят с поста наркома как причастный к делу Вели Ибраимова. В июне того же года он был исключен из партии мотивировкой «за сокрытие своего контрреволюционного прошлого», отдан под суд. В январе 1929 года осужден к 3 годам заключения. По кассации ему оставили 1,5 года. В марте 1930 года У. Балич был арестован во второй раз, коллегия ГПУ РСФСР 13 октября 1930 года приговорила его к 10 годам лагерей и он был отправлен на Соловки. Время и место смерти установить не удалось [6, с. 48–49].

В дальнейшем в должности комиссара просвещения КАССР был Мамут Мурадович Недим (1928–1929 гг.) – известный общественный деятель, театральный критик. Мамут Недим родился в 1893 году, в Карасубазаре, после окончания школы на средства благотворительного общества был отправлен в Турцию для продолжения обучения. Закончил духовную семинарию в Бурсе, затем учился в Берлине на экономическом факультете. В ноябре 1920 года принят в ряды коммунистической партии, назначен редактором газеты «Енъи дунья», в этой должности был до февраля 1928 года. Кроме этого он редактировал журналы «Енъи Чолпан» и «Илери» [8].

Мамут Недим был одним из самых авторитетных руководителей культурного строительства в Крыму, последовательно защищал политику коренизации, развития просвещения и национального языка [8]. В связи с этим М. Недим был выдвинут представителем Крымского областного комитета ВКП(б) для участия в работах Всесоюзного съезда [2, л. 79]. Мамут Недим был талантливым публицистом, на страницах газеты «Енъи дунья» часто печатал крупные рецензии на постановки Крымского государственного татарского театра, поддерживал артистов и режиссеров в их поисках художественной выразительности и профессионального мастерства [8].

На посту наркома просвещения М. Недим успел сделать немногое, так как его деятельность приходится на период начала кампании по выявлению и борьбы против «чуждых элементов» и «врагов» по социальному происхождению, проведения «твердого большевисткого курса», решительной борьбы с чуждыми «идеологическими элементами и настроениями». В протоколе заседания комиссии КрымЦИКа по проверке работы наркомпроса от 17 октября 1929 года отмечено его коллегами, что Мамут Недим: «Нарком по просвещению очень культурный человек. Внимание свое концентрировал главным образом по издательской линии, в связи с которой и проводилась национальная политика» – зам наркома Щепотьев. «Не ставил вопросов дифференциации национальной интеллигенции. Отношение к националистической интеллигенции – покровительственное» – зав. учебно-методическим центром Овсейчук. «Мамут Недим националистов не увольнял, а наоборот устраивал Герай-бай, Ипчи и других» –

старший инспектор Карницова. В протоколе имеется объяснение М. Недима – «работники в том числе и национальные подбирались не мною одним, а аппаратом в целом. У. Ипчи считаю советски настроенным человеком» [4, л. 2].

Мамут Недим подвергался травле за «открытую защиту Чобан-заде», его обвиняли в том, что он не оказывал помощи и контроля Союзу писателей, созданном при журнале «Илери», не заметив антисоветчины в публикации Чобан-заде, опубликовал ее в журнале, не встретил делегацию писателей из Татарстана на должном уровне [8]. Комиссия КрымЦИКа рекомендовала снять его с должности наркома просвещения, вынесла строгий выговор, было решено послать его на низовую работу. С февраля 1930 года М. Недим работал в Москве научным сотрудником НИИ национального строительства. 26 мая 1937 года был арестован в Симферополе. 17 апреля 1938 года был приговорен к расстрелу. 14 июня 1958 года был реабилитирован [6, с. 142]. Таким образом, Мамут Недим, преемник У. Балича на посту наркома, стал очередной жертвой массовых сталинских репрессий в самом расцвете своих творческих сил.

В октябре 1929 года на пост наркома просвещения Крым АССР был выдвинут Рамазан Мустафаевич Александрович (1900 – 17.04.1938). В октябре 1917 года Р. Александрович закончил Симферопольскую татарскую учительскую семинарию и с августа 1919 года до марта 1921 года был заведующим и учителем в татарской школе в с. Отузы Феодосийского района. С апреля 1921 года по февраль 1922 года работал заведующим отдела народного образования Ичкинского района. С ноября 1921 года был на партийной работе в Судаке и Феодосии. В октябре 1929 года с должности заместителя зав. агитпрома обкома партии был выдвинут на пост наркома просвещения КАССР, где проработал менее года.

В этот период вся система образования и воспитания, начиная от дошкольного и школьного, была направлена на формирование марксистко-ленинского мировоззрения, приоритета классовых ценностей перед общечеловеческим. Эти и другие сложные условия наложили отпечаток на всю жизнь и деятельность преподавателей, ученых, сотрудников Наркомпроса. Оставались не решенными многие вопросы в области просвещения. Так, 11 января 1930 года председатель Совнаркома Крымской АССР А.А. Самединов и

нарком просвещения Р.М. Александрович направили докладную записку в Совнарком и Наркомпрос РСФСР с просьбой о восстановлении университета в Крыму. Для поднятия культурного уровня населения предполагалось восстановить университет в составе 4 факультетов. Вопрос об организации Крымского университета не был разрешен за отсутствием финансовой базы. Но причина была не только в этом, тогда все университеты Украины и многих городов России прозябали в положении «институтов народного образования». Восстанавливать их со старой профессурой не хотели, а новой, советской, еще не было [11, с. 120–121].

С сентября 1930 года Р. Александрович снова вернулся в обком на прежнюю должность, где работал по апрель 1934 год. Одновременно в 1930–1933 годы он учится в аспирантуре Крымского педагогического института. В эти годы были изданы директивы вышестоящей инстанции по закрытию Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), Ханского дворца-музея в Бахчисарае, которые были закрыты при непосредственном его участии [6, с. 31].

С сентября 1930 года наркомом просвещения Крымской АССР стал Али Асанович Асанов (1901 – 2 ноября 1938) – педагог, общественный деятель. Али Асанов в 1923–1925 годы учился в педагогической академии им. Крупской в Москве, затем в течении двух лет заведовал Бахчисарайским райОНО. В 1930–1934 годы Али Асанов занимал должность наркома просвещения [6, с. 41], когда не только голод, материальные трудности, но и репрессии нанесли урон народному образованию, особенно пострадали преподаватели школ и вузов Крыма. С 1932 года в Крыму развернулась борьба с «буржуазным национализмом», особенно татарским. Были раскрыты так называемые «буржуазно-националистические группы» Баймбитова, Алиханова и других, которых обвинили в подготовке свержения Советской власти «с помощью интервенции». В пропаганде буржуазно-националистических идей в пединституте на факультете татарского языка и литературы был обвинен ряд преподавателей, в том числе А.С. Айвазов, который был уволен в 1932 году, расстрелян 17.04.1938 года. 19 марта 1933 года на закрытом заседании коллегии Наркомпроса Крымской АССР был проработан материал, опубликованный в газете «Правда», об извращениях Ленинской национальной поли-

тики в национально-культурном строительстве БССР и ряде других национальных республик и областей, и коллегия наркома постановила «предложить всему руководящему составу и его органов на местах усилить классовую большевистскую бдительность, повести решительную борьбу с буржуазно-кулацкими националистическими тенденциями, в двухнедельный срок провести тщательную проверку личного состава аппарата Наркомпроса и аппаратов ОНО; заострить особое внимание на работу национальной школы, качество ее учителей и педагогов; обязать в двухнедельный срок провести тщательную проверку профессорско-преподавательского состава пединститута, педрабфака и техникумов Наркомпросом под углом выявления их социального происхождения, прошлой деятельности и качества современной работы, решительно изгоняя чуждые буржуазно-кулацкие, националистические, оппортунистические элементы, заменяя их наиболее выдержанными кадрами из молодых научных работников и педагогов» [3, л. 41].

В результате «изучения» педагогических кадров по Крыму в 1933 году было снято с работы 200 человек. Из них 100 человек как классово чуждые и 100 человек как не справившиеся с работой и по неграмотности [3, л. 81]. Настоящему разгрому подвергались преподаватели всех школ, техникумов и ВУЗов Крыма. 20 апреля 1934 года Али Асанов был снят с поста наркома просвещения за нерешительность в борьбе с «буржуазным национализмом» и переведен директором Крымского НИИ национально-культурного строительства. В 1935–1937 гг. А. Асанов был редактором районной газеты «Бригадир» в г. Судаке. Будучи курсантом Центральных Курсов редакторов и переводчиком при ЦК партии, был арестован 22 июля 1937 года в Москве, 2 ноября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован посмертно 12 декабря 1959 г. [6, с. 41].

В мае 1934 года наркомом просвещения во второй раз стал Рамазан Александрович (май 1934 – май 1937 гг.), когда кампания по выискиванию классово-чуждых элементов по указанию вышестоящих органов Совнаркома и Наркомпроса РСФСР продолжалась с полной силой. В годы его деятельности проводился погром учебных заведений, так в Крымском пединституте были

уволены многие преподаватели – крымские татары. Рамазан Александрович в мае 1937 года был снят с должности «как участник буржуазной националистической группировки». В ноябре 1937 года был исключен из партии и арестован, а 17 апреля 1938 года расстрелян. Как и его предшественники, он стал жертвой советской власти, которой он служил безграничной верой и правдой [6, с. 31–32].

С апреля по июль 1937 года на должности наркома просвещения Крымской АССР был Билял Абла Чагар (1900 – 17.04.1938). Родился он в Бахчисарае в семье булочника, образование получил отрывочное, закончил 2 класса татарской школы, 2 класса кустарно-промышленной школы в Бахчисарае и с ноября 1921 по июнь 1923 года учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. Вернувшись из Москвы, Б. Чагар заведовал отделом образования в Бахчисарае, затем с 1924 по 1927 гг. находился на комсомольской работе в Севастополе и Симферополе. В апреле 1928 года выступил общественным обвинителем на процессе Вели Ибраимова. С августа 1928 года был заместителем заведующего орготделом обкома партии, секретарем райкома в Карасубазаре, менее года был наркомом земледелия Крымской АССР. С июня 1931 г. по апрель 1937 г. был вторым секретарем обкома партии. В самый пик политических репрессий крымскотатарской интеллигенции он занимал должность наркома просвещения и часто был исполнителем партийных директив вышестоящих органов власти, направленных против его соотечественников. Совсем скоро он сам стал жертвой этой преступной власти. В конце июля 1937 года А. Чагар был снят с должности наркома «в связи с имеющимися данными о принадлежности к буржуазной националистической организации». В сентябре исключен из партии как «враг народа», арестован и 17 апреля 1938 года был расстрелян [6, с. 196–197].

Таким образом, наркомы просвещения Крымской АССР были в основном образованные, талантливые молодые люди, полны оптимизма и уверенности в светлом будущем своего народа. Деятельность их была направлена, прежде всего, на повышение образования, культуры, материального уровня населения Крыма. К сожалению, тоталитарное государство не видело в них тот огромный интеллектуальный потенциал, который так был необхо-

дим в этот период, сложный в политическом и экономическом отношении. Все наркомы просвещения стали жертвами сталинского тоталитарного режима, при котором в 1937–1938 годы целенаправленно и безжалостно была уничтожена элита крымскотатарской национальной интеллигенции. Следует отметить, список расстрелянных 17 апреля 1938 года составляет 19 человек наиболее известных жертв сталинизма, а сколько погибло на Соловках, Колыме и в Воркуте менее известных деятелей культуры – учителей, врачей, журналистов? [13, с. 7–8].

17 апреля 1938 года были расстреляны наркомы просвещения Крыма – Мамут Недим, Рамазан Александрович, Асанов Али, Билял Чагар. Этот день одна из самых черных дат в истории крымскотатарского народа. Жизнь и деятельность наркомов просвещения Крыма достойны более глубокого и научного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГААРК. Ф. р–20. Оп. 3. Д. 23.
2. ГААРК. Ф. р–20. Оп. 3. Д. 69.
3. ГААРК. Ф. р–20. Оп. 3. Д. 112.
4. ГААРК. Ф. р–20. Оп. 3. Д. 96.
5. ГААРК. Ф. р–1188. Оп. 3. Д. 163.
6. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): Библиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д.П. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с.
7. *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия, 1997. 352 с.
8. *Керим И.А.* Миллий зиялырымыз ГПУнынъ такъиплери алтында // Qirim, 2012, 15 февраля, № 12.
9. *Музафаров Р.И.* Как осуществлялось обучение крымскотатарского населения в республике? // Крымская АССР (1921–1945). Вопросы и ответы: Вып. 3. / Сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь: Таврия, 1990. 320 с.
10. *Новикова Е.В.* Архивные документы по истории народного образования в Крыму в первые годы советсой власти // Крымский архив, 2014, № 1 (15). 98–104 с.
11. Очерки истории Симферопольского государственного университета (1918–1993). Симферополь: «Таврида», 1993. 414 с.

12. Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968. 242 с.

13. *Урсу Д.П.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1999. – 144 с.

14. *Урсу Д.П.* Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2004. 276 с.

Сведения об авторе: Диляра Ильясовна Абибуллаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым).

Life and activities of Ministers of Education of the Crimean ASSR

Dilyara Abibullaeva
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The article discusses the political life and activities of People's Commissars of Education of the CASSR during Stalin's totalitarian regime.

Keywords: Commissar of Education, public education of the Crimean Tatars, the totalitarian regime.

REFERENCES

1. GAARK. F. r–20. Op. 3. D. 23.
2. GAARK. F. r–20. Op. 3. D. 69.
3. GAARK. F. r–20. Op. 3. D. 112.
4. GAARK. F. r–20. Op. 3. D. 96.
5. GAARK. F. r–1188. Op. 3. D. 163.
6. Deyateli krymskotatarskoy kul'tury (1921–1944 gg.) [Figures of krymskotatarsky culture (1921–1944)]. *Bibliograficheskij slovar.'* Gl. red. i

sostavitel' D.P. Ursu. [Bibliographic dictionary]. Edition and originator D.P. Ursu]. Simferopol, Dolja, 1999. 240 p.

7. Zarubin A.G., Zarubin V.G. *Bez pobediteley. Iz istorii grazhdanskoy voyny v Krymu* [Without winners. From history of civil war in the Crimea]. Simferopol, Tavriya, 1997. 352 p.

8. Kerim I.A. Milliy zyyalyrymyz GPUnyn takipleri altynda [National intelligentsia under the pursue of GPU]. *Qirim* [Crimea], 2012, 15 February, no. 12.

9. Muzafarov R.I. Kak osushchestvlyalos' obuchenie krymskotatarskogo naseleniya v respublike? [How training of the krymskotatarsky population in the republic was carried out?]. *Krymskaya ASSR (1921–1945*) [Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1921–1945)]. Voprosy i otvety. Issue 3. Simferopol, Tavriya, 1990. 320 p.

10. Novikova E.V. Arkhivnye dokumenty po istorii narodnogo obrazovaniya v Krymu v pervye gody sovetsoy vlasti [Archival documents on stories of national education in the Crimea in the first years of the Soviet power]. *Krymskiy arkhiv* [Crimean archive], 2014, no. 1 (15), pp. 98–104.

11. *Ocherki istorii Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta* (1918–1993) [Sketches of history of the Simferopol state university (1918–1993)]. Simferopol, Tavrida, 1993. 414 p.

12. *Revkomy Kryma. Sbornik dokumentov i materialov* [The revolutionary committees of Crimea. Collection of documents and materials]. Simferopol, 1968. 242 p.

13. Ursu D.P. *Ocherki istorii kul'tury krymskotatarskogo naroda (1921–1941)* [Sketches of cultural history of the krymskotatarsky people (1921–1941)]. Simferopol, Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1999. 144 p.

14. Ursu D.P. *Bekir Choban-zade. Zhizn'. Sud'ba. Epokha* [Bekir Choban-zade. Life. Destiny. Era]. Simferopol, Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 2004. 276 p.

About the author: Dilyara Ilyasovna Abibullaeva – Cand. Sci. (History), associate professor of the Chair of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea).

УДК 94[5]:811.512.144

К этно- и политогенезу крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений

Гарун-Рашид Гусейнов
(Дагестанский государственный университет)

Аннотация: В статье анализируются некоторые аспекты этно- и политогенеза крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений. Хронологические рамки статьи – с догуннского (булгарского) времени до XVI–XVII вв. В результате интерпретации известных исторических и иных источников с опорой на новейшие данные было установлено, что вышеупомянутое булгарское население сохранялось в Крыму и на Северо-Восточном Кавказе вплоть до золотоордынской эпохи. Речь идет о ныне кыпчакскоязычных (куманская группа) жителях Крыма в лице носителей среднего диалекта, который лег в дальнейшем в основу крымско-татарского литературного языка. Оно окончательно сформировалось в золотоордынскую эпоху, что было обусловлено переселением сюда после 1324г. из крайнего западного региона Северо-Восточного Кавказа кумыков-брагунцев.

Среди будущих крымских татар стал известен род бораган/баргын, представители которого вошли под названием Барын в число первых четырех родов местных карачи-беков. При этом Борганский старший князь обычно занимал должность орбеги, охранял границы и наблюдал за ногайскими ордами вне Крыма. Он командовал в походах меньшим корпусом, мог занимать должность каймакама (наместник хана), когда тот был в отсутствии. Из борганов избирались и муфтии Крыма. Провозглашение независимого Кумыкского государства происходит практически одновременно с захватом Перекопа в Крыму Хаджи-Гиреем I в 1443 году. В XVI–XVII вв. взаимосвязи между Крымом и Кумыкским государством носили достаточно интенсивный характер вплоть до заключения военных союзов и вступления в дружественные коалиции. В обеих странах до их окончательного включения в состав России (в конце XVIII и второй половине XIX вв.) правили представители династии Тука-Тимуридов – потомки сына Чингиз-хана Джучи.

Ключевые слова: этно- и политогенез, крымские татары, кумыки, исторический контекст, древние и средневековые взаимоотношения.

Азавланы алды – гёк ювшан,
Шо ерлерде ат семиртип, минейик,
Ичкилирде макътангъан уланлар,
Муна энни гюню гелди – гёрейик!
(Из кумыкских героических песен-йыров)

Относительно присутствия в дозолотордынскую эпоху половецко-кыпчакского населения в Крыму известны различные точки зрения. Начало его проникновение в Крым обычно относят ко второй половине XI века [27]. С.А. Плетнева [30, с. 149–150], говоря об оформившейся примерно в 60–70-х годах XII в. лукоморской группировке половцев, располагавшейся «по излучинам Азовского и Черного морей и низовьям Днепра…», считает вполне возможным, что в нее входили и крымские кочевья. С.Г. Кляшторный в числе пяти основных групп кыпчакских и близких им половецких (команских) племён, окончательно формирующихся в середине XI – начале XII вв., также выделяет днепровскую группу, включая крымскую подгруппу [25, с. 127].

Однако, с другой стороны, Ю.В. Зеленский полагает, что «вопреки мнению С.А. Плетневой, не существовало крымского и предкавказского объединений половцев» [19, с. 60]. Еще одним исследователем было обращено внимание и на то, что присутствие кыпчаков в степях Урало-Поволжья в домонгольский период было «настолько незначительным, что говорить об их влиянии на формирование этнической карты региона не приходится» [20, с. 94]. Не случайно, видимо, Вильгельм де Рубрук лишь в 1253 г. указывал на живших в донских степях «коман, именуемых капчат», в то время, как в иных ареально смежных пределах, включая Крым (см. ниже) и Северо-Восточный Кавказ, еще до золотоордынской эпохи достаточно долго сохранялось булгарское население, именовавшееся команским [12, с. 12, 53, 61].

Полагают также, что в результате татаро-монгольского нашествия прежнее кыпчакско-половецкое население Крыма и Северного Причерноморья было уничтожено [16, с.88–89]. В качестве

обоснования автор этой точки зрения ссылался на византийского историка конца XIII в. (после того, как Менгу-Тимур передал Крым и Кафу Уран-Тимуру – сыну Тука-Тимура [1, с. 152], сына Джучи) Георгия Пахимера, который упоминает в Крыму лишь *алан*, *зикхов*, готов и русов, которые «учатся их [= татар] обычаям и, вместе с обычаями, усваивают язык [татар]…» [17, с. 92].

Однако при этом под аланами и зикхами [14, с. 60, 61] следует понимать соответственно известные также на (Северном) Кавказе тюркско- и булгароязычный этносы, под которыми до сих пор необоснованно подразумевают носителей иранских и адыгских языков. Причем булгарское – зикхи – население было известно в Крыму еще в догуннскую (см. ниже) эпоху: одно из подразделений прибрежных булгар-зикхов, упоминаемых в 354 г. н.э., помещается грекоязычными авторами II–V вв. вдоль Понта [см.: 9, с. 60–63; 28, с. 97–113], надо полагать, Эвксинского, т.е.Черного моря.

В указанной связи пребывание тюрок, точнее, булгар в Крыму отмечается, таким образом, еще в догуннское время вопреки расхожему мнению, связывающему его с гуннами Баламбера, вторгшихся в его пределы в 370 году с Таманского полуострова [22]. Тем более, что, как было установлено другими исследователями, «до начала 80-х годов гунны [Баламбера], видимо, не проникали на Тамань и не вышли на побережье Керченского пролива». После этого они обрушились на родственные им местные тюркские племена [8, с. 13, 14]. Затем Иордан в середине VI в. указывал на то, что часть из них – булгары-алтзиагиры – кочевали у Херсонеса Крымского: то в степях летом, то у понтийских берегов зимой, хотя обычно появление здесь булгар относят к VII веку [14, с. 62; 22].

В дальнейшем в период Золотой Орды в Крым переселилась из крайнего западного региона Северо-Восточного Кавказа, входившего в состав Золотой Орды, часть одного из современных субэтнических подразделений кумыков – баргыны-бораганцы (брагунцы), носители нынешнего северного (терского) диалекта. Они переместились сюда после разрушения в Центральном Предкавказье хулагуидским полководцем Чупаном, вторгшимся из-за Дарьяла в 1324 г., их городов Нижний Джулат и Верхний Джулат. Они находились в ареальной смежности со знаменитым

Маджаром (здесь в районе Буденновска Ставропольского края РФ до сих пор известен населенный пункт Маджары-Бургун). Именно эти переселенцы влились в число будущих крымских татар, среди которых стал затем известен род *бораган /баргын*, вошедший под названием *Барын* в число первых четырех родов карачи-беков (беев) [11,с. 24, 25].

Причем и после ухода части брагунцев в Крым Абу-ль-Фида (ок. 1331 г.) упоминает «замечательный тюркский город Маджары в татарской земле (стране), называемой Борга, который находится почти в середине между Железными воротами [Дербентом] и Азаком [Азовом]» [см. 26, с. 89]. Позже Низамиддин Шами, описывая в «Зафар-наме» (1404 г.) походы Тимура, также называет на Северном Кавказе «лесистую Бораганскую землю [сторону]» [34, с. 15]. К числу же выдающихся брагунцев-барынов более ранней эпохи относятся эмиры Золотой Орды Баринтокту, который был казнен ханом Токтой в декабре 1292/1293 г. за поддержку Тула-Буки в его противостоянии с Ногаем, и Барын, нашедший и убивший в 1419 г. старшего эмира Золотой Орды – знаменитого Идигея [см. 31, с. 47, 86].

При этом Борганский старший князь обычно занимал должность орбеги (оьрбия), охранял границы и наблюдал за ногайскими ордами вне Крыма. Он командовал в походах меньшим корпусом, мог занимать должность каймакама (наместник хана), когда тот был в отсутствии. Из борганов избирались и муфтии Крыма. Другая группа брагунцев, прибывшая в начале XVв. с сыном Тохтамыша Джелал-эд-Дином в Великое княжестве Литовское, после Грюнвальдской битвы 1410 г. осела в Литве и Белорусии, а ее глава – князь Тимур Туган-бек – и его потомки стали носить фамилию Туган-Мирза-Барановские [3, с. 92–96].

О том, что другая часть барынов-брагунцев осталась на Северном Кавказе, свидетельствует и упоминание еще одного барына в договоре хана Бердибека с венецианцами в 1358 г. – Сарай би (Sara bej), который мог быть не только «старшим эмиром», но и карача-беем (!), или другого барына – Сарай-бека, бывшего аталыком у сына хана Токтамыша Джалаладдина, служа другому его сыну – Кадыр-Берди. Первый из них в качестве темника мог участвовать в летнем празднике 2 июня 1334г., который, по данным Ибн Баттуты, проводился ханом Узбеком в нынешнем Пяти-

горье – местности «Бишдаг». При этом обращает на себя внимание наименование «*э.н.дж.ли*» одного из участников этого праздника – наймана Кутлуг-Буги, который являлся с 1351 по 1357 гг. улуг-карачи-беком хана Джанибека [24, с. 21–23, 25–26].

Наименование «*э.н.дж.ли*» может быть возведено к кумыкскому ойкониму *Ан(д)жи*, известному до сих пор в районе Махачкалы, упоминаемому в эпоху арабско-хазарских войн VII–VIII вв. в качестве крепости и отложившемуся в названии кыпчакского племени *Андж-оглы* [15, с. 36–39]. Не исключено поэтому, что Кутлуг-Буга в указанное выше время находился как темник досмотра именно в этом городе, который мог быть опорным пунктом в борьбе Золотой Орды с Хулагуидами.

Примерно в то же время карачи-беки упоминаются и у собственно кумыков. Так, если принять во внимание данные кумыкского ученого начала XX века Назира из Доргели [29, с. 37], то кумыкские карачи были известны в рассматриваемую эпоху и в горном Дагестане. На сегодняшний день к их числу следует отнести шейха Асилдара ал-Хиркаси (из кумыкского горного, ныне аварского с. Гъаркас «Аркас» Буйнакского района РД, разрушенного Тимуром), сына Ата ал-Гадари. Дата его смерти – 806 или 860 гг., т.е. XV век (в течение которого в Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве оформился институт карачи-беков [33, с.13]). Мать его – Ай Мисей Эндиреевская – была из рода сала.

В последнем случае речь идет о древних князьях-сала, правивших в Салатавии – исторической северо-западной горной области Засулакской Кумыкии, наименование которых и названного региона имеет булгарское (хазарское) происхождение и получило отражение в топонимике Среднего Крыма, где были представлены носители среднего крымско-татарского диалекта – потомки переселившихся сюда кумыков-брагунцев. Причем не исключено привнесение этого наименования кумыками-переселенцами, если учесть, что данное слово в значении «село, деревня» впервые, в 1393 г., фиксируется в ярлыке хана Золотой Орды Тохтамыша, составленном в Азове – будущей части Крымского ханства [12, с. 75–76, 89, 95]

Как обычно полагают, жители горной части нынешнего Дагестана в стремлении «изолироваться от плоскости, где безраз-

дельно господствовали [татаро-монгольские] завоеватели», обеспечивали ее защиту, «опираясь на линию [в числе прочих]… Салатавии (см. выше о тюркско-кумыкской этнической ее принадлежности), Гимринского хребта и северо-восточной части Левашинского плато». Со слабостью соответствующих взаимосвязей, связывается и то, что практически единственным их следствием оказывается лишь усвоение горцами некоторых деталей монгольского вооружения [23, с. 207].

Однако этому утверждению противоречат как отмеченный факт известности карачи-беков в Анжи и горном Дагестане, так и то, что на хранящихся в Смитсоновском музее в Вашингтоне рельефах из с. Кубачи, расположенного гораздо южнее вышеупомянутого Левашинского плато, среди костюмов персонажей, «отражающих реалии XIII–XIV вв.», обнаружены три комплекса – монгольский, половецкий и местный. Монгольское происхождение здесь имеют также орнаменты, сцены спортивных состязаний, приручения гепардов, клятвы на разрубленной собаке. Все это связывается с последней третью XIII – началом XIV вв., «когда значительная часть Дагестана находилась под контролем Ильханата» [18, с. 184–187]. Но большая, надо полагать, под контролем Золотой Орды. В свою очередь, пребывание кумыков(-брагунцев) в Северном Причерноморье уже к XV в. подтверждается сведениями из «Книги познания мира» Иоанна Галлонифонтийского (1404 г.). Он писал, что «в этой стране много христиан, а именно латинян или католиков, греков, много армян, зикхов, готов, татов, валахов, русов, черкесов, леков, ясов, аланов, аваров, *кумыков* (выделено нами. – *Г.Г.-Р.*), и почти все они говорят на татарском языке» [см. 17, с. 93].

Однако Иоанн Галлонифонтийский основывался как на собственных путевых впечатлениях, так и на информации, полученной от других путешественников, в основном, купцов, а также пользовался трудами таких более ранних средневековых авторов, как Пётр Едок (XII в.), Гонорий Августодунский (ок. 1080 – ок. 1156) и даже Исидор Севильский (560–736). Сохранилось три рукописи этого произведения [см. 21], только одна из которых известна в русском переводе З.М. Буниятова, качество которого является весьма далеким от совершенства, если иметь ввиду со-

хранение в нем таких явных анахронизмов, как *зикхи, ясы, аланы*, *авары, леки* и др.

Возможная ассимиляция кумыками-брагунцами носителей иных тюркских (кыпчакско-татарских) и булгарского языков, еще сохранившихся в Северном Причерноморье и представленных, в частности, зикхами, аланами и команами, могла обусловить новую «куманизацию» будущего крымско-татарского языка в лице прежде всего его нынешнего среднего (степного) диалекта. Факт переселения подтверждается и установлением многочисленных параллелей именно между этим и кумыкскими диалектами, включая брагунский говор терского [11, с. 26], а также куманско-северокавказскими морфологическими и лексическими элементами, которые обнаруживаются в золотоордынских документах, составленных после переселения кумыков в Крыму и в соседних ему (нижне)донском и (нижне)днепровском регионах [12, с. 89–96].

О том же говорят и лингвостатистистические данные (по исторической морфологии и фонологии с учетом некоторых лексических особенностей), согласно которым средний (степной) диалект, лежащий в основе современного литературного крымско-татарского языка, носит двойственный характер, но в рамках его отношений как с кыпчакско-татарской (74%), так и северокавказско-куманской (73%) ветвью кыпчакских языков. В рамках первой ветви – 84% близости к караимскому, 74% – к мишарскому диалекту татарского, 79% – к собственно татарскому (литературному), 77% – сибирско-татарскому. Второй – к кумыкскому – 75% и 73% – к карачаево-балкарскому литературным языкам при чрезвычайно высокой, подобной крымско-татарскому и караимскому (84%), взаимной близости (85%) этих языков. Несколько различной – к татарскому литературному (кумыкский – 78%, но карачаево-балкарский – 74%) и его диалектам – мишарскому (кумыкский – 75%, но карачаево-балкарский – 73%) и сибирскому (кумыкский – 75% и карачаево-балкарский – 78%). Однако при этом татарский язык вместе с башкирским оказывается наиболее близким к казахскому, каракалпакскому и ногайскому языкам [32, с. 727, 732, рис. 3], а кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, караимский и урумский языки образуют западную (куманскую) группу кыпчакских яыков.

В эпоху расцвета Золотой Орды (до этого, надо полагать, существовала исторически первая хазарская династия) кумыками правила династия шамхалов, восходившая к Менгу-Тимуру (1265–1282 гг.), сыну Джучи, сына Чингиз-хана. Об этом свидетельствует то, что после убийства великого тверского князя Михаила Ярославича в 1318 г. в ставке хана Золотой Орды Узбека в «славном городе Дедякове» последний посылает в саму Тверь карательный отряд в главе с царевичем *Шевкалом*, сыном Тудана (Дудби), внуком Менгу-Темира. Отряд был поголовно истреблен восставшим народом в 1327 г., что послужило предлогом для разгрома Твери Узбеком. Как явствует из родословного древа ханов Золотой Орды, речь идет о двоюродном брате хана Узбека (1312–1342 гг.) Шевкале, сыне Тудуна, внуке Менгу-Тимура (1265–1282 гг.). Именно на Шевкале, по данным этой генеалогии, прерывается эта ветвь ханов Золотой Орды. После окончательного ее прекращения в 1396 г., когда в войнах с Тимуром был убит ее последний, но безымянный представитель-шамхал, который мог быть братом Бек Болат-хана (1390–1396), правившего наряду с Северным Кавказом Западным Кипчаком и Крымом, в 1398 г. к власти приходит вторая чингизидская династия, основанная другим сыном Джучи – Тука-Тимуром. Полагают также, что кумыки, государство которых было известно в XV в. как «Кумук хакимиет», нового (см. выше) правителя из рода Чингизидов избирают в 1441/1442гг., после освобождения из-под власти Тимурида Миран-Шаха, и с XVI века их государство именуется «Вилайет Дагестан». Эта династия была низложена в 1867 г. русской администрацией в Дагестане, получив от нее титул князей Тарковских. Показательно то, что провозглашение независимого Кумыкского государства происходит практически одновременно с захватом Перекопа в Крыму Хаджи-Гиреем I в 1443 году. Последний, согласно одной из наиболее распространенных версий, также происходил из Тука-Тимуридов, от Джанак-оглана, младшего брата Туй Хаджи-оглана, отца Токтамыша. В свою очередь, старший сын Джанак-оглана, Ичкиле Хасан-оглан, был отцом Улу-Мухаммеда, основавшего в 1438 году Казанское ханство. Примерно тогда же, в 1450–1460 гг. в составе Большой Орды, включавшей земли между Доном и Волгой, Нижнее Поволжье и степи Северного Кавказа, обособляется Астраханское ханство также во

главе с Тука-тимуридом. Он был бывшим ханом Большой Орды, сыном Кичи Мухаммеда Махмудом, проигравшим борьбу за власть своему брату Ахмаду – внуку Тохтамыша, «герою» стояния на Угре. В 1486–1491 гг. Большая Орда была разгромлена крымским ханом Менгли-Гиреем I и в 1502 г. лишилась самостоятельности, что ознаменовало собой конец единого золотоордынского государства и обретение полной независимости Астраханским ханством – северным соседом сложившегося к этому времени Кумыкского государства [4, с. 273; 5, с. 28–29, 30–31; 13, с. 28–29, 30–31; 10, с. 78, 79].

Кумыкско-крымско-татарские исторические связи продолжаются и послезолотоордынскую эпоху. О том, что они носили достаточно тесный характер свидетельствует, например, то, что вследствие династического кризиса двое из детей хана Мухаммад-Гирея II, бежавших летом 1584 г. из Крыма, – Саадет-Гирей и Сафа-Гирей – в начале 1585 г. «пошли в Шевкалы» [6, с. 16], т.е. к кумыкам Северного Кавказа и Дагестана. Известно также мнение, что третий их брат Мурат-Гирей, принятый в том же году в Москве и отправленный в Астрахань, мог быть использован для установления протектората Москвы над Шамхалом [7, с. 18].

И в дальнейшем, в более позднюю постсредневековую эпоху, знаменитый кумыкский полководец и правитель Эндирейского княжества Султан-Мут (Султан-Махмуд) отправляет в 1630 г. к турецкому султану и Крым своих узденей за помощью для нападения на Терскую крепость (Терки), построенную в 1567 г. царскими войсками в устье р.Терек на землях шамхальства. С той же целью, а также последующего нападения на Астрахань он сам приезжает в Крым в 1638 г. [2, с. 70].

Все это говорит о достаточно интенсивных исторических взаимосвязях крымских татар и кумыков как двух близкородственных куманских народов, имеющих общее тюркское происхождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абулгази*. Родословное древо тюрков. Казань: Типо-литогр. имп. ун-та, 1906. С. I–XVI, 1–224.

2. *Аджаматов Багаутдин*. История первой Кавказской войны. Махачкала, 2003. 223 с.

3. *Алиев К.М.* Дорогой тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. Махачкала. 2004. 128 с.

4. *Алиев К.М.* Таргу-наме. Махачкала, 2001. 297с.

5. *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2008. 203 с.

6. *Беляков А.В., Енгалычева Г.А.* Приезд царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 16.

7. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 4. С.17–51.

8. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд. ЛГУ, 1979. 215 с.

9. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Древние булгары на Балканах и Кавказе: область исходного расселения и происхождение этнонима. К протолингвоэтногенезу зихов, балкар (малкар) и кумыков // Вопросы тюркологии. Махачкала, 2009. Вып. 4. С. 60–71.

10. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Заметки к генеалогии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2010. Вып. II. С. 78–82.

11. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Из истории позднесредневековых взаимоотношений крымских татар с кумыками: род БАРЫН и его происхождение // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65). № 1. Ч. 1. Симферополь, 2013. С. 24–28.

12. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010. 214 с.

13. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К генеалогии династии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане по историческим, лингвистическим и фольклорным данным (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2009. Вып. I. С. 56–62.

14. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об области первоначального расселения протоболгар и происхождении их названия по историко-лингвистическим данным // Palaeobulgarica / Старобългаристика. София, XXXVII (2013), 3. С. 60–74.

15. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об ойкониме Анжи // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2002–2003. Вып. 8–10. С. 36–39.

16. *Дашкевич Я.Р.* Армяно-кыпчакский язык XVI–XVII вв. в освещении современников // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 79–92.

17. *Дашкевич Я.Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории // Вопросы языкознания. 1983. № 1. С. 91–107.

18. *Доде З.В.* Кубачинские рельефы: Новый взгляд на древние камни. М.: Таус. 2010. 248 с.

19. *Зеленский Ю.В.* К вопросу о существовании государства у половцев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 59–62.

20. *Иванов В.А.* «Кыпчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С.77–100.

21. Иоанн III (архиепископ Сольтание). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_III_(архиепископ_Сольтание)

22. История Крыма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/История Крыма

23. История народов Северного Кавказа с древнейших времен и до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 543 с.

24. *Исхаков Д.М.* Одно из важных наблюдений Ибн Батуты по внутренному устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань: Фолиант, 2011. Вып. 2. С. 21–26.

25. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2005. 352 с.

26. *Коновалова И.Г.* Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли. 2000. 294 с.

27. Крымские татары. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Крымские_татары

28. *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993. 138 с.

29. *Назир ад Дургели.* Услада умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхāн фи тарāмджи ‘уламā’ Дāгистāн). Дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения. М.: Издательский дом Марджани, 2012. 206 с.

30. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 210 с.

31. *Селезнев Ю.В.* Элита Золотой Орды. Казань: Фән, 2009. 232 с.

32. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.

33. *Трепавлов В.В.* Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань: Фән, 2009. С. 10–21.

34. *Шами Н.* Зафар-наме. Баку. 1992. 102 с.

Сведения об авторе: Гарун-Рашид Абдул-Кадырович Гусейнов – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (367000, ул. Гаджиева, д. 43-а, Махачкала, Республика Дагестан, Россия); garun48@mail.ru

To the ethno- and polygenesis of the Crimean Tatars and Kumyks in the historical context of their ancient and medieval relationships

Garun-Rashid Guseynov
(Dagestan State University)

Abstract: Some aspects of ethno- and polygenesis of the Crimean Tatar and Kumyks in the historical context of their relationships in the ancient times and in the medieval ages are revised in the article. Chronological framework of the article begins with from the Huns (Bulgar) times and up to the XVI–XVII centuries. As a result of interpretation of a well known historical and some other sources, and with usage of the latest data, it was established that the above mentioned Bulgar population remained in the Crimea and on the North-Eastern Caucasus till the Golden Horde period. The point of discussion is Kypchak lingual (Kuman group) inhabitants of the Crimea, those who were speaking the average dialect and who later on became the basis for the Crimean literary language. It was finally formed out in the Golden Horde period due to the migration there of Kumyk-Braguns from the far off western regions of North-East Caucasus in 1324.

Among the future to be Crimea Tatars, the clan of Boragan/Bargin became well known, the representatives of it has become famous among the first four clans of local Karachi-becks under the name of Baryn. The elder

Borgan knight was usually appointed as orbegi, he stood on of borders and watched Nogay hordes who were outside of the Crimea. On marches he he commanded the smaller corps, he could be appointed Kaymakam (Governor Khan) when the Khan was out. The mufti of the Crimea was also chosen from among the Borgans. The proclamation of independent Kumyk state took place almost at the same time as the conquer of Perekop in the Crimea by Haci Giray I in 1443. In the XVI–XVII centuries the relations between the Crimea and Kumyk state were very intensive, up to conclusion of military alliances and having friendship coalitions.In both countries, until they were finally included into the structure of Russia(the of XVIII and the second part of the XIX centuries),the rulers of the countries were representatives of the Tuck-Tymurids dynasty, the descendents of Genghis Khan`s son Jochi.

Keywords: ethnic- and polygenesis, The Crimean Tatars and Kumyks, historical context, ancient and medieval relationship.

REFERENCES

1. Abulgazi. *Rodoslovnoe drevo tyurkov* [Genealogical tree of Turkic peoples]. Kazan, Imperial university tipolitograf., 1906. I–XVI. 224 p.

2. Adzhamatov Bagautdin. *Istoriya pervoy Kavkazskoy voyny* [History of the first Caucasian war]. Makhachkala, 2003. 223 p.

3. Aliev K.M. *Dorogoy tysyacheletiy: kumyki i ikh etnorodstvennye svyazi* [Road of the millennia: Kumyks and their ethnorelated communications]. Makhachkala, 2004. 128 p.

4. Aliev K.M. *Targu-name* [Targu-name]. Makhachkala, 2001. 297 p.

5. Aliev K.M. *Shaukhaly Tarkovskie* [Tarkovsky's Shauhals]. Makhachkala, 2008. 203 p.

6. Belyakov A.V., Engalycheva G.A. Priezd tsarevicha Murad-Gireya v Astrakhan' [Arrival of the tsarevitch Murad-Girey to Astrakhan]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turk-Tatar states]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2012, vol. 4, p. 16.

7. Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya v pervye gody pravleniya khana Gazi-Gireya II (1588–1591gg.) v kontekste konsolidatsii Krymskogo khanstva po zavershenii dinasticheskogo krizisa Gireev [The Russian-Crimean relations in the first years of board of the khan Ghazi-Girey II (1588–1591) in a context of consolidation of the Crimean khanate upon completion of Girey's dynastic crisis]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turk-Tatar states]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2012, vol. 4, pp. 17–51.

8. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus of IV–X cc.]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1979, 215 p.

9. Guseynov G.-R.A.-K. Drevnie bulgary na Balkanah i Kavkaze: oblast' iskhodnogo rasseleniya i proiskhozhdenie etnonima. K protolingvoetnogenezu zihov, balkar (malkar) i kumykov [Ancient Bulgars on the Balkans and the Caucasus: area of initial moving and origin of ethnonim. To protolingvoethnogenesis of Zikhs, Balqar (Malqar) and Kumyks]. *Voprosy tyurkologii* [Questions of turkology]. Makhachkala, 2009, vol. 4, pp. 60–71.

10. Guseynov G.-R.A.-K. Zametki k genealogii Dzhuchidov na Severnom Kavkaze i Dagestane [Notes to Dzhuchid's genealogy in the North Caucasus and Dagestan]. *Genealogija narodov Kavkaza. Traditsii i sovremennost'* [Genealogy of the people of the Caucasus. Traditions and present time]. Vladikavkaz, 2010, vol. II, pp. 78–82.

11. Guseynov G.-R.A.-K. Iz istorii pozdnesrednevekovyh vzaimootnosheniy krymskikh tatar s kumykami: rod BARYN i ego proiskhozhdenie [From history of late medieval relationship of the Crimean Tatars with Kumyks: generation BARYN and its origin]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»* [Scientific notes of Taurian national university after V.I. Vernadsky. Series «Philology. Social communications»], 2013, vol. 26 (65), no. 1, part 1, pp. 24–28.

12. Guseynov G.-R.A.-K. *Istoriya drevnikh i srednevekovykh vzaimootnosheniy yazykov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim yazykom* [History of ancient and medieval relationship of the North-East Caucasus and Dagestan languages with Russian]. Makhachkala, 2010, 214 p.

13. Guseynov G.-R.A.-K. K genealogii dinastii Dzhuchidov na Severnom Kavkaze i Dagestane po istoricheskim, lingvisticheskim i fol'klornym dannym (vtoraya polovina XIII – konets XIV vv.) [To Dzhuchid dynasty genealogy in the North Caucasus and Dagestan according to historical, linguistic and folklore data (the second half of XIII – the end of the XIV centuries)]. *Genealogiya narodov Kavkaza. Traditsii i sovremennost'* [Genealogy of the people of the Caucasus. Traditions and present]. Vladikavkaz, 2009, vol. I, pp. 56–62.

14. Guseynov G.-R.A.-K. Ob oblasti pervonachal'nogo rasseleniya protobolgar i proiskhozhdenii ikh nazvaniya po istoriko-lingvisticheskim dannym [About area of initial moving of protobulgarians and an origin of their name according to historical and linguistic data]. *Palaeobulgarica / Starobulgaristika*. Sofia, 2013, vol. XXXVII, no. 3, pp. 60–74.

15. Guseynov G.-R.A.-K. Ob ojkonime Anzhi [About ojkonim Anji]. *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva* [Messages of Kumyk scientific-culture society]. Makhachkala, 2002–2003, vol. 8–10, pp. 36–39.

16. Dashkevich Ja.R. Armyano-kypchakskiy yazyk XVI–XVII vv. v osveshchenii sovremennikov [Armenian-kypchak language of the XVI–XVII centuries according to contemporaries]. *Voprosy jazykoznaniya – Linguistics questions*, 1981, no. 5, pp. 79–92.

17. Dashkevich Ja.R. Armyano-kypchakskiy yazyk: etapy istorii [Armenian-kypchak language: history stages]. *Voprosy jazykoznaniya* [Linguistics questions], 1983, no. 1, pp. 91–107.

18. Dode Z.V. *Kubachinskie rel'efy: Novyy vzglyad na drevnie kamni* [Kubachi reliefs: New view on ancient stones]. Moscow, Taus Publ., 2010, 248 p.

19. Zelenskiy Yu.V. K voprosu o sushchestvovanii gosudarstva u polovtsev [To a question of state existence at polovets]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turk-Tatar states]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2012, vol. 4, pp. 59–62.

20. Ivanov V.A. «Kypchakizatsiya» Uralo-Povolzh'ya po dannym arkheologii [«Kypchakization» of the Uralo-Volga region according to archeology]. *Tyurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy…)* [Turkic nomads of Eurasia (Kimaks, Kypchaks, Polovcies …)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 77–100.

21. *Ioann III (arkhiepiskop_Sol'tanie)* [Ioann III (Archbishop Soltanie)]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%BD_III_(%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BF_%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5)

22. *Istoriya Kryma* [History of the Crimea]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D0%B0

23. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshikh vremen i do kontsa XVIII v.* [History of the people of the North Caucasus since the most ancient times and until the end of the XVIII century]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 543 p.

24. Iskhakov D.M. Odno iz vazhnyh nablyudeniy Ibn Batuty po vnutrennemu ustroystvu Zolotoy Ordy [One of Ibn Batuta's important supervision on the internal device of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya*

i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy» [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 21–26.

25. Klyashtornyy S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg, Philological faculty of St. Petersburg State University Publ., 2005, 352 p.

26. Konovalova I.G. *Drevnyaya Rus' i Nizhnee Podunav'e* [Ancient Russia and Lower Podunavye]. Moscow, Monuments of historical thought Publ., 2000, 294 p.

27. *Krymskie tatary* [Crimean Tatars]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8B

28. Laypanov K.T., Miziev I.M. *O proiskhozhdenii tyurkskikh narodov* [About an origin of the Turkic people].Cherkessk, 1993, 138 p.

29. Nazir ad Durgeli. *Uslada umov v biografiyakh dagestanskikh uchenykh* [Delight of minds in biographies of the Dagestan scientists] (Nuzhat al-azhān fi tarāmdzhi ‘ulamā’ Dāgistān). Dagestanskie uchenye X–XX vv. i ikh sochineniya [Dagestan scientists of the X–XX centuries and their composition]. Moscow, Mardzhani Publ., 2012, 206 p.

30. Pletneva S.A. *Polovtsy* [Polovcies]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 210 p.

31. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoy Ordy* [Elite of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009, 232 p.

32. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Regional'nye rekonstruktsii* [Comparative-historical grammar of Turkic languages: Regional reconstruction]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 767 p.

33. Trepavlov V.V. Dzhuchiev ulus v XV–XVI vv.: inertsiya edinstva [Dzhuchi’s ulus in XV–XVI centuries: inertia of unity]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 10–21.

34. Shami N. *Zafar-name* [Zafar-nama]. Baku, 1992. 102 p.

About the author: Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich Guseynov – Dr. Sci. (Philology), the senior lecturer of Russian language department, Dagestan State University (367000, Gadzhiyev St., 43-a, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia); garun48@mail.ru

УДК 94(3.07:477.75)

Kırım'da ilk rus konsolosluğunun açılması, faaliyetleri, kapatılması ve buna dair tartışmalar (1763–1766)

Uğur Demir
(Marmara Üniversitesi, İstanbul)

Özet: Bu makalede Rusya'nın Kırım'da 1763'te açtığı ilk konsolosluk ele alındı. Bu minvalde konsolosluğun açılmasını sağlayan şartlar, ilk Rus konsolosu Nikiforov'un faaliyetleri, konsolosluğun 1764'te kapatılması ve bununla ilgili daha sonraki yıllarda devam eden tartışmalar üzerinde duruldu.

Anahtar kelimeler: Kırım**,** Osmanlı İmparatorluğu, Rusya, konsolos, Nikiforov.

Rusya'nın Kırım'daki ilk ve son konsolosluğu 1763'te Kırım Giray'ın hanlığı döneminde açılmıştır. Konsolosluğun açılma süreci ile ilgili bugüne kadar yapılan çalışmalarda daha çok Rus tarihçilerinin görüşleri kabul edilmiş ve mesele Rus kaynakları çerçevesinde Rusya'nın neler umduğunun izahına matuf olarak ele alınmıştır [Kırım'da açılan Rus konsolosluğuna dair bk.: 30, s. 445–450; 23, s. 90–91, 178–179; 3, s. 26–27; 2, s. 79]. Buna mukabil bu meselede Türk tarafının görüş, beklenti ve amaçları, Türk kaynakları tetkik edilmediği için dikkate alınmamıştır. Biz bu çalışmada Kırım'da Rus konsolosluğunun açılma sürecini ve bunun arkasındaki saikleri Türk kaynaklarına da müracaat ederek ele alacağız.

Konsolosluk Açılmasını Sağlayan Gelişmeler

1762'de Prusya Kralı II. Friedrich ile dostane münasebetler tesis eden ve Avusturya ile Rusya'ya askerî müdahalede bulunma sözü veren Kırım Hanı Kırım Giray, bir sene sonra Rusya'nın Bahçesaray'da konsolosluk açmasına izin vermiştir. Bu, birbiriyle telifi oldukça zor görünen gelişmelerin izahı ancak bir sene içinde neler değiştiğini, muhtasar da olsa, ortaya koymakla mümkündür.

Yedi Sene Savaşları'nda zor duruma düşen II. Friedrich, Bâbıâli'nin Rusya'ya savaş ilan etmesini sağlamak için Kırım hanının takınacağı tavrın hayati önemi haiz olduğunu gayet iyi bildiğinden ilk olarak 1761 Eylül'ünde Boskamp adlı bir temsilcisini Kırım Giray ile görüşmek üzere Bahçesaray'a göndermiştir. Boskamp, han tarafından dostane karşılanmış ve görüşmelerde Kırım Giray'ın da Berlin'e bir temsilci göndermesi kabul edilmiştir. Bu karar muvacehesinde 1762 baharında hanın Mustafa Ağa adlı berberi II. Friedrich ile görüşmek üzere Berlin'e gönderilmiştir.

Mustafa Ağa, hanın mümessili olarak Prusya kralına 16 bin kişilik askeri yardım ve Rusya ile Avusturya'ya savaş ilan edilmesi için Bâbıâli'nin teşvik edileceğine dair taahhütte bulunmuştur. Kırım Giray, 1762 Aralık'ında II. Friedrich'e Yakup Ağa adlı başka bir temsilcisini daha göndermiş ve önceki taahhütlerini yinelemiş; diğer taraftan da Bâbıâli'yi savaş ilanına teşvik etmek amacıyla İstanbul'a Rusya aleyhinde takrirler göndermiştir [1762'de Kırım Giray ile II. Friedrich arasındaki diplomatik yakınlaşmanın ayrıntıları için bk.: 29, s. 132–137; 15, s. 64–67].

Bahçesaray ve İstanbul'da Rusya'ya savaş ilan edilmesi yönünde hazırlıklar yapılmaya başlandığı aylarda Avrupa güçler dengesini değiştirecek önemli bir gelişme meydana geldi. Bu, Rusya'daki taht değişikliği idi. Yeni Rus çarı III. Petro, tahta geçer geçmez ilk olarak Yedi Sene Savaşları'ndan Rusya'nın çekildiğini ilan etti ve Prusya ile dostane münasebetler tesis etmeye başladı. 5 Mayıs 1762'de Rusya ile Prusya bir savunma antlaşması imzaladı. Prusya ve Rusya arasında bu beklenmedik gelişmeler Kırım Giray ve Bâbıâli tarafından da ilgi ve merakla takip edildi. Savaş ilanının eşiğinde oldukları Rusya'nın Prusya'yla ittifak antlaşması imzalaması doğal olarak Kırım hanının tasavvurlarında da değişiklikler meydana gelmesine sebep oldu. Bu minvalde Kırım Giray, Bâbıâli'ye Rusya aleyhinde takrir göndermeyi tedricen bıraktı ve tam aksine St. Petersburg ile İstanbul arasında 1711 Prut Antlaşması esaslarını temel alan bir musalaha yapılabilineceği yönünde görüşler bildirmeye başladı. Kırım Giray'ın Rusya'ya yönelik politika değişikliğinde Bahçesaray'daki Prusya temsilcisi Boskamp'ın önemli etkisi vardı [29, s. 154–166].

Kırım Giray'ın, Rusya lehindeki tavır değişikliği beraberinde Bahçesaray ile St. Petersburg arasındaki buzların erimesine ve bunun yerine ikili münasebetlerin daha dostane gelişmesine de vesile oldu.

Bu durum geçici olsa da, kocası III. Petro'yu askerî bir darbe ile tahttan indiren Çariçe II. Katerina'nın iktidarının ilk yıllarında da devam etti. Bunu fırsat bilen Çariçe, danışmanlarının da yönlendirmesiyle Kırım'da bir konsolosluk açılması için temaslarda bulunmaya başladı. Bunda Rusya Hariciye Nazırı NikitaPanin'in etkisi oldukça fazlaydı. Zira Panin, Çariçe'nin siyasî danışmanlarından M.L. Vorontsov'un aksine[1], Kırım'da öncelikli olarak bir konsolosluk açılarak Rusya-Kırım münasebetlerinin bu konsolosluk vasıtasıyla yürütülmesi taraftarıydı [3, s. 26].

Konsolosluğun Açılması, Faaliyet Alanları ve Kapatılması

Panin'in tavsiyeleri doğrultusunda Kırım'da bir Rus konsolosluğu açılması için 1763'ün başlarından itibaren Kırım Giray nezdinde temaslarda bulunulmaya başlandı. Bu minvalde Kiyevvalisi, Yüzbaşı Bastavik'ibir mektupla birlikte Bahçesaray'a gönderdi. Bastavik, Kırım Giray ile görüşmesinde konsolos meselesini de gündeme getirdi. Kırım Hanı, cevaben konsolosluk hususunda St. Petersburg, Bâbıâli nezdinde resmî müracaatta bulunmadığı sürece kendisinin bu talebi kabul edemeyeceği ancak kendisinin buna sıcak baktığı cevabını verdi[2].

Kırım Giray'ın talebi doğrultusunda Rusya, İstanbul'daki kapıkethüdası Obreskov[3] vasıtasıyla Kırım'da konsolosluk açma talebinde bulundu. Bu talep Bâbıâli tarafından da olumlu karşılandı. Bunun üzerine Kırım'daki Rus konsolosluğu, Rusya-Kırım ilişkilerini düzenlemek ve Kırım'daki Rus tüccarlarının sıkıntılarını çözmek amacıyla 1763'te açıldı ve ilk konsolos olarak da Nikiforov tayin edildi. Nikiforov, bu görev için özellikle seçilmişti, zira daha 1741'de

---

[1] Vorontsov, Kırım hakkında ayrıntılı bir rapor hazırlamış ve raporda Rusya'nın Kırım ile ilgili nasıl bir politika takip etmesi gerektiğini maddeler hâlinde sıralamıştır. Buna göre Kırım akınlarını önlemek için hudut boylarında bir savunma hattı oluşturulacak ve uygun şartlar oluştuğunda Kırım, Rus hâkimiyeti altına alınacaktır. Votontsov'un Kırım ile ilgili bu yayılmacı ve saldırgan politikası ilk zamanlar fazla taraftar bulamadı. [Vorontsov'un Kırım'a dair raporu hakkında bk.: 3, s. 26–27; 2, s. 78–79].

[2] Kiyev valisi, 20 Şubat 1763 tarihli mektubunda Kırım Giray'a gönderdiği temsilci hakkında bilgi vermiştir [23, s. 90–91].

[3] Alexis Mikhailovich Obreskov, 1752–1768 tarihleri arasında İstanbul'da Rusya kapıkethüdası olarak ise görev yaptı. 1768'de savaş ilan edilince diğer Rus elçilik çalışanları ile birlikte Yedikule'ye hapsedildi. Bir müddet burada bekletildikten sonra Osmanlı ordugâhına götürüldü. 1771'de de serbest bırakıldı ve ülkesine gönderildi.

Kırım'a konsolos tayin edilmek istenmiş fakat bu talep devrin Kırım hanı Selamet Giray tarafından reddedilmiştir[4].

Nikiforov'un konsolos olarak görünürdeki görevi Rus tüccarlarının Kırım yetkilileri nezdinde problemlerinin çözülmesine yardımcı olmaktı[5] fakat bunun yanında gizlice Kırım'ın idarî, sosyal, askerî ve ekonomik vaziyetine dair bilgi toplayarak bunları St. Petersburg'a rapor hâlinde sunacaktı [23, s. 178–179; 3, s. 27; 20, s. 95–96]. Ayrıca Rusya'nın istekleri doğrultusunda Lehistan politikasında hem Kırım hanını hem de onun aracılığı ile Bâbıâli'yi yönlendirmek de Nikiforov'un görevleri arasındaydı[6].

Kırım'da Rusya ilk konsolosluğunu açmasına rağmen bunun hukukî bir temelinin olup olmadığı hususu bugüne kadar yapılan çalışmalarda ele alınmamıştır ancak bunun, daha sonraki tartışmaların temelini ve şeklini etkilediğinden aydınlatılması zaruridir.

Bilindiği üzere Osmanlı İmparatorluğu'nda ilk konsolosluklar daha Fatih Sultan Mehmed devrinde açıldı ve bu anlamda İstanbul'da «emin» adında ilk konsolos açma hakkı da 1460 yılında Floransa'ya verildi. Günümüzdeki anlamda imparatorluk sınırları için konsolosluk açma hakkı ise Kanunî Sultan Süleyman devrinde sırasıyla Fransa ve Katalonyalılara verildi. Bu devletleri ise 1580'da imzalanan antlaşma ile İngiltere, Zitvatorok Antlaşması'nın bir sonucu olarak 1606–1615'ten itibaren Kutsal Roma-Cermen İmparatorluğu; 1612'den itibaren Hollanda takip etti [4, s.179]. Rusya ise Küçük Kaynarca Antlaşması'na (1774) kadar Osmanlı topraklarında konsolos bulundurma hakkına

---

[4] 1740'da Kiyev valisi ve sınır başkomutanı tayin edilen Leontev, Tatar dilini bilen Kazaklardan birini Kırım'a konsolos olarak göndermek istemiş fakat bu talep,Selamet Giray tarafından kabul edilmemiştir. 1755'te de başka bir Kazak Kırım'a konsolos olarak tayin edilmek istenmiş ve Arslan Giray Han tarafından bu isteğe de olumsuz cevap verilmiştir [3, s. 27]. Nikiforov adlı bir yüzbaşı 1745 yılında Rusya'dan İstanbul'a gönderilmiş ve burada bazı temaslarda bulunmuştur [25, s. 81]. Bu kişinin Kırım'a konsolos tayin edilen Nikiforov ile aynı kişi olup olmadığı tarafımızdan tespit edilememiştir.

[5] Nikiforov, bu görevi çerçevesinde Kırım'da Rus tüccarların müşkillerini halletmek için girişimlerde bulunmuştur. [Buna bir misal için bk.: 9].

[6] Rus Hariciye Nâzırı Panin, İstanbul'daki Rusya kapıkethüdası olan Obreskov'a gönderdiği bir mektupta Nikiforov'un bu görevini açıkça yazmış ve bunun Bâbıâli ile doğrudan irtibata geçmek yerine daha ucuza mâl olacağını kaydetmiştir [bk.: 23, s. 90].

hukuken sahip olamadı[7]. Buradan hareketle 1763'te Rusya'nın Kırım'da konsolosluk açmasının antlaşmalara istinaden elde edilmiş hukukî bir hakkın sonucu değil, şartların icabı olarak idarecilerin kendi inisiyatifleri çerçevesinde mümkün olduğu açıktır. Zira Küçük Kaynarca Antlaşması'ndan önce Rusya ile imzalanan son antlaşma olan 1739 Antlaşması'nda konsoloslukla ilgili bir madde mevcut değildir. Yalnızca mezkur antlaşmanın on üçüncü maddesindeki ifadeler telif edilerek Rusya'nın konsolosluk açmasına müsaade edilmiş olmalıdır. Çünkü 1739 Antlaşması'nın ilgili maddesi şu şekildedir: «Devlet-i aliyye-i Osmâniyye ve Moskov Devleti beyninde akd olunan iş bu sulh u salâhın ve mevvâddın ve bi'l-iktizâ tarafeynden cereyân eden husûsâtın ruyeti içün ve re'âyâsının nizâm-ı halleriçün devlet-i aliyyemde Moskov Devleti'nin ricâli haşmetlü Moskov çariçesi tarafından münâsib görilen rütbe ve etbâ' ve serbestîleriyle mukim olmaları câiz olup, sâir büyük düvelin ricâli gibi ri'âyet olunalar» [Antlaşması'nın ilgili maddesi için bk.: 18, s. 249–250].

1739 Antlaşması'nın yukarıda naklettiğimiz maddesinden hareketle Kırım'da Rusya'nın konsolosluk açmasına izin verilmesinden sonra ilk Rus konsolosu Nikiforov vakit kaybetmeden Kırım yarımadası hakkında bilgi toplamaya başladı. Bu minvalde Kırım'ın sosyal, siyasî, iktisadî, askerî, nüfus yapısı ve hanın gelirleri hakkında ayrıntılı raporlar hazırladı. Bunun yanında Kırım Giray ile ilişkilerini geliştirmek adına Kırımlıların Azak yakınlarında denizde ve karada avlanmalarını, Rus tüccarlarının Özü veya Gözleve limanında satış yapmayacaklarını ve konsolos olarak sınır çatışmalarına müdahale etmeyeceği yönünde şartları ihtiva eden imtiyazları ülkesine kabul ettirebileceğini ileri sürdü. Kırım Giray ise bu şartları müzakere etmeyeceği cevabını verdi ancak 1764'te Rusya'ya Bahçesaray'da bir konsolosluk binası ile Rusya'nın Don Nehri üzerinde savunma kaleleri inşa etmesine izin verdi [30, s. 457–461; 3, s. 27–28; 20, s. 96].

Bazı önemli icraatlara imza atsa da 1764 yılı Nikiforov için oldukça sıkıntılı geçti. Zira Bâbıâli ile Rusya arasındaki münasebetler Lehistan'daki kral seçimi ve buna Rusya'nın fiilen askerî müdahalesi

[7] Küçük Kaynarca Antlaşması'nın on birinci maddesinde Rusya'ya Osmanlı topraklarında konsolosluklar açma hakkı verildiği belirtilmiştir [Rusya'nın Osmanlı topraklarında açtığı ilk konsolosluklar ve bunların sebep oldukları tartışmalar hakkında bk.: 21, s. 141–155].

sebebiyle giderek bozuldu. İki ülke arasındaki gerginlik Kırım'ın St. Petersburg ile olan ilişkilerini de etkiledi. Bu anlamda Kırım Giray, İstanbul'a tekrar Rusya aleyhinde takrirler göndermeye başladı ve hanın mektupları Obreskov'u zor duruma düşürdü [1764 yılındaki gelişmelerin ayrıntıları için bk.: 29, s. 185–207]. Obreskov, Kırım Giray'ın iddialarına cevap vermek için ardı ardına Bâbıâli'ye gönderdiği raporlarda Kırım hanını suçladı ve daha da ileri giderek Kırım Giray'ın Fransa ile işbirliği yaptığını iddia etti. Obreskov'un suçlamaları ve iddiaları [Obreskov ile Kırım Giray'ın karşılıklı suçlamaları için bk.: 12; 13; 14; 10; 11; 28; 27], Nikiforov'u olumsuz yönde etkiledi. Bu minvalde Kırım Giray, Rus tüccarlarının serbest geçişlerini engellemeye ve bazı tüccar gemilerine el koymaya başladı [bu hususta Obreskov'un Bâbıâli'ye şikâyeti için bk.: 6]. Rusya Hariciye Nezareti bir taraftan bu durumu İstanbul'daki kapıkethüdası vasıtasıyla protesto ederken diğer taraftan da Nikiforov'a hanı dizginlemesi yönünde emirler gönderdi [23, s. 179].

Nikiforov, kendisine verilen emirler doğrultusunda Kırım Giray'ı engellemek için çabalamış, buna mukabil bazı icraatları hanın tepkisinin daha da artmasına sebep olmuştur. Kırım Giray'ın 20 Eylül 1764'te azledilerek yerine Rusya ile ilişkilerde daha mutedil bir politika taraftarı olan III. Selim Giray'ın han tayin edilmesine rağmen, Nikiforov'un Kırım'dan uzaklaştırılması süreci hızlanmıştır. Zira Selim Giray, han tayin edilip daha Bucak'a geldiğinde kendisine Nikiforov aleyhinde arz ve mahzarlar gönderilmiş ve «Kırım, Kırım olaldan bu ânâ gelince derûn-ı memleketimizde Rusiyye Devleti tarafından konsolos nasb u ta'yîn olunmamışdır» denilerek Nikiforov'un hareketlerinin artık hazmedilemeyecek dereceye ulaştığı kaydedilerek konsolosun Kırım'dan uzaklaştırılması istenmiştir. Selim Giray, gelen arz ve mahzarları Sadrazam Mustafa Paşa'ya gönderdi ve konsolosun Kırım'dan uzaklaştırılmasını talep etti; sadrazam da meseleyi Obreskov vasıtasıyla St. Petersburg'a iletti [Kırım halkının Nikiforov'dan şikayetçi oldukları arz ve mahzarlar hakkında III. Selim Giray'ın Bâbıâli'ye gönderdiği 2 Safer 1180/10 Temmuz 1766 tarihli takririn suretleri için bk.: 16, vr. 79b–80a; 19, s. 60–61].

Nikiforov'un 1764 Ekim'indeki bir hareketi azledilmesi ve Kırım'dan çıkarılması sürecini daha da hızlandırdı. Zira kendi rızasıyla Müslüman olan Mihail Avdeev'in konsolosun bilgisi dâhilinde zorla kaçırılması Bahçesaray'da büyük bir rahatsızlığa sebep

olmuş; Nikiforov'dan Avdeev'i geri getirmesi talep edilmiş ancak konsolos bu talebi reddetti [23, s. 179; 3, s. 28][8]. Bu olaydan duyulan rahatsızlık Obreskov vasıtasıyla St. Petersburg'a iletildi.

Lehistan Krallığı tartışmalarının devam ettiği günlerde elini güçlü tutmak isteyen Rus hariciyesi bu olaylar üzerine Nikiforov'u geri çağırmak zorunda kaldı. Bununla ilgili olarak Obreskov'un sunduğu takrirde, II. Katerina'nın Nikiforov'un faaliyetlerinden üzüntü duyduğu ve antlaşmalarda Kırım'da bir temsilci bulundurma hakkına sahip olmasına rağmen[9], iki ülke arasındaki dostane münasebetlerin devamını sağlamak adına Bâbıâli'nin talebinin kabul edildiği ve konsolosun geri çekildiği kaydedildi [Obreskov'un takriri için bk.: 7. Takririn bir sureti için bk.: 8].

St. Petersburg tarafından geri çağrıldığına dair haberlerin ulaşmasından hemen sonra III. Selim Giray, Nikiforov'u askerî gözetim altında olduğu hâlde Rusya'ya geri gönderdi. Böylece 1763'te devrin şartlarının bir sonucu olarak açılmasına izin verilen Kırım'daki ilk Rus konsolosluğu da kapatıldı. Buna rağmen konsoloslukla ilgili tartışmalar ilerleyen senelerde tekrar gündeme geldi. Bunun en önemli sebebi Obreskov'un konsolosun geri çağrıldığına dair Bâbıâli'ye sunduğu takrirde konsolosluğun tamamen kapatılmadığı, antlaşmalarda kazanılmış hakkın mahfuz tutulduğu ve Nikiforov'un geri çağrılmasının zamanın şartlarının icabı olduğunun kaydedilmesiydi.

Konsolosluk Tartışmalarının Tekrar Gündeme Gelmesi

1764'te Nikiforov'un görevden alınmasına ve Kırım'daki Rus konsolosluğunun kapatılmasına rağmen konu ile ilgili tartışmalar 1766

---

[8] Rus kaynaklarında III. Selim Giray'ın hanlığa tayin edilirken Bâbıâli tarafından handan Nikiforov'un Kırım'dan uzaklaştırılması sözü alındığı ileri sürülmüştür. Buna mukabil Türk kaynaklarında buna dair bir ifade yer almaz. Tam aksine talebin Selim Giray tarafından İstanbul'a iletildiği ifade edilir.

[9] Yukarıda da temas edildiği üzere, Obreskov'un iddiasının aksine, 1739 Antlaşması'nda Rusya'nın Osmanlı topraklarında konsolosluk açma hakkı yoktur. Bu sebeple olsa gerek Obreskov, Bâbıâli'ye sunduğu takririnde hangi antlaşmaya istinaden Rusya'nın böyle bir hakka sahip olduğunu belirtmemiş, bunu yerine genel bir ifade kullanmıştır. Ayrıca konsolosluk ile ilgili sonraki yazışmalarda bunun antlaşmalarla elde edilmiş bir hak olmasına temas etmeden işlerin daha hızlı ve sağlıklı yürütülmesi için konsolosluğun açılmasının faydalı olduğunu savunmuştur. Ayrıca antlaşmalarla Rusya'nın konsolos açma hakkı olsa idi Kırım hanlarının bunu engellemeleri de mümkün olmazdı.

yılına kadar devam etti. 1765'ten itibaren İstanbul'daki Rus kapıkethüdası Obreskov, Kırım'daki konsolos meselesini tekrar gündeme getirdi. Bunun için de Kuban Tatarları'nın Rus topraklarına yönelik saldırılarının yol açtığı tartışmaları dayanak olarak kullanmak istedi. Bâbıâli, Rus kapıkethüdasının taleplerini bizzat müzakere etmek için 1765'te Kırım Hanı III. Selim Giray'ı İstanbul'a davet etti.

III. Selim Giray, 29 Haziran 1765'te İstanbul'a geldi. Bu vesile ile büyük ziyafetler tertip edildi [Selim Giray'a bazı konuları müzakere etmek üzere İstanbul'a gelmesinin belirtildiği nâme için bk.: 5. Selim Giray'ın İstanbul'a gelmesi hasebiyle verilen ziyafetler hakkında bk.: 17, vr. 209–211a; 22, vr. 87b; 26, s. 76–78; 1, s. 271–272]. Ziyafetler yanında Rusya ve Lehistan ile münasebetler, Kırım'dan İstanbul'a gönderilecek zahire, Nogay meselesi, Kuban Tatarlarının Rusya'ya yönelik saldırıları ve tazminat tartışmaları gibi konular da müzakere edildi. Ele alınan en önemli konulardan biri de Kırım'da Rus konsolosluğunun yeniden açılıp açılmamasıydı. Konu, Sadrazam Muhsinzâde Mehmed Paşa ve Reisülküttab Hammamizâde Ömer Efendi ile farklı meclislerde birçok defa tartışıldı. Mesele, III. Mustafa'nın hazır bulunduğu bir mecliste de gündeme geldi ve Sultan, toplantıda Kırım'da yeni bir Rus konsolosu tayinine izninin olmadığını şifahen bildirdi. Böylece 1765 yılı itibariyle tartışma bir süreliğine sona erdi ve alınan karar Obreskov vasıtasıyla St. Petersburg'a iletildi[10].

Bâbıâli'nin olumsuz cevabına rağmen Obreskov, konuyu gündemde tutmaktan vazgeçmedi. 1766 yılında Kuban Tatarları'nın Rusya'ya yönelik saldırılarıyla ilgili tartışmalarda meseleyi tekrar gündeme getirdi ve «Bunun bi'l-cümlesi hân hazretlerinin yanında bir memûr kimesne ikāmetinerızâsı olmadığına râci' ve mahmûldür. Ve yanında bir şahs olsa bu misüllüvukū'atda mahallinde bulunmağla hakikati bilmek ve her husûsunbilâ-tehîr devleteynin rızâsı üzere fasl u hatm etmesi kābil olurdu ve böyle bir keyfiyet hudûdlarına hâlîleri beyninde hüsn-i nizâma muhal ve muzır hâlet oldığın ümâyândır ve bu vechlemazlûmunbuğzu ve zâlimlerin tekerrüre cesâreti terakki bulur ve devleteynin bi'l-müsâvâtintifâ'-ı azamiyesine mebniyyennezd-i İlhâ-

[10] III. Selim Giray'ın İstanbul'da bulunduğu toplantılar ve buralarda konsolosluk tartışması için alınan karar hakkında hanın 2 Safer 1180/10 Temmuz 1766 tarihli takririnde önemli bilgiler kaydedilmiştir. Takririn suretleri için bk.: [16, vr. 79b–80a]. Takririn bir sureti için bk.: [19, s. 60–61].

nîlerinde bir memûr bulunması muktezî oldığı müşârunileyh hazretleri hakikat-i mülâhaza-i dâ'îyânemdenîkāz ile münâsib görmek gerekdir» [Obreskov'un 20 Zilhicce 1179/30 Mayıs 1766 tarihli takriri için bk.: 16, vr. 79b.] diyerek konsolosluğun tekrar açılması için baskı yaptı.

Konsolosluk hususunda yalnızca Obreskov değil Kiyev'deki Rus generali de baskı yapmaktaydı. Bu minvalde III. Selim'e bir temsilci göndermiş ve handan Kırım'da Rus konsolosluğunun tekrar açılmasını talep etmiş, buna mukabil generalin talebi Han tarafından reddedilmiştir[11].

Bâbıâli, Rus kapıkethüdasına cevap vermeden önce durumu III. Selim'e bildirdi. Kırım Hanı, 2 Safer 1180/10 Temmuz 1766 tarihli takririnde konsolosluk hususunda daha önce bizzat III. Mustafa'nın verdiği emri ve İstanbul'a geldiğinde müzakerelerde alınan kararları hatırlatarak Kırım'da Rusya'nın yeni bir konsolos tayin etmesinin mümkün olmadığı cevabını verdi. Hanın olumsuz cevabı Bâbıâli tarafından Obreskov'a iletildi. Obreskov, St.Peterburg'a gönderdiği raporunda Bâbıâli'nin Kırım'da Rusya'nın yeni bir konsolosluk açılmasına izin vermediğini, gerekçe olarak da Kırım hanının bunu istemediğini gösterdiğini bildirdi [Obreskov'un raporu ve bunun St. Petersburg'daki akisleri için bk.: 24, s. 102]. Rus kapıkethüdasının raporundan sonra Kırım'da konsolosluk açılmasının mümkün olmadığı Rus hariciyesi tarafından da anlaşıldı ve tartışma tamamen sona erdi.

Sonuç

Herhangi bir antlaşma maddesine müstenid olmamasına rağmen devrin şartlar icabı Kırım Hanı Kırım Giray'ın müsaadesiyle 1763'te açılmasına izin verilen Bahçesaray'daki Rus konsolosluğunun ömrü uzun sürmedi ve 1765'te kapatıldı. Buna rağmen Kırım'daki ilk Rus konsolosu Nikiforov, Kırım'ın idarî, askerî, iktisadî ve sosyal yapısına dair değerli bilgiler toplamayı ve bunları raporlar hâlinde St. Petersburg'a göndermeyi başardı. Bu bilgiler şüphesiz sonraki süreçte bölge üzerinde Rusya'nın daha kolay hâkimiyet tesis etmesinde önemli veriler sağladı.

---

[11] Kiyev generalinin konsolosla ilgili talebine III. Selim Giray, 2 Safer 1180/10 Temmuz 1766 tarihli takririnde temas etmiştir [16, vr. 79b–80a; 19, s. 60–61]. Sadrazam Muhsinzâde Mehmed Paşa da Kiyev generalinin bu talebine III. Selim'e gönderdiği 3 Safer 1180/11 Temmuz 1766 tarihli mektubunda değinmiştir [16, vr. 80b–81a].

REFERENCES

1. Ahmed Vâsıf. *Mehâsinü'l-Asâr ve Hakaikü'l-Ahbâr*. II. İstanbul, 1219.

2. Alan W. Fisher. *Kırım Tatarları.* Çev. Eşref B. Özbilen, İstanbul 2009.

3. Alan W. Fisher. *The Russian Annexation of The Crimea 1772–1783*. Cambridge, 1970.

4. Ali İbrahim Savaş. Konsolos. *Türkiye Diyavet Vakfı İslâm Ansiklopedisi.* XXVI.

5. BOA, A.DVN.NMH, Dosya nr. 2, s. 62, Evâsıt-ı Ramazan 1178/3–13 Mart 1765.

6. BOA, A.DVN.DVE (1), Dosya nr. 8/20, 23 Safer 1178/22 Ağustos 1764.

7. BOA, A.DVN.DVE (1), Dosya nr. 8/29, 28 Ramazan 1178/21 Mart 1765.

8. BOA, A.DVN.DVE (1), Dosya nr. 8/30.

9. BOA, Ali Emiri, nr: 5706, 17 Rebiülâhir 1179/3 Ekim 1765.

10. BOA, Cevdet Hariciye, nr. 3104, 13 Safer 1178/12 Ağustos 1764.

11. BOA, HH, nr. 1429/58494, 29 Safer 1178/ 28 Ağustos 1764.

12. BOA, İE, Hariciye, nr. 1833; A.DVN.DVE (1), Dosya nr. 8/19, 12 Safer 1178/11 Ağustos 1764.

13. BOA, İE, Hariciye, nr. 1833; A.DVN.DVE (1), Dosya nr. 8/20, 23 Safer 1178/22 Ağustos 1764.

14. BOA, İE, Hariciye, nr. 1833; A.DVN.DVE (1), Dosya nr. 8/22, 17 Rebiülevvel 1178/ 14 Eylül 1764.

15. Kemal Beydilli. *Büyük Friedrich ve Osmanlılar, XVIII. Yüzyılda Osmanlı-Prusya Münâsebetleri*. İstanbul, 1985.

16. *Mecmua*. Süleymaniye Ktp., Esad Efendi Kısmı, nr. 3375, vr. 79b–80a.

17. Mehmed Hâkim. *Târih*. TSMK, Hazine Kısmı, nr. 233, vr. 209–211a.

18. *Muâhedât Mecmûası*. III. Ankara, 2008.

19. Mustafa Kesbî. *İbretnümâ-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin).* Haz. Ahmet Öğreten. Ankara, 2002.

20. Müstecib Ülküsal. *Kırım Türk-Tatarları (Dünü-Bugünü-Yarını)*. İstanbul, 1980

21. Osman Köse. Balkanlarda Rus Konsolosluklarının Kuruluşu ve Faaliyetleri. *Turkish Studies – Türkoloji Araştırmaları Dergisi*, 2006, I/2, s. 141–155.

22. *Rûznâme*. Arkeoloji Müzeleri Kütüphanesi, nr. 397, vr. 87b.

23. Soloviev S.M. *History of Russia*. XLIII. Çev. Daniel L. Schlafly, Jr. Gulf Breeze, Florida: Academic International Press, 1998.
24. Solovies S.M. *History of Russia*. XLV. Çev. William H. Hill. USA, 1986.
25. Soloviev S.M. *History of Russia*. XXXVIII. Çev. Anthony V. Knowles. USA, 2000.
26. *Şem'dânî-zâde Fındıklılı Süleyman Efendi TârihiMür'i't-Tevârih*. I.A, haz. M. Münir Aktepe. İstanbul, 1976.
27. TSMA, nr. E 866/1, 25 Zilkaade 1177/26 Mayıs 1764.
28. TSMA, nr. E 866/2, 10 Zilkaade 1177/11 Mayıs 1764.
29. Uğur Demir. *1768 Savaşı Öncesi Osmanlı Diplomasisi (1755–1768)*. Doktora Tezi, Marmara Üniversitesi, Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, İstanbul 2012.
30. Ul'yanitskiy V.A. *Russkie konsul'stva za granitseyu v XVIII veke*. Part 1. Moscow, 1899.

Yazar hakkında: Uğur Demir – Dr., Marmara Üniversitesi'nde araştırma görevlisidir (34722, Fen Edebiyat Fakültesi, Göztepe Kampüsü, Kadıköy, İstanbul); ugur1768@gmail.com

The opening of the first Russian consulate in the Crimea, its activities, its closing and discussions that followed it (1763–1766)

Uğur Demir
(Marmara University, Istanbul)

Abstract: In this article, the first consulate that Russia opened in the Crimea in 1763 was discussed. Conditions that provide opening of the consulate, the first Russian consul Nikiforov's activities, closing of the consulate in 1764 and debates continuing through later years about that situation were focused on.

Keywords: Crimea, Ottoman Empire, Russia, consul, Nikiforov.

About the author: Uğur Demir – Dr., assistant at the University of Marmara (34722, Faculty of Arts and Sciences, Goztepe Campus, Kadikoy, Istanbul, Turkey); ugur1768@gmail.com

УДК 930.23

Об одном послании из Поволжья в Крымское ханство 1635 г.

Дамир Исхаков
(Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан)

Аннотация: В статье рассматривается опубликованная ранее турецким историком А.Н. Куратом послание от татар Поволжья в Крымское ханство за 1635 г., с конечным адресатом в лице турецкого султана. Согласно данному документу, группа татарской знати через своего представителя обращалась к крымскому муфтию с тем, чтобы через распоряжение турецкого султана подтолкнуть крымские и турецкие войска, скорее всего, действовавших зимой 1634–1635 гг. в районах Азака и Темрюка к последующему вторжению на территорию бывшего Казанского ханства. В ходе обсуждения этого вопроса в документе приводятся уникальные сведения по оценке численности удмуртов, марийцев, чувашей, башкир и сибирских татар к 1630-м годам, а также данные о составе выплачиваемого ими ясака. Рассмотренный источник до сих пор не был предметом специального анализа и поэтому заслуживает дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Послание, Крымское ханство, муфтий, Казанский вилайят, исламское единство, народы Поволжья и Западной Сибири, ясак, демография.

В известном труде Акдеса Нимета Курата «Türkiye ve İdil boyu» содержится документальное приложение, в котором под № XI приводится весьма интересный исторический документ, датированный им 1635 г. (1045 г.х.). Он был извлечен историком из фондов Дрезденской библиотеки (Dresden, Landesbibliothek, Eb. 361) [6, s. 057–058.]. Этот источник (см. Приложение) имеет отношение к казанским татарам и, как мне известно, не привлекал до сих пор внимания историков. Между тем, если обратиться к его содержанию, он явно заслуживает специального анализа и в

дальнейшем переиздания с комментариями. Ниже я хочу сделать предварительный обзор данного документа с некоторыми историческими замечаниями.

Судя по сведениям, содержащимся в источнике, он написан в 1635 г. неким Рахман-Колом, которого А.Н. Курат не без основания считал «казанцем» *(казанлы)*. Адресат послания, по его предположению, вытекающему из документа – не названный по имени крымский муфтий, но письмо в конечном счете предназначалось вниманию турецкого султана[1], до которого через Рахман-Кола доводились определенные пожелания анонимных «беев и старейшин» (*бәйләр һәм картлар*). При этом смысл послания заключался в том, чтобы через распоряжение турецкого султана подтолкнуть крымского хана Джанибек-Гирея (правил в 1610–1623, 1628–1635 гг.), скорее всего в самом конце его второго правления, к походу в Среднее Поволжье. Что конкретно предлагалось турецкой и крымской сторонам?

Как явствует из источника, анонимные «беи и старейшины», стоявшие за посланием, привезенном Рахман-Колом, изъявляли пожелание, чтобы в ходе турецко-крымской операции на Северном Кавказе – похоже, что тогда кафинский бейлерибек Ибрагим паша находился в Азаке, а крымский хан Джанибек-Гирей пребывал в Темрюке, то есть в низовьях р. Кубани – крымские войска повернули в сторону «Казани» (*Газан*) для освобождения от рук «неверных» названную в документе «группу из уммы Мухаммеда» из «Казанского вилайята». Как отмечает Рахман-Кол, сам он был отправлен к крымскому хану для объяснения положения этой уммы, политической ситуации в его родных местах и возможного содействия со стороны местного населения крымским войскам, если те пойдут к «Казани». При этом автор письма, явно от имени лиц, его пославших, обещает собрать в поддержку крымцам большое войско (в 200–300 тыс. чел.) и продовольственные ресурсы, способные содержать 100-тысячное крымское войско. Видимо, чтобы подкрепить свои выкладки насчет помо-

[1] Ибо в самом конце послания есть следующие обращение: «Мой султан, просьба следующая: детально описав сказанное [Вы] сможете распорядиться предложив господину Хану [оказать] великую помощь [в деле] избавления одной группы уммы Мухаммеда от богохульствующих кяфиров».

щи людскими ресурсами, Рахман-Кол приводит весьма любопытные сведения о численности коренного населения Среднего Поволжья из числа ясачников в 1630-х годах, а также о составе их ясака. Причем при изложении сведений о ясаке приводятся и данные о составе ясака «вилайята Тура». Относительно ясака, выплачиваемого «еловыми черемисами», в документе указывается, что в зависимости от имущества они дают 5–10 батманов меда, самые бедные – 1 батман меда. Говоря о ясаке «горных чувашей», сообщается, что по «положенному порядку» они выплачивают ясак деньгами, а также шкурками белки (*тиен*), лисы (*төлке*), горностая (*ас*). Ясак удмуртов / аров указывается состоящим из денег, меда, а также из шкур соболя (*кеш*), лисы (*төлке*), бобра (*кондыз*), выдры (*кама*), горностая (*ас*) и рыбы (*балык*). Ясак башкир без спецификации, а вот то, что выплачивалось населением «вилайята Тура», указано конкретно – по восемь тысяч шкурок соболей (*кеш*) и «чернобурки» (*кара төлке*). Насколько известно из источников, тут нет особого искажения состава ясака перечисленных народов. Кроме того, приводятся сведения демографического характера. Вот эти данные: «еловые черемисы» (*чыршы чирмеше*) – 40 тыс. домов, «горные чуваши» (*тау чуашы*) – 20 тыс. домов, «иштяк-башкиры» (*эштәк башкорт*) – 10 тыс. домов, «ары» (*ар кавеме*) – 15 тыс. домов. Сведения (они идут вслед за информацией о башкирах) о размерах ясака из «вилайята Тура» даны без указания численности ясачников, впрочем, для косвенных демографических подсчетов по Западной Сибири можно использовать и эти материалы, но они требуют особой методики, поэтому эта работа пока отложена.

В связи с приведенными цифрами заслуживают внимания три момента:

а) напрямую в источнике казанские (и астраханские) татары не отмечаются. Видимо, они скрываются за понятием «беи и старейшины»;

б) среди народов Среднего Поволжья не упоминается мордва, частично явно входившая в Казанское ханство;

в) упомянутые народы (общая численность – 85 тыс. «домов») рассматриваются не только как плательщики ясака, но и как возможные союзники не названных «беев и старейшин» в

освобождении «Казани», ибо в документе специально подчеркивается, что у них есть «кони, которые могут быть использованы».

Замечу, что названные выше цифры уникальны и хотя они, скорее всего, чисто оценочны, при соответствующей их интерпретации они применимы для демографических реконструкций относительно численности народов Среднего Поволжья в очень темный период истории первых десятилетий XVII в. То, что за этими данными скрывается некая демографическая реальность, видно по тому, что в русских источниках сохранились данные относительно «ответственных плательщиков» ясака из башкир за 1631–1632 годы – их насчитывалось 6188 «человек» (=дворов), а тептярей и бобылей, часть которых была тесно связана с башкирами, тогда было 8355 «дворов» [4, с. 87, 97]. Если иметь в виду, что из последних приуральскими татарами были около 5800 дворов [3], то к 1630-м годам башкиро-татарское население Приуралья как раз будет насчитывать 11–12 тыс. дворов, то есть получается цифра, достаточно близкая к названной в источнике. В связи с тем, что численность удмуртов к концу XVII в. оценивается в 29 тыс. чел., из которых около 17 тыс. приходилось на южных удмуртов [2, с. 67], входивших в свое время в состав Казанского ханства, названная в источнике цифра численности удмуртов/ аров в 15 тыс. «домов» также представляется вполне реалистичной.

Теперь о некоторых других нюансах информации, содержащейся в рассматриваемом послании.

Вначале необходимы некоторые пояснения относительно политики Крымского ханства в изучаемое время. Дело в том, что к осени 1634 г. крымские войска, при османской поддержке, собирались в поход на Буджакскую Орду во главе с Кан-Темиром, но планы поменялись благодаря новому распоряжению турецкого султана Мурада IV о походе на Иран и в итоге крымский хан Джанибек-Гирей весной 1635 г. оказался на Кубани, где и получил султанский указ о своей отставке [1, с. 173, 179]. Надо думать, что казанец Рахман-Кол в своем письме описывает ситуацию, предшествующую этой отставке, то есть, периода зимы 1634/1635 годов. По мнению авторов письма, уже само появление зимой 1634/1635 годов Ибрагима паши в Азаке и укрепление и восстановление им этой крепости, вместе с приходом крымских войск к Темрюку, должно было вызвать «испуг у русского грабителя». Они полагали,

что если появится слух о направлении крымских войск в сторону «Казани», на это тут же «все обратят внимание». Им было известно, что в этот период предполагалось построить лодки и корабли на Волге (*Эдил суы*) для того, чтобы «погубить» вилайят, находящийся на «побережье Каспия» (*Калзәм диңгезе*). При этом учитывались дружественные отношения «московского князя» с Ираном (?). И составители послания подчеркивали, что после овладения «Казанью» и «Астраханью», когда водные пути, через которые в Иран поступало, видимо из Московского государства, оружие, окажутся прерванными и в итоге «плохой Кызылбаш» будет вынужден подчиниться «крымским ханам».

Кроме этой геополитической аргументации, в послании есть строки о том, что для того, чтобы убедить крымского хана повернуть в сторону «Казани», Рахман-Кол, как ему было предписано «беями и старейшинами», должен был для получения поддержки этого государя переговорить с «улемой» (*голәмә*), «салихами» (*салихләр*) и шейхами (*шәехләр*). Для подкрепления своих доводов Рахман-Кол даже использует весьма специфический аргумент – он отмечает, что он «многократно молился и выражал пожелания» реализации намечаемого в послании и если те, к кому он обратился за поддержкой, таковую не окажут, то «в [Судный день] руки схватят их за ворот». Тем более, как указывается в послании, «многоуважаемый крымский хан» понимает важность поддержки «на религиозном пути» тех, кто следует «сунне», четко осознает, что «спасение горстки [оказавшихся] в стране кяфиров последователей Мухаммеда» – это «большое благочестие» (*зур савап*). Исходя из этого, в послании особо подчеркивается приверженность населения «Казанского вилайята» (*Газан вилаяте*) к исламу, с указанием на то, что этот «вилайят… обратился в ислам еще во времена хазрата Омара», то есть в период правления халифа Омара (634–644 гг.). Авторы послания пишут также, что представители «Казанского вилайята» во время пятикратного намаза и регулярных молитв (*биш вакыт намазларында, даими догаларында*) обращаются к Аллаху: «О Всевышний (*Я, Рабби*), сделай так, чтобы мы оказались в подчинении исламского Падишаха».

Составители письма, перейдя к конкретному плану, указывают, что дорога между Астраханью и Казанью занимает тридцать дней; они также сообщают, видимо, предполагая использование и

флотилии, что в обоих городах имеются порты. Кроме того, ими отмечается, что по одной стороне (надо думать, Волги/Итиля) земля песчаная (*ак комлыдыр*). Видимо, чтобы заинтересовать адресатов послания, они также перечисляют, откуда в эти два города ежегодно приходят караваны (от «Кызылбашей», т.е. из Ирана, из Бухары, Ургенча, Туркестана, Кашгара, Китая и Хотана), не забывая сообщить при этом, что с них собираются налоги.

По убеждению отправителей послания, если «исламское войско повернет к Казани», то «никто не будет противиться и воевать с таким войском». Рахман-Кол пишет, что «мусульмане, которые единодушно отправили его», ожидают его обратно с известием «о времени прихода исламских войск».

Таким образом, на основе изучения послания казанцев от 1635 г. в Крым и Османское государство, можно сделать следующие предварительные заключения:

1. Вплоть до 1630-х годов казанские татары ещё не оставляли надежд на восстановление Казанского ханства при поддержке Османов и Крымского ханства. К этому посланию, ставящему цель возрождения данного татарского юрта, следует относиться с доверием, ибо имеется другое аналогичное известие. Речь идет о послании «татар [из] Казани и Астрахани», которое было показано польскому послу Якольскому 7 апреля 1654 г., где содержалась просьба крымскому хану Ислам-Гирею III «освободить их от царского правления». Известно, что крымская сторона во время этих переговоров с польским посланником ставила вопрос о поддержке Польско-Литовского государства в реализации намерения хана «перезавоевать Казань и Астрахань» [5, p. 164].

2. Рассматриваемое послание, наряду со вторым, более поздним документом, однозначно свидетельствует, что контакты между Крымским ханством и татарами, оказавшимися в составе Московского государства, в XVII в. еще продолжали сохраняться. Причем казанские татары были осведомлены о международной ситуации того времени, видимо, в том числе и через контакты с Крымским ханством.

3. Присутствие в документе выражения «беи и старейшины», обозначающее, прежде всего, казанских татар, по-видимому свидетельствует о сохранении среди них каких-то не вполне ясных внутренних организационных структур, позволяющих гото-

вить и отправлять в Крымское ханство коллективные послание. Скорее всего, эти структуры были связаны с группой служилых татар, состоявших, как известно, в том числе и из знатной части (князей и мурз).

4. Данный источник, содержащий и ряд других весьма ценных сведений (о численности ясачного населения Среднего Поволжья, о составе (номенклатуре) выплачиваемого им ясака, также величине и составе собираемого с «вилайята Тура» ясака) необходимо изучать дальше.

5. Целесообразно также подготовить научно выверенный перевод этого документа со староосманского на татарский и русский языки.

Приложение

(Qazanlı?) Raxman Qolı'dan (Qırım məftienə?)
Tarix: 1635 (1045 x.)

Ğizzətle wə fəzilətle wə faqirlərgə mərxəmətle Əfənde xəzrətlərneŋ ğəli xozurlarına yəzemne sərgənnən soŋ faqir [egez]neŋ xəle teləge şul buladır: minem ğizzətle Soltanım, Qızılbaş fətexeneŋ daruı Wallix-u alem Ğazan wə Əcdərxan fətexeder. Çənki ul məlğün Şaxnıŋ urnaşıp rəxət itəse urını Qəlzəm [diŋgeze] buylarıdır. Ğazan wə Əcdərxan fətx iteləçək Edil suı buylarında qadırğalar wə zur kəymələr təzelep, Qəlzəm diŋgeze buylarındağı wilayat həlaq wə ixraq iteləseləre bilgelder. Çənki Mosqowa knyaze belən dustır. Ğazan wə Əcderxan fətx itelgəçten ul naçar Qızılbaş bu xəlne işetep Qırım Xannarına buysınaçaqtır. Əüəle səğədətle Padişax xəzrətlərenə ğisyanda buluına səbəp Mosqu knyazeder. Bu taraftan Padişaxlar «sezneŋ belən duslığıbız nıqtır, doşmanığız belən doşman bez», diələr, tübən Şax hərçə yaqlarğa ğəskər cibərməsə də, mıltıq wə barut, kükert, uq utın, timer, qurşın, baqır wə monıŋ kebek nərsələrdən kim totmaslar. Ğazan wə Əcdərxan fətx itelgəç bolarnıŋ baylıqları əzeler, çənki su yulı belən baru qaytuları qatlawlanır. Nəticədə Ğazan wə Əcdərxannıŋ fətx itelüe Padişaxlarnıŋ ximmətlərenə bəyleder.

Ğazan wilayəte Xz. Ğəmər zamanınınnan birle İslamğa kilgən, təmin-i məxlisterlər, biş waqıt namazlarında, daimi doğalarında «YA Rabbi, İslam dine Padişaxınıŋ qulı astında bulırğa nasıyp it bezgə», –

diərlər. Xosusiətkə bu qış Kəfə bəylərbəge səğədətle İbrahim Paşa xəzrətləre belən, Qırım Xanı şəwkətle Canibək-Gərəy xəzrətləre Tın yılğasındağı Tın qazaqları taburların saqlarğa niətləp, Canibək-Gərəy xan xəzrətləre Temrüktə Qaban isemle maxaldə qarşı təşep, Kəfə bəylərbəge İbrahim Paşa xəzrətləre Azaq qalasına kilep, İslam dəwləte Padişaxına təmam rəweştə təzətep quyğannan soŋ, ləğnəte, Urıs talawçısına qurqu təşkənder. Əgər Qırım Xanı qoral wə ğəskərləre belən Ğazan fətxenə kilələr dip işetsələr,İnşallax Təğələ hər bersenen itəğəte itəçəkləre bilgeleder. Bu fəqir qolığızını Bəylər wə qartlar bergələşep ittifaq belən cibərdelər; əlbəttə bezneŋ xələbezne wə ğəskərebezne wə wazğiətneŋ uŋışın ber-ber aŋlatıp, Səğədətle Qırım Xanınnan yərdəm sora, wə ğələmə, wə salixlər, wə şəyexlərenə hərberlərenə aŋlatıp hərberse yərdəm itep, Qırım Padişaxınıŋ bu yaqlarğa borıluına səbəp bulıp, ber tərkem Məxəmməd əmməten kyaferlər qulınnan qotqarsınnar. Əgər bu aŋlatqan xəlebezgə kerməsələr qullar [qiəməttə] alarnıŋ yaqasınnan totar dip, küp tapqırlar doğa wə niət ittek, yalwardıq. İke-өç tapqır yəz meŋ ğəskər cıyarbız dilər, wə өç yıl ber uç orlıq birməsələr yəz meŋ ğəskər torsa da citərlek nərsə bar dilər. Qopçaq baylıq wə balıq betməs, küp dilər. Ber qəwem bardır ki, Çırşı Çirmeşe dilər, qırıq meŋ yortlı, hər yort yasaqlı; əbi-babasınnan məlkətlərenə kürə qəyberse un batman bal, qaysıları biş batman bal wə hiç birməgənnəre də ber batman bal birələr. Wə Taw Çuaşı dilər, ber qəwem ki, yegerme meŋ yortlıdır; barısı da yasaqlıdır; bu ısulğa kürə aqça wə miras, wə tərle ənəklelər tien, təlke wə as, wə barsınnan elekke tərtip buyınça birələr. Eştək-Başqort un meŋ yort, bu tərtip buyınça yasaq tülilər. Wə Tura wilayətenen maxsule cide şəhərder, sigez tapqır meŋ keş birələr, wə qara təlke şul çaqlı birələr. Wə Ar qəweme də un biş meŋ yorttan tora, yasaq tülilər, alar da şul tərtiptə aqça wə bal, wə keş, wə təlke, wə başqa nərsələr, wə qondız, qama, as, sudan balıq, wə qaradan yasaq birerlər. Çirmeş, Çuaş, Eştək Başqort, Ar – barısınıŋ da atları bar, qullanırğa bula.

Ğazan belən Əcdərxan arası utız kənlek yul; ul cirneŋ ber yağı aq qomlıdır, Ğazannan Əcdərxanğa barğannan soŋ balıq totuçılarğa birələr. Ğazan wə Əcdərxannıŋ portları bar; hər yıl Qızılbaş, wə Boxaradan, wə Ürgənçtən, wə Tərkestan, wə Qaşqardan, Xatay wə Xotannan, wə Hindıstannan kərəwan kiler; naloğlar cıyılğan yəklər kiler.

Səğədətle Qırım Xanı bulğan din өçen ğəyrət wə dəres yulda bulğanarnıŋ sənnəten cirenə citkerep ütəwneŋ əcere wə iŋ güzəle bəlki

wacip wə kirəkle bulğanı şərəfle ğeylemnərennən yəşeren tügelder. Kəfer çəynəwçe kyaferlər ilennən ber uç Məxəmməd əmməten qotqarunıŋ zur sawap wə mərtəbəle bulğanın bik təgəl beləsez.

Monnan İslam ğəskəre belən Ğazanğa borılsa, bu qədər İslam ğəskərenə ber kem də qarşı çıqmas, suğışmas. Bu mesken qolığızını ber tawıştan bu yaqlarğa cibərep «İslam ğəskəre qayçan kilerı» dip, andağı məselmannar bu meskenneŋ baruın kətələr.

Soltanımnan üteneçem şuldır ki: bu əytelgən xəlne təfsille yazıp, Xan xəzrətlərenə təqdim itep, ber tərkem Məxəmməd əmməten kəfer çəynəwçe kyaferlər qulınnan qotıluları əçen olı yərdəmnəren boyırırlar. Başqa ni əytim ki – alarnıŋ şərəfle ğeylemnəre qolaçlamasın.

Min əl-Fəqir Raxman Qolı

(Казанлы?) Рахман Колы'дан (Кырым мөфтиенә?)
Тарих: 1635 (1045 х.)

Гыйззәтле вә фәзиләтле вә факыйрьләргә мәрхәмәтле Әфәнде хәзрәтләрнең гали хозурларына йөземне сөргәннән соң факыйр[егез]нең хәле теләге шул буладыр: минем гыйззәтле Солтаным, Кызылбаш фәтехенең даруы Валлих-у алем Газан вә Әҗдәрхан фәтехедер. Чөнки ул мәлгунь Шахның урнашып рәхәт итәсе урыны Калзәм [диңгезе] буйларыдыр. Газан вә Әҗдәрхан фәтх ителәчәк Эдил суы буйларында кадыргалар вә зур көймәләр төзелеп, Калзәм диңгезе буйларындагы вилаят һәлак вә ихрак ителәселәре билгелдер. Чөнки Москова князе белән дустыр. Газан вә Әҗдерхан фәтх ителгәчтен ул начар Кызылбаш бу хәлне ишетеп Кырым Ханнарына буйсыначактыр. Әүәле сәгадәтле Падишах хәзрәтләренә гыйсъянда булуына сәбәп Моску князедер. Бу тарафтан Падишахлар «сезнең белән дуслыгыбыз ныктыр, дошманыгыз белән дошман без», дияләр, түбән Шах һәрчә якларга гаскәр җибәрмәсә дә, мылтык вә барут, күкерт, ук утын, тимер, куршын, бакыр вә моның кебек нәрсәләрдән ким тотмаслар. Газан вә Әҗдәрхан фәтх ителгәч боларның байлыклары өзелер, чөнки су юлы белән бару кайтулары катлауланыр. Нәтиҗәдә Газан вә Әҗдәрханның фәтх ителүе Падишахларның химмәтләренә бәйледер.

Газан вилаяте Хз. Гомәр заманыныннан бирле Исламга килгән, төмин-и мөхлистерләр, биш вакыт намазларында, даими догаларында «Я Рабби, Ислам дине Падишахының кулы астында булырга насыйп ит безгә», – диярләр. Хосусияткә бу кыш Кәфә бәйләрбәге сәгадәтле Ибраһим Паша хәзрәтләре белән, Кырым Ханы шәүкәтле Җанибәк-Гәрәй хәзрәтләре Тын елгасындагы Тын казаклары табурларын сакларга ниятләп, Җанибәк-Гәрәй хан хәзрәтләре Темрүктә Кабан исемле махалдә каршы төшеп, Кәфә бәйләрбәге Ибраһим Паша хәзрәтләре Азак каласына килеп, Ислам дәүләте Падишахына тәмам рәвештә төзәтеп куйганнан соң, ләгънәте, Урыс талаучысына курку төшкәндер. Әгәр Кырым Ханы корал вә гаскәрләре белән Газан фәтхенә киләләр дип ишетсәләр,Иншаллах Тәгалә һәр берсенең итәгате итәчәкләре билгеледер. Бу фәкыйрь колыгызны Бәйләр вә картлар бергәләшеп иттифак белән җибәрделәр; әлбәттә безнең хәләбезне вә гаскәребезне вә вазгыйятьнең уңышын бер-бер аңлатып, Сәгадәтле Кырым Ханыннан ярдәм сора, вә голәмә, вә салихләр, вә шәехләренә һәрберләренә аңлатып һәрберсе ярдәм итеп, Кырым Падишахының бу якларга борылуына сәбәп булып, бер төркем Мөхәммәд өммәтен кяферләр кулыннан коткарсыннар. Әгәр бу аңлаткан хәлебезгә кермәсәләр куллар [кыяметтә] аларның якасыннан тотар дип, күп тапкырлар дога вә ният иттек, ялвардык. Ике-өч тапкыр йөз мең гаскәр җыярбыз диләр, вә өч ел бер уч орлык бирмәсәләр йөз мең гаскәр торса да җитәрлек нәрсә бар диләр. Копчак байлык вә балык бетмәс, күп диләр. Бер кавем бардыр ки, Чыршы Чирмеше диләр, кырык мең йортлы, һәр йорт ясаклы; әби-бабасыннан мөлкәтләренә күрә кайберсе ун батман бал, кайсылары биш батман бал вә һич бирмәгәннәре дә бер батман бал бирәләр. Вә Тау Чуашы диләр, бер кавем ки, егерме мең йортлыдыр; барысы да ясаклыдыр; бу ысулга күрә акча вә мирас, вә төрле әнәклеләр тиен, төлке вә ас, вә барсыннан элекке тәртип буенча бирәләр. Эштәк-Башкорт ун мең йорт, бу тәртип буенча ясак түлиләр. Вә Тура вилаятенең махсуле җиде шәһәрдер, сигез тапкыр мең кеш бирәләр, вә кара төлке шул чаклы бирәләр. Вә Ар кавеме дә ун биш мең йорттан тора, ясак түлиләр, алар да шул тәртиптә акча вә бал, вә кеш, вә төлке, вә башка нәрсәләр, вә кондыз, кама, ас, судан балык, вә карадан ясак бирерләр. Чирмеш,

Чуаш, Эштәк Башкорт, Ар – барысының да атлары бар, кулланырга була.

Газан белән Әҗдәрхан арасы утыз көнлек юл; ул җирнең бер ягы ак комлыдыр, Газаннан Әҗдәрханга барганнан соң балык тотучыларга бирәләр. Газан вә Әҗдәрханның портлары бар; һәр ел Кызылбаш, вә Бохарадан, вә Үргәнчтән, вә Төркестан, вә Кашкардан, Хатай вә Хотаннан, вә Һиндыстаннан кәрәван килер; налоглар җыелган йөкләр килер.

Сәгадәтле Кырым Ханы булган дин өчен гайрәт вә дөрес юлда булганарның сөннәтен җиренә җиткереп үтәүнең әҗере вә иң гүзәле бәлки важип вә кирәкле булганы шәрәфле гыйлемнәреннән яшерен түгелдер. Көфер чәйнәүче кяферләр иленнән бер уч Мөхәммәд өммәтен коткаруның зур савап вә мәртәбәле булганын бик төгәл беләсез.

Моннан Ислам гаскәре белән Газанга борылса, бу кадәр Ислам гаскәренә бер кем дә каршы чыкмас, сугышмас. Бу мескен колыгызны бер тавыштан бу якларга җибәреп «Ислам гаскәре кайчан киллер» дип, андагы мөселманнар бу мескеннең баруын көтәләр.

Солтанымнан үтенечем шулдыр ки: бу әйтелгән хәлне тәфсилле язып, Хан хәзрәтләренә тәкъдим итеп, бер төркем Мөхәммәд өммәтен көфер чәйнәүче кяферләр кулыннан котылулары өчен олы ярдәмнәрен боерырлар. Башка ни әйтим ки – аларның шәрәфле гыйлемнәре колачламасын.

Мин әл-Фәкыйрь Рахман Колы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. II. Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев-Бахчисарай: Майстерия книги, Оранта, 2009.

2. История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

3. *Исхаков Д.М.* Тептяри. Опыт этностатистического изучения // Советская этнография, 1979, № 4, с. 29–42.

4. Очерки истории Башкирской АССР. Ч. 1 Уфа, 1955.

5. *Kolodziejczyk Dariusz.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International diplomacy on the European periphery (15th–18th century).

A study of peace treaties followed by annotated documents / The Ottoman Empire and its Heritage. Politics, Society and Economy. Ed. by Suraja Faroqh; Halil Inalcik and Boğac Ergene. Vol. 47. Brill, Leiden, Boston, 2011.

6. *Kurat Akdes Nimet.* Türkiye ve İdil boyu (1569 Astarhan seferi, Ten İdil kanalı ve XVI–XVII yüzyıl Osmanlı-Rus münasebetleri). Ankara, 1966.

Сведения об авторе: Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Россия); monitoring_vkt@mail.ru

About one message sent from Volga region to the Crimean Khanate

Damir Iskhakov
(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract: In this article the message which was sent from Volga region's Tatars to the Crimean Khanate is considered, the addressee of the message was the Turkish Sultan and this message was earlier published by Turkish historian A.N. Kurat. According to this document, a group of Tatar nobles turned to the Crimean mufti, via their representatives, with request to Turkish Sultan to push the Crimean and Turkish troops , which by that time, in winter of 1634–1635, were probably fighting somewhere near Azak and Temryuk, to the invasion to the territory of the former Kazan Khanate. In the course of this point`s discussion a unique information appeared about the numbers of population of Urdmurt, Mari, Chuvash, Bashkir and Siberian Tatars by the 1630s, and also the data about yasak paid to them. The discussed source of the message until nowadays wasn`t the subject of special analysis and that is why it deserves the special study.

Keywords: message, the Crimean Khanate, mufti, Kazan vilayat, Islam unity, the people of Volga region and Western Siberia, yasak, demography.

REFERENCES

1. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov. T. II. Krymskie khany pervoy poloviny XVII stoletiya v bor'be za samostoyatel'nost' i edinovlastie* [The sovereign of the two continents. The Crimean Khans in the first half of the XVII century in fight for independence and autocracy]. Kiev-Bakhchisaray, Maysteriya knigi, Oranta, 2009.

2. *Istoriya Udmurtii. Konets XV – nachalo XX veka* [The history of Urdmurtiya. The end of the XV and beginning of the XX centuaries]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2004.

3. Iskhakov D.M. Teptyari. Opyt etnostatisticheskogo izucheniya [The experience of ethno statistic study]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1979, no. 4, pp. 29–42.

4. *Ocherki istorii Bashkirskoy ASSR* [Studies in Bashkir ASSR history]. Part 1. Ufa, 1955.

5. Kolodziejczyk Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International diplomacy on the European periphery (15th–18th century). A study of peace treaties followed by annotated documents. *The Ottoman Empire and its Heritage. Politics, Society and Economy*. Ed. by Suraja Faroqh; Halil Inalcik and Boğac Ergene. Vol. 47. Brill, Leiden, Boston, 2011.

6. Kurat Akdes Nimet. *Türkiye ve İdil boyu (1569 Astarhan seferi, Ten İdil kanalı ve XVI–XVII yüzyıl Osmanlı-Rus münasebetleri)* [The voyage to Turkey and along Volga to Astrakhan. The canal on Volga river and relations between Ottomans and Russia in the XVI–XVII centuries]. Ankara, 1966.

About the author: Damir Mavlyaveevich Iskhakov – Dr. Sci. (History), Chief Research Scientist, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russia); monitoring_vkt@mail.ru

УДК 477.75"192/193"

Крымские татары – советские служащие в реализации национальной политики в Крымской АССР (20–30-е годы XX ст.)

Григорий Кондратюк
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В статье исследованы доктринальные установки советской этнополитики в отношении тюркских народов. Проанализировано осуществление мероприятий коренизации крымских татар, вовлекавшихся в сферу государственного строительства. Татаризация осуществлялась в формировании слоя советских служащих, выделения квот в органах власти и управления. Система курсовой подготовки должна была сформировать новое поколение советских чиновников. Были созданы девять национальных крымскотатарских районов. Крымскотатарские сельские советы выступали основным органом, проводившим практику коренизации в повседневной жизни.

Ключевые слова: коренизация, Крымская АССР, национальная политика, советские служащие, национальные районы.

Актуальность темы. Советская национальная политика, получившая название коренизации, выступала комплексным и многоаспектным явлением. Одним из ее главных компонентов было вовлечение в советский процесс государственного строительства представителей коренных народов различных регионов. Стратегическая цель заключалась в том, чтобы новые государственные структуры не воспринимались как чужеродные. В различных регионах чиновники должны были быть местными выходцами и людьми одной национальности с большинством жителей региона. Успешность проведения различных большевистских кампаний зависела от того, насколько местная партийная элита их поддерживает и пользуется ли авторитетом среди жителей. В начале 1920-х годов советская власть в Крыму столкнулась с острой нехваткой большевистких кадров. Политику коренизации

фактически проводить было не с кем. Национал-коммунисты стали только временным выходом из ситуации. С помощью работы системы курсовых мероприятий ставилась задача подготовки новой генерации чиновников, советских служащих, которые своим выдвижением были бы полностью обязаны большевикам. Представительство того или иного этноса в органах власти и управления и отсутствие доступа к политической власти выступает мощным конфликтогенным фактором современного постсоветского пространства. Поэтому выработка целостной концепции регулирования национального вопроса должна учитывать опыт советской этнополитики в отношении, в частности, крымских татар межвоенного двадцатилетия.

Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать степень вовлеченности крымских татар в мероприятия советской этнополитики в 1920–1930-х годах в области государственного строительства и формировании слоя советских служащих.

Историография вопроса. Изучение и анализ практических мероприятий советской этнополитики в отношении крымских татар было начато еще в межвоенное двадцатилетие. Авторами публикаций являлись партийные и советские работники, представители интеллигенции. В данных работах содержались как доктринальные установки реализуемой этнополитики, так и осмысление проведенных практических мероприятий в области работы советских органов власти, местных советов, создания национальных крымскотатарских районов. В последующем были опубликованы и острополемические работы, направленные против «национал-уклонистов». Таковы, в частности, политические публикации Биляла Чагара, Рамазана Александровича, А. Самединова. Анализ национальной политики происходил как на региональном уровне у названных авторов, так и представителями центральных органов власти и управления. Так, в публикациях работников Народного комиссариата по делам национальностей фиксировались доктринальные установки национальной политики в отношении тюркских народов. Публикации 1920-х годов характеризуются разнообразием мнений и подходов. В 1921 году увидел свет сборник статей, подготовленный Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР. Авторами работ являлись нарком И. Сталин, И. Трайнин, М. Павлович. Анализу был подверг-

нут самый широкий спектр вопросов. В области аграрных преобразований отмечалось, что «РКП ставит задачей возвращение пахотных участков и вообще всех пригодных земель трудовым туземным массам» [7, с. 44]. Для крымских татар земельная реформа была насущнейшей, так как половина крестьян была безземельной и арендовала землю на крайне невыгодных для себя условиях. Подобного рода работы были подготовлены и позднее. В сборнике под редакцией Г.И. Бройдо был сделан акцент на значении национально-освободительного движения в колониях. Большевики еще жили идеями «экспорта революции», по которым «коммунистические партии обязаны оказывать активную поддержку всем тем национальным движениям и войнам, которые направлены за свое освобождение против империализма» [8, с. 31]. Крымская АССР рассматривалась как плацдарм для экспорта революционных идей на Ближний Восток и Турцию. Для крымских татар должна была быть создана образцовая автономия с тем, чтобы продемонстрировать тюркскому миру, что национальные вопросы решаются только в СССР. Акцент работ 1930-х годов иной – это борьба с уклонистами от «ленинской национальной политики». Был рожден лозунг «социалистической по содержанию, но национальной по форме культуры» означавший завершение относительной свободы национального развития [6, с. 20]. Вывод носил бескомпромиссный характер – «наши коммунистические организации на окраинах могут стать на ноги только в том случае, если они преодолеют национализм» [4, с. 9]. Подавляющее большинство крымских татар, членов местной организации ВКП(б) были отнесены к «правым» или «левым» национал-уклонистам и подверглись разным формам репрессирования.

Советская этнополитика межвоенного периода получила название коренизации. Ее основные принципы были провозглашены на X и XII съездах РКП(б), в частности в апреле 1923 года. Провозглашение коренизации стало своеобразным подведением некоего промежуточного итога в поиске советской модели этнополитики. Ее формирование было начато в период гражданской войны. Свое видение фундаментальных принципов этнополитики в отношении тюркских народов, в частности крымских татар, Мирсаид Султан-Галиев и Мулланур Вахитов представили в Декларации прав народов Востока 2 ноября 1917 года и «Обра-

щении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 года. Авторы этих основополагающих документов, принципиально важным считали формирование государственности для тюркских народов. По их мнению, без государственности невозможно было разрешить ни одной насущной задачи. В марте 1918 года была провозглашена Татаро-Башкирская советская республика. На первом этапе ее существования национальное начало доминировало над коммунистическим. Опыт строительства автономии был перенесен затем и в другие регионы тюркских народов, в том числе и Крым. Не случайно, коренизация в Крыму получила название татаризации. Крымская ССР создавалась как национальная крымскотатарская автономия, структуры которой были призваны решать насущные проблемы крымскотатарского народа. Численность крымских татар в данном процессе не стала препятствием. В одном из своих публичных выступлений М.И. Калинин говорил, что «у нас в Крыму только 26% татар. Однако у нас существует Крымская республика, которая является татарской республикой» [5, с. 5].

Один из лозунгов большевиков декларировал стремление уничтожить национальное угнетение. В ответе на вопрос о том, как же регулировать межнациональные отношения, мнения в партии разделились. Бесспорным было одно. РКП(б) должна была сохранить монополию на обладание политической властью и происходящие этнические процессы направить в необходимое для себя русло. Осознание данного факта привело таких теоретиков восточного коммунизма, как М. Султан-Галиев, к необходимости формирования тюркских коммунистических структур. Тюркские коммунисты являлись бы советскими чиновниками, практически реализовывавшими разнообразные программы внутренней политики. Такие специализированные структуры были созданы. В 1921 году в Москве состоялся II Всероссийский съезд Мусульманских Коммунистических организаций. В резолюции по партийно-организационному вопросу отмечалось, что «наша коммунистическая партия централизована в боевой штаб, борющийся за всемирную революцию против темных сил» [12, л. 11]. Съезд принял решение об организации Центрального бюро Организаций Народов Востока. Центральное Бюро формировалось из 7 человек. Задача Центрального Бюро состояла в том, чтобы на-

править и координировать всю партийную работу через областные бюро в тюркских республиках. Центральное Бюро формировалось из отделов международной пропаганды, издательского, информационного и организационного. Необходимо отметить, что в работе II съезда принял участие Исмаил Фирдевс. И. Фирдевс вынес на рассмотрение съезда проект резолюции по докладу заместителя председателя Центрального бюро Коммунистических Организаций Народов Востока. Резолюция отмечала, что съезд «рельефно и отчетливо выразил взгляд коммунистов-мусульман на постановку национального вопроса среди трудовых татарских масс» [12, л. 4].

Формирование национальной политики в отношении крымских татар было обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов. Один из главных внутренних факторов – перехватить инициативу у движения национальной интеллигенции, выросшей из джадидизма. Представители национальной интеллигенции пользовались огромным авторитетом у крымскотатарского крестьянства. В начале 1920-х годов советское чиновничество фактически отсутствовало, власти вынуждены были привлечь к сотрудничеству на должности чиновников вчерашних идеологических и политических оппонентов. Революция вызвала подъем творческой энергии крымских татар. Созданная в революционные годы крымскотатарская партия «Милли-фирка» в первой половине 1920-х годов продолжала свою деятельность, часть ее бывших членов активно работала в советских народных комиссариатах. Так, в Народном комиссариате просвещения работали Асан Сабри Айвазов и Абибулла Одабаш, в Народном комиссариате финансов Крымской АССР – Амет Озенбашлы, в Народном Комиссариате здравоохранения – Чапчакчи, в Народном Комиссариате юстиции Крымской АССР – Решид Ногаев. Также легальной формой работы стало кооперативное движение, в частности крымскотатарский кооператив «Шеркет». Подъем общественно-политической активности явился общетюркской тенденцией. На данный факт обратил внимание заместитель народного комиссара по делам национальностей М. Султан-Галиев. Он побывал в Крыму с инспекционной поездкой в феврале-марте 1921 года и был хорошо знаком с ситуацией в Крыму. Мирсаид Султан-Галиев в статье «Татары и Октябрьская революция» отмечает

общественно-политическую активность тюркских народов, которая логически должна была быть оформлена новым государственно-административным статусом. М. Султан-Галиев пишет: «Мы видим пробуждение целой закабаленной царизмом и обреченной на полное культурное и экономическое вырождение и вымирание нации. Забивает ключом освободившаяся от оков новая мысль. Начинается лихорадочное искание новых путей развития…Лейтмотивом всей общественно-политической мысли этой эпохи была идея национального возрождения татар» [3, с. 2]. Общая задача в реализации национальной политики решалась во всех регионах Советского Союза, в том числе в Крымской АССР.

Второй вектор – социальная и экономическая модернизация, в которую был вовлечен крымскотатарский народ. Модернизация на социалистических, большевистских установках, а не в прежней системе координат. Модернизация предполагала проведение аграрной реформы и создание национального пролетариата. Для крымскотатарского народа аграрная реформа, ликвидация бедности, являлись насущной задачей. Без обладания реальными политическими рычагами решить эту задачу было невозможно. Необходимо отметить, что неслучайно М. Султан-Галиев рационально трактовал содержание национальной политики: «Основная политическая установка наша по нацвопросу в СССР заключалась в стремлении завоевать для нацрайонов соответствующий их экономическому значению и политической роли удельный вес в общественно-политической жизни Советского Союза. Организационно мы это мыслим как минимум действительное закрепление за нацрайонами тех конституционных прав, которые были выработаны в процессе развития Октябрьской революции и окончательно зафиксированы, как неприкосновенное право националов, XII партсъездом; как максимум мы это представляли в расширении конституционных прав автономных нацобразований РСФСР…до положения союзных республик. Политически же это мыслилось в усилении активной роли националов в разрешении общесоюзных экономических, политических и социально-культурных вопросов по линии партийной и советской, в усилении их влияния на постановку и разрешение отдельных вопросов социалистического строительства в союзном и республиканском масштабах в соответствии с интересами нацрайонов и национа-

лов вообще и в организации подлинного представительства националов в соответствующих центральных органах» [11, с. 565–566]. Почти половина крестьян крымских татар были безземельными, являясь арендаторами-скопщиками. Руководство Народного комиссариата земледелия, наркомы С. Меметов, а затем У. Ибраимов инициировали проведение внутриселенного и межселенного землеустройства. Специфика крымской аграрной реформы, в отличие от преобразований в Средней Азии, в том, что земельная реформа должна была повлиять на формирование этнического баланса региона в будущем. Межселенное землеустройство предполагало, что часть безземельных южнобережных крестьян будет переселена в Северный Крым и таким образом, предпосылки притока иноэтнического населения из-за пределов Крыма будут блокированы. Таким образом, земельная реформа состояла не столько в изменении права собственности, сколько перспектив развития крымскотатарского народа. Земельная реформа, проводимая в различных регионах Советского Союза, должна была дать зримые результаты для крестьян и сформировать, таким образом, социальную базу для поддержки власти большевиков. Специфика национальной и аграрной политики проявилась также и в том, что руководство крымской автономии во главе с Председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым, отдали приоритет развитию хозяйств зажиточных крестьян. «Кулацкий» путь развития аграрного сектора Крымской АССР вызвал особо острую критику общесоюзного партийно-политического руководства. Распределение земельной собственности между различными народами Крымской АССР составило один из ключевых элементов национальной политики на полуострове. В условиях этнически более гомогенных регионов Средней Азии взаимозависимость «этнос – земельная собственность» был не так ярко выражен. Аграрные преобразования были начаты с момента установления советской власти в ноябре 1920 года. Приоритетное оказание помощи крымским татарам-крестьянам нашло закрепление в резолюции по докладу «О сельскохозяйственном строительстве в Крыму», принятой II беспартийной татарской областной конференцией. В документе отмечалось, что «самыми разоренным с/х является хозяйство татарского крестьянства, то поэтому оно более всех других народов нуждается в под-

держке государства» [10, л. 30об.]. Большевиками в начале 1920-х годов решение национального вопроса виделось как решение крестьянской потребности в земле. Конференция приняла решение, что помощь будет оказана при посредстве Сельскохозяйственного банка, в состав правления которого будут направлены три представителя крымских татар, делегированных мероприятием. Коллегия С/х банка должна была приоритетно оказывать помощь крымским татарам-крестьянам.

Тезис о решении прежде всего экономических запросов тюркских народов, как практическая реализация национальной политики, прозвучал в выступлении Мирсаида Султан-Галиева «О задачах Советского строительства среди татаро-башкир». Докладчик отметил, что «состояние экономики татаро-башкир настоятельным образом диктует Советской власти и ее хозяйственным органам необходимость выделения работы по восстановлению и возрождению хозяйства татаро-башкир, в смысле ударности, первоочередности» [9, л. 14]. М. Султан-Галиев сформулировал комплекс причин, которые, по его мнению, привели к экономической катастрофе: «хозяйственно-экономическая жизнь татаро-башкир характеризуется крайней отсталостью и состоянием полной разрухи и разлада…Такое состояние татаро-башкир объясняется следующими причинами: а) культурная, политическая и экономическая порабощенность татаро-башкир до революции. Система эта заключалась в следующем: а) искусственное обезземеливание татаро-башкир, путем насильственного отчуждения земельных угодий б) ограничение татаро-башкир в правах недвижимой собственности на окраинах, в) искусственное экономическое обезсиливание татаро-башкир в районах колонизации, путем материальной и моральной поддержки, конкурирующих с ними в хозяйственном отношении переселенческих и колонизационных элементов» [9, л. 11–12].

Национальная политика в тюркских регионах Советского Союза реализовывалась не только в аграрном секторе, но и в промышленности, и кустарных промыслах. Во всех тюркских национальных республиках отсутствовала социальная база большевистской власти в виде пролетариата. Большевистская доктрина была ориентирована на промышленный пролетариат. В результате хозяйственной разрухи 1918–1920 года Крым оказался деиндустриа-

лизирован и количество промышленных рабочих в социальной структуре было невелико. Формирование слоя промышленных рабочих крымских татар стало более интенсивным с началом индустриализации 1930-х годов. Для всех предприятий определялись квоты, которые должны были пополняться только крымскими татарами. В составе ЦИК Крымской АССР в сентябре 1929 года был создан специализированный структурный орган – Комиссия по татаризации советского, кооперативного аппарата и общественных организаций. Невыполнение квот объявлялось «уклонизмом» и было наказуемо. Коренизация на промышленных предприятиях была тесно связана с «выдвиженчеством». Выдвиженцы из среды батраков и рабочих должны были замещать посты так называемых «ответработников», то есть руководителей предприятий. Этот процесс получил также название «орабочивание аппарата».

Но центральным направлением в реализации национальной политики стал процесс, получивший название «коренизация аппарата». Коренизация в органах власти и управления означала выделение квот для служащих определенной национальности. В Крымской АССР коренизация органов власти и управления получила название татаризации. Термин не случаен, так как в 1920-х годах национальная политика была ориентирована, прежде всего, на крымских татар. Помимо квотирования важным политическим аспектом коренизации стало применение крымскотатарского языка в области государственного строительства. Определение крымскотатарского языка государственным, наряду с русским, закрепленное в Конституции Крымской АССР 1921 года, существенно изменило сферу его применения. В резолюции крымскотатарской беспартийной конференции отмечалось: «Принимая во внимание опубликованный декрет КрымЦИК и Совнаркома по вопросу о татаризации советских аппаратов и применения татарского языка в государственном быту, Всекрымская Татарская Беспартийная конференция выносит пожелание о скорейшем и энергичном проведении этого декрета в жизнь, не жалея никаких сил и средств» [9, л. 30]. Также резолюция была принята по докладу «Об участии трудящихся татар в советском строительстве», сделанном председателем правительства автономии Османом Деренн-Айерлы. Конференция высказала пожелание о создании постоянно действующего органа по практическому осуществлению

мероприятий по «татаризации советских аппаратов и огосударствления татарского языка в Крыму».

Национальная политика в отношении тюркских народов в начале 1920-х годов включала также построение определенных отношений с национальной интеллигенцией, линии «власть-духовенство». Руководство крымской автономии было вынуждено признать влияние национальной интеллигенции, активно участвовавшей в национальном движении периода гражданской войны. Из части этой интеллигенции вышли советские служащие, сотрудники народных комиссариатов, прежде всего Народного комиссариата просвещения. Национальные школы и техникумы призваны были подготовить новое поколение молодежи, проникнутое духом патриотизма и готовое участвовать в государственном строительстве.

Специфика национальной политики в отношении тюркских народов заключалась в форме автономного образования. Тюркские народы получали статус для своих административно-территориальных единиц в форме республики, края или области. Границы этих образований и объем полномочий определялись многими факторами. На I Всекрымском съезде советов Крым был объявлен автономной советской социалистической республикой. Одним из главных факторов создания республики являлся внешнеполитический. Надежды большевиков на пролетарскую революцию в Западной Европе не оправдались. Выступления коммунистов в Баварии и Венгрии в 1918 году завершились поражением. Вектор внешнеполитических надежд был обращен на Восток – Турцию и Иран. Создание крымской автономии должно было продемонстрировать, что потребности тюркских народов находят решение. Советский Союз предлагает свой вариант модернизации для тюркского мира, основанный на принципах коммунистической партии, а не кемалистов. В свою очередь крымские татары должны были стать проводниками коммунистического влияния на Ближнем Востоке. Показателен характер докладной записки, подготовленной членом крымского обкома РКП(б) Г. Шидаревым 16 июля 1921 года «Методы подхода к устройству Крымской АССР, как факела Российской социалистической революции на Ближнем Востоке». Г. Шидарев пишет: «Крым является всероссийским окном в Турцию, в значительно большей степени, чем кавказские республики, потому что нет народа более тесно свя-

занного с турками, чем крымские татары…Крым должен стать притягательным для мусульман центром, доступным для обозрения всему Востоку и Крым может стать таким только при условии использования предоставленной ему автономии» [2, л. 325].

В сентябре 1920 года в Баку состоялся съезд народов Востока. Мероприятие предполагало наметить перспективы для революционного движения на Ближнем Востоке. Крымская автономия должна была стать транзитным пунктом в экспорте коммунистических идей в Турцию. Данная установка активно обсуждалась в среде коммунистов крымских татар. Одним из первых коммунистов С. Меметовым был подготовлен доклад «К вопросу о государственной форме Крыма». Автор указывает на то, что автономия на полуострове создана с учетом международных, революционных и национальных факторов. Удовлетворение потребностей крымских татар занимает одно из центральных мест в работе органов государственной власти. В своей работе С. Меметов писал, что в Крыму необходимо создать «образцовый советский уголок», который бы послужил агитацией для всего Востока и притянул бы ориентацию Востока к себе [1, л. 73]. Необходимо отметить, что целый ряд преобразований, проводившихся в контексте национальной политики в отношении тюркских народов, кореллируются с мероприятиями в Турции. Это светский характер государства, отделение школы от церкви, латинизация алфавита, индустриализация и поддержка национального промышленного производства. В конечном итоге национальная политика призвана была реализовать коренные интересы тюркских народов, позволив им занять свое место в динамике событий XX века.

Практические мероприятия национальной политики рождались во внутрипартийных дискуссиях РКП(б). Общесоюзные мероприятия вырабатывались Народным комиссариатом по делам национальностей (Наркомнацем). Региональная специфика обсуждалась в Крымском ОК РКП(б), ЦИК и СНК Крымской АССР. К 1923 году в крымской партийной организации сформировались две группы крымских татар-коммунистов, так называемые «правые» и «левые». Подобное деление существовало в партийных организациях Казани, Уфы и других тюркских республик. В среде «правых» и «левых» активно дискутировалась практика этнополитики Советского Союза. Яркими фигурами внутри крымской

партийной борьбы стали Исмаил Фирдевс, Осман Дерен-Айерлы, Решид Ногаев, Вели Ибраимов, Умер Ибраимов, Мурат Мамут-Недим, Усеин Балич, С. Меметов. Участники внутрикрымских дискуссий поддерживали связь, в частности, с представителями казанской партийной организации, бывшими лидерами Наркомнаца. Одна из ключевых фигур Наркомнаца – заместитель наркома М. Султан-Галиев. Он стал одной из центральных фигур политической оппозиции тюркских республик в начале 1920-х годов. Несколько месяцев в феврале-марте 1921 году М. Султан-Галиев работал в Крыму, проводил обследование крымской партийной организации. В марте 1921 года в Симферополе прошла партийная конференция. Один из центральных докладов был сделан М. Султан-Галиевым на тему «Очередные задачи партии в национальном вопросе». Центральная идея выступавшего состояла в том, что решение национальных проблем не тактический прием, а долгосрочная перспектива.

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что в реализации национальной политики в отношении крымских татар можно выделить четыре этапа. Первый датируется 1917–1923 годами. Его хронологические рамки начинаются с момента большевистской революции и продолжаются до XII съезда РКП(б) в апреле 1923 года. Это период поиска концептуальных принципов реализации этнополитики, создания национальных автономных республик, возможностей дискуссий о сфере национальных отношений. Второй этап может быть датирован с 1923 по 1928 год. Начало этапа обозначается официальным провозглашением коренизации. Завершается период судебным процессом по делу Вели Ибраимова, ставшим сигналом наступления на национал-коммунистов в тюркских республиках. Третий этап с 1928 по 1934 год. Он может быть обозначен как административный. Его отличительной особенностью является создание крымскотатарских административных единиц и квотирование. Четвертый этап – с 1934 по 1938 год. Формирование национальных колхозов и крымскотатарского пролетариата, новой культуры – «национальной по форме, но социалистической по содержанию».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ГАРК. Ф. П.–1, оп. 1, д.1 02.
2. ГАРК. Ф. П–1, оп. 1, д. 63.
3. Жизнь национальностей. 1921. 5 ноября. №24(122).
4. Итоги разрешения национального вопроса в СССР. Сб. статей / под ред. С.М. Диманштейна. М.: Изд-во «Власть Советов» при президиуме ВЦИК, 1936. 223 с.
5. *Калинин М.И.* Евреи в СССР. М.: издание ЦС ОЗЕТ, 1932. 16 с.
6. Национально-культурное строительство в РСФСР к XV-летию Октябрьской революции. Сборник статей / под ред. А.Р. Рахимбаева. М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1933. 191 с.
7. Национальный вопрос и Советская Россия. М.: Государственное издательство, 1921. 91 с.
8. Национальный и колониальный вопрос и РКП(б). Материалы и статьи / под ред. Г.И. Бройдо. М.: «Московский рабочий», 1925. 411 с.
9. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 61, д. 104.
10. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 61, д. 112.
11. *Султан-Галиев М.* Избранные труды. Казань: Гасыр, 1998. 719 с.
12.ЦДАГО. Ф. 1, оп. 20, д. 753.

Сведения об авторе: Григорий Николаевич Кондратюк – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым).

The Crimean Tatars-soviet employees in the execution of national policy in the Crimean ASSR (20–30-th years of XX century)

Grigoriy Kondratyuk
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The doctrinal conditions of the Soviet ethnic policy concerning the Turkic peoples were studied in this article. The implementation of actions of indigenization (korenization) involving in the sphere of the state

construction of the Crimean Tatars was analysed. Tatarization was carried out in formation of a layer of the Soviet employees, allocations of quotas in authority and administrative bodies. Nine national districts of Crimean Tatar were created. Councils of Crimean Tatar village were the main body conducting the indigenization practice in everyday life.

Keywords: indigenization (korenization), Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR), national policy, Soviet employees, national districts.

REFERENCES

1. GA RK. F. P.–1, op. 1, d.102.
2. GA RK. F.P–1, op.1, d.63.
3. *Zhizn' natsional'nostey* [The life of nationalities], 1921, November 5, no. 24 (122).
4. *Itogi razresheniya natsional'nogo voprosa v SSSR. Sbornik statey* [The results of national question solution in the USSR, Collection of articles]. Moscow, Vlast' Sovetov, 1936. 223 p.
5. Kalinin M.I. *Evrei v SSSR* [Jews in the SSSR]. Moscow, TsS OZET Publ., 1932. 16 p
6. *Natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR k XV-letiyu Oktyabr'skoy revolyutsii. Sbornik statey* [The national-cultural construction in the RSFSR. Collection of articles. State educational-pedagogical publishing house]. Moscow-Leningrad, Narkompros RSFSR, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1933. 191 p.
7. *Natsional'nyy vopros i Sovetskaya Rossiya* [National question in the Soviet Russia]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 91 p.
8. *Natsional'nyy i kolonial'nyy vopros i RKP(b). Materialy i stat'i* [The national and colonial question in RKP(b). Materials and articles]. Moscow, «Moskovskiy rabochiy», 1925. 411 p.
9. RGASPI. F.17, op. 61, d. 104.
10. RGASPI. F. 17, op. 61, d. 112.
11.Sultan-Galiev M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Kazan, Gasyr, 1998. 719 p.
12.TsDAGO. F. 1, op. 20, d. 753.

About the author: Grigoriy Nikolaevich Kondratyuk – Cand. Sci. (History), senior lecturer of the Chair of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea).

УДК 94(470:560)"653"

The Golden Horde, Russia and the Ottoman Empire: the end of an era

Ema Miljković
(Niš University, Serbia)
Ionut Cojocaru
(Lumina University, Bucharest)

Abstract: The mid-fourteenth century had brought the shift of power in the regions of Black and Caspian seas, as well as in Anatolia. The Mongol power had begun to diminish, thus leaving the space for emergence of new political and military powers in these regions: The Grand Principality of Moscow and the newly established Ottoman state (later the Ottoman Empire).

The reasons that contributed to the dissolution of the Mongol Kipchak Horde (The Golden Horde) were both internal and external ones: depopulation as a result of the emergence of the Black Death, dynastic crises, pressure of Tokhtamysh at the time ally of Timur Lenk and failure of centralization of the Horde.

The step further in the dissolution of the Golden Horde was the establishment of the Crimean Khanate in 1440`s. This event consequently matched the ruling period of the Ottoman sultan, Mehmed II (1451–1481), who had great ambitions, not only in the south-eastern Europe, but also in the Black Sea region. Strategic partnership of the Crimean Khanate and the Ottoman Empire had become a huge threat both to the Black Sea Steppes and to the very important merchant cities of Kilia and Akkerman, under the control of the Genovese, settled on the Black Sea cost. This chain of events influenced also the position of Moldavia, who at the end began vassal state of the Ottoman Empire.

From the beginning of the sixteenth century, the Great Principality of Moscow also began its expansion toward the above mentioned regions, causing a whole range of Russian-Turkish wars led from 16th to the 18th century.

Keywords: Golden Horde, Russia, Ottoman Empire, Black sea region, Russian-Turkish wars.

The Golden Horde, which was formed by Genghis Khan's grandson Batu encompassed the territories of today`s Russia and Ukraine, including the Crimean Peninsula in the south. In the centuries following Batu's death, the Crimea became a haven for unsuccessful aspirants to the Horde's throne [11, p. 2].

As described by Brian Davis, the author of the book «Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe 1500–1700»: By the 1420s, Crimea had broken away from the Kipchak Horde; by the 1440s, so had Kazans on the upper Volga. What had remained to to Kipchak klans was the lower Volga and the capital of Sarai. As they no longer controlled all the Tatar tribes of the Kipchak steppe, their domain was increasingly reffered to simply the Great Horde [2, p. 2].

By 1443, one of these contenders, Haci Giray, had succeeded in breaking away from the Golden Horde and establishing himself as independent ruler over parts of the Crimea and the adjacent areas of the steppe. His family was to rule over the Crimea with few exceptions until the end of the eighteenth century. That was, in reality, end of the Golden Horde [11, p. 2].

I

Islam great successes over Christianity, the Ottoman conquest of Constantinople in 1453 by Mehemed the Conqueror, occurred ten years after the establishment of the Khanate. That conquest attracted the attention of the Crimean Tatars who began to look to the Ottomans for assistance in their struggles with the Khans of the Golden Horde. Thus, in 1454 the Crimean Khanate became a vassal state of the Ottoman Empire [1, p. 108.; 6, p. 104–105].

One of the Sultan's first actions upon gaining control of the entrance to the Black Sea, was to move against the Genoese trading colonies on the southern coast of the Crimea. In the summer of 1454, an Ottoman fleet of 56 vessels entered the Black Sea to begin the process of enforcing Mehemed II’s rule in an area that would eventually be known as the «Ottoman Lake» [1, p. 108–110; 3, p. 58–59].

Firstly, the Ottoman Army had conquered the city of Sevastopol. Then they tried to conquer Monocastro, later Akkeraman, but unsuccessfully. Haci Giray Khan led a troop of 6,000 Tatars to assist the Ottomans in an unsuccessful siege of Kaffa, on 11th July 1454. Alt-

hough they did not succeed to conquer this important trading center, they made them paying the yearly tribute [6, p. 104; 1, p. 108].

In 1466, after the death of the Haci Giray, the civil war between his sons Nurudevlet and Mengeli had started. The important Tatar clan, the Shirins, had invited the Ottomans in 1475 to end the struggle for the throne in the Crimean Khanate. On their way to Crimea, the Ottoman troops started again the siege of Kaffa. Although the data varies, the Ottoman fleet consisted of 180 galleys, 3 vessels with three cataracts, 170 cargo vessels and 120 vessels for transportation of the horses [1, p. 31].

On the 1st July, the Ottoman fleet settled under the Kaffa walls (estimated population of the city at that time was 8.000 houses with 70.000 of inhabitants). The bombardment had begun on 2nd July. The resistance lasted only three days. On 6th July 1475, Kaffa surrendered to the Ottomans, who were again helped by the troops of Crimean throne candidate Mengeli Giray, who came under Kaffa with 1.500 of his horsemen. The commander of the Ottoman troops, Ahmed Pasha promised to keep the life of the population, on condition that they pay a tax named *harac*. All the foreigners that lived in Kaffa, Polishes, Vlachos, Russians, Georgians, Cherkessk had been deprived of their property, estimated to the 250.000 florins. On 12 and 13th July, all the youth of the city, both male and female had been gathered in front of the Ottomans, who took the best among them as the slaves for the Sultan`s palace (the estimation how many people had been taken varied from 1.500 up to 5.000). The Ottomans also made all Latin (Italian) citizens to leave the city and take them on their vessels to the unknown direction [1, p. 311–313].

The Ottoman Candidate, Mengeli Giray won the Crimean throne, which made stronger alliance between the Ottomans and the Crimean Tatars. The Ottomans, not satisfied simply with the capture of Kaffa, continued their invasion of the Crimea's southern coast eventually taking the Genoese cities of Inkerman, Sevastopol, Kerch, Balaklava, Sudak, and the strategic fortress of Azov on the Don Basin [11, p. 2–3].

The importance of the ports of Kaffa, Kilia and Akkerman were immense for the Ottoman trades. Those ports were the main link in the trade between the region of Mediterranean and the northern countries. Mainly, the goods sold in these ports were originally from Constantinople and Bursa, as well as from the southern Black Sea areas and

central Anatolia. For example, the famous silk from Amasya, the town on the Silk Trade Route leading from Iran was transferred from Sinop to Kaffa. This merchandise was very sought for, as it was also in use in the Ottoman court [5, p. 182].

Also, the cotton fabrics from Central Anatolia and the and the alimentary goods from the region of the Mediterranean, were among the goods exported, through Kaffa, to the Crimean Khanate, Poland, Grand Principality of Moscow and the Tatar lands on the territories of Deşt-i Kipçak and Volga basin. That route that had linked Constantinople with Kaffa was used also for transportation of European, but also Arabic and Indian merchandises [5, p. 181–182].

After completing the conquest, the southern coasts of the Crimea came under direct Ottoman rule and the Tatars found themselves sharing the peninsula with a new and extremely powerful neighbor, the Ottoman Empire. The Ottomans were also successful in their efforts to influence the outcome of the war between Mengli Giray and Nurdevlet forces and, by 1478 they had placed their candidate, Mengli Giray, on the Crimean throne. In return for this assistance, Menegli promised Mehemed to «be the enemy of your enemy and friend of your friend». The Sultan was given various rights in the Crimea in return for his assistance, the most important being the right to confirm the Tatar clans' choice of Khan [2, p. 7–8].

The vassal relation between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire had not always been always based upon the above mentioned principle.

For example, during the rule of the sultans Selim Yavuz (1512–1520) and Suleyman the Lawgiver (1520–1566), the Ottoman Empire had strictly controlled the foreign policy of the Crimean Khanate. However, in some other periods the Crimean Khanate led almost independent foreign policy, when the estimated that theeir sovereignty was endangered [2, p. 7–8].

The Crimean Khanate had never become the subject of the Sultan, as was, for example the position of Serbia or Bulgaria. Its position resembled at most the position of the Danube principalities, Vallachia and later Moldavia [6, p. 346–410].

According to Alan Fisher, author of the books «The Crimean Tatars» and «The Russian Annexation of Crime 1772–1783»: «Of all the

subjects of the Ottoman Sultans, the Crimean Khans held a special position because of importance of their genealogy» [4, p. 10].

After analyzing a series of correspondence from the Crimean court to Istanbul, Viktor Ostupchuk writes: «The uniqueness and significance of the Crimean letters to the Porte become particularly evident when they are compared with Crimean letters to non-Muslim States such as Muscovy, Poland, Transylvania, the Hapsburg Empire, Denmark, and others. The diplomatics of some of these correspondences has been analyzed in the past. With their resplendent tugras [royal seals] and lengthy intitulatios listing subject peoples of the Khan, these documents, which within their texts are often referred to as yarlig or royal command, state edict resemble missives of powerful and independent sovereigns. By contrast, contemporary letters to the [Ottoman] Porte, lack all the trappings of sovereignty, including the tugra and intitulatio, while the seal of the Khan is almost always relegated to the back of the document» [8, p. 256].

When Bayazit II (1481–1512) came to the Ottoman throne, he firstly secured peace with his main opponents, Venetia and Hungary. Then, he was at ease to direct the warpath against Moldavia, since that principality had made troubles to the Ottomans in Vallachia. The first attempt (in 1481) to conquer Moldavia was unsuccessful. Three years later, in 1484, Bayazit II, led himself the Ottoman troops in order to conquest important trade centers on the Black Sea, Kilia and Akkerman, which he had acquired in the same year. Those victories had opened the roads to Poland and Hungary, and strengthen the position of the sultan. The Ottomans had finally become the masters of the Black Sea [6, p. 128–129].

The Ottomans were troubled by the pretension of the Great Horde to the territory of the Crimean Khanate. That situation lasted until 1502, when the Ottomans had completely strengthened their position over the Crimea. That was also the time when Moscow started its pretension to the Black Sea basin [6, p. 117].

II

The rise of Russia in the 15th and the 16th century, made important territorial changes in certain territories. Grand Duke Ivan III (1462–1505) had conquered Novgorod (1478–1484), Tver (1478), destroyed the power of the Kazan Tatars in the basin of the Volga

River and made raids to Ukraine in order to capture Kiev (1503). His son Vasili III (1505–1533) had continued with the expansionistic politics of his father, which resulted in conquer of the towns of Pskov (1510), Ryzan (1521) and Smolensk (1533). He, thus, made Russia important European power [10, p. 137].

According to Brian Davies, during the time of reign of the Ottoman sultans Mehmed II (1451–1481), Bayazit II (1481–1512) and Selim I (1512–1520), the alliance established between the Crimean Tatars and the Grand Principality of Moscow against the Lithuanian-Poland coalition had been supported [2, p. 13]. Bayazit II had even given to the Muscovites the trade benefits in 1489 [5, p. 56].

The alliance between the Great Principality of Moscow and the Crimean Tatars (1470–1509) had enabled Ivan III to secure the territory of central Moscowy against the attacks of the Great Horde as well as to make possible for the Crimean Khan Mengeli Giray to conquer the Great Horde and extort the tribute from Poland and Lithuania [2, p. 13].

The alliance ended in 1509, with the ambition of the Crimean Khans to capture Moscow and Astrakhan. Although some of the first attacks were successful ones, the Tatars had failed to overthrow pro-Moscovite oriented Astrakhan khan, who was supported by the Nogais. Thus, the Crimean Tatars did not succeeded in their wish to complete the reunion of the Great Horde [2, p.14].

During the reign of the Ottoman sultan Selim Yavuz, both Moscowy and Crimea send their envoys to the Ottoman capital: the first to secure their economic and trade benefits with the Empire and the second trying to prevent the expansion of Moscowy to their territories. The coronation of Ivan the Terrible in 1547 was the signaled the immense danger to the khans of Crimea, Kazan and Astrakhan [3, 138–139].

The trade contacts between the Ottoman Empire and Russia had continued until 1552, when Ivan the Terrible had conquered the khanate of Kazan, situated on the Volga River. Four years later, in 1556 he had captured the khanate of Astrakhan, which was the first sign that Moscowy and Ottoman Empire did not share the common interests any more [3, p. 139]. Thus, Moscow had gained control of the entire basin of Volga [7, p. 11].

The more aggressive policy of the Ottoman Empire started from the sixties of the 16th century, especially during the vizierate of Sokollu Mehmed Pasha, the Ottoman grand vizier from 1565–1579 [9, p. 329–331].

The Ottomans had the opportunity to give their attention to the north only after 1566, when the war with the Habsburg Empire seized to be the most important issue in the Grande Porte. Sokollu Mehmed Pasha had made a plan to build a canal between Don and Volga, in order to make free passage to the Ottoman fleet towards the Astrakhan [5, p. 57; 9, p. 330].

Astrakhan was of immense importance to the Ottomans, not only because they wanted to liberate their fellow Muslims of the Russian authority, but mainly because that would enable Ottoman fleet to enter the Caspian Sea as well, and to help the Ottoman army in Iran [5, p. 57].

Also, the Astrakhan khanate being in the Russian power meant for the Ottoman loosing the control over the route along which the Sunni Muslims pilgrims from Central Asia travelled on their way to one of the Black Sea Ports in order to travel to Mecca and connection with the Sunni Uzbeks [3, p. 139; 11, p. 15].

The control over the Astrakhan would mean, a for the Ottomans opening of the Silk Trade Route, leading between the East and West, as well [9, p. 329–330].

Sokollu Mehmed Pasha had many adversaries in the Constantinople itself, who thought that more attention should be paid to the region of Mediterranean, then to the Black Sea basin and the steppes of central Asia [9, p. 330].

According to some historians, the Crimean Khanate, vassal of the Ottomans, did nothing in order to help the Ottomans efforts toward the north. On the contrary they made obstacles during the attempt of building of the above mentioned canal. Thus, the siege of Astrakhan was unsuccessful [for example see: 9, p. 330–331].

Akdes Kurat also gave an interesting point of view regarding the same campaign: «The Turkish soldiers and horses died in their hundreds of hunger and thirst, and only a relatively small number arrived at Azak [*Azov – E.M, C.I.C.*] unscratched. By contrast losses were insignificant among the Crimean and Nogay Tatars who were inured to the hardships of this kind of march and avoided hunger and thirst by

eating the horse flesh and drinking mare`s milk» [quoted according to: 11, p. 16].

However, there are some completely different opinions. B.G. Williams noted that in the Astrakhan campaign «The Khan provided some 50,000 troops while the Ottomans supplied 15,000 for the expedition» [11, p. 15].

The same author presumes that this particular expedition would never been possible without the Crimean Tatars` and their Nogay vassals' aid. The Tatar had served as the guides and skirmishers, in order to protect the Ottoman troops from the raid of the Don Cossacks. [11, p. 15] Thus, he concluded that «An overview of the Crimean Tatars` assistance on the Russia front will demonstrate that it was only on this front that the Tatars were able to render their most valuable assistance to the Ottoman cause» [11, p. 19].

Despite all this, the Russian Tzar wanted to keep peace with the Ottomans. Sultan Selim II (1566–1574) had left Kazan and Astrakhan in the Russian hands, but he kept his suzerainty toward the Crimean Khanate, and also pledged his right to the lands of Cherkessk and Caucasus [5, p. 57].

But the Sultan did not lead his politics consistently, mainly because of the warfare in the Mediterranean. Although he wanted the route between the central Asia and Crimea opened, he did not put the pressure on the Russian Tzar for it [5, p. 58].

* * *

The fragile peace between the Ottoman Empire and Russia lasted until the forties of the 17th century. Since that time on those two Empires led severe wars, with three main goals: control of Azov, status of the Crimean Khanate and control of the Straits.

During the course of mid 17th and 18th century, Russia succeeded in her intentions. Azov, after several taking and retaking, had finally become Russian only in 1774, according to the provisions of the peace treaty of Kuçuk Kaynarca. Also, according the same treaty, Crimean Khanate became an independent state, but not for long. It was annexed by Russia in 1783. Also, according the provisions of the same peace treaty the Russians could have appointed the permanent ambassador in Constantinople, to build the Orthodox Church with the right of protection of the Orthodox population of the Ottoman capital and finally,

had gained the right for their trade fleet to flow without any restrictions both in the Mediterranean and the Black Sea [6, p. 325].

The aspiration of the Crimean Khanate toward the reunification of the territories of the Golden Horde had to be abandoned with the rise of the Russian power, but also with the Ottoman determination not to let the Crimean Tatars to lead their own foreign policy.

Thus, the Golden Horde cease to exist lost among the ambitions for territorial expansion of both Russia and the Ottoman Empire. The two powers reached the uncompromised peace only after the Lausanne conference and proclamation of the Republic of Turkey in 1923.

REFERENCES

1. Babinger F. *Mehmed II osvajač i njegovo doba* [Mehmed II the Conqueror and his Era]. Belgrade, Algoritam, 2010. 502 p.

2. Davies B. *Warfare, State and Society in the Black Sea Steppe 1500–1700*. London, Routledge, 2007. 256 p.

3. Finkel C. *The Osman`s Dream. The story of the Ottoman Empire 1300–1923*. London, John Murray, 2005. 674 p.

4. Fisher A. *The Russian Annexation of Crimea 1772–1783*. London, Cambridge University Press, 1970. 179 p.

5. Inaldžik H. *Istorija Osmanskog carstva. Klasično doba 1300–1600* [History of the Ottoman Empire. Classical Age 1300–1600]. Belgrade, Srpska Književna Zadruga, 1974. 357 p.

6. *Istorija Osmanskog carstva* [History of the Ottoman Empire]. Ed. Robert Mantrand, Belgrade, Clio, 2002. 989 p.

7. Moon D. *The plough that broke the steppes: agriculture and environment on Russian grasslands, 1700–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 319 p.

8. Ostupchuk V. The Publication of the Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Saray. *Turcica,* 1987, p. 247–276.

9. Samardžić R. *Mehmed Paša Sokolović* [Sokollu Mehmed Pasha]. Belgrade, Srpska književna zadruga, 1975. 582 p.

10. Živojinović D. *Uspon Evrope (1450–1789)* [The Rise of Europe (1450–1789]. Novi Sad, Matica Srpska, 1989 (second edition). 581 p.

11. Williams B.G. *The Sultan`s Raiders.The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Available at: http://www.jamestown.org /uploads/media/Crimean_Tatar_-complete_report_01.pdf

About the authors: Ema Miljković – Prof., Ph.D., Department of history, Faculty of Philosophy, Niš University (18000, Univerzitetski trg 2, Niš, Serbia); ema.miljkovic@filfak.ni.ac.rs

Ionut Cojocaru – Doc., Ph.D., Lumina University (021187, Șoseaua Colentina 64b, Bucharest, Romania); c.i.cojocaru@gmail.com

Золотая Орда, Россия и Османская Империя: конец эры

Эма Милкович
(Университет Ниш, Сербия)
Ионуц Кожокару
(Университет Лумина, Бухарест)

Аннотация: Середина XIV в. принесла смену власти в регионы Чёрного и Каспийского морей и в Анатолию. Власть монголов начала ослабевать, оставляя, таким образом, пространство для новых вторжений в эти регионы со стороны Великого Княжества Московского и Османского государства.

Причины, повлиявшие на распад Золотой Орды, были как внутренними, там и внешними: депопуляция, династические кризисы, давление Тохтамыша, который в то время был союзником Тимура и децентрализация в Орде.

Дальнейшим шагом распада Золотой Орды послужило возникновение Крымского Ханства в 1440 году. Это событие, соответственно, совпало с периодом правления османского султана Мехмеда II (1451–1481), у которого были огромные амбиции не только в Юго-Восточной Европе, но также и в регионе Чёрного моря. Стратегическое партнёрство Крымского Ханства и Османской Империи стало огромной угрозой Степям Причерноморья, а также самым важным торговым городам Килия, Аккерман, находившихся под контролем генуэзцев, поселившихся на побережье Чёрного моря. Эта цепь событий повлияла также и на Молдавию, которая в итоге стала вассальным государством Османской Империи.

С начала шестнадцатого века Великое Княжество Московское тоже начало свою экспансию в вышеупомянутом регионе, став причиной ряда русско-турецких войн, которые длились с XVI по XVIII века.

Ключевые слова: Золотая Орда, Россия, Османская Империя, регионы Чёрного моря, русско-турецкие войны.

Сведения об авторах: Эма Милкович – профессор, Ph.D., кафедра истории, факультет философии, Университет Ниш (18000, Университетская ул., 2, Ниш, Сербия); ema.miljkovic@filfak.ni.ac.rs

Ионуц Кожокару – доцент, Ph.D., Университет Лумина (021187, Шоссе Колентина, 64b, Бухарест, Румыния); c.i.cojocaru@gmail.com

УДК 327(=11/=8)

Tatarian-Hungarian relations

Borbála Obrusánszky
(Karoli Gaspar University of Reformed Church, Budapest)

Abstract: Hungary had been attacked by Mongols in 1241 and they occupied huge territory beyond the Carpathian basin. The next century, the Hungarian kings wanted to get back those territories from the Golden Horde. In 1345 one military group of the Eastern Hungarian border or Seklers won over the Golden Horde and reoccupied Cumania or present-day Moldova until the Dnester river. The Hungarian king of that time, or Ladislaus the Great did not want to keep hostility towards Tatars, so they concluded peaceful treaty with them.

Keywords: Tatars, Golden Horde, Hungarians, Seklers.

In the 13th century Mongolian invaders came from Asia and seized the great part of Eastern Europe and influenced its history for hundreds of years, they redrew Eastern European political and economic landscape determing its development for a long time. During this long era many significant events happened, which are not sufficiently well known for researchers in Europe. One good example is the History of Hungarian Kingdom and its relations with Mongols and Tartars which lasted from the 13th. until the early 18th. century. The topic is too diverse, and thus, the emphasis was put only on one part of this relations.

A long, nearly five centuries event series during Tatarian-Hungarian relations we know much about Batu Khan's victorious military campaign against Hungary in 1241. After that both international and Hungarian literatures no longer emphase Mongolian or Tatarian campaigns in Hungary, so only few historians recorded the Hungarian victory over Nogay Tatars, who invaded Hungary in 1285 and Laslo IV (1272–1290) Hungarian king drove back them up to the ridge of the Carpathian-mountains. The second phase of the Hungarian and Tatarian relations took place during the 14th. century, when Hungari-

an kings restrengthened their central royal power over the Carpathian-basin and wished to get back those eastern territories, which belonged to Hungarian Holy Crown, it concerned Cumania or present-day Moldva and Moldavia. Although Charles Robert's (1308–1342) first attempt in 1330 ended in failure and Basarab, leaders of Cumans and Tatars stopped the Hungarian army, the next year the Hungarian troops won him over, and it was such a significant event, that John XXII, Roman Pope welcomed that and he announced crusade against Tatarians, who invaded Hungarian border in 1334.

After one decade the Hungarian troops defeated army of the Golden Horde, and it was one of the first great defeats of the Great Empire under the leadership of Janibek khan. Unfortunately not the Hungarian victory, but the later Russian one or Battle of Kulikovo is enhaced by scholars worlwide. Althought Hungarians won over them, they didn't want to expand more territories from Tatars, they stopped at the old border and they created a good commercial relations with them and made alliances together with Genoan traders against Venice, who were the biggest enemies for both Hungarians and Genoans. The new alliance revived the Black Sea trade and carried Eastern commercial goods towards Western and Northern Europe. According to Hungarians' wishes, the greatest trade routes passed through their own country and the trade led to the development of some Hungarian and Hungarian-Saxon cities in Transsylvania and outside the Carpathian-mountains, or Moldva.

The great Hungarian victory.

The Golden Horde, namely Jochi's ulus bordered with the Hungarian Kingdom in the east, it is present-day Moldva and Moldavia, but it bored the name Cumania in the Middle Ages. The Mongols came there and occupied it near the end of the 1230's, connected with Batu khan's western campaign. That time one group of Cumans leading by Cuten fled to the Hungarian Kingdom and settled down there. After the great Mongolian invasion of Hungary, Mongols retured back to Desti Kipchak through present-day Moldva and Moldavia, and that territory came under the authority of the Golden Horde khans.

We have some authentic sources of Tatarian-Hungarian relations of the 14th. century, which focused mostly on battles. As we have mentioned above, lots of border incidents happened in the 1330's, when some darugas under leadership of Janibek khan and allied

Cuman troops entered the Carpathian basin and harassed those Hungarians, who lived in estern part of Transsylvania. According to the below mentioned chronicles, Louis the Great (1342–1382) Hungarian king heard about incidents and decided to start a war with them. He appointed to Endre Lackfi, Transylvanian voivode as the leader of the Hungarian troops marched to the eastern border to fight with Tatarian troops. In early February of 1345 Hungarians reached the Tatarian army somewhere in the eastern ridges of Carpathian Mountains and Seklers, or Eastern Hungarian people, had a brilliant victory over them, getting huge amount of booties. In addition to that, they drove back Tatarians until the Dniester river, it was a great lost for the eastern power. The Medieval Hungarian chronicles reported the following records about that:

«Similarly, when the Tatarians devastated Hungary and often attacked the border of Transylvania, and Seklers, the king sent his warlike man, Endre Lackfi, voivode of Transylvania together with Sekler nobles and powerful people against the Tatarians. They entered their land, and met his prince Athlamos, who resisted and landed with a great army against them. Hungarians overcame them, their prince was beheaded, lots of flags and prisoners were sent to Royal Majesty to Visegrad (Hungary). Then Seklers attacked Tatarians several times and returned with large booties. Those Tatars who survived ran away from coastal landscapes to the rest of Tatars»[1].

Another source says:

«Similarly, after Our Lord's birth one thousand three hundred and forty-fifth, after the third year of coronasation of Louis, around Candlemas Assumption Day Seklers and few Hungarians together marched against Tatars and with their swords countless Tatars slaughtered their own land. A powerful Othlam leader was captured alive, who was the second greatest ranked person after the Khan, and Khan's sister was His wife. He was beheaded instead of Tatars promised to pay immeasurable amounts of ransom. The Hungarians, however, were aware of His future deed, refused to ransom, she was brought back to the flags of the enemy, many prisoners, a lot of booties in

[1] Janos Kukkulei: A campaign against Tatars. Chapter VI. (Hungarian chronicle from the 14th century)

gold, silver, beads and even expensive clothes. Without interruption for three days was such a struggle»[2].

Only some modern literatures explained who was Othlam as «Tatar Khan» in the Hungarian sources, he was identified as Janibek's brother-in-law, who wore high military rank in the Golden Horde. Both above mentioned sources gave the exact name of the leader (Athlamos, Othlamus[3]), who is called the prince. Ome Hungarian researchers, as Istvan Vasary accepted this Identification or Athlamos was a prince, but it is not likely that the death of so high-rank person didn't occur in any other inner or Tatarian sources. I think he was only a leader of a province, or daruga[4] and he was responsible for western territories or the Prut-Dniester Region Tatars, whichwas the only place bordered with the Hungarian Kingdom. Ciociltan thinks that he led Budjak Tatars, who lived in the southern part of Bessarabia [1, p 279].

In the course of battle an outstanding miracle happened, as some medieval historical sources – Hungarian and Venezian – reported that. Not only Hungarians got to know it, but some Tatarian prisoners of war also: «It is also said that while battle was going on between Christians and Tatars, St. Ladislaus's head disappeared from the church of Nagyvarad (presently: Oradea). At last, the guard of the church found His head after so sweaty as if it were alive and had a great work, and it seemed to come from somewhere. The miracle proving by some Tatarian prisoners, who spoke that they were defeated not by Seklers and Hungarians, but a certain Ladislaus, who has been invoked by their enemies. Other Tatar man said, when he marched against the Seklers, a great man sat on a big horse and went before them, he wore a golden crown, holding a battle-ax in his hand, and cut Tatarians. Above his head, a beautiful woman flied, who had glorious crown. It is clear from this scene – Hungarian writer noticed – that Seklers and

---

[2] Anonymust Minorite: Victory over Tatarian battle. Chapter VIII. (Hungarian chronicle from the 14th century).

[3] Hungarian Turcologists think the Tatarian name could be similar to Turkish Atlamis. In: Vasary.

[4] Daruga is a Mongolian expression with te meaning of «leader, boss». Daruga served as leaders of a certain province, e.g. Crimea, Caucasus, Khoresm. It is very likely to former Cumania or Moldva and Moldavia had the same leveled leader [3, p. 130].

Hungarians helped Virgin Mary, and Saint Ladislaus, ex-Hungarian king, who fought for Jesus Christ's faith»[5].

The great victory of the Seklers themselves kept as a miracle, and gave thanks to their great king, Ladislaus, who earlier in the 1060's, as Duke of Transsylvania struggled with Oguz who marched the eastern borders of Hungarian Kingdom also. At that time, or during the 14th century, Hungarian artists depicted the amazing, admiration victory on the walls of churches in Seklerland. In that places lots of churches built and they were devoted Saint Ladislaus for the victory and on the walls they represented the great victory over Cumans or Tatars. On the scenes we can observe mythical struggle of Cuman warrior and King Ladislaus, the scholars found eight fresco scenes from this era in the territory of Seklerland[6]. Csaba Hidan, Hungarian resercher found that former masters realistically portrayed Eastern warriors both Cumans and Tatarians and Hungarians, the armors of the frescoes really used in the course of the 14th century, so the frescoes are the faithful correspondence of the 14th century Tatar-Hungarian battles.

Role of Moldova.

As Louis the Great did not participate personally in the Eastern campaign, so he did not take part in rebuild of administration of Cumania, or present-day Moldva. He didn't extend his central authority over the recovered territory, but around 1352 he appointed one of his nobles, Drágfi of voivoda of Belteleki from Maramaros, who was a great leader of the Upper Tisza region to reorganize Cumania, under the dependence of the Hungarian Kingdom and he got a wide range of self-governmence right. He along with Endre Lackfi's support Cumania began to populate, of that time it was almost an inhabited or sparsely populated countryside. In the literatures we can read that Moldva and Moldova under the reign of Voivode Bogdan broke the Hungarian supremacy and the province became an independent state, but this information is only partially true, the area enjoyed a high degree of autonomy and loosely bounded to the Hungarian crown up to the end of the 15th century, when the Ottoman Empire got supremacy its rich land but they kept the previous custom and gave an autonomy

[5] Anonymous Minorite: Saint Ladislaus's miracle. Chapter IX.
[6] We can find such frescoes are: Gelence, Bögöz, Székelyderzs.

for those voivode. For a long time Moldva and Moldavia did not exist as a state, their leaders had only title «voivode», which referred to its a province leader, paying attention to «voivode» dignity belonged to Hungarians and nomadic tribes of Eurasian steppe belt[7].

The territory name usually was Cumania, where Louis the Great settled down Hungarians and Saxons, moreover the Hungarian king asked Minorite monks from the Pope to evangelise Roman or Western Christianity in spite of Islam or Ortodoxy faith. It was a significant task for Louis the Great, who considered himself as the defender of the Christians, like his model, King St. Ladislaus. He restored Bishop of Milko in present-day Moldva, which was established by Andrew II (1205–1235) Hungarian king in the course of the 13th century and Dominicant monks baptized those Cumans, who followed the ceremony of the Tatars[8].

The Hungarian chronicles recorded not only under Louis the great's reign settled down Hungarians and Saxon traders, but the process went on and they continuously moved eastward and settled down beyond the Carpathian Mountains, in the 14–15th centuries. One historical source, or Madjari Tarihi recorded that the 1420's large number of Hungarians and Saxons migrated to Moldva because of the great possibilites. In addition that Louis the Great built few fortresses to ensure the protection of the Dniester borderline for traders and new populations. We can find some remnants of them, e.g. there are three Orhei settlements, whose names were derived from Hungarian «guardian place»[9]. Hungarians lived there until the 17th. century and at that time they were able to speak native language, but nowadays everybody assimilated to the majority of Romanians.

As I have mentioned above, Louis the Great did not want to be an enemy of Tatars, but he wished to establish a peaceful relations with the Golden Horde, namely for economic reasons. His decrees and

---

[7] On the titles of vaida and voivoda [7, p. 40–46].

[8] On the Bishopry in Milko [6, p. 464].

[9] A few examples of ancient Hungarian settlements are Csöbörcsök (Cioburciu), Hotin és Stăuceni, Mugyiló, (Moghilău in Romanian). Kisjenő (Chişinău), and Hungarians or Changos in Budjak. In addition to that we can discover settlement Orhei, near to Butuceni and Trebujeni. A second and the well-known city is Orhei, also, it is situated nortward to Chişinău and the third Orhei situated southward to Chişinău-tól, it is a name of a mound [2, p. 229].

donations from the second half of the 14th. century proved that policy. He began to develope the Eastern trade route from the Black Sea along the Danube-river, and the Hungarian Kingdom became the major transit and the great amount of commercial goods overpassed their cities, from there small branches diverged and led goods to Northern and Western Europe. As for Louis the Great not the Tatars but Venice was the main enemy, that's why the Hungarian king concluded not only commercial alliance with Tatars but the other big Italian merchant city state, Genoa and allowed it to carry goods across Hungary almost tax free. The king gave privileges to Genoan merchants in 1352 and it was confirmed later, also[10]. This special advantage of the resulted a booming trade in goods and the various kinds of merchants –Hungarians, Saxons, Italian, Tatarian, etc. – went across Moldova and carried their wares. Saxon and Hungarian traders who lived in Transsylvania, sold western cloth eastward and they imported eastern spices [8, p. 286]. One famous Hungarian economist, Gergely Berzeviczy said at that time the most important trade center of Europe focused on the Hungarian Kingdom. The Moldva commercial roads passing through two Transylvanian cities benefited most, one of the Middle Ages to the gate at the east end of the Hungarian Kingdom. The two major Hungarian cities southern, Brassó (Brasov) and northern Beszterce (Bistrica) gained huge amount profit from the trade. The later one monopolised the supply of goods toward Poland.

Numismatics evidences.

The coins of a given period show the amount of the traffic of goods and who ruled a certain territory as well. Let's investigate what coins circulated in the above mentioned Eastern territories, namely Moldova or Cumania and the surrounding places.

It is interesting that from the former Hungarian Kingdom coins of any minted Tatars or Golden Horde are unknown, which suggests the Carpathian Basin did not revolve Eastern money for exchange of goods at the time, it is likely that other coins were accepted there. The Hungarian scholars think, some good quality European coins were in turnover: Bohemian or Czech silver Groschen and the Hungarian golden Forint. On the southern part of modern Moldavia reserchers

[10] Louis the Great confirmed priviledge for Genoa merchants in 1379 [11, p. 117].

had found local Tatarian coins in circulation, and some northern regions as well, supposedly it was the meeting points of Tatarian and Western goods [10, p. 345–346].

For a long time Moldva and Moldavia or Medieval Cumania had no enough strong ecomony to mint an independent money, but gradually, as the Eastern or Black Sea trading began to flourish, and great amount of trade goods were exchanged, a necessity to use a separate coin appeared. We can find the first minted coin from the time of Voivoda Peter I (1375–1391) who minted silver groschen to supply local market needs. The presence of half groschen minted in Moldva indicates a small amount of local trade in that territory, this coin itself was not enough for supply the money demands of a state, it just sasisfied the local commerce and other good quality foreign coins circulated there.

The Moldavian coin itself is unique on the reverse, because we can discover the Hungarian Anjou coat of arms of the 14th. century: on the left side it is a legendary symbol of Arpad-dynasty, or red and silver strings, on the right it is the Italian coat of arms with Anjou lily. This kind of coat of arms created by Hungarian king Charles Robert and used by his son, Louis the Great up to 1382.

The design features have the following inscription: «Si Moldoviensi» and on the reverse there is a head of bull buffallo[11] surrounded by the Sun and the Moon, with the following inscription: «Sim Petri Woiwo», with the meaning: Peter, the voivoda[12]. Both sides of the coins show the territory which was not independent, but the voivoda or vaida was a powerful local lord who belonged to the Hungarian Kingdom.

Regarding the buffallo head it has an outstanding story. According to the legend from the Middle Ages, Dragfi, a great nobleman of Northeastern part of Hungary, went on hunting, suddenly a buffallo appeared in front of him and wanted to show a way for him. Dragfi chased it as Hungarians' ancestors, Hunor and Magor did before with a wonderful deer, and the buffallo led Dragfi to his new homeland, in Moldva. The story is very similar to the legend of chasing deer by

[11] On Dragfi's legend [5, p. 7].

[12] A woiwo on the Moldavian coins is a variant of Hungarian vaida, which was used in Transsylvania during the Middles Ages.

steppe people, and this motive was widespread throughout the Eurasian steppe belt, we can find some variants in the Hungarian or Bolgarian folklore tradition. The symbol of the Sun and the Moon together have an ancient meaning and it was derived from the steppe society also, from the Huns until Sekler, Turk, Kozaks, etc., who depicted them on their flag. In the neighborhood Seklers had the same flag with the Moon and the Sun, so does the coat of arms of Cumania itself [5, h. 7].The meaning of the symbol is the great emperor of the steppe society who is able to unite the Earth and the Heaven, or every mankind of the world.

Summary.

In spite of the Mongolian invasion of 1241–1242, in the nearest future we must focus on the flourishing Hungarian-Tatarian relations in the 14th. century, when the Hungarian Kingdom and the Golden Horde made alliance in trading. We need to discover some obscure events of these relations in order to clarify some significant part of Eastern European History.

REFERENCES

1. Ciocîltan Virgil. *The Mongols and the Black Sea Trade Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Brill, 2012.

2. Domokos Pal Peter. Moldvai útjaim. *A moldvai magyarság*. Budapest, 2001.

3. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow, Leningrad, 1950. 478 p.

4. *Iohannes de Kikullew et anonymus minorita chronica: De gestis Ludovici I. regis Hungarorum*. Avialable at: http://mek.oszk.hu/05500 /05564/05564.htm

5. Kahler Frigyes. A moldvai pénzverés történetéhez. *Az Érem*, 1989, no. 1, pp. 6–11.

6. Mikecs László. A Kárpátokon túli magyarság. *Magyarok és románok I–II. Szerk. Deér József & Gáldi László*. Budapest, Athenaeum, 1943

7. Obrusaszky Borbala. Vajda and Boila: On an Ancient Hungarian Title. *The DSCA Journal Danish Society for Central Asia's Electronic Yearbook*. The Huns and the Hungarians, 2008, p. 40–46.

8. Pach Zsigmond Pal. Levantine trade and Hungary in the Middle Ages: theses, controversies, arguments. *Études historiques hongroises.* Bd. 1 (1975), s. 283–307.

9. Por Antal. János, küküllei esperes Nagy Lajos történetírója 1349–1397. *Századok*, 1893, p. 1–15.

10. Sedlar Jean W. *East Central Europe in the Middle Ages, 1000–1500*. Vol. 3. University of Washington Press, 1994.

11. Wenzel Gusztáv. *Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból.* Budapest, 1876.

About the author: Borbála Obrusánszky – Doctor, Karoli Gaspar University of Reformed Church (1091, Kálvin tér 9, Budapest, Hungary); borbala.obrusanszky@gmail.com

Татарско-Венгерские отношения

Борбала Обрушански

(Университет Кароли Гаспар Реформатской Церкви, Будапешт)

Аннотация: В 1241 г. Монголия напала на Венгрию году и заняла огромные территории за пределами Карпатского бассейна. В следующем веке венгерские короли захотели вернуть эту территорию. В 1345 году одна военная группировка на восточно-венгерской границе (Шеклеры) нанесли поражение Золотой Орде и вернули Куманию или то, что в настоящее время называется Молдавией, вплоть до реки Днестр. Венгерский король того времени Ладислав Великий не хотел вражды с татарами, и вследствие этого они заключили с ним мирный договор**.**

Ключевые слова: Татары, Золотая Орда, Венгры, Шеклеры

Сведения об авторе: Борбала Обрушански – профессор Университета Кароли Гаспар Реформатской Церкви (1091, площадь Кальвина, 9, Будапешт, Венгрия); borbala.obrusanszky@gmail.com

УДК 355/359(=512.1)

Новая татарская политика Великого княжества Литовского. Сигизмунд I и татары, 1506–1516 гг.

Ярослав Пилипчук
(*Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины)*

Аннотация: Данная статья посвящена отношениям Великого Княжества Литовского с татарскими ханствами. Дипломатия Великого Княжества Литовского ставила перед собой амбициозные планы – достичь союза с татарскими ханствами. Частично это удалось в 1507 г. в случае с Крымским Ханством. Менгли-Гирей выдал Сигизмунду I ярлык на многие славянские земли. Однако прочный мир наступил только с 1512 г., когда крымцы потерпели поражение в битве под Лопушным и Менгли-Гирей был вынужден пойти на мир с литовцами. Контакты с Ногайской Ордой и Казанским ханством не пошли дальше ознакомления друг с другом. Повторная попытка заключить союз с Казанским ханством оказалась неудачной. Наибольшим успехом Менгли-Гирея был поход 1510 г. против Литвы, который был одним из самых успешных за всю историю литовско-татарских отношений. Походы же 1508, 1511, 1512 гг. оказались неудачными. От литовских и польских дел литовцев также отвлекали войны с ногайцами и Астраханским ханством, которые занимали важное место во внешней политике Крымского ханства.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Крымское ханство, Казанское ханство, Ногайская Орда, татары, восстание Глинских, Сигизмунд I, Менгли-Гирей.

Одним из интереснейших аспектов истории Великого Княжества Литовского (ВКЛ) являются взаимоотношения с Крымским и Казанским ханствами во время начального периода правления Сигизмунда I Старого (1506–1515 гг.). Вопросом этих взаимоотношений в польской историографии занимались К. Пуласки и Д. Колодзейчик [34; 30]. В русской историографии этим

вопросом занимаются А. Хорошкевич и В. Трепавлов [22; 18; 19]. В украинской историографии этим вопросом занимаются Б. Черкас и В. Ульяновский [27; 20]. Задачей данной работы является исследование взаимоотношений Сигизмунда с крымским ханом Менгли-Гиреем и казанским ханом Мухаммедом Амином в начале XVI в.

Победа под Клецком в 1506 г. ознаменовала конец эпохи ежегодных татарских нападений на Литву и Польшу [23]. Затишье 1507 г. может быть объяснено тем, что крымского хана отвлекал ногайский фактор. В 1508 г. ногайцы во главе с бием Агишем и мирзой Саид-Ахмедом и астраханцы во главе с ханом Абд ал-Керимом напали на Крым, но Менгли-Гирей разбил их. Калга-султан (наследник крымского ханского престола) Мехмед во главе большого войска двинулся на восток в 1509 г. и вышел к Волге. Вместе с ним шли отряды крымских Ширинов, Барынов, Мангытов. В политике же Великого Княжества Литовского появилось казанское направление. В 1506 г. еще к князю Александру прибыл посол от казанского хана Мухаммеда-Амина. Сигизмунд же отправил к казанцам посла Сороку с упоминками. В упоминки входили 13 локтей оксамита, сукно, серебряная чаша. Также во время пребывания в Литве Хаким-Берди был одарен конем, двумя шубами, отрезами сукна и серебряным ковшем. Сам же посол подарил тесьму и атласную ткань на золоте. Польские епископы и магнаты давали советы королю относительно конктактов с крымцами и казанцами. Уплата упоминков была важной в тюрко-монгольской традиции, поскольку для татар была показателем зависимости государства от них. Русские, литовцы и поляки воспринимали же их как необходимые дипломатические дары. Во время пребывания в Казани в 1507 г. Сорока умер. Однако реальной помощи от литовцев Мухаммед-Амин не дождался и решил пойти на мир с русскими, подписав с ними Вечный мир. В 1508 г. из плена были освобождены русские, попавшие в рабство к казанцам после поражений 1506 г. В письме, которое предшествовало первому письму Сигизмунда I казанскому хану, Мухаммед-Амин сообщал, что он победил русских и на земле и на воде, призывал оказать помощь казанцам. Вероятно, перед посольством Сороки стояла цель разведать потенциальные возможности казанских татар и уже после этого заключить с ними союз. В 1505 г.

в Литву пришли послы от ногайцев и Заволжской Орды (в даном случае Астраханского ханства), а в 1505–1506 гг. ногайцы поддерживали казанцев против русских. В 1506 г. на крымских послов было израсходовано 194 коп и 50 грошей. В 1507 г. на содержание великого посольства от крымцев и казанцев было потрачено 1080 коп и 15 грошей. Посольство Якуба Ивашнецовича и Юрия Зиновьевича прибыло с девятью девятей даров и оно обошлось казне 2444 копы и 15 грошей. На прием великого посольства от крымцев в сентябре 1507 г. было истрачено 580 коп и 20 грошей. В ноябре 1508 г. в Гродно посольство от крымцев стоило казне 1280 коп и 20 грошей. Перед тем в августе на посольство в Крым и подарки хану и его окружению было потрачено 3469 коп и 32 гроша. Посол крымцев в декабре 1508 г. стоил казне 380 коп. Посольства от крымского хана дорого стоили казне, однако Сигизмунд I шел на это, чтобы прекратить нападения крымцев на границы [2, с. 98–104, 106–109; 18, с. 146–147, 164–165; 19; 25, с. 62–69; 34, s. 107, 294–295, 297; 7, с. 69–70; 6, с. 12–13, 27; 11, с. 240–241].

Особенно интересно было наблюдать за примирением прежних заклятых врагов в 1507 г. Менгли-Гирей отказывался признавать законность правления Василия III Ивановича, мотивируя это тем, что русский правитель нарушил присягу. На коронации Сигизмунда в Вильнюсе в 1506 г. присутствовали казанский и крымский послы. А в 1507 г. Менгли-Гирей написал ярлык, в котором жаловал великого князя не только землями Великого Княжества Литовского, но и значительными территориями, принадлежащими русским, включая Новгород, Рязань, Псков, а также утраченными в русско-литовской войне 1500–1503 гг. северскими землями. В Крым с посольствами ездили Петр Фурс и Якуб Иваншенцович. В конце 1506 г. на коронации великого князя литовского Сигизмунда присутствовал оглан Таваккул. Литовцам как союзникам присягнули сам хан и его брат Ямгурчи, а также сыновья хана – Мехмед, Ахмед, Махмуд, Фетх, Бурнаш, племянник хана Японча, а также лидеры кланов Ширинов, Барынов, Сиджиутов и Мангытов. В «Литовской книге записей» зафиксированы Мехмед-Гирей, Мамыш-оглан, Агыш из Ширинов, Девлет-Бахты из Барынов, Мердан из Аргынов, Махмуд из Кыпчаков, которым уплатили упоминки. На сторону Литвы перешел

Новгород-Северский и Стародубский князь Василий Шемячич, который несколько лет до того изменил Александру Казимировичу и перешел к Ивану III. Сигизмунд I требовал от великого князя Василия территории, которые жаловали великим князям литовским крымские ханы. В 1507 г. крымцы совершили поход на земли Белева, Одоева и Козельска, то есть в земли бывших верховских княжеств, но были разбиты русскими, которые преследовали их до реки Рыбницы. От повторного похода на русских их удержало вторжение ногайцев [22, с. 166–169; 30, p. 30–36, 551–588; 34, s. 105–126, 195–196].

1508 г. принес новые изменения в политику Восточной Европы. Причиной тому был мятеж Михаила Глинского. Это в свою очередь привело к очередной войне с русскими, поскольку одних сил мятежника оказалось мало для переворота в Великом Княжестве Литовском. Михаил Глинский еще при великом князе литовском Александре Казимировиче наладил контакты с Менгли-Гиреем. Кроме того, он поддерживал связи и с ногайцами. Он не забывал степного происхождения своих предков, чем удачно и пользовался в отношениям с татарами и ногайцами. Надеясь, что литовские войска будут скованы Глинским и русскими, крымцы напали на украинские земли. Дипломатам Сигизмунда I Старого пришлось приложить много усилий, чтобы нейтрализовать татарские связи Михаила Глинского. Однако это не уберегло границ Великого Княжества Литовского от татарских вторжений [34, s. 126–138].

Бернард Ваповский в 1508 г. сообщал, что татары вторглись в Литву до Припяти. Часть татар победили Константин Острожский и русин казак Полюс. Другую часть победил Лукаш Моравец и князь Слуцка [36, s. 82–83]. По сведениям Мацея Стрыйковского, в 1508 г. крымцы вторглись в Волынь. Одну часть крымцев разбил русин казак Полюс, а вторую победил Константин Острожский. Ротмистр же пехотинцев Лукаш Моравец на Случе около Слуцка дал бой превосходящим силам врага. Ему также помогли конные бояре Анастасии Слуцкой. Многие татары погибли в заболоченных местностях около Слуцка [17, с. 889]. По данным Марцина Бельского, в 1508 г. крымцы, пользуясь мятежом Михала Глинского, атаковали литовцев, однако на реке Случ их разбил Лукаш Моравец [31, s. 949–950]. В Густынской летописи, также указано, что

мотивом нападения в 1508 г. было то, что крымцы надеялись на легкую победу. Сказано, что Константин Острожский победил их под Слуцком и отнял у них весь плен [5, с. 144]. Александр Гванини датировал это вторжение 1507 г. Описание войны против татар у него практически заимствовано у Мацея Стрыйковского [3, с. 362]. В июле 1509 г. 2 тыс. татар вторглись на территорию Брацлавского воеводства и прошли около Брацлава и Винницы. Однако они были разгромлены Николаем Каменецким под Вороньим Островом. На Волыни татары были разбиты Полусом и Константином Острожским, а около Слуцка их победили отряды Лукаша Моравца и княгини Слуцкой [34, s. 138].

Менгли-Гирей предложил Михаилу Глинскому перейти под его власть, за что Менгли-Гирей будет защищать его от короля Сигизмунда. Нужно сказать, что хан наладил контакты с Глинским еще в 1505 г. Глинского поддержали всего в нескольких городах – Слуцке и Копыле, его войска взяли Туров и Мозырь. Среди аристократии Великого Княжества Литовского его поддержали князья Друцкие и Михаил Мстиславский. Попытка же взять Минск, Оршу, Слуцк и Мстиславль была неудачой. В планах Михаила Глинского было овладение Новогрудком, Вильнюсом и Каунасом, но эти планы пришлось пересмотреть. Йодок Деций указывал, что многие литвины и русины хотели перейти на его сторону. Но это скорее предубежденость польского автора к русинам. Василий Глинский, который должен был поднять на восстание Киевщину, действовал в районе Овруча и Житомира и не добился сколь-нибудь значимых успехов. Потом Михаил Глинский отправил своего брата к русским за помощью. Против мятежника были отправлены польские силы Николая Фирлея и литовские силы Константина Острожского. На протяжении мая и летних месяцев литовские силы заняли Мозырь, Минск и Оршу. Русские силы, пришедшие на помощь Михаилу Глинскому, отступили из-под Орши, сам же мятежник бежал к русским. Не помогла ему победить даже демагогия о восстановлении Киевского княжества. Кроме того, великий князь московский Василий Иванович не поддержал идею Менгли-Гирея о создании Киевского княжества, что значительно испортило отношения Крыма с Москвой, поскольку одной из главных идей крымского хана было установление протектората над Киевской землей. Он ударил в

тыл русским в районе Северской земли, но был вынужден отступить в виду того, что русский государь вел переговоры с ногайцами и можно было в любой момент ожидать вторжения ногайцев [22, с. 169–170; 20, с. 34–35; 26, с. 101–109; 35, p. 77–100].

Менгли-Гирей воевал и против литовцев и против русских, заключая союз то с одним, то с другим властителем. Он хотел добиться уступок от Василия III в вопросе с Хаджи-Тарханом. От великого князя литовского и короля польского он добивался выдачи крымцам Шейх-Ахмеда, чтобы ликвидировать даже теоретическую угрозу Крымскому ханству. Менгли-Гирей хотел максимально обезопасить свое государство. Естественно, ни Василий III Иванович, ни Сигизмунд I не пошли ему навстречу. Менгли-Гирей в 1509 г. предложил Сигизмунду выдать ему Шейх-Ахмеда и платить дань в 10 тыс. золотых в прибавление к обычной дани в 4,5 тыс. золотых. Сигизмунд согласился выплачивать дань размером 15 тыс. золотых, но не выдал Шейх-Ахмеда. Это важная персона была необходима, чтобы Менгли-Гирей шел на контакты с Великим Княжеством Литовским боясь освобождения бывшего хана Большой Орды. Дань с украинских земель Польского Королевства и Великого Княжества Литовского получил Ахмед-Гирей в Киеве в 1510 г. [30 p. 36–39; 34, s. 132–137, 140–142].

По данным Марцина Бельского, Менгли-Гирей через своих послов потом договаривался о мире с Сигизмундом. Также он был занят походом против Молдавии, правитель которой Богдан Штефанович заручился помощью венгерского короля Лайоша II. Оступить крымцев из Молдавии заставило вторжение ногайцев [31, s. 961–962]. По сведениям Марцина Бельского, в 1509 г. Менгли-Гирей в битве с ногайцами потерял двух сыновей [31, s. 954]. Мацей Стрыйковский в 1509 г. сообщал о победе ногайцев над крымскими татарами. В 1510 г. он сообщал, что татары победили ногайцев и на Волге, и на Каме, а также опустошили вражеские владения [17, с. 872]. Александр Гванини в 1509 г. сообщал, что в битве с ногайцами погибло два сына хана. В 1510 г. он сообшал, что Мехмед-Гирей победил ногайцев и увел в плен 70 тыс. их людей. Было сказано, что ханский сын застиг их не готовыми к бою [3, с. 362–363].

Однако куда более важное значение чем ногайцы и Великое Княжество Литовское для Менгли-Гирея имело Астраханское

ханство. Военные ресурсы этого ханства были невелики, да и сам Хаджи-Тархан не был большим городом. Однако эта местность имела для татар такое же значение, как для восточных славян Киев. После окончательного упадка Сарая Хаджи-Тархан стал центром Тахт-Эли (Престольного Владения), а им правили Музаффар и Абд ал-Керим. Хаджи-Тархан поддерживали ногайцы. Они достигли с правителем этого государства договоренности поддерживать друг друга, в частности в старинной вражде потомков Тимур-Кутлуга против Гиреев. В 1509 г. крымцы совершили поход в ответ на поход ногайцев и астраханцев на Крым. Мехмед-Гирей в переписке с Василием Ивановичем указывал, что он победил ногайцев, однако Хаджи-Тархан в 1509 г. взять не удалось. Крымский посол в Великом Московском Княжестве Баба-шейх просил, чтобы русский правитель отправил на Астрахань рать на судах. Если бы русский государь это исполнил, крымский хан через своего посла обязывался вместе с Василием воевать против короля. Менгли-Гирей предлагал воевать против потомков Тимур-Кутлука. Однако Василий III Иванович отказался это сделать, мотивируя тем, что судов на реке не имеет. Крымский же хан прекрасно знал о том, что суда у русских были, поскольку они приходили так несколько раз на Казань. Если бы Менгли-Гирею удалось бы овладеть Хаджи-Тарханом, то Крым собрал бы под своей властью большую часть бывшей Золотой Орды. Мехмед-Гирей в 1510 г. объяснял причину задержки с оправлением послов в Литву тем, что ему пришлось воевать и со смутой среди ногайцев [18, с. 140–151; 7, с. 71–72; 34, s. 365].

Но Василий III Иванович не желал слишком усилять крымцев. Кроме того, он пользовался помощью ногайцев. Использовать их силы помешала лишь усобица в самой Ногайской Орде. Это послужило поводом для разрыва отношений Менгли-Гирея с Великим Княжеством Московским. В 1512 г. крымский хан совершил поход на русских. Он нападал на Белев, Одоев, Воротынск, Путивль, Брянск, Стародуб и Рязань, однако русские победили крымцев. Захват русскими Смоленска в 1514 г. вызвало неудовольствие Менгли-Гирея и тот возмущался тем, что Василий не предупредил хана о взятии города. С присоединением земель к Русскому государтву, крымцы лишались доходов с земли и упразднялись дорожные пошлины, как это было с Одоевом.

Менгли-Гирей требовал, чтобы Василий Иванович вернул Литве Северскую землю. От 1512 г. и до самой своей смерти в 1515 г. Менгли-Гирей был союзником Великого Княжества Литовского [22, с. 170–171, 177–179; 34, s. 182–193; 36, s. 114].

По сведениям Марцина Бельского, в 1510 г. Менгли-Гирей во главе 70 тыс. войска воевал против литовцев и почти дошел до Вильнюса, увел в плен много людей и угнал много скота. При переправе через Днестр погиб Баты-Гирей. Однако сведения о погибели Баты-Гирея при переправе через Днестр не подтверждаются молдавскими летописями. Крымские татары в числе 1 тыс. воевали в Молдавии, около Днестра молдавский воевода Копач сражался с ними и проиграл им битву [31, s. 954, 958]. Мацей Стрыйковский в 1511 г. сообщал, что перекопские татары завоевали земли Руси и дошли до Вильнюса и разорили земли за Вильнюсом. Крымцы забрали большой плен и беспрепятственно вернулись в свои степи. В том же году татары воевали в Молдавии и забрали плена 70 тыс., однако Баты-Гирей с несколькими тысячами татар погиб при переправе через Днестр. Как и у Марцина Бельского у Мацея Стрыйковского рассказано о воеводе Копаче, погибшем в битве с татарами [17, с. 878]. Александр Гванини в 1510 г. сообщал, что сам хан с большим войском напал на Литву, опустошил землю и угнал много людей и скота. Сказано, что после этого он двинулся на Молдавию и там также достиг больших успехов, однако при переправе через Днестр Баты-Гирей потонул в реке и что татары понесли больше вреда от воды, чем от людей [3, с. 363].

Несколько по иному события излагались в литовских и украинских летописях. В летописи Рачинского сказано, что в 1510 г. литовцы разбили татар [1, с. 168]. Однако эти сведения не подтверждаются ни в польских хрониках, ни в украинских источниках. В Густынской летописи сказано, что в 1510 г. Менгли-Гирей ходил в Литву под самый Вильнюс, забрал в плен многих людей. В том же году, по сведениям украинского хрониста татары разбили молдавского воеводу [5, с. 145].

В. Ульяновский отмечает, что вести переговоры о выкупе людей пришлось даже Константину Острожскому. Однако эти переговоры были малорезультативными [20, с. 38]. Кампания 1510 г. против Великого Княжества Литовского была успешной

для крымцев и они воевали также на Галичине [33, s. 87]. По оценкам К. Пуласки, в 1510 г. крымцы в количестве 50–60 тыс. чел. опустошали земли Сигизмунда I и увели в плен 70 тыс. чел. Против основных сил Менгли-Гирея и этот князь был все также бессилен, как и его дед Казимир Ягеллончик. Ему оставалось только платить большую дань крымскому хану и просить, чтобы вместо Литвы он воевал против валахов (точнее Молдавии). Менгли-Гирей прислушался к совету, в том смысле, что неплохо было бы пограбить и Молдавию [34, s. 144–151].

Польский хронист Бернард Ваповский сообщал в 1509–1510 гг. о ногайских и молдавских кампаниях Менгли-Гирея. Сообщалось, что Менгли-Гирей совершил два похода против ногайцев [36, s. 93–94, 97–98]. Поход на Литву 1510 г. был большим успехом Менгли-Гирея и позволил восстановить репутацию крымского войска, которое пошатнулось после поражения под Клецком. Вторжение ногайцев, которое отвлекло внимание крымцев от Великого Княжества Литовского и Княжества Молдавского, произошло в 1511 г., когда, по сведениям крымского хрониста Саид Мухаммеда Ризы, во время нашествия мирзы Саид-Ахмеда вместе с Мумаем напали на Крым. В 1515 г. по сведениям посольских документов крымцы воевали около Волги, однако ногайцы успели переправиться на ее правый берег и уйти от преследования. Перед этим Мехмед-Гирей трижды побеждал ногайцев – в 1507, 1509, 1510 гг. [18, с. 165–166].

Мацей Стрыйковский сообщает, что в 1511 г. Юрий Семенович Слуцкий и Андрей Немирович благодаря ночной атаке победили татар, которые до того воевали около Киева. Битва состоялась в урочище Рутке и литовцы убили 8 тыс. татар. Три мирзы – Ариа Сенаг, Адзига, Таксар бежали всего с 70 людьми [17, с. 879]. В «Хронике Литовской и Жмойтской» под тем же годом сказано, что татары в 1511 г. воевали против литовцев и распустили свои войска до Вильнюса и доходили за Вильнюс, забрав в плен множество людей [24]. Феодосий Софонович сообщал, что в 1511 г. Юрий Слуцкий и Немирович около Киева победили 8 тыс. татар, из которых мало кто уцелел [16, с. 186]. В 1511 г. литовцы разбили татар под Брацлавом, Овручем и Киевом. Походы татар на Молдавию в 1512 и 1513 гг. были обусловлены союзническим долгом крымцев перед Османами [33, s. 87]. Константин Острож-

ский сообщал, что в 1511 г. 3 тыс. татар было в окрестностях Брацлава. Ежи Крупски ранее князя сообщал, что 3 тыс. татар уже в поле. К. Пуласки, считал главным героем в битве в урочище Рутке Андрея Немировича [34, s. 158–159].

Однако главный успех пришел к литовцам и полякам в 1512 г., когда татары совершили поход на Галичину и Волынь. По сведениям Краткой Волынской летописи, в 1512 г. литовцы Константина Острожского и поляки Николая Каменецкого под Лопушным во главе 6 тыс. войск победили татар, освободили 16 тыс. угнанных в плен русинов. Менгли-Гирей после этой битвы оставил в заложниках своего сына Джелал ад-Дина [1, с. 168]. По данным Киевской летописи, в 1512 г. сказано, что литовцы победили под Лопушным татар [8]. По сведениям Густынской летописи, в 1511 г. Сигизмунд I обещал крымцам дань в том же размере, что и ранее, а Менгли-Гирей воевал против молдаван, однако был вынужден отступить, узнав о набеге ногайцев на крымские владения. В 1512 г. Менгли-Гирей с двумя туменами пришел в Галичину и встал между Бузком и Олеськом. Под Белкой Лясконский разбил татар. Николай Каменецкий и Константин Острожский с русинами и литовцами победили татар и освободили из плена 60 тыс. русинов [5, с. 145–146]. В «Хронике Литовской и Жмойтской» в 1512 г. Константин Острожский, Михаил Вишневецкий и Андрей Збаражский с войском из литовцев и русинов разбили Менгли-Гирея, который ушел в степи с малыми силами [24]. Феодосий Софонович сообщал, что в 1512 г. под Вишневцом Константин Острожский победил войско из 25 тыс. татар, а сам Менгли-Гирей с малым войском бежал, а три его сына погибли [16, с. 186].

По сведениям Марцина Бельского, в 1512 г. Менгли-Гирей во главе большого войска находился между Бузком и Олеськом. Лянцкоронский староста Каменецкий разбил татар под Белкой. Константин Острожский с 2 тыс. волынцев и 4 тыс. поляков с Николаем Каменецким выдвинулись к Вишневцу. Там он столкнулся с татарами. В битве отметились поляки Войцеха Самполиского и Якуба Потоцкого, которые помогли литовцам. Это произошло в день святого Виталия. Польский хронист отметил 10 знатных поляков и братьев Вишневецких, бывших с Констатином Острожским в битве при Вишневце (под Лопушным). После по-

ражения Менгли-Гирей отправил к Сигизмунду послов. Залогом того, что словам крымского хана можно верить, стало заложничество сына хана – Джелал ад-Дина [31, s. 963–966].

Мацей Стрыйковский датировал битву днем Святого Виталиуса, то есть 28 апреля 1512 г. В битве среди знатных поляков были Николай Каменецкий, Ян Одровонж, Отто и Станислав из Ходца, Ян Амор Тарновский, Станислав Ляскоронский, Ян Свирчовский, Ян и Николай Пилецкие, Петр и Станислав Кмиты. Из литовцев в битве принимали участие Константин Острожский, Андрей Збаражский, Михаил, Иван, Александр Вишневецкие, Александр Чарторыйский, Юрий Радзивилл. Татарами в битве руководил Менгли-Гирей и их войско насчитывало 25 тыс. Войска татар перед битвой опустошали руские (галицкие) и подольские земли и были догнаны Константином Острожским у Вишневца. При Константине было 3 тыс. воинов. Сама битва описана Мацеем Стрыйковским в стихах. Ляскоронский был сначала в авангарде, потом охранял обоз. В войске было 6 тыс. Константин Острожский возглавлял отряды волынцев и литовцев. Главные силы татар ударили на литовцев, поляки Войцех Самполинский и Бернард Потоцкий помогли Константину Острожскому. Волынцы, литовцы и поляки разбили передовой татарский отряд. Отряды татарских царьков Константин Острожский заманил в засаду, где стояли поляки. Потом он атаковал силы татарских лучников, которые еще подходили. По данным Мацея Стрыйковского, в битве погибло 100 литовцев. После битвы литовцы и поляки уничтожали татарские отряды, возвращающиеся из рейдов на Галичину и Подолье. В Польше и Литве торжественно отметили победу, а 13 мая к Сигизмунду прибыли послы от татар и заложником в Вильнюс был отправлен сын Менгли-Гирея Джелал ад-Дин [17, с. 884–890].

Бернард Ваповский сообщал в 1512 г., что крымцы опустошили Волынь в Руси и взяли в плен многих людей. Их войска стали у Бузка и Олеска. Польский хронист считал, что Николаю Каменецкому противостояло 25 тыс. татар. Выпячивалась роль поляков в битве, но Бернард Ваповский не мог не отметить участие в битве волынцев. Битва состоялась на день мученника Святого Виталия под Вишневцом. Среди поляков в битве отметились Николай Каменецкий, Ян Одровонж из Спронвы, Отто и Станислав из Ходца, Марцин Каменецкий, Петр и Станислав Кмиты,

Станислав Лянцкоронский, Ян Сверчовский, Ян и Николай Пилецки, Ян из Тарнова, Якуб Сецигновский. С литовской стороны были Константин Острожский, Андрей Збаражский, Михаил Вишневецкий с сыновьями. Менгли-Гирей после поражения отправил в заложники Джелал ад-Дина [36, s. 106–109].

Йодок Людвиг Деций сообщал, что битву против татар начал Станислав Ляскоронский. Кроме того, он отмечал, что врага первыми встретили волынцы. Александр Гванини датировал битву 1511 г. Сказано, что сам хан вторгся с 24 тыс. татар и стал кошем между Олеском и Буском. Король Сигизмунд I отправил свое войско на помощь к наемникам, которые находились на Руси. Каменецкий староста Ляскоронский разбил татар под Белкой и, преследуя, загнал в болото. Когда все войска поляков и литовцев собрались под Вишневцом они были воодушевлены победой. Константин Острожский возглавлял 2 тыс. конницы, поляков же было 4 тыс. Гетман настоял на том, что он должен начать бой, потому что лучше знает обычаи татар. Поляки пытались оспорить это его решение, однако подход авангардов крымцев развязал эту проблему. Константин стал на правом фланге и именно на него ударили татары. После этого он дал знак, чтобы поляки ему помогли. Татары смешались в одну массу. Поляки все прибывали и прибывали, а один их отряд пробился к пленным и освободил их. 25 тыс. татар были разбиты на день Святого Виталия, а освобожденных из плена было 16 тыс. Список участников битвы у Александра Гванини дублирует аналогичный у Бернарда Ваповского. После этого поражения в 1512 г. хан хотел отравить в заложники Джелал ад-Дина, а Сигизмунд I отказывался платить дань [3, с.363–365; 27, с. 62].

В «Хронике Литовской и Жмойтской» сказано, что в 1512 г. под Вишневцом Константин Острожский вместе с Михаилом Вишневецким и Андреем Збаражским во главе войска из литовцев и русинов победил 25 тыс. татар. Сообщалось также, что Менгли-Гирей спасся с малыми силами [24]. В Летописи Рачинского под 1512 г. записано, что под Лопушным литовцев и поляков было 6 тыс., а татар было 24 тыс. Сказано об освобождении 16 тыс. пленных и победе над Менгли-Гиреем. Указывалось, что после битвы крымский хан отправил заложником к литовцам своего сына Джелал ад-Дина [1, с. 168].

Феодосий Софонович в 1512 г. сообщал, что на Подолье и Волынь напало 25 тыс. татар. Сказано, что король Сигизмунд I направил против них войско во главе с Константином Острожским, который победил крымцев под Вишневцом [16, с. 186]. В Густынской летописи указано, что в 1512 г. крымский хан Менгли-Гирей (уже дважды обещавший мир королю) с 20 тыс. войском пришел к Буску и Олеску. У Белки Ляскоронский загнал татар в болото. Константин Острожский с литовцами и русинами и Николай Каменецкий с поляками были окружены множеством татар под Вишневцом на Горыни. Сказано, что один отряд пробился к пленным, которых было 16 тыс, и освободил их. И люди начали помогать литовцам и полякам, и в следствие этого был разбит Менгли-Гирей, который после отправил в заложники своего сына Джелал ад-Дина [5, с. 145].

В честь победы над татарами была написана панегерическая поэма. Фактологически эта поэма повторяла сведения Бернарда Ваповского и Марцина Бельского и сообщала о 25 тыс. татар. Указано на первую битву под Белками, где литовским войском командовал какой-то Станислав. Указано, что литовцев и поляков было 6 тыс., а татар 25 тыс. Константина Острожского панегерист сравнил с Гектором и Геркулесом. Ему на помощь пришли Вергард с Потока и Войцех Зампольский. Указано, что было освобождено 16 тыс. пленных, погибли три царька и зять царя (Менгли-Гирея), взято 10 тыс. коней и верблюдов. В «Похвале королю Сигизмунду», сложенной по приказу политического врага Константина Острожского Ольбрахта Гаштольда, уже не отмечено участие Константина Острожского в битве, а все лавры приписаны Николаю Каменецкому. Фактологическая часть панегерической поэмы, посвященной победе под Вишневцом, была положена в основу описания битвы под Лопушным в нескольких польских хрониках (Марцина Бельского, Бернарда Ваповского, Александра Гванини, поэма о битве была приведена в хронике Мацея Стрыйковского) и в двух белорусско-литовских (Летописи Рачинского и «Хронике Литовской и Жмойтской») летописях. Ее влияние заметно и в сведениях Густынской летописи.

В. Ульяновский соглашается с тем, что число татар в битве под Вишневцом преувеличено хронистами. По мнению Л. Подгородецки, крымцы в битве под Вишневцом выставили 8 тыс., а ли-

товцы и поляки вместе 6 тыс. По оценкам К. Пуласки, в битве под Вишневцом погибло 5 тыс. татар, а из ясыря была освобождено 10 тыс. чел. Эти цифры намного реалистичнее указаных в хрониках и летописях. Б. Черкас считает, что в битве участвовало 3 тыс. поляков и 3 тыс. литовцев. Он считает, что решения Константина Острожского первым начать бой во главе литовцев, более приспособленных к войне против степных врагов, сыграло решающую роль. Главную роль в противостоянии с татарами играла мобильность войск. Воины Константина Острожского были на правом фланге, а на левом – поляки, в центре находился лагерь с пехотинцами и двумя пушками. Литовцы не дали татарам окружить себя. Пехотинцы и артилеристы вынудили же крымцев соблюдать некоторое расстояние и ослабить давление на поляков. Важное значение имел удар поляков Николая Каменецкого по правому флангу татар. Освобождение же пленных позволило ударить по крымцам и с тыла [20, с. 41–45; 33, s. 88; 34, s. 168–177; 26, с. 107–109].

Значение деятельности князя Константина Острожского в обороне южной границы было велико. Из его замков фактически состояли две линии обороны. В первую, то есть переднюю, входили Звягель, Чуднов, Полонное, Красилов, Колодно, Чернехив. Вторую линию, которая находилась в тылу, составляли замки в Степане, Дорогобуже, Остроге, Тучине, Ровно, Сатиеве, Дубно. Пример Константина Острожского заимствовали и другие волынские князья – Збаражские, Заславские, Сангушки, Корецкие. Новые укрепления позволили нивелировать угрозу, которая появилась после того, как крымцы уничтожили Караул, Качибей, Торговицу, Животов, Копыстерин, Сквиру, Комаргород, Краснэ [9, с. 82–94].

В 1514 г. Сигизмунд возобновил связь с казанским ханом. Он отправил в Казань нового посла, чье имя нам неведомо, и толмача Макара. В 1515 г. теперь уже посольство во главе с Макаром прибыло в Казань добиваться союза с Казанским ханством против русских. Эти посольства не получили отклика, поскольку хан плохо себя чувствовал, а политикой руководило его окружение, которое не было настроено против русских. Письмо от 18 ноября 1514 г. интересно тем, что Сигизмунд I сообщает казанцам о нескольких победах литовцев, изгнании русских из литовских земель (правда умалчивает о том, что Смоленск не удалось отвоевать) и пленении многих знатных русских дворян (намекал

о большой победе при Орше). Сигизмунд призывал Мухаммед-Амина не мириться с русскими и причинить им максимальный ущерб. Со своей стороны великий князь литовский и король польский обещал сделать то же самое. Второе посольство, прибывшее в Казань в 1516 г., привезло Мухаммед-Амину обещание оказать помощь, если русские нападут на Казанское ханство. В послании говорилось, что два года до того литовцы разбили русских. Великий князь литовский предлагал казанцам атаковать Нижний Новгород и желал, чтобы они его завоевали. Со своей стороны Сигизмунд обещал помочь, воюя против русских. Союзу Великого Княжества Литовского с Казанским ханством мешало несколько обстоятельств. В плену у русских оставался сын Мухаммед-Амина Абд ал-Латиф, который погиб при таинственных обстоятельствах в 1517 г. Сам Мухаммед-Амин умер в 1518 г., не нарушив ни одного раза Вечного мира с русскими. При дворе хана, очевидно, преобладали сторонники мира с русскими. Да и сам Мухаммед-Амин в свое время (в 1500 г.) воевал на стороне русских против литовцев. Вероятно, казанский хан, видя перед собой пример Ахмеда и Шейх-Ахмеда, которым Казимир Ягеллончик и Александр Казимирович помогали только на словах, считал лучше иметь прочный мир с русскими, чем войну с неопределенным исходом. Он долгое время пробыл при дворе великого московского князя и не по слухам знал о его силах. Если литовцы реально хотели помочь ему, то, вероятно, это нужно было сделать еще в 1506 г. После смерти Мухаммед-Амина пресеклась династия Улуг-Мухаммеда и престол занял сторонник союза с русскими Шах-Али [19; 25, с. 72–79; 27, с. 100–101].

В 1513 г. Сигизмунд I отправил к Менгли-Гирею шертную грамоту на славянском и латинском языке о союзе, где клялся воевать с врагами Менгли-Гирея, указывал на связи литовцев с Крымом от Витовта и Казимира до своего правления. Примечательно, что в этом документе использовалась крымская терминология, то есть великий князь литовский называл крымского хана правителем Большой Орды. Сказано о послах – князе Винценте и Девлет-Бахты и о достижении союза между государями. Крымцев уверяли в том, что литовцы не выпустят на волю Шейх-Ахмеда, обещали предоставить льготы для купцов и платить большие упоминки. Менгли-Гирей же должен был оказывать помощь ли-

товцам против русских и отвоевать те земли, что завоевали великие князи московские у Литвы. Под проектом этого договора подписались правитель и все значимые персоны его двора [30, s. 580–593; 34, s. 416–418].

Менгли-Гирей в ответном письме в конце 1513 г. отвечал, что его предки и он сам получали с земель Великого Княжества Литовского дани и выход, давали великим князям ярлыки на княжение. Он сообщал, что отправил в заложники Джелал ад-Дина, подтверждал условия ярлыка 1507 г., выражал увереность, что получится отвоевать захваченные земли. Сообщалось, что в присутствии Яцька Ратомского хан и его окружение присягнули на верность союзу с Литвой. Сам хан два раза присягнул на Коране [30, s. 594; 34, s. 420–423].

В 1514 г. Менгли-Гирей отправил шерт-наме Сигизмунду. Ритуально повторялись слова о давней дружбе и о действительности ярлыка 1507 г., однако вспоминались войны крымцев с Литвой и Польшей при Казимире IV, Александре и Яне-Ольбрахте Казимировичами, а также при самом Сигизмунде I. Как знак особого расположения трактовалось отправление к Сигизмунду I Джелал ад-Дина. Литовцам обещали не взымать денег с тех, кто добывает соль в лимане у Хаджибея. Также крымцы обещали защиту от татарских казаков, которые могли грабить купцов. В письме от 29 октября 1514 г. Менгли-Гирей требовал ежегоднюю дань размером в 15 тыс., которую ранее обещал Сигизмунд I. Он уверял великого князя литовского и короля польского в союзе с ним против русских. Дружеские отношения теперь уже поляков и татар указывались от времен Владислава-Йогайла и Токтамыша. Аналогичный документ кроме славянского русинского языка был написан на итальянском языке [30, s. 605–623].

Победа Констатина Острожского под Лопушным серьезно изменила расстановку сил в Восточной Европе. Кроме того, Менгли-Гирей оставил последние иллюзии относительно зависимости от него русского правителя и возможности перехода Киевской земли под его власть. Великое Княжество Литовское же оказалось крепким орешком, невзирая на то, что походы татар под руководством Менгли-Гирея и Мехмед-Гирея против литовцев были, как правило, удачными. Присутствие потомков Тимур-Кутлука в Ногайской Орде было большой угрозой. Воины, кото-

рых он мог потерять на украинских землях, были ему куда нужнее в противостоянии с ногайцами. Менгли-Гирею было необходимо примириться с литовцами и поляками. Сигизмунд I же обеспечил себе лояльность крымцев, заплатив в 1512 г. упоминки в размере 15 тыс. золотых. Они платились из казны Великого Княжества Литовского и Короны Польской. В 1514 г. хан Менгли-Гирей и калга Мехмед-Гирей получили девятые упоминки, которые были символом зависимости от татар. Они выплачивались и деньгами, и товарами. Упоминки были уплачены хану, его сыновьям, женам и крымской знати. Их уплата была необходимой для того, чтобы крымцы не нападали на литовские и польские земли. Менгли-Гирей, а потом и его сын Мехмед-Гирей не оставлял попыток овладеть Хаджи-Тарханом. В литовской и польской исторической и политической мысли утвердилось мнение о нескольких государствах татар. В качестве заложника в Литву прибыл Джелал ад-Дин (внук Менгли-Гирея, сын Мехмеда-Гирея) в 1512 г., который, однако, в 1513 г. отправился в Познань. Сам по себе это был беспрецендентный факт, поскольку ранее Гиреи не были в качестве закладников в Литве. Крымцы договаривались с литовцами о мире в 1512 и 1514 гг. Хаджи-Тархан оставался для крымцев все той же недостижимой мечтой. Меджу тем в Тахт-Эли в 1514 г. Джанибек изгнал Коджака (брата Шейх-Ахмеда) и Музафара. В кавказской Тюмени местные султаны и Муртаза новым ханом провозгласили Коджака. Против них выступили ногайцы Шигима и правитель Хаджи-Тархана Джанибек, которые разбили коалицию этих правителей. Среди самих ногайцев не было единства и в 1517 г. вследствие проигрыша в борьбе Алчагыр бежал к крымцам. В 1518–1519 гг. к нему присоединились и другие ногайцы, мигрировашие на запад под давлением казахов. Переселение ногайцев серьезно усилило войско крымцев. Джанибек был тем самым Джанибеком, которого хан Ахмед сделал крымским ханом и он был старинным врагом Менгли-Гирея. Но решить давний спор Гирею было не суждено, поскольку он умер в 1515 г. [7, с. 74–76; 30, p. 39–41; 34, s. 177–180, 434; 14; 21; 11, с. 241–244; 18, с. 149–153, 158–161].

Нужно сказать, что наследник престола старался продолжить линию политики своего отца относительно союза с литовцами и поляками, однако в самом Крымском ханстве была часть

знати, которая выступала против этого. Это был брат Мехмеда Ахмед-Гирей, главная жена хана Нур-Султан-бике. Также в повороте во внешней политике Крымского ханства были заинтересованы Османы и русские. Летом 1515 г. совершил демарш один из Гиреев, который подошел к Черкассам и потребовал от Остафия Дашковича незамедлительной помощи против русских. Сам Мехмед-Гирей прислал посольство к Сигизмунду I для того, чтобы известить его о своем воцарении и добиваться союза против русских. Однако великий князь литовский и король польский не спешил с ответом, а также задержал уплату упоминков. Литовские полы заверили хана в верности союзу, но с конкретными шагами медлили, что, в свою очередь, вызывало неудовольствие у Мехмеда-Гирея. Тот давил на литовцев дипломатическими методами, но также безуспешно, что и привело к разрыву союза. В разрыве альянса большую роль сыграло недоверие Сигизмунда I к Мехмед-Гирею. Он считал, что крымцы должны усмирить буджакских татар, которые весной 1515 г. совершили нападение на Киевщину, Подолье и Галичину. Йодок Людвиг Деций сообщал, что они сделали попытку овладеть Теребовлей, но были отражены местным гарнизоном. Однако то, что буджакцы не были разгромлены литовцами и поляками, было сигналом для крымцев, которые в 1516 г. совершили набег на Подолье и Киевщину. Заслугу разрыва союза с поляками Халим-Гирей приписывал Нур-Султан-бике, однако думается в расторжении союза сыграли роль и другие вышеназванные факторы [27, с. 91–102; 21].

Михалон Литвин указывал на то, что земли заволжских татар в его время принадлежат ногайским татарам. Он уже застал тот факт, что Большая Орда окончательно прекратила свое существование как политическая реальность. Казань и Хаджи-Тархан он не считал ее частями. То, что крымские татары уже не представлялись такой угрозой, какой они были раньше, свидетельствует тон рассказа Михалона Литвина о том, что литовцы превосходят татар в ратном деле и указывал на победу у Клецка, где, по его сведениям, 9 тыс. литвинов победили 27 тыс. татар. Упоминалась и победа под Лопушным в 1512 г. как большой успех. Михалон Литвин указывал на победу 6 тыс. поляков и литовцев над 25 тыс. татар [10].

В том, что литовцы наконец смогли противстоять крымцам была заслуга реформ в организации пограничной службы. Дворяне должны были выставлять одного всадника из десяти служб крестьян. Каждая земля превратилась в военный округ, который возглавлял маршалок. В бою ополчение каждой земли стояло отдельно. Войско каждой земли состояла из войск нескольких старостств. Особенное значение на Киевщине приобрели каневский и черкасский старосты. В 1510 г. черкасским старостой был А. Немирович, а каневским – О. Дашкович. Эффективными против татар стали мобильные хоругви магнатов Острожских, Вишневецких, Сангушко. Горожане части волынских городов охраняли замковые и городские укрепления от нападений крымцев. В Киевщине и на Подолье военная служба жителей городов была намного распространеннее. Горожане Канева и Черкасс выезжали в степь и патрулировали ее для предотвращения неожиданных нападений. На службе у литовцев находились «служивые татары». В замках, кроме горожан и служебников, находились и отряды из шляхтичей. На службе в приграничных областях находились конные гусары и пешие драбы из Чехии, Силезии и Польши. Иногда случались походы литовцев вместе с крымцами. Киевский воевода Ежи Радзивил вместе с войсками Адрамгана двинулся против русских в 1513–1514 гг. В Великом Княжестве Литовском удары крымцев на себя принимали пограничные города и замков. Первая линия замков и городов на которую чаще всего нападали татары состояла из городов Канев, Черкассы, Звенигород, Винница, Брацлав, Камянец, Галич, Снятын. Вторая линия городов и замков – Киев, Житомир, Теребовля и Львовом, а третья линия обороны состояла из Мозыря, Овруча, Кременца и Луцка. Важную роль также играли замки Чернобыля, Остра, Владимира-Волынского, Полонного, Ровно, а также многочисленные частные замки [27, с. 59–61, 63–66, 69–70, 73, 78–79, 87].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Период 1506–1510 г. был временем налаживания дипломатических контактов между Крымским ханством и Великим Княжеством Литовским. Это не исключало походов крымцев на земли Великого Княжества Литовского, Менгли-Гирей не терял надежду на установление своего протектората над Киевом. Этим продиктованы его связи с Михаилом Глинским и поход 1508 г. на украинские

земли. Походы сил крымцев в размере нескольких тысяч в 1508 и 1511 гг. были успешно отражены провинциальной шляхтой и князьями. Большой поход Менгли-Гирея на Великое Княжество Литовское в 1510 г. был одним из самых удачных в истории Крымского ханства. Поход 1512 г. на Волынь и Галичину был осуществлен частью сил крымцев. Константин Острожский в битве под Лопушным разбил отряд крымских татар не более 10 тыс., однако политическое влияние этой победы было велико. На протяжении нескольких лет Менгли-Гирей воздерживался от нападения на Великое Княжество Литовское и беспокоил набегами русское приграничье. Благодаря победе Константина Острожского над крымцами под Лопушным крымский хан пошел на союз с Сигизмундом I Старым. Еще одним фактором, обусловившим такую его позицию был союз русского государя Василия III Ивановича с ногайцами. Союз Сигизмунда I с Мухаммедом-Амином в 1515–1516 гг. не стал реальным из-за пассивности литовско-польского правителя в 1506–1507 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусско-литовские летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1980. Т. 35. 313 с.

2. *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Том. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. К.-Бахчисарай: Майстэрня кныгы – Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. 400 с.

3. *Гваньїні О.* Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.

4. *Гудавичюс Э.* История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 г. М.: Baltrus, Фонд имени И.Д. Сытина, 2005. 684 с.

5. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40. 202 с.

6. *Довнар-Запольский М.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга метрики литовской 1502–1509. Симферополь: Типография Спиро, 1898. 94 с.

7. *Зайцев И.Л.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. М.: РУДОМИНО, 2004. 216 с.

8. Киевская летопись // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России, изданный комиссией для разбора древ-

них актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. Электронная версия Водвиченко С., Колоскова Л. 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info /Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/Kiev_let /text.htm

9. *Кулаковський П.* Роль князя Костянтина Острозького в організації оборони південних рубежів Великого Князівства Литовського у першій половині XVI ст. // Ukraina Lithuanica: студії з історії великого князівства Литовського. Т. 2 К.: Інститут історії України, 2013. с. 82–95

10. *Литвин Михалон.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Издательство МГУ, 1994. 151, [3] с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext4.htm

11. *Любая А.А.* Татарские поминки в контексте взаимоотношений Польского Королевства и Великого княжества Литовского с Крымским ханством в XVI в.// Studia historica Europae Orientalis – Исследования по истории Восточной Европы. Минск: Изд-во БГУ, 2008. Вып. 1. С.239–262.

12. *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. Рязань: Александрия, 2009. 512 с.

13. *Мыцык Ю.А.* Літопис Дворецьких – памятник украинского летописания XVII в. // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. с. 219–234. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://litopys.org.ua/samovyd /sam15.htm

14. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т.1. с. 379–392. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_ obsch/text.phtml?id=5430

15. *Русина О.В.* Україна під татарами і литвою. К.: ВД Альтернативи, 1998. 320 с.

16. *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. К.: Наукова думка, 1992. 336 с.

17. *Стрийковський Мацей.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.

18. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная Литература, 2002. 752 с.

19. *Трепавлов В.В.* Хочем с Тобою быти у братстве и в приязни (послания короля Сигизмунда I хану Мухаммеду-Амину) // Гасырлар Авызы – Эхо Веков. Казань, 2010. № 3–4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main /?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02/

20. *Ульяновський В.* «Славний для всіх часів чоловік»: князь Костянтин Іванович Острозький. Острог: Видавництво національного університету Острозька академія, 2009. 168 с.

21. *Халим Гирай Султан.* Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь: Доля, 2004. 288 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/2.phtml?id=12922

22. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиторал УРСС, 2001. 366 с.

23. Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. Available at: http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov08.htm

24. Хроника Литовска и Жмойтска // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov03.htm

25. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского Ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.

26. *Черкас Б.* Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. К.: Темпора, 2011. 144 с.

27. *Черкас Б.* Україна у політичних відносинах Великого Князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540 рр.). К.: Інститут історії України, 2006. 244 с.

28. *Шэйфер В.* Мяцеж ці паустанне? Выступ Міхала Глінскага пад час вайні Маскоускай дзяржаві з ВКЛ у 1507–1508 гг. // Гістарычны Альманах. Т.2. Менск, 1999. С. 101–109.

29. *Borzemski A.* Kronika Miechowity. Rozbior krytuczny. Krakow: Nakladem Akademii Umijetnosci, 1890. 200 s.

30. *Kolodzejczyk D.* The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.

31. Kronika Polska Marcina Bielskigo. T.2. Ksiega IV–V. Sanok: Naklad i druk Karola Polaka, 1856. S. 701–1222

32. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warminskiego Ksieg XXX. T.2. Krakow: Ksuegaria J.M. Himbelmana, 1882. S. 761–1500

33. *Podhorodecki L.* Chanat Krymski i jego stosunki s Polska. Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987. 359 s.

34. *Pulaski K.* Stosunki z Mengli-Girajem // Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku. Krakow; Warszawa, 1881. S.1–449.

35. *Rowell S.C.* Nolite confidere in principibus: Mikhail Glinsky, Sigismund the Old and the Council of Lords // Faworyci i opozycjoniści. Król a elity polityczne w Rzeczypospolitej XV–XVIII wieku. Kraków, 2006. P. 77–100.

36. Scriptores Rerum Polonicarum. Cracoviae: Typis Universitatis, 1874. XXX, [2], 363, [3] s. Available at: http://dir.icm.edu.pl/Scriptores_Rerum_Polonicarum/Tom_2/info

Сведения об авторе: Ярослав Валентинович Пилипчук – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (95007, проспект академика Вернадского, 2, Симферополь, Крым); bachman@meta.ua

New Tatarian Politics of the Grand Principality of Lithuania. Sigismund I and Tatars, 1506–1516

Yaroslav Pilipchuk
(Institute of Oriental Studies of NAS of Ukraine)

Abstract: The given article is devoted to relations between the Grand Principality of Lithuania and the Crimean Khanates. The diplomacy of Grand Principality of Lithuania had a very ambitious task – to make alliances with the Crimean Khans. To some extent they managed to have it in 1507 with the Crimean Khanate. Mengli Giray gave the edict to King Sigismund I for many Slavonic lands. But despite of that, the strong peace wasn`t established and it came only beginning with the 1512, when the Crimean`s were defeated in the battle under Lopushino and Mengli Giray was forced to declare peace with Lithuanians .The contacts with Nogay Hordes and Kazan Khanate also didn`t go further than getting acquainted with each other. The next attempt to conclude alliance with Kazan Khanate was not a success either. The greatest success of Mengli Giray was his campaign in 1512 against Lithuania which was the most successful for the whole period of Lithuanian-Tatar relations. The campaigns of 1508, 1511, 1512 were not successful. The Lithuanian`s attention was diverted from Lithuanian and Polish affairs, with the wars with Nogays and Astrakhan khanates, which took an important place in the foreign policy of the Crimean Khanate.

Keywords: Grand Principality of Lithuania, the Crimean Khanate, Kazan Khanate, Nogay Horde, Tatars, Uprising of Glinskie, Sigismund I, Mengli-Giray.

REFERENCES

1. Belorussko-Litovskie letopisi [Byelorussian-Lithuanian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkih letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscowб Nauka Publ., 1980, vol. 35. 313 p.

2. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvuh materikov. Tom 1: Krymskye khany XV–XVI stoletiy i borba za nasledie Velikoy Ordy* [The Rulers of two continents. Vol. 1: The Crimean khans of XV–XVI centuries and the Rivalry for the Heritage of Great Horde]. Kiev-Bakhcysaray, Maysternya knyaga – Bakhchisarayskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik, 2010. 400 p.

3. Gvan'їni Oleksandr. *Khronika Єvropeys'koї Sarmatiї* [Chronicle of European Sarmatia]. Kyiv, Vid. dim Kievo-Mogilyans'ka Akademiya, 2009. 1008 p.

4. Gudavichyus E. *Istoriya Litvy. T. 1. S drevneyshikh vremen do 1569 g.* [History of Luthuania. Vol. 1: From ancient times to 1569]. Moscow, Baltrus, Fond imeni I.D. Sytina, 2005. 684 p.

5. Gustynskaya letopis' [Chronicle of Gustyn]. *Polnoe sobranie russkih letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Dmitriy Bulanin, 2003, vol. 40. 202 p.

6. Dovnar-Zapol'skiy M. *Litovskie upominki tatarskim ordam. Skarbovaya kniga metriki litovskoy 1502–1509* [Lithuanian upominki from tatarian hordes. Financial book of Lithuanian Methryca, 1502–1509]. Simferopol, Tipografiya Spiro, 1898. 94 p.

7. Zaytsev I.L. *Mezhdu Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV – pervaya polovina XVI vv.). Ocherki* [Between Moscow and Stambul. Jochids states, Moscow and Ottoman Empire (begin of XV – first half of XVI century)]. Moscow, RUDOMINO, 2004. 216 p.

8. Kievskaya letopis' [Chronicle of Kiev]. *Sbornik letopisey, otnosyashchikhsya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, izdannyy komissiey dlya razbora drevnikh aktov pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore* [Collection of Chronicles about history of Southern and Western Rus]. Kiev, 1888. Elektronnaya versiya Vodvichenko S., Koloskova L. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620–1640/Kiev_let/text.htm

9. Kulakovs'kiy P. Rol' knyazya Kostyantina Ostroz'kogo v organizatsiї oboroni pivdennikh rubezhiv Velikogo Knyazivstva Litovs'kogo u pershiy polovini XVI st. [Role of prince Konstantyn Ostrozkyi in organization of defence of southern borders of Great Duchy of Lithiania in first half of 16th centuries]. *Ukraina Lithuanica: studiyi z istoriyi velykogo knyazivstva*

Lytovskogo [Ukraina Lithuanica: studies from history of Great Duchy of Lithuania], 2013, vol. 2, pp. 82–95.

10. Litvin Mikhalon. *O nravakh tatar, litovtsev i moskvityan* [About morals of Tatars, Lithuanians, and Muscovites]. Moscow, MGU Publ., 1994. 151, [3] p. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin /frametext4.htm

11. Lyubaya A.A. Tatarskie pominki v kontekste vzaimootnosheniy Pol'skogo Korolevstva i Velikogo knyazhestva Litovskogo s Krymskim khanstvom v XVI v. [Tatarian upominki in context of relationships of Polish Kingdom and Great Duchy of Lithuania with Crimean khanate in 16th centuries]. *Studia historica Europae Orientalis – Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy* [Studies of History of Eastern Europe]. Minsk, BGU Publ., 2008, vol. 1, pp. 239–262.

12. Matvey Mekhovskiy. Traktat o dvukh Sarmatiyakh [Opus about two Sarmatia's]. *Matvey Mekhovskiy. Sokrovennoe Skazanie mongolov* [Mathiew from Miechov. Opus about two Sarmatia's. The Secret history of Mongols]. Ryazan, Aleksandriya, 2009. 512 p.

13. Mytsyk Yu.A. Litopis Dvorets'kikh – pamyatnik ukrainskogo letopisaniya XVII v. [Chromicle of Dvoretski – monument of Ukrainian historical thought in XVII century]. *Letopisi i khroniki* [Letopisi and chronicles]. Moscow, 1984, pp. 219–234. Available at: http://litopys.org.ua/samovyd /sam15.htm

14. Negri A. Izvlechenie iz turetskoy rukopisi Obshchestva, soderzhashchey istoriyu krymskikh khanov [Extract from Turkic manuscript of Society, which contains the History of Crimean Khans]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* [Notes of Society of History and Antiquities]. Odessa, Collected articles, 1844, vol. 1, pp. 379–392. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text. phtml?id=5430

15. Rusina O.V. *Ukraïna pid tatarami i Litvoyu* [Ukraine under Tatarian and Lithuanian rule]. Kiev, VD Al'ternativi, 1998. 320 p.

16. Sofonovich F. Khronika z litopistsiv starodavnikh [Chronicle with extracts from other ancient chronicles]. Kiev, Naukova dumka, 1992. 336 p.

17. Striykovs'kiy Matsey. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuds'kiy i vsieï Rusi* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all Russia]. Lviv, Naukove tovaristvo im. T. Shevchenka u L'vovi, 2011. XII, 1084 p.

18. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2002. 752 p.

19. Trepavlov V.V. Khochem s Toboyu byti u bratstve i v priyazni (poslaniya korolya Sigizmunda I khanu Mukhammeda-Aminu) [I want to become with you in brotherhood and affection (letters of King Sigismund I

Khan Mohammed Amin)]. *Gasyrlar Avyzy – Ekho Vekov* [Echo of Centuries], 2010, no. 3–4. Avialable at: http://www.archive.gov.tatarstan.ru /magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02/

20. Ul'yanovs'kiy V. *«Slavniy dlya vsikh chasiv cholovik»: knyaz' Kostyantin Ivanovich Ostroz'kiy* [Glourious of all time man: prince Konstantyn Ivanovych Ostrozkyi]. Ostrog, Vidavnitstvo natsional'nogo universitetu Ostroz'ka akademiya, 2009. 168 p.

21. Khalim Giray Sultan. *Rozovyy kust khanov ili istoriya Kryma* [Rosebush of khans or History of Crimea]. Simferopol, Dolya, 2004. 288 p. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_ kust_chanov/2.phtml?id=12922

22. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv*. [Russia and Crimea. From alliance to confrontation. End of XV – begin of XVI century]. Moscow, Editoral URSS, 2001. 366 p.

23. Khronika Bykhovtsa [Chronicle of Byhovets]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1975, vol. 32. Available at: http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov08.htm

24. Khronika Litovska i Zhmoytska [Chronicle of Lithiania and Samogitia]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1975, vol. 32. Avialable at: http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov06.htm

25. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays from history of Kazan khanate]. Moscow, Insan, 1991. 320 p.

26. Cherkas B. *Ctepoviy shchit Litvi. Ukraïns'ke viys'ko Gediminovichiv (XIV–XVI st.): naukovo-populyarne vidannya* [Steppe shield of Lithuania. Ukrainian army of Gediminoviches]. Kiev, Tempora, 2011. 144 p.

27. Cherkas B. *Ukraïna u politichnikh vidnosinakh Velikogo Knyazivstva Litovs'kogo z Krims'kim khanatom (1515–1540 rr.)* [Ukraine in political relationships of Great Duchy of Lithuania with Crimean Khanate (1515–1540)]. Kiev, Instytut istoriyi Ukrayiny, 2006. 244 p.

28. Sheyfer V. Myatsezh tsi paustanne? Vystup Mikhala Glinskaga pad chas vayni Maskouskay dzyarzhavi z VKL u 1507–1508 gg. [Rebel or uprsing? Uprising of Mikhal Glinskogo in time of war Muscovite state against GDL in 1507–1508]. *Gistarychny Al'manakh* [Historical Almanach]. Minsk, 1999, vol. 2, pp. 101–109.

29. Borzemski A. *Kronika Miechowity. Rozbior krytuczny*. Krakow, Nakladem Akademii Umijetnosci, 1890. 200 p.

30. Kolodzejczyk D. *The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study*

of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston, E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.

31. Kronika Polska *Marcina Bielskigo.* Vol. 2. Ksiega IV–V. Sanok, Naklad i druk Karola Polaka, 1856. Pp. 701–1222

32. *Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warminskiego Ksieg XXX*. T. 2. Krakow, Ksuegaria J.M. Himbelmana, 1882. Pp. 761–1500

33. Podhorodecki L. *Chanat Krymski i jego stosunki s Polska.* Warszawa, Ksiazka i wiedza, 1987. 359 p.

34. Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem. *Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku.* Krakow-Warszawa, 1881. Pp.1–449.

35. Rowell S.C. Nolite confidere in principibus: Mikhail Glinsky, Sigismund the Old and the Council of Lords. *Faworyci i opozycjoniści. Król a elity polityczne w Rzeczypospolitej XV–XVIII wieku.* Kraków, 2006. Pp. 77–100.

36. *Scriptores Rerum Polonicarum*. Cracoviae: Typis Universitatis, 1874. XXX, [2], 363, [3] s. Avialable at: http://dir.icm.edu.pl/Scriptores_Rerum_Polonicarum/Tom_2/info

About the author: Yaroslav Valentinovich Pilipchuk – Cand. Sci. (History), Junior Researcher at Department of Eurasian Steppe, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine (95007, Vernadskogo av., 2, Simferopol, Crimea); bachman@meta.ua

УДК 63.3(2)622.5

История Бахчисарайского партизанского отряда

Владимир Поляков
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В статье рассматривается история и боевая судьба, сформированного в октябре 1941 года из жителей Бахчисарайского района партизанского отряда. Представлен весь кратковременный подготовительный период, который длился для отряда всего с 25 октября по 2 ноября, в ходе которого партизаны должны были организовать завоз в лес всего необходимого для дальнейшей борьбы: продовольствия, снаряжения, оружия. Проанализирован социальный и демографический состав отряда и изначальные принципы его комплектования. Рассмотрен оттопонимный принцип истории названий партизанских отрядов Крыма в 1941–1942 гг.

Приводятся ранее неизвестные обстоятельства утраты продовольственных запасов. Рассмотрен рацион питания партизан в этот страшный период их жизни.

Проанализирована организация боевой деятельности партизан, создание боевых групп, как основной боевой единицы. Детально проанализированы ноябрьские бои Бахчисарайского отряда, как при нападении на село Бия-Сала так и в ходе первой карательной акции против Бахчисарайского отряда. Изучены наиболее успешные боевые операции.

Представлена и проанализирована библиография по истории отряда. Впервые рассказывается подлинная судьба пяти партизан Бахчисарайского отряда, которые ранее считались дезертирами, а в действительности погибли в бою под селом Мазанка, Симферопольского района. Приведен полный список командования отрядом с октября 1941 по октябрь 1942 г., а также динамика численности отряда на всех основных этапах его истории. Приводятся число погибших, пропавших без вести, умерших от голода, дезертировавших, расстрелянных по приговору трибунала. Впервые представлен поименный список партизан, награжденных правительственными наградами в 1942 году.

Работа снабжена ранее неизвестными биографическими данными крымских партизан из числа бойцов и командиров Бахчисарайского отряда. Статья основывается как на ранее неизвестных документах Го-

сударственного архива в автономной республике Крым, так и на ранее опубликованных, но критически не осмысленных источниках.

Ключевые слова: Крым, партизаны, Бахчисарайский отряд, дезертиры, награждение, голод.

История создания и боевой деятельности Бахчисарайского партизанского отряда никогда ранее не становилась предметом серьезного научного исследования. Наиболее объективно она представлена в таком фундаментальном труде как «История городов и сел Украинской ССР. Крымская область» [6, с. 193]. Опубликованные в советский период воспоминания непосредственных участников партизанского движения И.З. Вергасова[1], М.А. Македонского[2], В.И. Черного[3] были подвержены самым различным деформациям и искажениям как внешней, так и внутренней цензуры.

Впрочем, начиналось все достаточно объективно. В 1966 г. в журнале «Звезда» была опубликована документальная повесть И.З. Вергасова, которая неожиданно вызвала гнев крымских властей. Секретарь Крымского обкома партии А.Н. Макухин отправил в редакцию журнала и в Ленинградский обком КПСС гневное письмо. В нем он обвинил И.З. Вергасова в том, что тот обошел молчанием роль Коммунистической партии во всенародном сопротивлении немецко-фашистским захватчикам, в развертывании партизанского движения. В его произведении ни слова не сказано о руководящей деятельности обкома партии по организации

---

[1] Вергасов Илья Захарович, 1914 г.р. Механик Массандровского винзавода, командир 33-го истребительного батальона; В партизанах с 1.11.41 по 02.07.42. Начальник штаба 4-го партизанского района (1.11.41–04.02.42); командир 4-го района (04.02.42–19.03.42). Эвакуирован.

[2] Македонский Михаил Андреевич, 1904 г.р. Начальник строительства Бешуйских копий. В партизанах с 1.11.41 по 9.10.42. и с июня 1943 по 20.04.44. Зам. Командира Бахчисарайского отряда (1.11.41–9.11.41); командир Бахчисарайского партизанского отряда (9.11.41–09.10.42); командир 19-го отряда 2-го сектора. Эвакуирован.

Командир 7-го отряда 1-го сектора (23.06.43–15.07.43), командир1-го автономного отряда (15.07.43–25.11.43), командир 4-й бригады ЦОГ (25.11.43–28.01.44), командир Южного соединения.

[3] Черный Василий Ильич. Секретарь Бахчисарайского РК ВКП(б). В партизанах с 1.11.41 по 9.10.42. Комиссар Бахчисарайского отряда (1.11.41–09.10.42). Эвакуирован.

борьбы в тылу врага, а комиссары отрядов и районов изображены близорукими, безынициативными людьми, наделенными целым рядом других отрицательных качеств. Партизанское движение в трактовке Вергасова выглядит стихийным. Вергасов не дал себе труда разобраться в принципиальных вопросах национальной политики партии, вносит путаницу в их толкование. Избрав в качестве жанра документальные записки, автор не воспользовался материалами Крымского партархива, достоверно отображающими неблаговидную роль татарского населения полуострова в период немецкой оккупации. Он необъективно берет под защиту крымских татар, пытается оправдать их массовое предательство ошибками и просчетами советской власти и трудностями социалистического строительства. Роль отдельных татар-партизан чрезмерно выпячена. Поступаясь исторической правдой, автор прямо утверждает, что фашистам не удалось поставить барьер из татар между партизанами и собственными войсками [11]. Автору по партийной линии объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. «Публичная порка» пошла на пользу, и уже во всех последующих книгах и И.З. Вергасов, и другие авторы четко придерживались указанного партией «фарватера». Все последующие десятилетия выходили только «правильные книги».

Что же произошло в действительности? История Бахчисарайского партизанского отряда вполне характерна для партизанского движения в Крыму в 1941–1944 гг.

В связи с тем, что Крымский обком ВКП(б) был убежден в том, что немецких оккупантов не пустят в Крым, партизанское движение не готовили.

Вот как описывал эти октябрьские дни 1941 года будущий командир Бахчисарайского отряда Михаил Македонский, который в ту пору был начальником райдоруправления Бахчисарайского района. Он приходит к секретарю райкома ВКП(б) с совершенно очевидным вопросом:

«Для чего мы продолжаем строить дорогу и занимаем на ней столько людей? Как бы не получилось, что построим её для врага?

– Раз и навсегда запомни, – перебил меня Черный. – Эта земля наша, и мы ее вечные хозяева» [7, с. 6].

Только 23 октября 1941 года, как оказалось, за неделю до оставления Симферополя, было принято решение о формировании

партизанского движения. Только 25 октября был назначен командный состав пяти условных районов партизанского базирования. Комплектование отрядов было возложено на все без исключения городские и районные партийные комитеты Крыма. Каждый район должен был сформировать один отряд. Совершенно стихийно за каждым будущим отрядом закрепился оттопонимный принцип названия: Алуштинский, Бахчисарайский…

В связи с тем, что лично И.В. Сталин в тот период недооценивал потенциальную роль партизанского движения, это быстро почувствовали и руководители областного звена. Как результат, в руководстве партизанским движением в Крыму не оказалось ни одного секретаря Крымского обкома ВКП(б). Дистанцировались от него и большинство первых секретарей горкомов и райкомов.

Изначально планировалось, что в партизаны будут направлены только люди из числа работников партийно-советского актива. Срок возможного пребывания в лесу предполагался небольшой – 3–4 месяца. Из этого расчета и завозились в лес продукты и все необходимое.

В Бахчисарае, в отличие от других районов Крыма, за этот короткий срок успели сделать достаточно много. Объяснялось это тем, что воевать им предстояло в родных местах, кроме того непосредственно организацией партизанского движения в районе занимался сам 2-й секретарь райкома Василий Черный. На трикотажной фабрике он заказал двести свитеров, шерстяные носки и даже шлемы под шапки. Кожевенный завод изготовил сотни три постолов [11, с. 23].

Как отметил посетивший их отряд И.З. Вергасов, начальник штаба района, в который входил Бахчисарайский отряд: «*Бахчисарайцы имели теплые ушанки, полушубки, на ногах у всех постолы – в том числе и у комиссара. Обувались они таким образом: шерстяной носок, портянка из плащ-палатки, и все это плотно зашнуровывалось, так что ни вода, ни снег не страшны. В лесу такая обувь оказалась самой практичной*» [1, с. 24].

Впрочем, у Николая Колпакова о постолах несколько другое мнение: «*Они легкие, не натирают ноги, но зимой размокают и спадают с ног, а летом засыхают и становятся лыжами. Взбираясь на гору, скользят назад, а с горы летишь, как на лыжах*» [7, с. 20].

Когда стало очевидным, что сформировать партизанские отряды только из числа работников партийно-советского актива не удается, было принято решение влить в ряды партизан истребительные батальоны.

Вот как описывает момент перехода от истребительного отряда к партизанскому М.А. Македонский: *«Пусть те, кого страшит партизанская борьба, выйдут из рядов и вернутся обратно. В лес пойдут только добровольцы.*

От колонны отделилась кучка людей. Они боязливо сложили оружие около дороги и, вобрав головы в плечи, тихо пошли назад» [8, с.11].

Вопрос о «кучке» оставим на совести редакторов, так как у А.А. Сермуля, писавшего свои мемуары уже в постсоветское время, эта «кучка» оказалась «больше ста человек» [9, с. 15].

Формальной датой рождения отряда считается 30 октября 1941 года, а уже 2 ноября 1941 части противника вошли в Бахчисарай. В этот период партизаны были вооружены исключительно охотничьими ружьями, но на их счастье в этот период лес был буквально наводнен отступающими от Перекопа к Севастополю красноармейцами и краснофлотцами, часть которых влилась в ряды партизан. Уже на 2 ноября 1941 года в бахчисарайском партизанском отряде официально числилось 93 человека, в том числе 7 женщин и 22 военнослужащих [4, л. 80]

Первое боевое столкновение Бахчисарайского отряда относят к 5 ноября. Партизаны первыми заметили группу немецких разведчиков и подпустили их на расстояние выстрела дробовика. Впереди всех лежал Шаров[4] и он выстрелом из двух стволов намертво повалил одного из немцев. Остальные сразу же убежали. Автомат убитого стал первым трофеем» [8, с. 27].

6 ноября стало известно, что человек сорок оккупантов приехали в село Бия-Сала и остались там.

Командование отряда решило отметить праздник 7 ноября 1941 года партизанским налетом. Выделили небольшую группу людей, передали им лучшее оружие, гранаты. Заранее наметили,

---

[4] Шаров Харитон Никифорович, 1900 г.р. Плотник промартели «Заря» Бахчисарайского района. В партизанах с 1.11.41 по 9.04.42. Боец Бахчисарайского отряда. Пропал без вести 9.04.42.

кто в какие дома их будет бросать. Разведчики нарисовали подробный план села с указанием каждого дома, где поселились солдаты. Договорились, что как только после взрывов немцы будут выскакивать из домов, то их накроют огнем партизанские автоматчики, а затем, не ввязываясь в серьезный бой, все сразу уходят в лес. Возглавил ударную группу капитан Семенов.

Вот как впоследствии описывал происшедшее Михаил Македонский, в ту пору заместитель командира Бахчисарайского отряда: *«В два часа ночи из района деревни донеслись звуки гранатных разрывов, после которых началась непрерывная и очень сильная стрельба из автоматов. Прошел час, еще полчаса, а стрельба все не утихала.*

Неужели Семенов не выполнил приказ и ввязался в бой, – думал я. – Напрасно погубит людей.

Вдруг появился Семенов и доложил, что задача выполнена, и вся группа без потерь возвратилась в отряд.

– Кто же там ведет такой сильный огонь?

– Немцы – ответил Семенов. – Мы разделились на группы и зашли в деревню с трех сторон. Первые гранаты разорвались на южном конце деревни. Немцы повыскакивали и бросились туда. В это время я зашел с другого конца и резанул по бегущим из автомата. А потом началась такая стрельба, что ничего не разберешь. Мы израсходовали остальные гранаты и ушли в лес» [8, с. 23–24].

Давайте проанализируем этот бой.

1. Была проведена тщательная разведка.

2. Партизаны прекрасно знали местность, так как в отряде были бывшие жители села Бия-Сала.

3. Была четко поставлено задача: закидать гранатами, обстрелять, уйти.

4. На задание был направлен не весь отряд, а небольшая, хорошо вооруженная группа.

5. Операция проходила вдали от расположения отряда.

К недостаткам операции можно было бы отнести то, что налет был приурочен к празднику, и если бы противник лучше знал психологию, то должен был бы учесть этот факт. Кроме того, следовало предусмотреть группу прикрытия, так как в ходе боя могли появиться раненые. Вот почему группа прикрытия

должна была пропустить через себя отходящий в лес партизан и дать возможность отойти подальше, а если будет преследование, то на какое-то время сковать их боем, а потом отойти самим.

К чести командования Бахчисарайского отряда – командира К.М. Сизова[5], комиссара В.И. Черного, заместителя командира М.А. Македонского, они сразу же сделали правильный вывод о том, что первыми «бросив перчатку», они должны быть готовы к ответному ходу.

Рассчитав возможный маршрут следования противника, выбрали место, с которого будет удобно совершить на него нападение, наметили вероятные пути отхода, если враг придет значительными силами.

Вот как описал этот бой М.А. Македонский: «*Мы понимали, что немцы сразу же собьют наши заставы, ринутся к основным силам, нащупают их и уничтожат огнем минометов. Поэтому командир в центре оставил только группу Семенова, а группы Леонида Глушко и Михаила Горского направил в обход немцев с левой и с правой стороны. Семенову был дан приказ отвлекать на себя внимание немцев только до тех пор, пока не вступят в бой группы обхода. Как только Глушко и Горский ударят по врагу с флангов, Семенов должен был отойти.*

Леонид Глушко и два десятка партизан, прижавшись к земле, ползком двинулись в обход вражеских цепей. Как я и предполагал, немцы двинулись на группу Семенова, но, не дойдя метров сто, остановились, залегли за деревьями, открыли огонь из автоматов.

В разгар перестрелки, когда группа Глушко, незаметно обойдя гитлеровцев с левого фланга, обстреляла их, двинулась вперед группа Михаила Горского. Он отлично знал лес и был незаменимым проводником. Вот и сейчас Михаил вывел свою группу в самом неожиданном для врага месте. Умолк пулемет врага на правом фланге. Гитлеровцы стали отступать…

А вот капитана Семенова подвела пресловутая прямолинейность… Те, кому удалось возвратиться с этого задания, рассказывали, что, как только обходные группы начали бой, партизаны бросились в тыл, чтобы оторваться от противника,

---

[5] Сизов Константин Михайлович, 1905 г.р. В партизанах с 1.11.41 по 9.11.41. Командир Бахчисарайского отряда 1.11.41–9.11.41. Погиб.

как и следовало приказу. Но капитан выхватил пистолет и криком: «Ни шагу назад!» вернул партизан. Шквалом минометного огня группе Семенова был нанесен большой урон. В бою мы потеряли убитыми и ранеными семь человек» [8, с. 25–26].

Вновь необходимо отметить, что в значительной степени успех боя был предопределен тем фактором, что партизаны Бахчисарайского отряда прекрасно знали лес. Они правильно определи маршруты передвижения противника, сумели провести два обходных маневра.

Евпаторийскому, Сакскому, Джанкойскому… и всем другим отрядам, сформированным из жителей степных районов, подобное было бы не под силу. Так может быть и надо было создавать отряды только из жителей горных районов?

После удачно проведенного боя уже на следующий день они меняют месторасположение и уходят на заранее намеченную высоту. Как оказалось, не напрасно! Оставленный ими лагерь был накрыт плотным артиллерийским и минометным огнем, а затем захвачен противником.

В этот день погиб первый командир Бахчисарайского отряда Константин Михайлович Сизов. Его заместитель Михаил Македонский по праву стал командиром Бахчисарайского отряда. В последствии М.А. Македонский станет командующим партизанского соединения – высшая должность в партизанской иерархии Крыма, будет представлен к званию Героя Советского Союза, но не получит его. Как этнический грек после освобождения полуострова будет депортирован из Крыма. Уже в мирное время, как директор винсовхоза станет Героем Социалистического Труда.

Став командиром отряда М.А. Македонский еще больше уделяет внимания партизанской тактике. *«Разбирая боевые неудачи и промахи, мы видели, что все они имеют одну причину – нашу малую подвижность. Трудно на сравнительно небольшом лесном участке сохранить в тайне подразделение численностью 100–200 человек. Еще труднее было увести отряд из-под удара. Поэтому отряды разбили на группы по 5–6 человек с опытными партизанами во главе. Каждую ночь из отряда уходили группы. Возвратившись, они двое суток отдыхали и так снова»* [8, с.38].

Бахчисарайцы успели завезти в лес необходимое количество продуктов, но надежно спрятать не удосужились. Пошли по по-

рочному пути: каждому продукту – отдельная яма. Поскольку и мука, и консервы были нужны каждый день, то продовольственные ямы держали постоянно открытыми. В своих мемуарах М.А. Македонский ни слова не пишет о том, что противник сразу же обнаружил и изъял все продовольственные запасы. Начиная с 13 ноября в Бахчисарайском отряде, одним из самых первых в Крыму, начался голод.

Как писал М.А. Македонский: «Дневной рацион состоял из одной лепешки, маленького кусочка конины и кипятка» [8, с. 64]. Впрочем, вскоре этот скудный рацион стал для партизан несбыточным лакомством. Уже через несколько страниц своих воспоминаний он писал следующее: «Были дни и недели, когда партизаны не получали никаких продуктов, ни ложки муки, ни кусочка мяса – абсолютно ничего. Чем мы тогда питались? Пожалуй, легче сказать, чего мы не ели, потому что ели буквально все: молодые побеги, листья, траву, древесную кору, прошлогоднюю картошку, трупы павших животных и т.д., шкуры убитых оленей тоже съедали. А когда ничего не оставалось – снимали с ног обувь – постолы, резали «на лапшу» и варили. Все, что можно было жевать, что хоть как-нибудь усваивалось желудком, – все шло в пищу» [8, с. 109].

М.А. Македонский писал, что в других отрядах уже были случаи голодной смерти. Как можно понять из его воспоминаний, в Бахчисарайском отряде таких случаев не было, во всяком случае, он об этом не пишет. Официальные документы свидетельствуют об обратном: в Бахчисарайском отряде умерло от голода 8 партизан, а вот в Евпаторийском отряде, с которым он сравнивал свой отряд, в действительности от голода не умер ни один человек.

В 1965 году в селе Мазанка, Симферопольского района, к парторгу колхоза пришел местный житель и рассказал, что в годы войны ему довелось похоронить партизана, из кармана которого он взял солдатский медальон. На сохранившейся в медальоне бумажке был домашний адрес бойца: «Ярославль, ул. Мельничная, 32…»

В Ярославской газете «Юность» эта информация была опубликована. Стало известно, что до войны по указанному адресу проживал Румянцев Анатолий Яковлевич, 1915 г.р. В редакцию газеты также пришло письмо от жителя Ярославля Николая Са-

мухина, который рассказал, что помнит Румянцева по совместной службе в 95-й стрелковой дивизии.

Узнав, что Анатолий Румянцев погиб в крымских партизанах, его родные написали письмо в Крымский обком партии и получили ошеломляющее известие: группа партизан Бахчисарайского отряда в составе Коваленко[6], Быкова[7], Румянцева[8], Шаповалова[9] и Железнова[10] числятся … дезертирами.

Фамилия бойца Бахчисарайского отряда Анатолия Румянцева более известна. Среди самых первых партизан, представленных к боевым наградам, он упоминался как зачинатель снайперского движения [3, л. 93].

Вдова партизана начинает самостоятельное расследование. Ей сообщают, что среди крымских партизан есть человек, который еще до войны служил в РККА с ее мужем это – Владимир Прокопьевич Бурында[11].

Он включается в поиск, и по его настоянию появляется официально заверенная объяснительная человека, который нашел медальон:

«*Мы работали в саду – снимали сливы. После обеда я увидел, как в сад побежали полицейские Лопатин Василий, Петров Павел и Иванов Павел (после войны его осудили на 25 лет).*

Вскоре там началась перестрелка, взрывы гранат, крики. Это длилось 1,5–2 часа затем стрельба утихла. На подводе привезли убитых полицейских Лопатина Василия и Петрова Павла, которых похоронили на кладбище.

---

[6] Коваленко Василий Филиппович, 1907 г.р.; капитан РККА. В партизанах с 1.1.1.41 по 12.08.42. Командир группы Бахчисарайского отряда. Дезертировал.

[7] Быков Иван Ефимович, 1908 г.р. В партизанах с 1.1.1.41 по 12.08.42. Боец Бахчисарайского отряда. Дезертировал.

[8] Румянцев Анатолий Яковлевич, 1915 г.р. В партизанах с 1.1.1.41 по 12.08.42. Боец Бахчисарайского отряда. Дезертировал.

[9] Шаповалов Евгений Анатольевич, 1920 г.р. В партизанах с 1.1.1.41 по 12.08.42. Боец Бахчисарайского отряда. Дезертировал.

[10] Железнов Александр Николаевич, 1917 г.р. В партизанах с 1.1.1.41 по 12.08.42. Боец Бахчисарайского отряда. Дезертировал.

[11] Бурында Владимир Прокопьевич, 1920 г.р. Ворошиловградская обл. с. Сокологоровка. Пришел из 95-й с.д. В партизанах с 1.1.41 по 20.04.44. Награжден: «Красная звезда», «За оборону Севастополя», «Партизану Отечественной войны. I степени». Представлен: «Красное знамя»; «Красная звезда».

На второй день меня вызвал староста общины Артемьев Михаил и приказал убрать труп партизана. Из брюк вынул медальон, на котором был адрес: Ярославль, ул. Мельничная, 32. Фамилию я забыл. Труп отвезли под скалу, где проводились раскопки и оставались ямы. На похороненном были военные брюки, гимнастерка, военная фуражка, был он без обуви.

На девятый день моя мать собирала хмель в кустах южнее сада под скалой и обнаружила полуразложившейся труп второго человека. По рассказам возле него лежала плащ-накидка, винтовка СВГ, котелок. Молодежь села хоронила его без моего участия. Из-за разложившегося трупа в карманах не искали и медальон не вынули. Его похоронили в саду и могилу обложили камнями. Много лет за ней ухаживали, но когда распахали сад, то распахали и могилу и найти ее теперь нельзя» [5, л.18].

В.П. Бурында начинает опрашивать местных жителей и узнает, что каких-то двух партизан в этот день полицейские схватили ранеными и увезли в Симферополь.

Двое погибли, двое арестованы, но где пятый, и кто он?

Владимир Прокопьевич вспоминает, что один из этой пятерки – его однополчанин Саша Железнов был родом из Кустанайской области, жил в городке с названием Джетыгара. Бурында пишет запрос в тамошний военкомат и получает ошеломляющий ответ: Железнов Александр Николаевич жив. Работает директором школы! Его адрес – Кустанайская обл., г. Джетыгара, 2-й микрорайон, дом 4, квартира 8.

Не трудно представить состояние Александра Николаевича, когда он получил письмо из своего прошлого, письмо из Крыма.

Вот его ответ «*23.09.66. Здравствуй, товарищ и друг боевой, Володя!*

Очень взволнован, радостен, опечален – все вместе, так как получил весточки от человека, с которым из одного котелка ели солдатскую кашу, закрывались одной шинелью, делили радости и невзгоды боевой поры.

Хочется Володя, многое поведать, о многом спросить, и это, надеюсь, мне удастся. Но сейчас главное – я отвечу на твои вопросы.

Нет, Володя, мы не были дезертирами, не были трусами, мы до последних сил дрались. Об этом говорит пролитая кровь

друзей – Анатолия Румянцева и Жени Шаповалова, на исходе боя и моя: я был ранен.

Постараюсь описать всю картину боя с приложением схемы расположения нас в этом злосчастном саду.

Группа наша состояла из пяти человек: Коваленко (командир группы), А. Румянцев, С. Шаповалов, я и Саша-Моряк фамилию я его не помню, да и в отряде его не называли по фамилии, а просто Саша-Морячок – смелый и дерзкий боец. Группа по заданию командования вышла на операцию по изысканию продовольствия (как это часто делалось в отряде). На второй день после выхода из отряда, не помню точно где, мы встретили группу партизан из нашего отряда, вел ее Горский – знаешь его, он в бурке ходил. Его группа, как и наша, направлялась на операцию по продовольственному снабжению. Наша группа из района д. Мангуш пошла в направление к Симферополю. У Коваленко была карта Крыма. В саду, так оно и было, около какой-то деревни, до твоего письма я не знал названия, наша группа остановилась на день. На южном склоне долины в кустарнике. В 11–12 часов дня по тропинке, идущей над нами, быстрым шагом прошла женщина, наперерез ей вверх по склону – сторож сада, пытаясь очевидно ее задержать. Он очень испугался, увидев нас, к тому же мы попросили присесть возле нас.

Он прикинулся нашим и обещал принести нам чего-нибудь поесть. Часа через 3–4 после ухода старика–сторожа в сад пришли женщины для работы. Нас они не видели и продолжали спокойно работать. Через ½–1 час после прихода женщин мимо нас прошел, не останавливаясь, мужчина. Он не был вооруженным. Подойдя к женщинам, он что-то сказал, и они, как будто подхваченные бурей, исчезли из сада.

Перед канавой на дорожке, метрах в 30, появились два вооруженных полицейских и один из них со злостью громко заговорил: «Сдавайтесь, бандиты, гады!» Ответом были выстрелы Анатолия и мой. Полицейские упали. По винограднику в расположение группы сразу же раздались выстрелы из автоматов с тыла и фронта нашего расположения. Мы переменили место. Коваленко и Саша не поднимались из виноградника. Когда мы перепрыгивали через канаву, по нам снова раздалась очередь из автомата. Женя упал почти рядом с убитым полицейским. Я был ранен в ногу.

Толя перестал отвечать на выстрелы. Я пополз к нему – он был мертв. Я выбрал позицию от мертвого Толи в 20 метрах и продолжал изредка отвечать на выстрелы. Вернее, лег в более удобную ямку.

Вспомнил о своей саднящей боли в ноге. Оказалось легкое ранение правой ноги. Кость цела. В темноте я перенес Толю под скалу, выплакал на груди его боль утраты и стал искать труп Жени, но не нашел его и, вооруженный только наганом, пошел в условленное место. Перед боем мы договорились встретиться в леске, что в 3–4 километрах виднеется на северо–востоке от сада. Там я ждал Коваленко и Сашу, ибо о них я ничего не знал. Ждал ночь, следующий день, но никто из них не появился. Видно я один, как укор мертвым остался жить.

Пошел на юго-запад. Шел только ночами, летними, короткими, шел по звездам. Днем лежал в канавах, ямах, под кустами в степи.

Меня спящего обнаружил вооруженный полицейский и отвел в остановившуюся неподалеку этапную колонну военнопленных. В 1945 был освобожден союзниками. Органы «Смерш» провели мою проверку, признали невиновным.

Каждый год раза по три четыре меня вызывали в КГБ и я писал длиннющие объяснительные. Моя совесть и совесть наших ребят чиста» [5, л. 41].

Справедливость восторжествовала. Решением бюро секции партизан и подпольщиков Крыма все пять партизан признаны не дезертирами, а честно исполнившими свой воинский долг.

Анализируя письмо Александра Николаевича, я думаю, что он зря сетует на то, что «удача изменила ему». Дело в том, что если бы его захватили непосредственно возле Мазанки, то его судьба, как партизана, была бы предрешена. Он же был схвачен возле дороги и поскольку был в красноармейской форме, его приняли за сбежавшего военнопленного и тут же «вернули» в проходившую мимо колонну. В то время, после падения Крымского фронта и керченской катастрофы, таких колонн на полуострове было множество.

Повезло ему и в той части, что, несмотря на многочисленные вызовы в КГБ, он не был арестован. Если бы пришел ответ из Крымского партархива о его «дезертирстве», то ситуация могла-

бы сложиться много хуже. Так или иначе, но Железнов относительно спокойно проработал директором школы в своем родном городе.

На 10 июля 1942 в Бахчисарайском отряде было 85 чел. [2, л. 95].

3 октября 1942 Бахчисарайский отряд в количестве 79 человек катерами был эвакуирован на Большую землю. На этом его славная история прекратилась [6, с. 193].

Среди его наиболее резонансных операций – успешное нападение на мельницу, в ходе чего отряд получил столь необходимую для жизни муку. Считается, что партизанами Бахчисарайского отряда уничтожено 625 оккупантов, выведено из строя 28 автомашин, орудие, было взорвано 2 эшелона и 4 моста. Среди населения было распространено 3 тыс. листовок и распространено 250 экземпляров газет. В отряде было принято в партию 15 человек [4, л. 82].

Приказом командующего Северо-Кавказского фронта от 21 июля 1942 г. № 0170 среди прочих крымских партизан были награждены бойцы и командиры Бахчисарайского отряда: орденом «Ленина» – Д.Г. Каспаров; орденом «Красного знамени» – М.А. Македонский; орденом «Красная звезда» – В.Н. Шмалев.

Приказом командующего Черноморской группы войск от 24.10.42 № 018 орденом «Красного знамени» – Д.Г. Каспаров, В.Д. Лели, М.А. Македонский, Е.В. Сидельников, А.Н. Черников; орденом «Красной звезды» – А.Ф. Бережной, В.П. Бурында, Д.Г. Доброскокин, В.Г. Качиев, М.Ф. Самойленко, И.И. Суполкин, П.М. Ткаченко, И.И. Урсол, В.И. Черный.

В течении ноября 1941 – октября 1942 года отряд потерял убитыми 20 чел; умерло от голода – 8; пропало без вести – 4; дезертировало – 40; расстреляно – 4 [6, с. 193].

Как мы понимаем теперь, число убитых можно увеличить до 24 человек, а дезертиров – уменьшить на 5.

К тому же в этом списке не указано количество людей, которые после принятия решения о сворачивании масштабного партизанского движения в Крыму были отправлены в села создавать подпольные организации. Можно сделать вывод, что и эти люди попали в число дезертиров. Увы, это страшная реальность того времени.

На разных этапах отрядом командовали:

командир	К.Н. Сизов	1.11.41–7.11.41
	М.А. Македонский	7.11.41–9.10.42
комиссар	В.И. Черный	1.11.41–9.10.42
начальник штаба	Достмамбетов[12] И.И. Урсул[13]	1.11.41–1942 1942–9.10.42

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вергасов И.З.* Крымские тетради. М.: Советская Россия, 1974. 448 с.

2. ГААРК. Ф. П. 151. Оп. 1. Д. 17.

3. ГААРК. Ф. П. 151. Оп. 1. Д. 21.

4. ГААРК. Ф. П. 151. Оп. 1. Д. 60.

5. ГААРК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 266.

6. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. Киев: Главная редакция УСЭ АН УССР, 1971. 803 с.

7. *Колпаков Н.Е.* Всегда в разведке / Под ред. Н.И. Олейникова. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 176 с.

8. *Македонский М.А.* Пламя над Крымом. Симферополь: Крымиздат, 1969. 253 с.

9. *Сермуль А.А.* 900 дней в горах Крыма. Симферополь: СОНАТ, 2004. 98 с.

10. *Хаяли Р.И.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Некоторые методологические аспекты исследований // Історія України. Маловідоми імена, події, факти. Збірник наукових праць. Київ, 2004. С. 85–96.

11. *Черный В.И.* Долгом призванные. Симферополь: Таврия, 1985. 192 с.

---

[12] Досмамбетов Абдураим, 1905 г.р. Член ВКП(б). Уроженец д. Лжамал, Ак-Мечетский район. Завотделом агитации и пропаганды Бахчисарайского РК ВКП(б). В партизанах с 1.11.41 по 1942 г. Начальник штаба Бахчисарайского отряда. 1.11.41–1942. Отправлен на спецзадание.

[13] Урсол Иван Игнатьевич, 1909 г.р. Прибыл из Ахк-Шейхского района. В партизанах с 1.11.41 по 09.10.42 г. Боец Ак-Шейхского, Ялтинского отрядов, начальник штаба Ак-Шейхского, Бахчисарайского отрядов (февраль 1942–9.10.42). Эвакуирован в Сочи. Командир 4 отряда 4-й бригады (25.11.43–20.04.44).

Сведения об авторе: Владимир Евгеньевич Поляков – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым); e-mail: turshu@inbox.ru

The history of Bakhchisarai partisan detachment

Vladimir Polyakov
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The article presents the history and fate of partisan detachment formed in October 1941by the residents of Bakhchisarai district. The short training period, which for the entire squad lasted from October 25 till November 2, during which the partisans had to arrange the delivery of everything to the forest that was needed to continue the struggle: food, ammunition and weapon were examined. The social and demographic composition of the group and its original principles of recruitment were looked through. The ottoponimny principle of history of titles, carried by guerrilla groups in Crimea in 1941–1942 were considered.

Previously unknown circumstances of food stocks losses were listed. Ration of food for the partisans in this terrible period of their lives was also given. To the organization of partisan`s combat activities, creation of battle groups as the main combat units was given detailed analysis. To the November battles of Bakhchisarai squad during the attack to the village of Biya-Sala and during the first punitive action against Bakhchisarai squad, was given thorough analysis. The most successful combat operations were studied over.

The bibliography on the history of the group was presented and also given the analysis. For the first time in history, the real destiny of five partisans of Bakhchisarai detachment is given, they were previously considered to be deserters, but actually they were killed in battle near the village Mazanka, Simferopol district. The full list of detachment`s commanders, beginning from October 1941 to October 1942, and population`s dynamics of the detachment at all critical stages of its history is given in the article. The full number of dead, missed, those who died of starvation, deserters, were shot by the verdict of the tribunal were given. For the first time was presented a list of names of partisans who were awarded State awards in 1942.

The work is provided with previously unknown biographical information about the Crimean partisans from soldiers and commanders of Bakhchisarai

detachnent. The article is based on both: previously unknown documents from the State Archives of the Autonomous Republic of the Crimea and those which were published earlier but were not critically interpreted.

Keywords: The Crimea, partisans, Bakhchisarai detachment, deserters, rewarding, starvation.

REFERENCES

1. Vergasov I.Z. *Krymskie tetradi* [The Crimean notebooks]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1974. 448 p.
2. GAARK. F.P. 151. Op. 1. D. 17.
3. GAARK. F.P. 151. Op. 1. D. 21.
4. GAARK. F.P. 151. Op. 1. D. 60.
5. GAARK. F. 849. Op. 1. D. 266.
6. *Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR. Krymskaya oblast'* [The history of cities and villages of Ukrainian SSR, Crimean region]. Kiev, Glavnaya redaktsiya USE AN USSR, 1971. 803 p.
7. Kolpakov N.E. *Vsegda v razvedke* [Always in reconnaissance]. Ed. N.I. Oleynikov. Simferopol, OAO «Cimferopol'skaya gorodskaya tipografiya», 2008. 176 p.
8 Makedonskiy M.A. *Plamya nad Krymom* [The Flame over the Crimea]. Simferopol, Krymizdat, 1969. 253 p.
9 Sermul' A.A. *900 dney v gorakh Kryma* [900 days in the mountains of the Crimea]. Simferopol, SONAT, 2004. 98 p.
10.Khayali R.I. Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniy [The Crimea in the Great Patriotic War of 1941–1945. Some methodological aspects of investigations]. *Istoriya Ukraïni. Malovidomi imena, podiï, fakti. Zbirnik naukovikh prats'* [The history of Ukraine. Not well known names, events and facts. The collection of scientific works]. Kiev, 2004. Pp. 85–96.
11. Chernyi V.I. *Dolgom prizvannye* [Called out by the performance of the duty]. Simferopol, Tavriya, 1985. 192 p.

About the author: Vladimir Evgenyevich Polyakov – Cand. Sci. (History), docent of the Chair of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); e-mail: turshu@inbox.ru

УДК 811(=512.145)

Структура сложных наречий в крымскотатарском языке

Гульнара Аджимамбетова
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы образования сложных наречий в крымскотатарском языке способом основосложения. Анализируются типы сложных адвербиальных единиц на материале произведений крымскотатарских писателей.

Ключевые слова: сложные наречия, собственно-сложные, парные, повторные, составные наречия.

В современном крымскотатарском языке есть значительная группа наречий, образованных путём соединения в одно лексическое соединение двух или нескольких основ, или же при помощи удвоения основ. Такие группы образуют сложные наречия. **Цель статьи:** рассмотреть типы сложных наречий в крымскотатарском языке, образованных способом основосложения.

Словосложительные модели представляют собой сложившиеся структурные схемы. «Все сложившиеся модели сложных слов, – отмечает А.А. Юлдашев, – обладают характером устойчивой грамматической формулы» [14, с. 191]. Они представляют сдвиги различной структуры. Чаще всего последним компонентом является имя существительное, прилагательное, местоимение, причастие и другие. Иногда им может быть и наречие. По

своему происхождению сложное наречие есть застывшее словосочетание или группа слов, выражающая сопутствующий тому или иному явлению признак. Сложные наречия в основном относится к наречиям места, времени, причины, цели и образуются на базе словосочетаний, которые выражают обстоятельственные отношения.

Одним из продуктивных способов образования сложных наречий является основосложение. В результате основосложения образуются сложные слова. Сущность заключается в образовании наречий посредством слияния различных основ, а также основ и служебных элементов языка. Обычно два компонента, представляющие собой единицы частей речи, органически сливаясь, претерпевая при этом различные взаимообусловленные фонетические изменения, образуют новое слово с единым наречным значением. По отношению словообразования наречий крымскотатарского языка синтаксическим способом образуются следующие разновидности наречий: собственно сложные наречия; парные наречия; повторные наречия; составные наречия.

Образование собственно сложных наречий. Собственно сложные наречия образуются путём сложения двух основ, которыми могут быть существительные, наречия, местоимения, числительные, прилагательные. В основном один компонент конкретизирует значение другого компонента.

– Наречия, образованные путём слияния указательного местоимения ***бу*** ’этот’ с именем существительным ***кунь*** ‘день‘: ***бугунь*** ’сегодня’. ***Бугунъ*** олмаса, ярын [15, с. 69]. ‘Если *не сегодня*, то завтра‘.

– Определительные словосочетания: ***ялынбаш*** ’без головного убора’, ***ялынаякъ*** ’босиком’, ***ялынгъач*** ‘без одежды‘: Балалыкъ деврымде ***ялынбаш-ялынгъач***, ятмагъа ер тапмай бир кунь токъ, бир кунь ач [15, с. 21]. ‘В детстве *без головного убора – без одежды* не могли найти ночлега, день сытые, день голодные‘.

В данных образованиях используется анатомический термин опорно-двигательной части тела: ***аякъ*** ’нога’, ***баш*** ’голова’. Следует заметить, что каждый конкретный случай имеет своё позиционное назначение. Анатомическая часть находится в постпозиции. Первая часть исторически восходит к слову в понятии «оголёный, босой». Прямое значение «оголённая голова, босая нога».

В этом случае первый компонент ***ялын*** ’оголённый, босой’ конкретизирует второй со своим прямым значением. В то время при образовании веществ с предметным значением, характерна препозиция: ***аякъкъап*** ’обувь’. Прямое значение ’прикрытие для ноги’. В крымскотатарском языке единичное использование слова ***ялын: ялынаякъ, ялынбаш, ялынгъач.*** Тогда как в других тюркских языках формант ***ялын*** относится ко всем случаям босости. Например: тат. ***яланәс*** ’без одежды’, ***ялантәпи*** ’босиком’, ***ялантән*** ’голышом’, ***яланкул*** ’без руковиц’. Для других случаев в крымскотатарском языке используются функциональные наречия. Например, ***чыплакъ*** ’раздетый, не одетый.

– Сочетание числительного ***бир*** ’один’ с наречием ***аз*** ’мало’***: бираз*** ’немного, несколько’:

наречие, образованное сочетанием двух самостоятельных основ: ***бир*** + ***аз*** имеет активное употребление в современном крымскотатарском языке: *Шарман вокзал мейданы бою* ***бираз*** *кезинди* [10, с. 96]. ’Шарман *немного* погулял вдоль вокзальной площади’.

– Наречия, образованные сочетанием существительного ***кунь*** ’день’**.** В речи бытуют формы употребления наречий времени названия дней по характеру отдалённости:

1 день – *бириндж кунь* или ***бугунь***; 2 день – ***ярын;*** 3 день – о бирси кунь (*то бирси кунь*); вчера – ***тюневин***; позавчера – ***тёкунь.***

Интересно образование наречия ***тёкунь***. Это наречие раскладывается на три разнокатегориальные единицы, где ***тё – таа*** – выражает пространственное значение, неблизкое к говорящему. Указательная частица использована в первообразном виде для формирования наречия времени. **О** – указательное местоимение, номинативная единица 3 лица, ***кунь*** – лексема, характеризующая явление, день; ***тёкунь*** – ’день, который был ещё тогда’.

Наречие ***бираз,*** принимая аффикс исходного падежа даёт значение ’через некоторое время’: ***Бираздан***, *Аустерлиц къартбаба пейда олды* [10, с. 31]. ’Через некоторое время появился дед Аустерлиц’.

Итак, в крымскотатарском языке при образовании собственно сложных наречий наблюдается сложение двух и более основ.

Образование парных наречий. Наречия, образованные способом повторения, редупликации или удвоения основ, представляют собой парные сочетания имён, наречий и других частей речи, лексически используемых для определения качества действия или состояния. Такие сочетания состоят из повторов одинаковых слов синонимичных или антонимичных основ, повторов, один из компонентов которых оформлен аффиксами местно-временных падежей. Составными компонентами парных наречий могут быть различные части речи: существительное, глагол, деепричастие, числительное, прилагательное, наречие, предикативное слово.

Образование парных наречий можно разделить на две группы:

1. Сложение разных неповторяющихся основ:

– сочетание основ с одинаковым морфологическим оформлением;

– сочетание синонимов, представляющих собой наречия или прилагательные:

ачыкъ-айдын ’ясно, чётко’, ***эсен-аман, аман-эсен*** ’благополучно’, ***агъыр-сабыр*** ’медленно’: *Артыкъ энди* ***агъыр-сабыр****, акъ сакъаллы къыш келе* [13, с 29]. Теперь уже *медленно* идёт белобородая зима. *Керван* ***агъыр-сабыр*** *Бухарагъа ёл тута* [13, с. 29]. ’Караван *медленно* направляется в Бухару’;

алель-аджеле ’спешно, срочно’.

– Сочетание антонимов, имеющих одинаковое морфологическое оформление:

яз-къыш ’зимой и летом’, ***гедже-куньдюз***, ***кече-куньдюз*** ’днём и ночью’, ***саба-акъшам*** ’утром и вечером’: *Мусафир ичюн о* ***гедже-куньдюз*** *чалышыр* [10, с. 350]. ’Ради гостей он будет работать *днём и ночью’*. ***Кече-куньдюз*** *дуа эте, дёрт козюмен, ёл къарай* [4, с. 44]. *’Днём и ночью* читает молитвы, четырьмя глазами высматривает дорогу’. ***Саба-акъшам*** *эки сыгъыр сагъа, эв ишлерини бакъа* [6, с. 31]. *’Утром и вечером* доит двух коров, выполняет домашнюю работу’.

анда-мында ’тут и там’, **андан-мындан** ’оттуда и отсюда’:

Сен не ичюн ***анда-мында*** *сюмсюкленип юресинъ я?!* [10, с. 209]. ’Почему ты шатаешься *здесь-там*?! *Башыны, хашырлы тай киби,* ***ашагъы-юкъары*** *саллады* [2, с. 185]. ’Как жеребёнок, он покачал головой вверх-вниз’. *Башыны эки-учь дефа* ***алдгъа-***

арткъа *саллады* [2, с. 51]. ’ Два-три раза покачал головой *вперёд-назад’*.

эрте-кеч ’рано или поздно’, ***аз-чокъ*** ’много или мало’, ***язын-къышын*** ’зимой и летом’:

Эрте-кеч *илле ёлдан чыкъаджакъ, яхут бир шейге барып уруладжакъ*. [12, с. 198]. *’Рано или поздно* он непременно уйдёт с дороги, или ударится обо что-то’.

Интересен тот факт, что при переводе парных наречий на русский язык второй компонент наречия становится первым: ***гедже*** ’ночь’, ***куньдюз*** ’день’ – ***гедже-куньдюз*** ’днём и ночью’; ***яз*** ’лето’, ***къыш*** ’зима’ – ***яз-къыш*** ’зимой и летом’.

– Сочетание основ, имеющих одинаковое морфологическое оформление:

ярым-юрты ’кое-как, ***арды-сыра*** ’подряд, последовательно’:

Къапыдан кирип етиштирмедилер, телефон ***арды-сыра*** *чалынды* [9, с. 62]. ’Не успели войти в дверь, как *несколько раз подряд* зазвонил телефон’.

– Оба компонента имеют аффикс направительного падежа: ***онъгъа-солгъа*** ’влево вправо’: *Мен бахытсыз макъсадымны больмесем, джуйрюк атым* ***онъгъа-солгъа*** *бургъанда*. ’Если я не смогу разрешить свою несчастливую цель, то моя быстроходная лошадь завернёт влево-вправо’.

– Оба компонента имеют аффиксы местного падежа: ***арада-сырада*** ’иногда’:

Арада-сырада *бираз вааз ве насиаттан башкъа ич бир шей истемез эди* [6, с. 44]. ’*Иногда* кроме немногих обещаний и наставлений он ничего не требовал’.

Образование повторных наречий. Полный повтор компонентов наречий усиливает признак наречий.

Сложение повторяющейся одной и той же основы:

– наречия-повторы, образованные от основ, имеющих одинаковое морфологическое оформление: ***тез-тез*** ’быстро-быстро’, ***яваш-яваш*** ’медленно’, ***серт-серт*** ’сурово’, ***джорта-джорта*** ’рысцой’, ***агъыр-агъыр*** ’тяжело’, ***енгиль-енгиль*** ’легко’, ***бирер-бирер*** ’по-одному’, ***сыкъ-сыкъ*** ’часто-часто’, ***тосат-тосат*** ’временами’, ***япалакъ-япалакъ*** ’хлопьями’, ***акъырын-акъырын*** ’медленно’, ***шенъ-шенъ*** ’радостно ’, ***бирилей-бирилей*** ’по-одному’, ***кескин-кескин*** ’злобно’, ***сербест-сербест*** ’свобод-

но’, ***къат-къат*** ’слоями’, ***дане-дане*** ’по-одному’, ***адым-адым*** ’шаг за шагом’ и др.

Чёльге чыкъкъан сонъ, оджа атнынъ юрюшини явашлатты, ***адым-адым*** *юрсетти* [2, с. 198]. *Андаки булутлар авада* ***агъыр-агъыр*** *ялдап, денъизге таба джылыша* [6, с. 126]. ’Те облака, *тяжело* плавая в воздухе, передвигаются в сторону моря’. *Абдиев* ***тез-тез*** *юрип чыкъып кетти* [10, с. 233]. ’Абдиев *быстро* вышел и ушёл’. *Онъа бираз бакъып тургъан сонъ, бойнуна сарылып* ***окюр-окюр*** *агълады* [10, с. 227]. ’Немного посмотрев на него, она *навзрыд* стала плакать повиснув на его шее’. ***Тосат-тосат*** *талгъын ельмен, алтын ашлыкъ шувулдай* [13, с. 20]. ’*Временами* тихим ветром колышется золотая пшеница’ *Кетирген къойлары-ны* ***бирер-бирер*** *анда сокъып соялар* [6, с. 130]. ’Там *по-одному* бьют и режут баранов, которых они принесли’.

– Наречия-повторы, образованные от двух основ, одна из которых фонетически видоизменяется и служит для усиления, интенсификации наречного значения: ***къап-къара*** ’черным-черно’, ***бом-бош*** ’совершенно пусто’, ***еп-енгиль*** ’легонько’, ***доп-догъру*** ’прямиком’, ***ара-сыра*** ’иногда’, ***алпан-толпан*** ’кое-как’, ***тип-тирилен*** ’вживую’, ***бус-бутюн*** ’полностью’, ***бетме-бет*** ’лицом к лицу’, ***рыкъма-рыкъ*** ’до отказа’ ***кет-кете*** ’постепенно ’ и т.д.

Бабам энди койден ***бусь-бутюн*** *къайтып кельди* [6, с. 72]. ’Отец *полностью* вернулся из села’. *Корьмек истеп Темирнен, енгесини* ***бетме-бет*** [13, с. 97]. ’Хочет увидеть невестку и Темира *лицом к лицу’. Зал* ***рыкъма-рыкъ*** *толу* [6, с. 62]. ’Зал полон *до отказа’. Къаранлыкъта айванны* ***алпан-толпан*** *юрсете* [13, с. 22]. ’В темноте он *кое-как* водит животное’. *О,* ***ара-сыра*** *башыны котерип пенджереден бакъа, динълене, сонъ, кене ята* [6, с. 30]. ’Он, *иногда*, подымая голову смотрит с окна, вслушивается, после снова ложится’.

– Наречия-повторы, образованные путём повтора слов, имеющих различное морфологическое оформление. Именные компоненты, оформленные во второй части аффиксами падежа:

а) аффикс направительного падежа: ***кунь-куньге*** ’изо дня в день’, ***козь-козьге*** ’с глазу на глаз’, ***ер-ерине*** ’по местам’, ***о якъ – бу якъкъа*** ’туда-сюда’: *Ибраим* ***о якъ, бу якъкъа*** *бакъты, сто янында тургъан скемлеге отурды* [9, с. 59]. ’Ибраим посмотрел *туда-сюда*, сел на стул, находившийся рядом со столом’;

б) аффикс местного падежа: ***вакътлы-вакътында*** ’своевременно’, ***вакъты-вакътында*** ’вовремя’: ***Вакътлы-вакътында*** *эв ишлерини эте, чамашыр джува ве* ***вакътлы-вакътында*** *эллерини майлап, анасынынъ сувукъ аякъларыны къыздыра* [6, с. 31]. ’*Своевременно* выполняет домашнюю работу, стирает, *вовремя* согревает холодные мамины ноги. «*Венаны» яхшы емлернен* ***вакъты-вакътында*** *ашатып башладылар* [1, с. 31]. ’«Вену» стали *вовремя* кормить хорошим кормом’;

в) аффикс исходного падежа: ***кунь-куньден*** ’изо дня в день’, ***йыл-йылдан*** ’из года в год’, ***эвель-эзельден*** ’с давних пор’: ***Эвель-эзельден*** *шай олып кельген, шай да кете эди* [6, с. 93]. *’С давних пор* так оно шло, так оно и идёт’. ***Кунь-куньден*** *юкъудан эртелеп тура* [15, с. 22]. *’День ото дня* просыпается всё раньше и раньше’;

г) аффикс инструментального падежа: ***зар-зорнен*** ’еле-еле’.

– Наречия-повторы, где первый компонент оформлен формой исходного падежа, а второй – формой направительного падежа: ***йылдан-йылгъа*** ’из года в год’, ***куньден-куньге*** ’изо дня в день’, ***бойдан-бойгъа*** ’во всю длину’, ***боштан-бошкъа*** ’впустую’, ***бирден-бирге*** ’внезапно’: ***Куньден-куньге*** *юреги ашыкъ отуна къабынып, эш-достларнен котере эки башлы тола эв* [13, с. 46]. *’Изо дня в день* его сердце наполняется любовью, и они с друзьями строют двухглавый каменный дом. ***Бирден-бирге*** *къулагъыма «Хатидже Шабанова» фамилиясы чалынды* [6, с. 62]. ’*Внезапно* я услышал фамилию «Хатидже Шабанова»’. *Онынъ кокнен къошулгъан еринде аз кемерли бир сызыкъ* ***бойдан-бойгъа*** *созулгъан* [6, с. 92]. ’В месте, где он пересекался с небом, во всю длину протянулась слегка дугообразная линия’.

– Наречия-повторы, где первый компонент оформлен формой исходного падежа: ***йылдан-йыл*** ’из года в год’, ***баштан-аякъ*** ’с начала до конца’, ***баштан-аякъ*** ’с ног до головы’, ***догъ-рудан-догъру*** ’точно’:

Сененинъ эр айында озюне махсус хутбелерни ***баштан-аякъ*** *эзберлеп чыкъмакъ, шубесиз, зорджа бир иш* [6, с. 45]. ’Выучить *от начала до конца* специальные для каждого месяца года проповеди, несомненно, трудное дело’. *Эсмери къыз командирни* ***баштан-аякъ*** *козьден кечирди* [5, с. 4]. ’Смуглая девушка оглядела командира *с ног до головы*.’ *Русча терминлер къырымтатард-*

жагъа ***догърудан-догъру*** *терджиме этиле.* ’С русского на крымскотатарский термины переводятся *точно без изменения’.*

Образование составных наречий. Эта группа наречий структурно организована по моделям атрибутивных словосочетаний. В крымскотатарском языке, как и в других тюркских языках, образование новых слов лексико-синтаксическим способом (лексикализацией), является своеобразным лингвистическим процессом.

Данный способ словосочетания осуществляется посредством слияния двух и более производящих основ. Оба компонента наречия, представляющие собой единицы различных частей речи, сливаются, изменяясь при этом фонетически и семантически.

– Сочетания, построенные по модели тюркского изафета, в которой у первого компонента – исходная форма, а второй компонент оформлен аффиксом принадлежности 3-го лица***: акъшам вакътында*** ’вечером’.

– Наречия, образованные путём слияния указательного местоимения ***бу*** ’этот’, с именами существительными: ***бу гедже*** ’этой ночью’, ***бу йыл*** ’в этом году’, ***бу заман*** ’в это время’, ***бу вакъыт*** ’в это время’, ***бу ай*** ’в этот месяц’, ***бу дакъикъа*** ’сейчас же’, ***бу сефер*** ’на этот раз’. Местоимение ***бу*** образует в крымскотатарском языке целый ряд разнообразных наречий:

– указательное местоимение ***бу*** сочетается с именами в основном падеже: ***бу заман, бу вакъыт*** ’в это время’, ***бу акъшам*** ’этим вечером’, ***бу гедже*** ’этой ночью’: ***Бу вакъыт*** койде революцион денъишмелернинъ тесири сезильмекте эди [9, с. 67]. *’В это время* в селе было заметно влияние революционных изменений’. ***Бу заман,*** яваштан, элинен матрацкъа токъуна [6, с. 95]. *’В это время* он осторожно дотрагивается до матраца’. ***Бу акъшам*** ашханагъа бармам [6, с. 124]. ’Этим вечером не пойду в столовую’ Бу месюль операция ***бу гедже*** кечирельмек керек [9, с. 10]. ’Эта ответственная операция должна пройти *этой ночью*’;

– указательное местоимение ***бу*** ’этот’ сочетается с именами в направительном падеже: ***бу ерге*** ’сюда’, ***бу якъкъа*** ’сюда’;

– указательное местоимение ***бу*** сочетается с именами в местном падеже: ***бу ерде*** ’здесь’, ***бу якъта*** ’здесь’. Эринме де, ***бу ерде*** токъта [6, с. 113]. ’Не ленись, остановись здесь’.

– указательное местоимение ***бу*** сочетается с именами в исходном падеже: ***бу якъстан*** ’отсюда’, ***бу ерден*** отсюда’.

Наречие ***бугунь*** ’сегодня’ само образует различные сочетания: ***бугунь эртен***, ***бугунь саба*** ’сегодня утром’, ***бугуньден башлап*** ’начиная с сегодняшнего дня’, ***бугунь танъда*** ’сегодня на рассвете’. *Комсомолка къыз,* ***бугунь саба*** *сонъки галетлерни ашап, акъшамны таптыкъ, – деди командир* [5, с. 4]. ’Девочка-комсомолка, *сегодня утром* съев последние галетки, дождались вечера, – сказал командир’.

В случае, когда одним компонентом является местоимение, то оно как бы играет роль префикса. Неся в себе конкретное значение, например, ***эр*** ’каждый, всякий’ привносит значение притяжательности: ***эр вакъыт*** ’всегда’, ***эр заман*** ’всё время, постоянно’, ***эр кунь*** ’ежедневно’, ***эр дакъикъа*** ’ежеминутно’, ***эр ерде*** ’везде’, ***эр ерден*** ’отовсюду’: *Ярдым этер, къол тутарман мен* ***эр вакъыт*** *сизлерге* [4, с. 14]. ’Я всегда буду помогать вам, поддерживать вас’. *Асан оны ич де ынджытмай,* ***эр заман*** *башыны сыйпай, оны ашата* [6, с. 129]. ’Асан никогда его не обижает, всегда кормит, гладит’. *Мен де* ***эр кунь*** *эвге кельгенде шай кийине тургъаным* [6, с. 72]. ’Я тоже ежедневно приходя домой так одевался’. ***Эр ерден*** *силинген татарнынъ ады* [13, с. 17]. ’Отовсюду стёрты имена татар’.

– Указательное местоимение ***шу*** присоединяясь к существительным в исходном, направительном, местном падежах имеет значение наречий***: шу саат*** ’тотчас’, ***шу ерге*** ’в то место’, ***шу ерде*** ’в этом месте’, ***шу арада*** ’в это время’, ***шу анъде*** ’в это мгновение’: *Олар мени* ***шу саат*** *сарып алды* [8, с. 3]. ’Они меня *тотчас* окружили’. ***Шу арада*** *куньбатыда, барханларнынъ устюнде пейда ола бир кочьмеджи керваны* [14, с. 114]. *’В это время* на закате появляются кочующие караваны’. ***Шу анде*** *учь солдат Зиядин къартнынъ эвине кире* [8, с. 8]. *’В это мгновение* три солдата заходят в дом старика Зиядина’. ***Шу ерчикте*** *кичкенекий бир джемиет къуралар* [7, с. 24]. *’В том месте* создают небольшую общину’.

– Указательное местоимение ***о*** соединяясь с существительными в основном, направительном, местном падеже даёт значение наречий: ***о вакъыт, о заман*** ’в то время’, ***о вакъытлары*** ’в те времена’, ***о якъкъа*** ’в ту сторону, туда’, ***о тарафкъа*** ’в ту сторону’***, о якъта***, ***о тарафта*** ’в той стороне’, ***о заманларда*** ’в те времена’, ***о якътан, о тарафтан*** ’с той стороны’: ***О заман****, Гъани ишке*

башкъаджа янашты [6, с. 51]. *'В то время* Гъани отнёсся к работе иначе'. ***О вакъыт*** *башкъа такъыштыргъан лагъаплары етмеген киби, «Чиберекчи Ибраим» деген адны да къазандым* [9, с. 63]. *'В то время* мне ещё присвоили имя «Чиберекчи Ибраим, как будто других кличек было мало»'. *Умер, сен* ***о якъкъа*** *даа бараджакъсынъмы?* [6, с. 113]. 'Умер, ты ещё туда пойдёшь?'

В следующем предложении существительное находится во множественном числе, имея при себе аффикс принадлежности: ***О вакъытлары*** *орталыкъ пек къарышыкъ эди* [6, с. 102]. '*В те времена* вокруг было очень запутано'.

Существительное ***вакъыт*** находится во множественном лице без аффикса принадлежности: ***О вакъытлар*** *мектепте ресим дерси окъутылмаса да, Сосо яхшы ресим япа эди* [7, с. 30]. 'Хотя в школе *тогда* и не преподавали уроки рисования, Сосо хорошо рисовал'.

Существительное ***вакъыт*** сочетаясь с другими частями речи в крымскотатарском языке образует целый ряд наречий: Модель, где первый компонент существительное ***къыш***, второй – существительное в местном падеже ***вакъытларында*** имеет наречное значение 'зимой': *О,* ***къыш вакъытларында*** *дерслери узерине гъайрет къойып чалышты* [9, с. 75]. *'В зимнее время* над уроками он стал заниматься усердно'.

Существительное ***вакъыт*** сочетаясь с числительным ***аз*** имеет значение 'недолго': *Ильяс къуруджылыкъ техникумыны битирген сонъ,* ***аз вакъыт*** *прораб олып чалышты* [10, с. 200]. 'После окончания строительного техникума Ильяс *недолго* работал прорабом'.

Существительное ***вакъыт,*** сочетаясь с числительным ***чокъ,*** имеет значение 'долго': *О* ***чокъ вакъыт*** *башыны котермей ящик ичине «мышыкъ софусы» киби отургъан* [6, с. 104]. 'Он *долго* лежал, не подымая головы, словно «набожная мышка»'.

Лексема ***вакъыт,*** сочетаясь с числительным ***чокъ,*** указывает на характер действия по времени и характер количества по времени. Ср. ***чокъ вакъыт*** къатнамакъ 'ходить долго', и ***чокъ къатнамакъ керек*** 'нужно много ходить'.

Числительное ***бир*** 'один' образует в крымскотатарском языке целый ряд сложных наречий: ***бир кунь*** 'однажды', ***бир маальде*** 'однажды', ***бир вакъыт*** 'однажды', ***бир заман*** 'в одно время,

когда-то’, ***бир дефа*** ’однажды’, ***бир сефер***, ***бир кере*** ’однажды’ ***бир бакъышта*** ’с первого взгляда, сразу’, **бир кереден** ’сразу’, ***бир куню*** ’на днях’, ***бир гедже*** ’однажды ночью’, ***бир заманда*** ’в одно время’, ***бир баштан*** ’сначала’, ***бир агъыздан*** ’одновременно’, ***бир сёзсюз*** ’беспрекословно’, ***бир ерге*** джыйылмакъ ’собираться в одном месте’, *мен* ***бир сефер*** *айтам, къайтармайым* ’я говорю только один раз, не повторяю’, ***бир заманларда*** олгъан иш ’дело, случившееся когда-то’, ***кяде бир’*** иногда’: *Сервер онынъ къолуны алды, лякин* ***бир бакъышта*** *танып оламады* [5, с. 9]. ’Сервер поцеловал ему руку, но *с первого взгляда* его не узнал’. ***Бир джагъада*** *отургъан гъарип анам, яваш-яваш козьяшын сюртип джылай* [4, с. 8]. ’Сидевшая *в стороне* мама, вытирая слёзы, тихо плачет’. ***Бир гедже*** *«отурмагъа» деп, Хатиджелер кельдилер* [6, с. 66]. *’Однажды ночью* пришли семья Хатидже посидеть. ***Бир куню*** *Билял Ибраимни эвине чагъырды, къорантасынен таныш этти* [9, с. 76]. *’На днях* Билял пригласил Ибраима к себе домой, познакомил с семьёй’. ***Бир дефа*** *мырза, ничюндир, койлюлерге ачувланып, топрагъындан кочмелерини эмир эткен* [6, с. 108]. ’*Однажды* дворянин, почему-то разозлившись на крестьян, приказал съехать с его земель’. ***Кяде бир*** *джиренчликле столу устюнде яткъан шикяетке назар ташлай эди* [12, с. 205]. ***Биринджи куню*** *Керим бабасыны «къачмагъанмы экен?» – деп, эки кере ёкълай* [6, с. 100]. ’*В первый день* Керим навещает отца два раза думая: «не убежал ли он?» ’.

Словосочетание ***бир кунь*** может сочетаться с существительным ***акъшам*** и выражает значение наречия ’однажды вечером’: ***Бир кунь акъшам*** *софра башында Сейяр къорантанынъ кейфини бозды* [9, с. 12]. *’Однажды вечером* за столом Сейяр испортил настроение всей семье’.

– Числительное ***бир*** может принять аффикс порядкового числительного и сочетаться с существительным, принявшим аффикс принадлежности 3-го лица: ***биринджи куню*** ’в первый день’.

В следующем предложении словосочетание ***бир кунь*** сочетается с существительным ***акъшам*** в исходном падеже и располагает к себе послелог ***сонъ***. Даёт значение ’однажды поздно вечером’: ***Бир кунь акъшамдан сонъ****, Хатидже чешмеге сувгъа кетти.* ’*Однажды* поздно вечером, Хатидже пошла за водой’.

Словосочетание ***бир кунь*** находясь в постпозиции сочетается с существительным в исходном падеже и даёт значение ’однажды’: ***Куньлерден бир кунь****, къаве огюнде отургъанда, койлюлерден бири* [6, с. 97]. ’*Однажды*, когда все пили кофе, один из сельчан…’

В следующем предложении числительное ***бир*** принимает аффикс местного падежа, сочетаясь с существительным в родительном падеже, даёт значение ’однажды, в один из дней’: ***Куньлернинъ биринде*** *Селямет ёргъун алда джапнынъ учурымы янында отурды* [9, с. 23]. ’*Однажды* уставший Селямет присел около обрыва’.

– Сочетание ***бир кере***, соединяясь с существительным в местном падеже, ***афтада*** даёт временное значение наречия ’раз в неделю’: *Абдулмейин* ***афтада бир кере*** *тюкянджы Девлетшанынъ эвине къатнамагъа башлады* [6, с. 38]. *’Раз в неделю* Абдулмейин стал посещать дом продавца магазина Давлетши.

– Числительное ***бир,*** сочетаясь с существительным ***вакъыт*** во множественном числе, даёт значение наречия: ***бир вакъытлар*** ’когда-то’: ***Бир вакъытлар*** *беш-алты кой къавушып, Керчь тюбю къызлары чынълагъанлар* [4, с. 36]. *’Когда-то*, собравшись девушки из пяти-шести сёл Керчи, пели частушки’.

– Числительное ***бир*** сочетаясь с существительным ***вакъыт*** даёт наречное значение ’как-то, однажды: ***Бир вакъыт*** *къартоп тереклери ап-акъ чечек ачты* [7, с. 61]. ’*Как-то* картофельные кусты расцвёли белымим цветочками’.

– Числительное ***бир*** находится в постпозиции, образуя наречие ’иногда’: ***базыда бир, кимерде бир, кяде бир.***

Существительное ***вакъыт***, принимая аффикс местного падежа адвербиализуется и сочетаясь с существительными в основном падеже, имеет наречное значение: ***саба танъ вакътында*** ’рано утром’. ***Саба танъ вакътында*** *тюфек давушы эшитип турдым* [6, с. 83]. ’Я проснулся *рано утром*, услышав звуки выстрела’.

Существительное ***вакъыт*** сочетаясь с указательным местоимением ***бу*** и словом ***тамам*** даёт наречное значение ’как раз в это время’: ***Тамам бу вакъыт*** *сес бус-бутюн кесильди* [5, с. 20]. ’*Как раз в это время* звук полностью прекратился’.

Числительное ***бир*** сочетается с существительным с аффиксом ***-сиз*** указывает на наречное значение ’свободно’: ***Бир заметсиз*** *окъумагъа билем* [7, с. 11]. Я могу читать *свободно*.

Итак, в крымскотатарском языке сложные наречия образуются синтаксическим способом. Их можно разделить на собственно-сложные, парные, повторные и составные наречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиев А.* Окъув китабы. Симферополь: Кърым АССР Девлет нешрияты, 1942. 152 с.

2. *Алядин Ш.* Иблиснинъ зияфетине давет. Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1979. 216 с.

3. *Ганиев Ф.Г.* Образование сложных слов в татарском языке. М.:Наука, 1982. – 150 с.

4. *Гирайбай А.* Шиирлер. Симферополь: Таврия нешрияты, 1997. 141 с.

5. *Дерменджи А.* Баш эгмегенлер. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1979. 247 с.

6. *Ипчи У.* Икяелер. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1972. 207 с.

7. *Къарабаш А.* Окъув китабы. Биринджи къысым. Симферополь: Кърым АССР Девлет нешрияты, 1940. 104 с.

8. *Мемeтов А.М., Мусаев К.* Крымтатарский язык: В 2-х ч. Крым. Учебно-педагогическое издательство. Ч. 2: Морфология. Симферополь, 2003. 288 с.

9. *Нагаев С.* Бинъ бир олюмни енъип. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1987. 207 с.

10. *Осман А.* Тутушув. Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1988. 400 с.

11. Проблема словообразования в тюркских языках. Казань: Фикер, 2002. 368

12. *Умеров Э.* Йылдызларгъа догъру. Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1983. 280 с.

13. *Шемьи-заде Э.* Козьяш дивар. Акъмесджит: Таврия, 1993. 128 с.

14. *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 240 с.

15. *Якъуб Б.* Огге, аркъадашлар! Симферополь: Кърым АССР Девлет нешрияты, 1940. 104 с.

Сведения об авторе: Гульнара Шаибовна Аджимамбетова – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым); edrudem@mail.ru

The formation of complex adverbs in the Crimean Tatar language

Gulnara Adzhimambetova
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: Problems of formation of complex adverbs by means of composition in the Crimean Tatar language are considered in the article. Types of complex adverbial units on a material of works by the Crimean Tatar writers are analyzed.

Keywords: complex adverbs, proper-complex, pair, repeated, compound adverbs.

REFERENCES

1. Aliev A. *Ok"uv kitaby* [A book for reading]. Simferopol, Krym ASSR Devlet neshriyaty, 1942. 152 p.
2. Alyadin Shamil'. *Iblisnin" ziyafetine davet* [Invitation to the devil on the feast]. Tashkent, Edebiyat ve sanat neshriyaty, 1979. 216 p.
3. Ganiev F.G. *Obrazovanie slozhnykh slov v tatarskom yazyke* [Formation of complex words in Tatar language]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 150 p.
4. Giraybay Amdi. *Shiirler* [Poems]. Simferopol, Tavriya neshriyaty, 1997. 141 p.
5. Dermendzhi Abdulla. *Bash egmegenler* [Not bending the heads]. Tashkent, Gafur Gulam adyna edebiyat ve sanat neshriyaty, 1979. 247 p.
6. Ipchi Umer. *Ikyaeler* [Stories]. Tashkent, Gafur Gulam adyna edebiyat ve sanat neshriyaty, 1972. 207 p.

7. K"arabash A. *Ok"uv kitaby. Birindzhi k"ysym* [A book for reading. The First Part]. Simferopol, Krym ASSR Devlet neshriyaty, 1940. 104 p.

8. Memetov A.M., Musaev K. *Krymtatarskiy yazyk. Chast' 2: Morfologiya* [The Crimean Tatar language. Part 2. Morphology]. Simferopol, 2003. 288 p.

9. Nagaev Safter. *Bin" bir olyumni en"ip* [Overcoming thousand and one deaths]. Tashkent, Gafur Gulam adyna edebiyat ve sanat neshriyaty, 1987. 207 p.

10. Osman Ayder. *Tutushuv* [The Encounter]. Tashkent, Edebiyat ve sanat neshriyaty, 1988. 400 p.

11. *Problema slovoobrazovaniya v tyurkskikh yazykakh* [The problem of word- formation in Turkic languages]. Kazan, Fiker, 2002. 368 p.

12. Umerov E. *Yyldyzlarg"a dog"ru* [Towards the Stars]. Tashkent, Edebiyat ve sanat neshriyaty, 1983. 280 p.

13. Shem'i-zade Eshref. *Koz'yash divar* [The wall of Tears]. Akmesdzhit, Tavriya, 1993. 128 p.

14. Yuldashev A.A. *Printsipy sostavleniya tyurksko-russkikh slovarey* [The principles of compilation of Turkic-Russian dictionaries]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 240 p.

16. Yak"ub Bekir. *Ogge, ark"adashlar!* [Forward, comrade!]. Simferopol, Krym ASSR Devlet neshriyaty, 1940. 104 p.

About the author: Gulnara Shaibovna Adzhimambetova – Cand. Sci. (Philology), assistant professor, the Department of the Crimean Tatar and Turkish linguistics, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); edrudem@mail.ru

УДК 94:002.2(=11/=8)

Самодентификация Исмаила Гаспринского в плеяде национальных первопечатников

Виктор Ганкевич
(Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского)

Аннотация: В статье освещаются личностные ориентиры, духовный мир Исмаила Гаспринского, а также его самоидентификация среди первых татарских издателей.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, Тарджеман, национальная печать.

Теперь уже широко известно в Крыму и за его пределами о подвижнической просветительской работе Исмаила Гаспринского (1851–1914). Он прилагал титанические усилия для возрождения народной школы, пропаганды знаний, развития национальной культуры, создания общественных организаций, реформирования родного языка и литературы.

Перо просветителя впервые в крымскотатарской литературе освоило газетные и публицистические жанры. Он, по признанию современников, стал основоположником татарского романа, впервые напечатав его на страницах знаменитого «Тарджемана» (1883–1918 гг.) – первой крымскотатарской газеты.

На некоторые важные аспекты из личной жизни в биографии И. Гаспринского исследователи не всегда обращают внимание. Пока не уделяется должного внимания развитию личностных ориентиров просветителя, его глубокому духовному миру. Это связано и с недостаточно скрупулезной проработкой источников и литературы.

Однако сам себя И. Гаспринский воспринимал, прежде всего, как редактора-издателя газеты «Тарджеман». Типография,

шрифты, гранки, свежие напечатанные листы – все это стало делом его плодотворной жизни. Он издавал газеты и журналы, книги и брошюры, учебники и календари – все для просвещения и развития родного народа.

Исмаил Гаспринский четко понимал свое место в истории тюрко-мусульманских наций. Он ощущал себя в плеяде деятелей просвещения и культуры других народов и эпох. Теперь уже общепринято считать, что Исмаил Гаспринский был *первопечатником*. И это уже никто не оспаривает.

Конечно, будучи скромным человеком, он не выпячивал это. Но, понимая всю ответственность и сложность своего положения в крымско-татарском обществе и своего места в истории тюрок, он стремился как можно лучше выполнить свою сложную, но любимую работу.

Показательны случаи, которые зафиксированы в дни годовщины типографии и газеты «Тарджеман». Эти события частной жизни бахчисарайского редактора-издателя постепенно превратились в народные празднества.

Скромно и небольшим шрифтом в глубине текста статьи 1893 года Исмаил Гаспринский сообщал, что «после дождливых, холодных дней» в субботу 10 апреля в 11 часов «в местной греческой церкви уважаемый отец Христофор отслужил панихиду за Иоанна Гуттенберга, изобретателя печати, дьяка Федора [Ивана Федорова] – первого печатника в России». Такие дни Исмаил Гаспринский называл «наш молитвенный день» [1, с. 271].

Похожая процедура, превращавшаяся в традицию, прошла еще через десять лет. В день двадцатилетней годовщины в Бахчисарае «в 10 часов утра, в городской церкви, по просьбе моей, была совершена панихида по Иоанне Гуттенберге и Первопечатнике Федоре [Иване Федорове]», писал Исмаил Гаспринский. А через два часа состоялось торжественное мусульманское молебствие с участием духовенства, учащихся бахчисарайских школ, «представителей русского, греческого, караимского и еврейского обществ», которые собрались «дружески почтить» Исмаила Гаспринского [1, с. 300].

В этих примерах Исмаил Гаспринский предстает как некий правопреемник печатного дела, основанного в Европе Иоганном

Гуттенбергом и продолженного в Украине и России Иваном Федоровым.

Характерен и поступок Исмаила Гаспринского как представителя толерантных кругов мусульманской общины Крыма 80-х – 90-х годов XIX века. Прекрасно зная о том, что Иоанн Гуттенберг и Иван Федоров были христианами, Исмаил Гаспринский нашел способ отметить их память. Им был заказан в греческой православной церкви Бахчисарая церковный ритуал – панихида. Это было сделано тонко и осторожно с учетом некоей духовной интимности религиозного восприятия. Исмаил Гаспринский чувствовал не столько то, что он вправе это сделать, как то, что ему это необходимо сделать.

Эти факты характеризуют Исмаила Гаспринского как подлинного гуманиста, глубоко духовного и верующего человека. Очевидно, что в быту он был скромным и интеллигентным человеком, заботящемся о памяти первопроходцев в нелегком и очень затратном деле издания Книги. Кроме того, эти его действия свидетельствует о некоей духовной преемственности Исмаила Гаспринского в ряду национальных первопечатников Европы. Он реально понимал свое место в плеяде национальных первопечатников.

Из материалов приложения к № 13 газеты «Переводчик-Тарджеман», посвященного описанию торжеств празднования 10-летия издания 18 апреля 1893 г.

После дождливых, холодных дней, 10 апреля, в субботу, выдался чисто весенний солнечный день и скромный, семейный праздник нашей редакции, типографии и близких к ним лиц благодаря этому принял весьма оживленный и вместе с тем довольно живописный вид. Усердием г[оспод] наборщиков вход в типографию и машина были украшены зеленью. Рабочая зала была превращена в гостиную в татарском вкусе.

В 11 ч[асов] дня в местной греческой церкви уважаемый отец Христофор отслужил панихиду за Иоанна Гутенберга, изобретателя печати, дьяка Федора – первого печатника в России и графа Д.А. Толстого, разрешившего издание газеты «Переводчик».

К часу дня стали собираться в редакции и типографии друзья и знакомые, любезно пожелавшие выразить свое сочувствие редактору. К тому времени во дворе собрались дети пяти новометодных мектебов с их учителями, а на улице до ста музыкантов-цыган, пришедших, чтобы по местному обычаю сыграть «приветствие». Окрестные скалы были усеяны любопытными, расположившимися живописными группами.

Праздник начался угощением служащих в типографии, коим редактор лично поднес по стакану лимонаду и фруктовой воды. Старший наборщик Али прочитал от лица своих сотоварищей приветственное слово.

Вскоре за тем в типографии, где собрались мусульмане-почитатели и духовенство, началась молитва-поминание. Помянуты покойный родитель редактора Мустафа Ага, бывший Крымский муфтий Аджи Али бей Хункалов, быв[ший] Оренбургский муфтий Аджи Селим Гирай мурза Тевкилев и писатель казанский мудеррис Шигабеддин Мерджани, как ревнители газетного дела.

После этого совершена торжественная молитва за здравие государя императора, всей августейшей семьи и благоденствие России.

Третья молитва совершена за здравие писателей татар, сотрудников и друзей «Переводчика».

По окончании молитвы, мудеррис Зинджерли-медресе Аджи Абибулла эфенди произнес прочувствованное слово о значении грамоты, чтения и деятельности редактора газеты. После речи мудерриса были прочитаны послания и письма, присланные из других городов и отдельных почитателей. Узнав, что некоторые послания сопровождались подарками, собрание пожелало их видеть. Поэтому на большом подносе были принесены следующие вещи: богатая бронзовая чернильница – дар крымско-мурзацкой молодежи; изящной работы массивное серебряное перо от учителей Исмаил эфенди Леманова и Рустем бека Ахундова; серебряно-позолоченное перо от учителя Меджит бек Ганиева из Баку; массивное серебряно-позолоченное перо от А.Г. Иваненко; богатый альбом от бахчисарайской татарской молодежи; изящный поднос с эмалированной чашей от Али мурзы Булгакова из Ялты; китайские очки от купца Музаффарова из Чувачака (Китай); барометр с ежедневником от Мустафы мурзы Давидовича; изящный ларец с ме-

ханизмом от врача М.С. Раковщика; массивная печать из горного хрусталя от бр[атьев] Агафуровых из Екатеринбурга; изящный альбом от бакинской мусульманской молодежи; кавказский ковер от служащих в бахчисарайской городской Управе и полиции.

Для супруги Исмаил бека золотая брошь от читателей-турок из Севастополя, большая золотая кисть (для фески) от Аджи Мустафы Аттара (г. Бахчисарай); китайские чашки и китайские часы от Музаффарова из Чувачака; туалетные часы от Мустафы мурзы Давидовича и фарфоровый чайный сервиз от купца Гафар Арифова из г. Бахчисарая. Г[осподин] хромолитограф Князьков в знак своего сочувствия обещал бесплатно дать надлежащие указания и уроки по хромолитографии кому либо из татар по рекомендации редакции.

На том же подносе была связка рукописей на татарском языке, посвященных редактору и памяти десятилетия газеты. Рукописи следующие:

«Ищи женщину», повесть Хатидже ханум Акджигитовой из г. Чембар.

«Поучения для женщин» соч[инение] Биби Ханифе ханум Ниязовой из гор. Тары.

«Значение гигиены», статья Эмине ханум Батыршиной из Ташкента.

«Ревизор», ком[едия], перевод с русского учителя Нариман бек Нариманова из Баку.

«Гондже ханум», драма, соч[инение] учителя Султан Меджид Ганиева из Баку.

«Начала вероучения», состав[леннная] учит[елем] Махмуд эфенди из Бахчисарая.

«Практическое земледелие», состав[ленная] Хасан Гата эфенди, мулла из дер[евни] Сулабаш, Казанского уезда.

«Начальная книга» (азбука по звуков[ому] методу), состав[ил] учитель Магомед Закир Ишмухамедов из Уфы.

«Женитьба», комедия, перев[ел] с русского Магомед Акчурин из дер[евни] Коромысловка, Симбирской губ[ернии].

«Сборник арифметических задач», сост[авили] учит[еля] И. Леманов, Р. Ахундов из Бахчисарая.

«Новометодный татаро-азербайджанский учебник» состав[лен] Сафаром бек Велибеков из Шуши.

«Скромные мысли», соч[инение] муллы Самиуллы Сулейманова из дер[евни] Шнекар Казан[ского] уезда.

«История Дагестана», состав[ил] Асан Алкадарский из м[естечка] Касум-Кент, Дагестан[ской] об[ласти].

«Избранные народные пословицы», собр[ал] имам Сулейман Серри эфенди из дер[евни] Дерекоя (Ялта).

Среди этих подарков и посвящений лежал объемистый пакет, заключавший 1000 рублей, присланные через мудерриса Хаджи Хабибулла эфенди на улучшение типографии из разных городов. Кроме того, многие горожане поздравили редакцию, по местному обычаю, присылкой чая, сахару, кофе, конфет, барашков и прочее.

Осмотрев все это, собрание предалось заключительной молитве о здравии всех почтивших своими приношениями и сочинениями десятилетие родной газеты.

За сим, призвав Исмаил бека Гаспринского, находившегося в другом помещении, собрание выразило ему поздравления и искренние добрые пожелания.

Глубоко тронутый, но радостный, он отвечал: «Благодарю вас, господа, старых и малых! Сегодня я вполне счастлив; видимо, что я кое-что сделал, хотя еще и малое, но оно все-таки вами и отсутствующими друзьями замечено. Это дает мне бодрость и крепость более уверенно трудиться на почве публицистики и педагогии. Бесповоротно предавая себя на служение общему благу и просвещению российских мусульман, смею уверить вас, что каждый человек молящий Бога и людей, уважающий науки и честный труд, преданный правде и добру – будет отличен людьми и благословен во веки. Помните это, благодарю еще раз».

В зале редакции было накрыто три стола по-восточному и мусульмане сели обедать.

Банда в сто человек при десяти даулах грянула татарские мотивы.

В зале редакции было собрание интеллигентных гостей и мурз, прибывших из уездов. Тут был накрыт закусочный стол. Когда окончилось угощение гостей и учеников из мектебов, публика высыпала на террасу и двор. В одном конце двора дети затеяли оживленные танцы и в общем получилась очень живописная и пестрая картина. Так как в числе гостей были хромолито-

граф и фотограф г. Вознесенский, то по желанию присутствующих было сделано несколько видов и групп, чему благоприятствовала великолепная погода. Несомненно, получатся очень интересные жанровые виды.

К пяти часам мусульмане разошлись и в зале типографии, vis a vis убранной празднично машины, был накрыт европейский стол для русских гостей и мурз-дворян на тридцать персон.

В числе г[оспод] мурз и беков, приехавших из уездов и городов, были кн[язь] Али бек Болатуков, бывший перекопский предводитель дворянства Омар мурза Караманов, предводитель дворянства того же уезда Адиль мурза Карашайский, подполковник Исмаил мурза Муфтизаде, Аметша мурза Тайганский, Али мурза Тайганский, Сулейман мурза Тайганский, Мустафа мурза Кипчакский и Али мурза Булгаков. От ялтинского предводителя дворянства Бектемир мурзы Абдураманчикова, Исмаил ага Челебиева, Омар мурзы Ногаева, Сулейман мурзы Аирчинского, Джан Арслан мурзы Булгакова были получены телеграммы и письма с приветствиями. В продолжение обеда были прочитаны более 50 телеграмм, полученных в этот день.

Под грохот туземной музыки обед продолжался часа три, а затем, сдвинув столы, общество за дружеской и веселой беседой просидело до часу ночи. Во все продолжение вечера высказано было много тостов и речей искренних и задушевных.

В начале обеда, почтенный городской голова Мустафа мурза Давидович, встав заявил: «Господа, я уполномочен поднести моему другу Исмаилу великолепный подарок... (обращаясь к нему). Этот подарок наиболее дорогой из числа полученных тобою сегодня и для тебя он будет, я уверен, самым приятным; преподносит его твоя прекрасная и постоянная сотрудница Зегра Ханум. В память твоих десятилетних трудов, она открывает для мусульманок бесплатную школу рукоделия и будет лично заведовать ею... Прими!»

Заявление это вызвало гром рукоплесканий и долгое ура за здоровье Зегра Ханум.

Тем временем, по уполномочию бахчисарайской молодежи и любителей печати г. Сулейман эфенди Байбуртлу испросил у матери Гаспринского разрешение явиться к ней, чтобы сказать слова два. Принятый, он высказал следующее: «Милостивая мать наша, приветствую тебя от имени многих, пославших меня!

Вскормив и воспитав такого сына, как наш редактор, терпеливо и смиренно перенесши долгие разлуки, когда он учился и путешествовал в далеких краях, поддерживая его своим одобрением, ты дала нам общего учителя и друга... Мы не знаем как и чем благодарить тебя; мы не имеем для того достаточно сил и слов, но мы все желаем быть твоими сынами; прими нас и будь, на счастье наше, общей нашей матерью.

Слово это, написанное и подписанное многими простыми людьми, было преподнесено глубоко тронутой и плачущей старушке.

Во уважение к гостям и мурзам, некоторые горожане из молодежи остались тут при них до самого разъезда, поздней ночью.

Помянутые выше телеграммы получены из гор. Ялты от Бекирова; Казани – А. Максюдова; Баку – Нагиева; Уфы – Г. и Ш. Максюдовых; Галль (Германия) – Гарун бек Султанова; Нуха – М. Бадалова; Петербург – Султан Крым Гирея; Петербург – [от] мусульман[ской] колонии; из Кульджи (Китай) от Халиля; Бирска – Гильмуддинова; из Эривани – Аббас Кули хан Эриванского, Паша хан Макинского, Джафар Кули хан Нахичеванского, Алекбер Султанова, Гусейн Али хан Эриванского, Корчалинского, Мехди бек Султанова, Хаджибейлинского, Габбаз Каракезова; из Феодосии от Абдуллы и Аблы Боралиевых; из Иркутска – от Адигюзилова; из Хунзаха – от Велизаде; из Баку – от Асадуллаева; из Баку – от учеников-мусульман реального училища; из Каракурта (Карской облас[ти]) – Сеит Халилева; из Сеитлера – от Омар Ногаева; из Казани – от ахуна Баязитова; из Фастова – от Мамишева; из Казани – от приказчиков Гостиного двора; из Тифлиса – от Али Мардан бек Топчибашева; из Баку – от Ф.Везирова, Салех Тагиева; из Курмана от мурзы Айричинского; из Гори – от Абдулькадыр эфенди; из Ростова на Дону – от ахуна хаджи Иззетулла Девликалюмова; из Баку – от мусульманской молодежи; из Гори от Ахунзаде; из Казани – от имама-мудерриса Галимджан Баруди; из Водорацкого – от Измаил и Ибрагим Акчуриных, то же от Эефендияр Акчурина; из Петербурга – от Султан Вали хана; из Ростова на Дону от муллы Загер Бигиева; из Казани – от Портнова; то же – от Мухамеджан Галеева, из г. Уфы – от Лутфулла Надирова, Нигметджан Нигматуллина, Гариф Бурнаева, Хануя Киникеева, Исмаил Бурнаева, Музафар Менсаитова, Рах-

матулла Галеева, Камаледдин Рахметуллина, Гибадулла Галеева, Рахметулла Мукимнова, Хадырджан Назмуддинова, Кяшф Шарипова, Вали Хасанова, Габдурахман Ахмерова; из Феодосии – от Аджи Биляла и Абдуль Меджида; из Севастополя от редакции «Крым[ского] Вестника»; из Одессы – от Деспиллера; из Стерлитамака – от члена губерн[ского] статистич[еского] комитета Шакир Тукаева, из Ялты от – Абдураманчикова; из г. Карасубазара – от Исмаил ага Челебиева; из Стерлитамака – от муллы Хабибулла Тукаева, из Симферополя от – И.И. Казаса, из Ташкента – от Батыршина; из Фастова – от Тубакаева; из Тифлиса – от персид[ского] генераль[ного] консула генерал-адьютанта е[го] в[еличества] шаха Мирза Риза хана.

Во время обеда, среди оживленной беседы и тостов была помянута незабвенная фамилия кн[язя] М.С. Воронцова и других высокопоставленных лиц. Как следствие этого, по предположению г[оспод] Болатукова, Муфтизаде, Карашайского и по желанию остальных мурз и других мусульман, были посланы телеграммы на имя господина министра Двора его величества И.И. графа Воронцова-Дашкова, Таврического губернского предводителя дворянства камергера Олив и господина начальника губернии шталмейстера Двора его величества П.М. Лазарева. На означенные телеграммы получены любезные ответы и сообщены всем участвовавшим.

Газ. «Переводчик-Тарджеман», 1893 г., приложение к № 13.

Редакционная статья газеты «Переводчик-Тарджеман» с описанием торжеств по случаю 20-летия издания 11 мая 1903 г.

Молитвенный день наш распределился следующим образом: в 10 часов утра, в городской церкви, по просьбе моей, была совершена панихида по Иоанне Гуттенберге и Первопечатнике Феодоре. В 12 час., в саду, при моем доме, совершено было мусульманское молебствие, на которое собралось несколько сот мусульман и учеников городских мектебов, так же как представители русского, греческого, караимского и еврейского общества, пришедших дружески почтить меня.

Перед началом молебствия имам мечети «Ени Джами» Аджи Эмир эфенди произнес великолепную длинную речь о значении просвещения, наук и знаний. Имам говорил добрых полчаса и произвел на слушателей отличное впечатление. Многие из гостей не мусульман, понимающих татарский язык, выразили удивление ораторской способности Аджи Эмир эфендия. По окончании речи-хвалы просвещению, имам предложил помолиться Творцу о здравии и счастьи главного ревнителя и покровителя наук государя императора с его августейшей семьею. Мольбы имама подхвачены были задушевным «аминь» сотен детских и взрослых голосов, которым гулко и торжественно вторило эхо окружающих скал.

Затем совершено молебствие о покойных писателях и педагогах: Абдул-Кайюм Насырове (Казань), Сафар-Али бек Велибекове (Шуша), ревнителях печатного и учебного дела Хаджи Нигматулла Сейдукове (Тюмень) и Хаджи Абдульганий Хусайнове (Оренбург).

Под торжественный, почти общечеловеческий «аминь», «алген» имам совершил третье молебствие о здравии всей пишущей братии и жертвователей на книжное и учебное дело, причем были помянуты уважаемые имена Хаджи Ахмед Хусайнова (Оренбург) и Гаджи Зейнал-Абедин Тагиева (Баку).

Последняя молитва была за всех присутствующих и гостей, прибывших из далека и мусульманок, приехавших и прибывших в этот день в мой дом, чтобы участвовать на молебствии, находясь в особо устроенном для них шатре. По окончании молебствия, поблагодарив всех гостей за лестное для меня собрание их, я накинул на плечи имама белый шелковый халат, присланный из Ташкента.

Считаю приятным долгом еще раз поблагодарить всех дорогих гостей, подаривших мне свои сердечные молитвы и особенно прибывших из разных мест Крыма и дальних губерний.

К окончанию молебствия, число полученных поздравительных телеграмм достигли 200; число писем и адресов – 103-х. Кроме российских городов, получены письма и телеграммы из Западного Китая, Хивы, Персии, Болгарии, Египта, Женевы, Парижа и Нью-Йорка. Получены поздравления и адреса от городов, училищ, благотворительных обществ, г[оспод] муфтиев Оренбург[ского], Закавказ[ского], и[сполняющего] долж[ность] Таврического и За-

кавказского шейхуль-ислама. Письмо последнего выделяется своими каллиграфическими и литературными достоинствами.

Казанское мусульманское благотворительное общество, по постановлению чрезвычайного общего собрания 26 апреля почтило меня адресом, а Троицкое благотворительное общество избранием в почетные члены. Получен также адрес от проживающих в С.-Петербурге мусульман. Бахчисарайские мусульмане почтили двадцатилетие газеты подпиской 2 тыс[яч] руб[лей] на возобновление здания Орта-медресе, закрытого по ветхости здания.

Фабриканты Саратовской губернии бр[атья] Дебердеевы прислали 2 куска сукна для учителей бахчисарайских новометодных мектебов, послуживших образцами для многих других.

В числе полученных мной подарков, обращает на себя общее внимание грот-букет из ценных камней Урала, присланный золотопромышленниками бр[атьями] Рамиевыми. Эта дорогая художественная коллекция состоит из 82 самородков золота, яшмы, александрита, изумруда, аметиста, топаза, хризолита, горного хрусталя и других камней и руд, образующих живописный букет в пуд весом.

Для гостей мусульман в палатке и под тенью дерев были накрыты восточные столы, а для русских гостей 2 стола по-европейски. Перед обедом пришли с поздравлениями 80 человек местных татарских музыкантов и, согласно обычаю, сыграли «приветствие-пешрав» и, поздравив меня, поднесли от имени корпорации чай и сахар. Затем музыканты грянули «Боже царя храни» и милые звуки родного всем гимна высоко, высоко понеслись по живописному ущелью Салачика. Выслушав гимн стоя, публика заглушила его последний аккорд радостным и могучим «ура», гулко разнесшимся по окрестным горам вместе с раскатами нескольких «даулов» (турец[ких] барабанов).

Пересказать все речи и приветствия взрослых и школьников мы не можем по недостатку времени и места. В них так много интересного, что мы думаем издать их особой брошюрой.

Симферопольским фотографом Вознесенским были сняты общий вид всего собрания и особо группы гостей.

Вечером сад был освещен цветными фонарями и дружеская беседа, прерываемая песней и танцами татарской молодежи, продолжались до глубокой ночи.

О том, что сказано мне живыми речами и сотнями телеграмм и писем – скажу в следующем номере.

Еще раз мое сердечное спасибо всем.

Газ. «Переводчик-Тарджеман», 1903 г., № 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданович І.О., Ганкевич В.Ю.* До джерел кримськотатарської журналістики. Сімферополь, 2004. 356 с.

Сведения об авторе: Виктор Юрьевич Ганкевич – доктор исторических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (95000, просп. Вернадского, 4, Симферополь, Крым).

Self-identification of Ismail Gasprinsky in the galaxy of national printing pioneers

Viktor Gankevich

(V.I. Vernadsky Taurida National University)

Abstract: The article considers self-orientation, spiritual world of Ismail Gasprinsky and also his self-identification among Tatar publishers.

Keywords: Ismail Gasprinsky, Tergiman, the national press.

REFERENCES

1. Bogdanovich I.O., Gankevich V.Ju. *Do dzherel krims'kotatars'koï zhurnalistiki* [To the sources of the Crimean Tatar journalism]. Simferopol, 2004. 356 p.

About the author: Victor Yuryevich Gankevich – Dr. Sci. (History), professor, V.I. Vernadsky Tavrida National University (95000, Vernadsky avenue, 4, Simferopol, Crimea).

УДК 94(477.75):930.32

«Дерги» журналында Эдиге Къырымалнынъ эки макъалесине даир малюмат

Исмаил Асаноґълу Керим
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. В статье рассматриваются сведения о монографии известного крымскотатарского ученого Эдиге Кырымала, изданной в 1952 году в Германии. Анализируются две его научные работы, опубликованные в журнале «Дерги» в 1955 году.

Ключевые слова: Кырымал, диссертация, журнал «Дерги», история Крыма, начало XX века.

Энъ сонъ айлар ичинде къырымлылар ичюн уникаль бир янъы менба булунды ки, бу да Германияда Мюнхен шеэринде 1955–66 сенелери арасында чыкъкъан «Дерги» адлы журналдыр. Ишбу менба не эски Русие, не де Шаркъий Авропа кутюпханелеринде олмагъаны себебинден, бу куньгеджек чокъ сийрек менбалар сырасында къалмакъта.

«Дерги» иле якъындан таныштыгъымыз заман, ватандашымыз фельсефе илимлери докторы Эдиге Къырымалнынъ бир сыра чокъ меракълы парчаларыны растладыкъ. Аслында Къырымалнынъ кендиси шу журналнынъ баш мухаррири сыфатында булунмакъта эди.

Башлангъычта «Дерги»нинъ эр номери орта эсапнен 145–160 саифеден ибарет олып, сонъки номерлери колемдже эки къатына эксилип 80 саифени тешкиль этмектедирлер. Дергининъ энъ буюк эмиети ве къыймети шунда ки, 1950-нджи сенелери къырымтатарлары узакъ сюргюнликлерде экен, баш котерип оламадыгъы бир арада, Эдиге Къырымал ве журналнынъ этрафында булунгъан ватандашларымыз Джафер Сейдамет, Мустеджип Улькюсал, Абдулла Зихни Сойсал, Ибраим Отар, Кемал Ортайлы ве дигер-

лери сталинистлер ве советлернинъ къанлы режимининъ ич юзюни ачып, амансыз суретте къамчыладылар. Олар миллетнинъ къайгъысынен яшап, онынъ яныкъларынен янып, агърыларына дуйгъудаш олып, сюргюнлик фаджиасындан къуртулыш чарелерини арадылар. Къырымтатарларынынъ геноцидке огъратылгъанларыны бутюн дюньягъа хабер этип турдылар. Шу сенелер ичинде къырымтатарлар озь Ватаны – Къырымда олмасалар да, «Къырым» сёзю «Дерги»нинъ ич бир номеринден тюшюрильмей, аксине ер курресининъ энъ яныкълы, энъ агърылы, энъ фаджиалы нокътасы оларакъ косьтерильди.

«Дерги»нинъ 1-нджи номеринде ватандашымыз тарихтен фенлер докторы Абдулла Зихни Сойсал[1] 1952 сенеси Германияда Эмсдеттен (Emsdetten) шеэринде нешир олунгъан кене тарихтен фенлер докторы Эдиге Къырымалнынъ Der Nationale kampf der krimturken: 1917–1946. Verlag Lechte, Emsdetten/Westf. («Къырым тюрклерининъ миллий муджаделелери: 1917–1946») адлы 413 саифели алманджа монографиясы хусусында малюмат бермекте. А. Сойсалнынъ хаберине коре, бу китап хусусында дюнья матбуаты бир чокъ дефалар бахс эткендир. Китапнынъ муэллифи тюрк, алман, рус, украин, лех къайнакъларына ве Нюрнберг махкемеси материалларына эсасланаракъ, мукеммель ильмий эсер яраткъандыр.

Э. Къырымал монографиясынынъ ильк къысмында Къырымнынъ энъ эски девринден башлап сыра иле Къырымда укюм сюрген къавмлар ве Къырым ханлыгъыны тешкиль эткен къырымтатар миллетининъ тарихини айдынлатмакъта. Бундан сонъ, китапта 1783–1905 инкъилябына къадар олгъан адиселер акъкъында къыйметли малюмат бериле. И. Гаспринскийнинъ шахсиети ве фаалиети косьтериле. 1917–1918 сенелери арасында олып кечкен вакъиалар анълатылыркен, шу вакъытте къырымтатарлар олдукъча азырлыкълы булунгъанлары анълатыла. 1917 сенесининъ 25 мартындан (эски такъвимле – *И.К.*) башлап, майыскъа къадар миллий медений мухтариет, майыстан ноябрьге къадар аразилер (топракълар) мухтариети ичюн куреш ве 1917

[1] А.З. Сойсал докторлыкъ диссертациясыны 1933 сенеси Краков университетинде къорчалагъан эди.

сенеси ноябрь 26-дан (янъы такъвимнен декабрь 9-дан) Багъчасарайда 76 миллет векили иштирак эткен Къурултайда Къырымнынъ сербестлиги илян этилип, 18 мадделик Миллий Конституциямызнынъ къабул ве илян этильмеси ве онынъ 16-нджы маддеси муджибиндже Къырым девлетининъ «Къырым Халкъ Джумхуриети» адыны алгъаны акъкъында айтыла. Бундан сонъра большевиклернинъ ве беяз гвардиянынъ къанлы арекетлери нетиджесинде (Сулейман Сулькевичнинъ 1918 сенесиндеки укюмети девринден маада) миллий укюмет гизли шекильде чалышмакъ меджбуриетинде къалгъаны къайд этиле.

Эдиге Къырымалнынъ монографиясындаки чокъ меракълы нокъталарындан бири де советлер режими къырымтатарларнынъ сюргюн этильмеси къарарыны 1941 сенеси къабул эткени ве лякин дженк башлангъаны себебиле бу къарар амельге кечирильмегени акъкъындаки малюматтыр.

Меракълы шей. Бу ал иле багълы, яни къырымлыларны этник алямети джиэтинден 1944-тен эвель сюргюн этмек къарарынен багълы, къолумызда даа бир весикъа бар. Бу весикъанынъ копиясыны манъа америкалы ватандашымыз Абдуреим Демираякъ ёллады. Бир заманда пек гизли сайылгъан весикъада буларны окъуймыз: Государственный комитет обороны. Постановление № ГОКО – 1828 сс от 29 мая 1942 г. Москва, Кремль. 1. В дополнение к ранее проведенному выселению из г.г. (!) Краснодара, Новороссийска, Туапсе, Анапы и районов Таманского полуострова иностранных подданных и лиц, признанных социально-опасными, провести в двухнедельный срок в том же порядке выселение этой категории лиц из городов и населенных пунктов Краснодарского края (Армавир, Майкоп, Кропоткинская, Тихорецкая, Приморско-Ахтарская, Ольгинская, Лебединская, Петровская, Варениковская, Шапшугская, Лазаревская, Павловская, Крымская, Тимашевская, Кущевка и Дефановка) и Ростовской области (Ново-Батайск, Злобейская и прилегающие к Краснодарскому краю районы Азовский, Батайский и Александровский. Выселению в административном порядке подлежат, кроме лиц признанных социально-опасными, также лица немецкой и румынской национальности, крымские татары и иностранно-подданые греки)… «Постановление»нинъ сонъунда И. Сталиннинъ ады тура! Яни къырымтатарларнынъ миллий хусусиетлерине коре тоталь сюргюнлиги 1944 сенесинден баягъы

эвель, ялынъыз планлаштырыла дегиль де, янаша виляетлерде энди практикагъа чеврильген эди.

«Дерги»нинъ 1-нджи номеринде Эдиге Къырымалнынъ «Къырымда советлернинъ дин сиясети» макъалеси ер алмакъта. Бу ерде муэллиф большевиклернинъ «материалист», «идеалист» киби анъламларны ортагъа сюрип чешит айын-оюнларле 1921 сенеси къырымтатарларына берильген мухтариет ве «татарлаштырма» деври адыны берип ийлекяр арекетлери нетиджесинде диннинъ девлеттен айрылмасында вакъуф топракълары ве ибадетханелер девлетке мал олунмасы иле бераберликте 1928-нинъ майысында Къырым Иджра Комитетининъ реиси Вели Ибраимовнынъ атылмасы ве онынъ этрафындаки миллий укюметнинъ юзлернен дигер оньдерлерининъ репрессиялары ве 1928–29 сенелери ичинде 3500 джан илери кеткен къырымтатарларнынъ «раскулачивание»си, яни тюрьмелерге къапатылма, сюрюльме, ольдюрильмеси иле екюнленгенини анълата. Бундан сонъра да, 1929–41 сенелери «Къырымны советлештирме» деврине кечип, Къырым Мухтариетининъ миллий хакъларыны ёкъкъа чыкъарып, бунынъ ерине кене де мютхиш репрессиялар, «раскулачивание»лернинъ девамы, «коллективизация», «индустриализация» ве «русизация»ларнен девам эттириле. Бу эр эки девир де Къырымнынъ диний мукъаддератында гъает дерин яралар ачтылар. Мисаллерден бири сыфатында 1935 сенесине якъынлашаракъ, тек Багъчасарайнынъ 32 джамисинден анджакъ 3 данеси къалгъаны косьтериле… Макъаленинъ сонъунда Э. Къырымал бойле яза: Хуляса оларакъ дениле билир ки, «советлешме» йылларында Къырымда ислям динине къаршы бутюн васта ве имкянларны къулланмакътан чекинмеген (сталинджилер) ве бу арада мусульман дин адамларыле муминлер топъекюн бир шекильде совет идареси тарафындан къатиль этилип ачыкъча имхая (махв этильмеге – *И.К.*) маруз къалгъанлар [2, с. 65].

Макъаледен корюнгени киби, Эдиге Къырымал 1942 сенесининъ ноябринде Къырымгъа келе ве Кезлеведеки Джума-Джамининъ ачылышында булунып, байрам намазында иштиракинен берабер бир чокъ фоторесимлер чеке. О девирде (алман дженки заманында) къырымтатарлар кене де озь ислям динине сарылып, не большевиклернинъ, не де алманларнынъ зулумына

бакъмадан, Къырымдаки бир чокъ джамилернинъ тамиринен берабер 50-ден зияде джамини янъыдан инша эткендирлер.

Ишбу макъаледе къулланылгъан менбалар арасында бизге белли олмагъан бойле эльязмаларгъа ишарет этиле:

Садреддин Тамалы (Къырымлы). Хатралар. Эльязма // Allgau-Fischen. – 1948.

Исмаил Асан Акъын. Большевик фелякети ве Къырым халкъ муджаделеси. Эльязма. Immenstadt. – 1947.

Чоргъунлы Абдулла Хатип. Хатралар: 1941–1948. Эльязма. Albershwende. Avusturya. – 1948.

Эдиге Къырымал. Къырым миллий арекети акъкъында мухтелиф весикъалар: 1941–45. Эльязма.

Булардан гъайры, матбу менбалардан булар да косьтериле:

«Ана Юрт» журналы. Акъмесджит. – 1943. – № 1, 2.

Tatari na Krimu. Zagreb. – 1942–43.

Эдиге Къырымалнынъ «Дерги»де басылгъан меракълы языларындан бири де «1917 ихтилялинден эввель ве сонъра къырымтюрк аилесиле къадыннынъ дурумы» адлы парчасыдыр [3, с.13–30]. Муэллифнинъ фикрине коре, 1917 сенесине къадар къырымтатар аилесининъ дурумы патриархаль сёйлене билир. Бу да ислям динине даянгъан мусульман аилеси олгъанындандыр. Бу аиледе, табий ки, баба аиленинъ башы эди. О заманда къардашы агъасыны ве ана-бабасыны, къыз къардашы исе, апте ве агъасыны ве ана-бабасыны сая, севе ве оларгъа бойсуна. Бу принциплерни кутьмегенлер исе, тербиесиз сайыла эдилер. Къырымтатарларында никяхсыз бирлешмелер асла да макъбул олунмаз ве бунынъ давасы да этильмез эди. Чюнки бойле бирлешмелер ялынъыз яшларнынъ дегиль, бутюн сой-сопларынынъ да шереф меселеси оларакъ, аилеге буюк бир леке ташламакъ сайылыр ве этрафтакилернинъ нефретини догъурыр эдилер. Шунынъ ичюн 1917 сенесине къадар къырымтатар къызлары арасында ич бир фахише, ороспу корюнмеди. Халкъ хошгонъюлли ве эр кеске гъает мусафирчен олып, бунынъ къаршылыгъыны яхут мукяфатыны беклемезди.

Къырымтатар къадынынынъ 1917 сенесинден эвельки дурумында хусур бар исе, бу да оларнынъ джемаат ишине фааль къарышмамасы ве бутюн варлыгъынен ялынъыз аиледе къапалы омюрлери эди. Ама тарихтен корюне ки, бу ал XIII–XIV–XV асырларда башкъа эди. Чюнки о заманда олар атта девлет аятын-

да буюк роль ойнай эдилер. 1783 сенесинден башлап, яни Русие империясы Къырымны харбий силя иле запт эттиктен сонъра, миллий девлет хукъукъсызлыгъы меселени чевирди.

XIX асырнынъ сонъ черигинде къырымтатар къадынынынъ эмансипация меселелери И. Гаспринский тарафындан фааль котерильди. Онынъ кенди къызы Шефикъа да тюркий тильде «Алем-и-нисван» адлы ильк къадын журналыны чыкъармагъа башлады. Бу башлангъычтан сонъра[2], къырымтатар къадынынынъ сербестлиги меселеси хызлы шекильде девам этип, 1917 сенесине кельгенде, Къырымнынъ кой ве шеэрлеринде къырымтатар Къадын Комитетлери къурулып, медениет, маариф ве ичтимаий сааларда фаалиетлери башланды.

Бу меселеде Эдиге Къырымал меракълы бир весикъаны мисаль оларакъ бермекте. Ишбу весикъа о вакъыт Тюркиеде яшагъан Шефикъа Гаспринскаянынъ архивинде сакълангъан бир тезкередир (записка). Весикъа ялы бою ханымларынынъ 1917 сенеси тешкиль эткен «Тазе хаят» джемиетининъ айны сенеси 26 июльде Багъчасарай Къадынлар Комитетине язгъанлары олып, 1917 сенеси август 15-те Акъмесджитте топланаджакъ Бутюнкъырым Мусульман Къадынларынынъ Конгресинен багълыдыр.

Макъаледе бойле бир меракълы мисаль даа кетириле. Эгер де 1917 сенеси март 25 (апрель 7-де) Акъмесджитте топлангъан Бутюнкъырым Мусульман Конгресинде 1500 киши арасында ялынъыз 2 къадын иштирак эткен олса, айны сенеси октябрьде топлангъан ве Биринджи Къурултайнынъ чагырылмасына къарар берген топлантыда энди 200 киши арасында 20 къадын булунмакъта эди.

Биринджи къырымтатар Къурултайында 76 делегат ичинде 4 ханым да булунгъандыр. Дикъкъат этильмели! Бу дёрт къадын

---

[2] Белли ки, XX-нджи асырнынъ башында Сеид Абдулла Озенбашлы да озь къызыны кенди башына Истанбулгъа окъумагъа ёллагъан ве сонъра русча университетте окъуткъан эди. (Бакъынъыз: [1]). 1. 1. 1.Къырымтатар ханымларынынъ XX асырнынъ башында театр сахнасына чыкъмасыны да бунъа къошмалы (Айше ве Мерзие Салпудайлар, Айше Тайганская, Фатиме Ширинская ве дигерлери). 1922 сенеси исе Анифе Сейдаметова Исвечреде (Швейцарияда) олып кечкен Бутюндюнья Къадынлар Конгресинде къырымтатар миллий давасыны муваффакъиетнен ортагъа чыкъаргъан эди.

мусульман ве тюрк дюньясы ичинде парламент азалары олгъан биринджи ханымлар эди[1].

1917 сенеси декабрьнинъ 9-да (янъы такъвимнен) Биринджи Къурултайда Къырымтатар Миллий Конституциясынынъ къабулы кечти! Ишбу Конституциянынъ 18-нджи маддеси иле къадынле эркекнинъ мусавийлиги, тенълиги илян олунды. Эм де бу акт ялынъыз шаркъ дегиль де, базы гъарп мемлекетлерини де кериде быракъты. Сонъундан исе, большевиклер шаркъ къадынынынъ сербестлик меселесини озь усьтлерине алсалар да, бу энди бусбутюн бир ялан эди.

Советлер заманында къырымтатар аилесининъ аньаневий аят къурулышы кеттикче бозулды. Ахлякъсызлыкъ дереджесини булгъан янъы совет «ахлякъ» къаиделери (гъает агъыр мескен шартлары ичинде), коммунист партиясынынъ тесири, совет «сербестлиги»нинъ тесири, аилелерде балалар арасында къаршылыкъ ве янъы мунасебетлер, диннинъ совет режимининъ баскъысы алтында булунмасы ве дигер бир сыра факторлар себебинден, ачыкъ корюнгени киби, яш аилелернинъ къавийлиги бозулмагъа башлады. Яни яш инсанлар бир къач дефа айрылып эвленген аллар олды. Булар, эбет, артыкъ къанунлаштырылгъан ахлякъсызлыкъ эди. Бу шейлер къырымтатарларнынъ аньаневий турмуш къурулышыны сарсмагъа башладылар. Эскидеки киби зенгин тойлар эксильди, чюнки генчлер бераберликте не къадар яшайджакълары белли дегиль эди.

Бу меселени ачыкъларкен, Эдиге Къырымал 1931 сенеси Къырымнынъ Улу-Озен коюнде бир тойда булундыгъы заман, къартларнынъ сёйлейишлеринде даа гузель анълагъаныны сёйлей. Ахлякъсызлыкъ белясына аят тарзынынъ руслаштырылмасы да къошулды. Совет режими «эски буржуа ахлякъынынъ йиплерини узьмек люзюмиетини» огге сюререк, баскъыгъа баскъы къоша эди. Буларнынъ эпси сонъундан къырымтатар миллий къыяфети, яшайыш адетлерининъ гъайып олмасына себеп эдилер. Совет пропагандасы алтында къарышыкъ миллетлернен эвленмелер де башланды. Советлер ийлекярлыкъле «советлештирме» арекетлери алтында «руслаштырма» сиясетини кечирдилер. Эм де советлер ханымлар ичюн козьбояма шеклинде чокъ хакълар илян этселер де, бу хакълардан чокъусы койлю, факъир къадынлар ич де файдаланып оламазды.

Дигер тарафтан халкъ ортасына «павлик морозовлар» чыкъартылып, баба сёзю динъленмемеге башланды. Большевиклер генчлерни баштан чыкъарып, балаларгъа аиледен зияде кендисине, кенди идеологиясына тартмакъ иле огъраштылар. Аиле азалары арасына сунний бир сед чекмеге арекет эттилер.

«Раскулачивание» заманлары, инсанларнынъ мал-мулькюнден айыргъанларындан гъайры, балаларны да «кулак» бабаларындан айырмакъ ичюн «бабаларындан вазгечселер, ве буны махсус ариза иле тасдикъ этселер, сюргюнге огърамайджакълар»ыны илян этип догъмуш бабадан яхут анадан айрылманы къануний эсасларгъа кечирдилер.

Лякин советлер режимининъ идеология машинасы не къадар кучьленип, кучьке кучь къошып чалышса да, къырымтатар халкъынынъ къавий аиле къурумы Къырымдаки башкъа халкъларгъа коре, даа мухафазакяр, даа аньанеперест, даа мукъавим, къаршы диренен къалды. Ама бунъа исе, муэллифнинъ фикрине коре, къырымтатар аилеси кенди къабугъы ичине чекильди демек янълыштыр. Чюнки сонъки 30 йыл ичинде бу халкънынъ авропа аиле севиесине ве джемиет къурулышына якъынлашкъаны да ачыкъ корюнмектедир. Бу да табий ал олып, инсан джемиети аятий сейир ве инкишафнынъ айрылмаз бир къысмыны тешкиль эткенини косьтермектедир.

Эдиге Къырымалнынъ бу парчада къуллангъан бир сыра менбаларындан дикъкъатымызны чеккен Рабиа Лебип хынымнынъ макъалесидир [4, с. 10–12]. Ишбу ханым кендиси де къырымтатары олып юрт севгиси меселелеринен огърашкъаныны айрыджа къайд этемиз.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. *Акъчокъракълы О.* Сеит Абдулла Озенбашлы ким эди // Енъи дюнья. 1924. 11 января.

2. *Къырымал Э.* Къырымда советлернинъ дин сиясети // Дерги (Мюнхен). 1955. № 1. С. 65.

3. *Къырымал Э.* 1917 ихтилялинден эввель ве сонъра къырымтюрк аилесиле къадыннынъ дурумы // Дерги (Мюнхен). 1955. № 3. С. 13–30.

4. *Рабиа Лебип.* Къырымлыларда юрт севгиси // Миллий юл (Берлин). 1929. № 18–19. С. 10–12.

Сведения об авторе: Исмаил Асанович Керимов – доктор филологических наук, профессор, директор НИЦ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым).

Information about two articles by Edige Kirimal in the magazine «Dergi» («The Magazine»)

Ismail Kerim
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The article deals with the monograph of a famous Crimean Tatar scientist Edige Kirimal issued in 1952 in Germany. His two scientific works published in the magazine «Dergi» in 1955 are analyzed.

Keywords: Kirimal, thesis, magazine «Dergi», the history of the Crimea, the beginning of the XX century.

REFERENCES

1. Ak"chok"rak"ly O. Seit Abdulla Ozenbashly kim edi? [Who was Seit Abdulla Ozenbashly?]. *Yeni dyunya* [The New World], 1924, 11 January.
2. K"yrymal E. K"yrymda sovetlernin" din siyaseti [The religious policy of Soviets in the Crimea]. *Dergi*. [The magazine] Myunkhen, 1955, no. 1, p. 65.
3. K"yrymal E. 1917 ikhtilyalinden evvel' ve son"ra k"yrym-tyurk ailesile k"adynnyn" durumy [Womens' and family's state of Crimean Turkic before and after the revolution of 1917]. *Dergi* [The *Magazine*] Myunkhen, 1955, no. 3, p. 13–30.
4. Rabia Lebip. K"yrymlylarda yurt sevgisi [The Crimeans' love for Motherland]. *Milliy yul* [*The National Way*]. Berlin, 1929, no. 18–19, p. 10–12.

About the author: Ismail Asanovich Kerimov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Research Centre of the Crimean Tatar language, literature, history and culture, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea).

УДК 821.512.145.09:82–6

Художественный аспект в мемуарах Дж. Сейдамета «Базы хатыралар» («Некоторые воспоминания»)

Темур Куршутов
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В статье рассматриваются художественные особенности воспоминаний Джафера Сейдамета «Базы хатыралар», являющиеся одним из ярких произведений мемуарного жанра крымскотатарской литературы первой половины XX века. Хронологически мемуары охватывают период между русской революцией 1905 года и установлением советской власти в Крыму в 1920 году, являющийся одним из драматических и кровавых эпизодов в истории крымскотатарского народа.

Ключевые слова: мемуары, воспоминания, художественные аспекты, память, эпоха.

Мемуары (от французского mémoires – воспоминания) – автобиографические записки; воспоминания о событиях и лицах прошлого, прямо или косвенно причастных к жизни автора [6, с. 303]. «Мемуары – по своей сути одно из уникальных образований литературы, которое «сложно отнести к определенной классической иерархии жанров» [3, с. 25]. До сих пор среди ученых нет единой трактовки понятия мемуарный жанр. Мемуары по своим типологическим разновидностям существуют в виде дневников, записок, воспоминаний, автобиографии, исповедей, писем и путевых заметок. Нам видятся мемуары как один из ценнейших источников в любой литературе, т.к. очевиден как читательский интерес, так и авторский к подобному жанру.

Корни крымскотатарской мемуарной прозы уходят в XVI век в период появления известного труда «Тарих-и Сахиб Герай

хан», автором которого был Кайсуни-заде Мехмед Нидаи[1], известный также как Реммаль Ходжа (что означает «астролог» – *Т.К.*). Данный труд автор написал по просьбе дочери хана Нур-Султан Хани после трагической смерти ее отца в 1551 г. Также можно отметить работу Хаджи Мехмеда Сенаи «История Ислам Герай III» (вторая половина XVI века), а также произведение Сейид-Мухаммед Ризы эль-Кырыми – «Семь планет в известиях о государях татарских», которое было написано в 1737 году.

Говоря о крымскотатарских мемуарах первой половины XX века, можно отметить роман-эпопею Исмаила Гаспринского «Молла-Аббас» (1887 г.), где одна из глав – «Френкистан мектюплери» («Французские письма») – является автобиографичной, в которой присутствуют элементы мемуарной прозы, а также роман «Кунь догъды» (1905 г.) («Солнце взошло»). Необходимо также отметить воспоминания Февзи Алтуга «Kırım hatıraları: Rus iç savaşı ve açlık, 1918–1922» [8] («Крымские воспоминания: Гражданская война и голод 1918–1922 гг.»), в которых автор описывает события, произошедшие в Крыму в 1918–1919 гг., а также голод в 1921–1922 гг., свидетелем которых он был. Заслуживают внимания воспоминания Абдурамана Бари, эрудированного учителя из-под Керчи, написанные в 1960 годы и выпущенные отдельной книгой в 2008 году под названием «Аятымнынъ унутылмаз левхалары» [1] («Незабываемые зарисовки моей жизни»). Они хронологически охватывают период с 1906 по 1943 гг. и являются отображением основных событий из жизни Крыма через восприятие их рядовым сельским интеллигентом из «глубинки» Крымского полуострова. Примерно в это же время свои мемуары напишут современники Дж. Сейдамета Шевки Бекторе «Волга къызыл акъаркен…» [2] («Волги красное течение…»), Мюстеджип Улькусал «İkinci Dünya Savaşında (1941–1942). Berlin hatıraları ve Kırım kurtuluş davası» [11] («Вторая Мировая война. Берлинские воспоминания (1941–1942) и борьба за независимость Крыма») и автобиографичный роман Дженгиз Дагджи

[1] Кайсуни-заде Мехмед Нидаи или Реммаль Ходжа был личным врачом, астрологом и другом Сагиб Герай I, а после его смерти поступил на службу к султану Селиму II и написал для него несколько медицинских книг. – *Т.К.*

«Hatıralarda Cengiz Dağcı. Yazarın kendi kaleminden» [7] («Джен-гиз Дагджи в воспоминаниях. Пером самого писателя»).

Одним из ярких произведений мемуарного жанра первой половины XX века по праву можно назвать воспоминания Дж. Сейдамета «Базы хатыралар» [9] («Некоторые воспоминания»). Писатель был в числе первых, кто обратился к подобному жанру и таким образом создал одно из заслуживающих особого значения мемуарное произведение в национальной литературе и культуре крымских татар.

Период между русской революцией 1905 года и установлением советской власти в Крыму в 1920 году, являющийся одним из драматичных и кровавых эпизодов в истории крымскотатарского народа, остается не до конца изученным. Следует также отметить, что при исследовании этих событий присутствуют политические и идеологические предубеждения и пристрастия. Объективное и всестороннее изучение проблемы усложняется отсутствием до сих пор доступа ко многим архивным документам, а также крайней ограниченностью свидетельств очевидцев и участников этих событий.

Воспоминания Дж. Сейдамета, одного из лидеров борьбы крымскотатарского народа за независимость своей родины в 1917–1918 гг., находившегося в гуще всех тех событий, безусловно, является одним из ценнейших документальных источников крымской истории этого периода.

При изучении и анализе мемуаров, в том числе и Дж. Сейдамета, необходимо учитывать определенную субъективность относительно тех исторических событий и личностей, которые описываются в произведении, тем не менее, это нисколько не умаляет ценности его труда для потомков. Говоря о причинах написания своих мемуаров, Джафер Сейдамет отмечал: *«Какой бы простой и незаметной ни была наша роль в исторических событиях, она имеет смысл уже только тем, что, будучи их очевидными свидетелями, мы отобразили время таким, каким мы его видели и понимали. Уверенный в этом, я счел своим долгом записать все свои воспоминания, но, к сожалению, отсутствие у меня на руках необходимых документов не позволило осуществить задуманного. Все же, не в силах отказать себе в этом, я написал лишь часть своих воспоминаний»* [5, №1].

Фрагменты воспоминаний были опубликованы уже после смерти автора на страницах журнала «Emel» в 1961–1967 гг. (в общей сложности в 38 номерах). В 1993 году мемуары вышли на турецком языке отдельной книгой, которую к изданию подготовил Фонд исследований тюркской культуры «Emel». Говоря о времени написания «Некоторых воспоминаний» можно привести информацию, приведенную в предисловии к изданию, написанную Сабри Арыканом, где говорится, что Дж. Сейдамет приступил к написанию мемуаров примерно за 15 лет до своей смерти, т.е. в 1945 году. В этот период было написано три тома, однако завершить её и опубликовать он не успел [9, с. 11; 5, № 1]. Если говорить о временных рамках, затронутых в произведении, то они охватывают детство Дж. Сейдамета, начиная с 1894 г., и заканчиваются периодом оккупации Крыма немецкими войсками в мае 1918 г. Последующие страницы его воспоминаний в книгу не вошли по объективным причинам: *«Часть личного архива пропала в годы Второй мировой войны, другая же часть, в виде разрозненных дневниковых записей, так и осталась необработанной самим автором ввиду его безвременной кончины»* [9, с. 11; 5, № 1], – отмечает С. Арыкан во вступительной статье.

Говоря о форме «Базы хатыралар», основываясь на классификацию, предложенную профессором Т. Колядич, данное произведение, будучи мемуарно-биографическим повествованием как о самом авторе, так и об исторических событиях и лицах, можно отнести к смешанному жанру мемуарной литературы [3, с. 25].

Структурно мемуары представляют собой отдельные рассказы, посвященные тому или иному событию и имеющие заголовок, разных по объему, от нескольких абзацев до нескольких страниц. События, описываемые в нём, происходят в большей части в Крыму, в хронологической последовательности.

Произведение предваряется вводной статьей автора, в которой он кратко рассказывает историю Крыма, крымских татар периода Крымского ханства и заканчивает событиями 1917 года. Последний абзац является как бы заключительным, где в нескольких предложениях автор эмоционально пишет о своем месте в тех исторических событиях: *«Я тоже жил в те великие исторические дни. Кто знает, может быть, мои глаза закроются*

вдали от Родины… И я не увижу возрождение моей страны, крымских тюрков, (татар – Т.К.) и тюркского мира… Несмотря на это в своем последнем дыхании я буду говорить, что жил в те исторические дни» [9, с. 28].

Что касается художественного аспекта произведения, то, безусловно, это его составляющее имеет ярко выраженную тенденцию. Уже с первых строк автор, описывая свое детство, пытается романтическими и ностальгическими красками показать своеобразную красоту тихой, спокойной, а временами насыщенной яркими событиями сельскую жизнь южнобережных крымцев. Начало его учебы в старометодной, а затем и в новометодной школах, жизнь их большой семьи, поездки на Дервизу с отцом, а также прогулки верхом на лошадях с друзьями в окрестностях родного села Кызылташ и вдоль берега моря, посещение цирка в Ялте, которое оставило неизгладимое впечатление как одно из самых ярких событий в его детстве. В то же время в произведении находят отражение и трагические эпизоды из его детства: с болью и горечью описывает трагическую смерть младшего брата Веби, а спустя несколько лет смерть среднего брата Амзы, непродолжительную учебу в старометодной школе, где за правило было использование телесных наказаний учеников.

В мемуарах автор важное место отводит периоду учёбы за пределами Крыма, в Стамбуле, где он знакомится с учащимися крымцами и у них завязывается дружба на многие годы, подробности организации общества крымских студентов, а затем тайного общества «Ватан». Под влиянием исторических событий в Турции в начале XX века, а затем, в период учёбы во Франции, идей французских социалистов происходит трансформация его политических взглядов.

В мемуарах достаточно подробно освещена общественно-политическая жизнь Крыма в 1910–1918 гг., и, прежде всего, деятельность молодых революционеров во главе с Челеби Джиханом, Джафером Сейдаметом и их соратниками среди крымскотатарской интеллигенции и всего населения о целях и задачах национальной борьбы за независимость Крыма. Автор особенно обстоятельно повествует о событиях 1917–1918 гг., раскрывая многие ранее неизвестные страницы, относящиеся к этому периоду. Все это он описывает с такой точностью, присущим его

стилю изяществом, образно и эмоционально, что не оставляет читателя равнодушным. Читатель словно сам погружается в ту эпоху и оказывается невольным свидетелем тех событий.

Для подтверждения сказанного приведем несколько фрагментов из воспоминаний. Описывая эпизод из своего детства, отъезд на учебу в город Акмесджит (Симферополь) и прощание с родными, автор отмечает: *«Разлука с деревней, с братьями и сестрами, отцом, а в особенности с матерью, вызывали во мне глубокую горечь, какое-то безнадежное отчаяние и страдание, перед глазами все стояла мать со слезами на глазах…»* [9, с. 32–33; 5, № 3].

Во время каникул Дж. Сейдамет, путешествуя по Крыму, познакомился с пламенным поэтом Шамилем Тохтаргазы. В мемуарах он пишет об этом событии: *«С воодушевлением он читал нам свои стихи. Однако более чем сами стихи, меня поразили его тонкая душевная организация, чувственно-эмоциональное восприятие красоты Крыма, искреннее переживание за трагическую судьбу народа»* [9, с. 53; 5, № 9].

В воспоминаниях автор с глубокой печалью повествует о кончине в Бахчисарае великого просветителя Исмаила Гаспринского и его похоронах: *«Погасли и закрылись его праведные, лучистые глаза. Но его девиз «Единство в языке, в мыслях и делах», оставаясь вечно пылающим факелом в истории тюрков, будет беспрестанно озарять их мысли и души»* [9, с. 129; 5, № 27].

В «Некоторых воспоминаниях» имеется следующий эпизод: после напряженной работы в Комитете Дж. Сейдамет и Н. Челеби Джихан, прогуливаясь по аллее парка, услышали протяжную печальную мелодию, которую исполнял скрипач. *«Челеби Джихан попросил его исполнить одну из старинных крымских мелодий, тот заметил: «Ооо, я вижу тебе знакомы жемчужины нашей музыки. От кого ты слышал эту мелодию?» Я уже не помню названия этой песни, но ее слова и мелодия так дополняли друг друга, как кисточка феску»* [9, с. 187; 5, № 43].

В рассказе «Мой первый учитель революции Джафер Одаман» автор описывает, как на фоне революционных событий 1905 года в Ялте активно симпатизирующий революции Джафер Одаман оказал большое влияние на своего юного тёзку в формировании его мировоззрения. Автор в своих мемуарах по этому поводу

с пафосом написал: *«Те, кто отверг личное благополучие, кто во имя своего народа готов идти на смерть, кого уничтожают в тюрьмах, в бескрайних снегах Сибири… Они стали моим идеалом, отныне их путь стал для меня примером»* [9, с. 45; 5, № 6].

Приведенные короткие отрывки из мемуаров в определенной степени показывают особенности его стиля, выразительность языка, многообразие используемых лексических средств и интонационных элементов.

К примеру, невозможность засватать сестру Джафера Аблаева за Джафера Сейдамета устами отца выражает метафорой *«Двум берегам черного моря не сойтись»*, по-европейски одетого Челеби Джихана с глубокими знания Корана обозначает метафорой «Ходжа (мусульманский религиозный авторитет – *Т.К.*) без чалмы и халата», удивительную сообразность слов и мелодий в песне, дополняющих друг друга, сравнивает с кисточкой и феской. Джафер Сейдамет, направляясь верхом на лошади в Ялту, по дороге встречает дядю Хатипа, спешившего туда же, и на вопрос *«Куда направляетесь, дядя?»*, тот отвечает поговоркой: *«А ты думал, тебе одному Танры* (Всевышний – *Т.К.*) *уготовил рай?!»* и т.д.

В своих мемуарах писатель создал множество ярких, колоритных и запоминающихся образов, начиная с его отца и матери, братьев и сестёр, друзей и товарищей по учебе, по политической деятельности. Среди них, безусловно, особое место занимает Челеби Джихан, самый близкий друг и идеал писателя. Они искренне уважали и ценили друг друга, плечом к плечу шли к общему идеалу. Это ярко прослеживается в повествованиях автора о своем незабвенном друге, в создании образа этой неординарной и героической личности, пожертвовавшего своей жизнью за свободу и процветание отчизны.

Любую эпоху невозможно представить без конкретных имён и личностей, связанных с ней, являющихся символами изображаемого периода, а также во многом творцами её истории. Не случайно одним из ценнейших, интереснейших и своеобразных составляющих «Некоторых воспоминаний» является портретная галерея современников. Встречи и общения с ними оставили неизгладимое впечатление в памяти автора и, решая задачу воссоздания облика эпохи, он насыщает свое произведение портретными зарисовками героев и персонажей. Они играют важную роль в

изображении культурно-исторического, социально-бытового фона воспоминаний. В воспоминаниях Дж. Сейдамета портрет личностей – это не фотография. В тексте произведения его роль и значение существенно шире. Автор в портрете не ограничивается простым описанием внешности героя, он также использует его в качестве средства создания образа и выразителем авторского мира художника. Анализируя портретный компонент в «Некоторых воспоминаниях» следует подчеркнуть, что писатель талантливо решил задачу по созданию на их страницах необычные по своей изобразительной силе и художественной яркости портреты современников. Среди них были его соотечественники, друзья, соратники по национальной борьбе: Исмаил Гаспринский, Номан Челеби Джихан, Сеит Джелил Хаттатов, Усеин Боданинский, Асан Сабри Айвазов, Амет Озенбашлы, Абляким Ильмий, Сулейман Сулькевич, Усеин Балич и др., политические и общественные деятели: Михаил Грушевский, Владимир Винниченко, Василий Шульгин, Симон Петлюра, Александр Керенский, Юзеф Пилсудский, Талаат паша, Энвер паша, Ахмет Мидхат, Аяз Исхаки, Садри Максуди, Мехмед Эмин Ресуль-заде и многие др.

Особенность словесного портрета, как и портрета в живописи, заключается в его четко выраженной адресности, прямой обращенности к индивидуальности определенной личности [4]. Благодаря литературному портрету в мемуарах Джафера Сейдамета мы получаем художественно-целостную характеристику личности. Причем этот портрет срисован с реальных людей, в отличие от художественных произведений, где герои могут быть вымышленными.

Писатель, как тонкий психолог, умеет проникнуть в самые глубокие уголки сердца своих героев, увидеть и выразить свойственные каждому из них особенности. Приведем несколько коротких примеров.

После встречи в Киеве с Владимиром Винниченко автор воспоминаний замечает: *«Хотя Винниченко не внушал нам такого доверия, как Шульгин и Грушевский, он оставил впечатление человека, без сомнения, использующего все средства во имя интересов своего народа»* [5, № 44].

Автор, повествуя о конгрессе мусульман России в Москве в 1917 г. и о впечатлении от речи одного из делегатов от киргиз-

казахов, пишет: *«Меня покорили не только выразительность его речи. Убедительность логики, но и особая интуиция в толковании обсуждаемых вопросов»* [5, № 40]. В Севастополе Дж. Сейдамет стал свидетелем полемики Керенского и Колчака на собрании в Офицерском доме и заметил о втором: *«Но более всего меня поразила его безупречная речь. Фразы лаконичны, выразительны и ёмки, сравнения просты и убедительны»* [5, № 41].

Как правило, для воссоздания образа и раскрытия психологического, нравственного облика портретируемого Дж. Сейдамет нередко использует диалог. Например, прием диалога мы видим в эпизоде встречи с маршалом Юзефом Пилсудским в Варшаве, которую он смог до мельчайших подробностей описать в своих воспоминаниях. Вопросы, которые он задает маршалу, его ответы на них, живой интерес Пилсудского событиями в Крыму, Украине, России и Турции, благодаря всему этому Дж. Сейдамет добивается максимальной выразительности при составлении словесного портрета маршала. *«Я убедился, что маршал, будучи уникальным революционером, искусным военачальником, сильным государственным деятелем, как великие люди искусства умел контролировать свое волнение. Неудовлетворенность своими свершениями, поиск новых возможностей для ещё больших дел – вот основная черта его сущности… «Будущее Польши», – эта мысль постоянно живет в его голове. Его сердце билось с этой мыслью»* [10, с. 81], – отмечал Дж. Сейдамет в своих мемуарах.

Другая не менее интересная встреча у Джафера Сейдамета состоялась в июле 1917 года с председателем Украинской Центральной Рады Михаилом Грушевским в Киеве, куда он приехал вместе с Аметом Озенбашлы в качестве представителя от крымских татар Крыма. Эта встреча также оставила неизгладимое впечатление в его памяти. Так, описывая их разговор с М. Грушевским он отмечал: «*Седобородый, с вдохновенным лицом и небольшими подвижными глазами, энергичный и решительный, он вызвал наше удивление и восхищение своей неутомимой деятельностью. Крупнейший историк Украины, ранее готовивший кадры образованной молодежи во Львовском университете, сейчас в Киеве отдавал все свои силы на создание новой истории Украины. Он, несомненно, лучше других понимал значение исторического наследия, лучше других мог наметить цель устремлений и*

определить кратчайший путь к ней» [5, № 43]. Дж. Сейдамет отмечает его способность внимательно выслушать собеседника и дать исчерпывающие комментарии относительно тех или иных политических событий, происходивших в тот период, особо подчеркивая, что русская революция приведет Россию к распаду, в связи с чем всем нерусским народам необходимо теснее сплотиться [5, № 43].

Такое же портретное описание автор дает и относительно других украинских политических деятелей: председателя Генерального секретариата (УЦР) Владимира Винниченко, министра иностранных дел (УЦР) Василия Шульгина, главы директории (Украинской Народной Республики) Симона Петлюры. Позднее все эти встречи и беседы помогли писателю составить ту портретную галерею с десятками исторических личностей, которая имеется в его мемуарном труде.

«Некоторые воспоминания» как важнейший источник фактографических сведений по истории Крыма первых двух десятилетий XX в., и особенно богатейшим материалом о событиях 1917–1918 гг., имевших решающее значение в национальном пробуждении крымскотатарского народа и в его борьбе за независимость Родины, имеет непреходящее значение для исследователей. Они содержат ценный документальный материал не только для историков, но и для литературоведческих изысканий, а также для самих художников слова. Мемуары Дж. Сейдамета, сочетая в себе правду исторического документа и силу художественного обобщения, являясь произведением высокого художественного достоинства, всегда будет привлекать повышенный интерес широкой читательской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдураман Б.* Аятымнынъ унутылмаз левхалары. Акъмесджит: Тезис, 2008. 280 с.

2. *Бекторе Ш.* Волги червона течія…. Симферополь: ДОЛЯ, 2003. 184 с.

3. *Колядич Т.* Воспоминания писателей. Проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.

4. *Колядич Т.* Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): автореф. дисс. ... док. филол. наук, спец.

10.01.01. Москва: 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/172704/read

5. *Сейдамет Дж.* Некоторые воспоминания / Пер. с кр. тат. Ш. Абдураманова // Полуостров. 2009. 9 января – 18 декабря; 2010. 22 января – 6 августа.

6. *Кожевников В.М.* Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

7. *Cengiz Dağcı.* Hatıralarda Cengiz Dağcı (Yazarın Kendi Kaleminden). İstanbul: Ötüken Neşriyat, 1998. 271 s.

8. *Fevzi Altug.* Dikenli ilişkiler. Kırımlı Bir Ögretmenin Anıları ve Şiirleri / Yayına Hazırlayan: Inci A. Bowman. Istanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 2005. 200 s.

9. *Seydahmet C.* Bazı hatıralar. İstanbul: Emel Türk Kültürünü Araştırma ve Tanıtma vakfı, 1993. 328 s.

10. *Seydahmet C.* Mareşal Pilsudski ile mülakatlarım ve hatıralarım // Dergi. München: 1958, 4. yıl, no. 13, s. 75–83.

11. *Ülküsal M.* İkinci Dünya Savaşında: 1941–1942 Berlin hatıraları. İstanbul: Emel Yayını, 1976. 152 s.

Сведения об авторе: Темур Нияверович Куршутов – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры при РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым).

Artistic dimension in «Some memories» (The memoirs) of Gafer Seydamet

Temur Kurshutov
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: «Some memoirs» is one of the best examples among memoirs written in the Crimean Tatar literature in the first half of the XX century. This article analyzes the artistic features used by J. Seydamet in his work.

The artistic features of J. Seydamet`s reminicenses «Some memoirs», was one of the best works of the memoir genre in the Crimean Tatar literature

in the first half of the XX century, this question is discussed in the article. The memoirs cover the period between the Russian Revolution (1905) and the establishment the Soviet authority in the Crimea in 1920, which was one of the most tragic periods in the history of the Crimean Tatars.

The various aspects of the artistic features of the works are analysed in the article. Such pecularities as poetic originality, style of representation, the language of the narrative, unusual representation of portraits of contemporaries, including well-known public and political persons of the Crimea, Ukraine, Russia, Poland, Turkey, Germany such as M. Hrushevsky V. Vynnychenko, S. Petlyura, A. Kerensky, J. Pilsudsky, Talyat and Enver Pasha are shown at this point.

The article opens the sense and value of «Some memoirs» as the most important source of information in the history of the Crimea of the first two decades of the XX century, and especially the events of 1917–1918, which have the marginal meaning in the national revival of the Crimean Tatar people. The memories combined the truth of the historical document and work of art of high artistic beauty.

Keywords: memoirs, reminiscences, artistic aspects, memory, eras.

REFERENCES

1. Abduraman B. *Ayatymnyn" unutylmaz levkhalary* [The unforgotten episodes of my life]. Akmesdzhit, Tezis. 2008. 280 p.

2. Bektore Sh. *Volgi chervona techiya*… [The Volga runs red…]. Simferopol, Dolya, 2003. 184 p.

3. Kolyadich T. *Vospominaniya pisateley. Problemy poetiki zhanra* [*The reminiscences of a writer .The problems of genre`s poetry*]. Moscow, Megatron, 1998. 276 p.

4. Kolyadich T. *Vospominaniya pisateley XX veka (evolyutsiya, problematika, tipologiya)* [The reminiscences of the writer of the XX century (evolution, problems, typology)]. Avtoref. diss. na soiskanie uchenoy stepeni dok. filol. nauk, spets. 10.01.01. Moscow, 1999. Available at: http://lib.rus.ec/b/172704/read

5. Seydamet D. Nekotorye vospominaniya [Some reminiscences]. *Poluostrov* [The peninsular], 2009, January 9 –December 18; 2010, January 22 – August 6.

6. Kozhevnikov V.M. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Literary encyclopaedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 752 p.

7. Cengiz D. *Hatıralarda Cengiz Dağcı (Yazarın Kendi Kaleminden)* [In the reminiscences. Cengiz Dagci (By the Writer`s Own Pencil)]. İstanbul, Ötüken Publ., 1998. 271 p.

8. Fevzi A. *Dikenli ilişkiler. Kırımlı Bir Ögretmenin Anıları ve Şiirleri* [The Thorn Relations. Recollections and poems of one Crimean Tatar teacher]. Yayına Hazırlayan: Inci A. Bowman. Istanbul, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 2005. 200 p.

9. Seydahmet C. *Bazı hatıralar* [Some Recollections]. İstanbul, Emel Türk Kültürünü Araştırma ve Tanıtma vakfı], 1993. 328 p.

10. Seydahmet C. Mareşal Pilsudski ile mülakatlarım ve hatıralarım [Interviews and reminiscences of Marshall Pilsudsky]. *Dergi* [The Magazine]. München, 1958, no. 13, pp. 75–83.

11. Ülküsal M. *İkinci Dünya Savaşında: 1941–1942 Berlin hatıraları* [On the Second World War. Reminiscences of Berlin]. İstanbul, Emel Publ., 1976. 152 p.

About the author: Temur Niyaverovich Kurshutov – Senior Research officer at the Research Center of the Crimean Tatar language, literuture, history and culture, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea).

УДК 811.512.1

Eski Türkçe ile Kırım Tatar Türkçesindeki yapım ekleri üzerine

Nariye Seydametova
(Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi)

Özet: Çalışmamızda Eski Türkçe ile Kırım Tatar Türkçesinde kullanılan yapım ekleri karşılıştırılmaktadır. Eski Türkçe yazılarının dili, türk dillerinin en erken yazılı dil örneği olarak, çağdaş türk dillerinin gelişimini anlamak için yardımcı olabilir. Çağdaş türk dilleri biri diğerinden fonetik, morfolojik, semantik, sentaktik açılarından az çok değişiklik gösterirler. Eski Türkçede rastladığımız bir çok şekilleri çağdaş dillerde de raslamak mümkündür, Kırım Tatarcada da dahil. Ayrıca, Eski Türkçede rastlanmadığı şekilleri çağdaş dillerde rastlamak mümkündür, dilde zamanla kaybolan ya da yer almayan çok yapım ekleri Eski Türkçede bulabiliriz. Kırım Tatar dilinin söz varlığında da, eklerin takımı açısından da hem Oğuzca, hem Kıpçakça unsurlar bulunabilir, şu nedenle de Kırım Tatarcayı Eski Türkçe ile karşılaştırması dilin tarihî gelişimini de açıklamak için, Kırım Tatarcanın diğer türkî diller arasındaki yerini belirtmek için yardım eder, diye düşünüyoruz. Özellikle, Kırım Tatarcada morfoloji Kıpçakça ve Oğuzca unsurların oranını belirlemek çok ilginçtir. Kırım Tatar dilinde yeni sözler türetmek için yararlı olan Eski Türkçe ekleri belli etmek çok ilgi çekici sorundur, çünkü Kırm Tatarlarının 1944 yılı sürgünü nedeniyle Kırım Tatar dili bir çok yıllar devamında çok az kullanılır edi ve yaşamda olan bir çok yeni şeyleri adlandırmak için yeni türetilmiş kelimelere büyük ihtiyacı duyulmakta. Şunun için de çağdaş dilde kullanılabilecek hem de yeni kelimeler türetebilecek ekleri belirlemek hem şu eklerin verimliğini anlatmak ilginçtir. Böyle bir tarihsel-karşılaştırmalı araştırmanın yapılması Kırım Tatar dilinin kelime varlığı arttırılması için olumlu etkisi olacağına inanıyoruz.

Anahtar kelimeleri: Eski Türkçe, Kırım Tatar Türkçesi, yapım ekleri, karşılaştırmalı dilbilgisi.

Eski Türkçede ve çeşitli Türk lehçeleri üzerinde yapılmış bir çok araştırmalarda söz türetimi hem yapım ekleri konusu ele alındığına

rağmen eklerin tarihî ve çağdaş dillerde karşılaştırmalı açıdan kullanımını açıklayan çalışmalar halâ yeterli degildir.

Kırım Tatar dili Kıpçak-Oğuz grubuna ait bir dildir. KırımTatarcasının Kıpçak dillerine yakın olduğu onun bir çok özelliklerini oluşturuyor. Kırım Tatar dili tarihî gelişimi sürecinde bir çok yüzyıl devamında Altın Ordu (Kıpçak) kültürel ortamında, sonra ise 300. yıldan çok Osmanlı İmparatorluğun (Oğuz) kültürel ortamında bulunduğu için çok özel bir yazı dili şekillenmiştir. Zanımızca, Kırım Tatar ve Türk dillerinin karşılaştırmalı öğrenimi için Türk dilleri dialektolojisi ve dil tarihinden bilgiler çok önemlidir. Kırım Tatar ve Türk dillerinin karşılaştırmalı öğrenimi bu dillerin özelliklerini daha iyi anlamak için, dillerin tarihî gelişimi sürecinde biri diğerine etkisini öğrenmek için önemlidir.

Türklerin en eski ve en kalabalık kavimlerinden olan Kıpçaklar ile Oğuzların eski yurtlarındaki komşuluklarını, M.S. ikinci binde Karadeniz merkez olmak üzere sürdürdüğü görülüyor. Bölge tarihindeki bu yerleşime bağlı doğal dil oluşmuştu. Ancak bu dil oluşumu kopuk tarzda meydana gelmemiştir. Karadeniz'in güney ve batı sahilindeki Türk ağızları üzerinde Kıpçak etkisi; kuzey ve doğu sahilinde yaygın Kıpçak ağızları üzerinde de Oğuz etkisi görülmektedir. Dolayısıyla Karadeniz çevresi, Genel Türk dilinin Oğuz ve Kıpçak lehçelerinin kesiştiği ve ortak topluluklar oluşturduğu geniş bir bölgesidir [9, s. 273].

Türk dillerini tasnif edenler, Kırım Tatar dilini etnik olarak «Kıpçak», coğrafi olarak «kuzey-batı» grubunda gösterir. Ses özelliklerini esas alan A.N. Samoyloviç Kırım Tatar dilini «tav» grubu olarak verir (1.*toğuz*, 2. *ayak*, 3. *bol- / bul-*, 4. *tav*, 5. *sarı*, 6. *kalgan*) (Eren, s. 75–76). Bir çok tasnifler doğrultusunda Kırım Tatarcası 1) çöl (kuzey, noğayca) – KT 1; 2) orta yolak (orta, Bahçesaray) – KT 2 ve 3) yalıboyu (güney, Karadenizin güney sahili) – KT 3 gibi üç ana lehçe çerçevesinde incelenmektedir. Güney sahil ağzında Oğuzca özellikleri yayğındır, hem de bu ağız Türkiye Türkçesine yakındır. Kırım Tatar dilinin kuzey ağzı ise Kıpçak-Noğay dillerine yakındır.

Kıpçak dillerinin Oğuzca ile münasebetleri farklıdır. Kırgız, Kazak, Nogay ve Karakalpak Türkçesinde görülen Oğuzca unsurlar, daha ziyade Eski Türk yazı dili döneminden kalan uzantılar şeklindedir. Eski yazı dili döneminde bulunmayan bazı Oğuzca şekiller ise, muhtemelen XI. yüzyıla kadar bu Kıpçakların diline

girmiş olabilir. Tatar ve Başkurt Türkçesindeki unsurlar ise, özellikle Osmanlı dönemindeki yazı dilinin kültürel etkisi olarak görülür. Kırım Tatarcanın da dahil olduğu diğer grubun münasebetleri ise, hem Selçuklu dönemi, hem de Osmanlı dönemindeki ilişkiler ve coğrafi yakınlıktan kaynaklanmaktadır. Oğuzca unsurların yoğunluğu açısından bakarsak, en fazla Oğuzca unsuru, doğal olarak Karay, Kumuk, Karaçay-Balkar ve Kırım Tatarcasında görebiliriz.

Kırım Tatar dili, hem çevresindeki Türk lehçeleri, hem de yabancı dillerle yoğun olarak etkileşimde bulunmuştur. Ancak, bu lehçelerde, çevresindeki Türk lehçelerinde bulunmayan bazı Eski Türkçe şekillerin saklandığı da görülür [8].

Kırım Tatar yazı dili oluşumunun tarihi devamında Oğuz unsurların sık sık kullanıldığı görülmekte. Oğuz unsurların büyük bir kısmını geleneksel olarak sanmak mumkündür, çünkü şu unsurlar Mahmud Kırımlının 'Hikayet-i Yusuf ve Züleyha' destanında, 'Codex Cumanicus' sözlüğünde, Altın Ordu ve Kırım Hanlığı zamanlarında yazılan eserlerin dilinde rast geliyor. Oğuz unsurları yazı dili gelişimi süreçinin farklı dönemlerinde farklıca yoğunlukla kullanılırdı. XVII–XVIII yuzyıllarında oğuz unsurları Osmanlıca Türkçe vastasıyla daha büyük yoğunlukla girmeye başladı. XIX y. – XX yuzyılının başı döneminde de Kırım Tatar yazı dilinde Oğuz diller grubuna has unsurlar geniş kullanılırdı. Böylece, Kırım Tatar dilinde Oguz dilleri özelliklerinin yayğın olması hem yazı dili gelişimine etkileyen içtimaî ve tarihî şaraitler, hem de Kırım Tatar dilinin dialektler sistemine bağlıdır. Kırım Tatar Türkçesi Eski Türkçenin devamı olarak Karahanlı Türkçesi, Kıpçak dili, Altın Ordu, Çağatay Türkçesi ve Osmanlıca Türkçesi dönemlerinden geçip günümüzdeki şeklini almıştır.

Zanımızca, karşılaştırmalı tahlil Kırım Tatar dili kelimelerin yapısında bir çok anlaşılmaz özellikler ve kuralları ortaya çıkarmak için yardım eder.

Çalışmamızda Kırım Tatar dili sözlükleri ve metinler, Eski Türkçe ve Codex Cumanicus metinleri kaynak olarak alınmıştır, isim yapım ekleri almış kelimeler belirlemnerek, ekler türlerine, görevlerine, verimliliklerine göre incelenmiştir.

Dillerin yapısal sınıflandırılmasında Türkçe eklemeli diller arasında yer almaktadır. Türk dillerin en önemli özelliklerinden biri ekler yardımıyla var olan kökler ve kelimelerden yeni kelimeler türetilebilmesidir. Türkçenin ekler verisi Eski Türkçe döneminden beri

önemli bir degişim göstermemektir [1, s. 185]. O dönemde sık kullanılan bir çök ekler günümüzde unutuldu, kelime türetmek için kullanılmıyor. Aynı zamanda Eski Türkçede bir çok ekler o dönemde de işlekliğini kaybetmiş ekler halinde idi.

Yapım ekleri Eski Türkçede olduğu gibi Kırım Tatar Türkçesinde de başlıca dört grup içerisinde ele alınabilir: 1. isimden isim yapan ekler; 2. isimden fiil yapan ekler; 3. fiilden isim yapan ekler; 4. fiilden fiil yapan ekler.

Bizim bu çalışmamızda yalınızca isimden isim yapan ekler ele alınmıştır.

İsimden isim yapım ekleri.

-Aq eki Eski Türkçede az verimli ek olup, çağdaş Kırım Tatarcada zaten verimsizdir, bir çok kelimelerde ise kalıplaşmış haline geldi. *butaq, böğrek, bardaq*. Bu ek küçültme eklerindendir.

-An

Eski Türkçede çokluk bildiren bu ek sonra çokluk bildirme işlevini kaybetmiş ve kalıplaşmıştır: o*ğlan*.

-Ay

Eski Türkçede gösterilmeyen bu ek Kıpçak dillerinde bir kaç kelimede rastlanır: *solaqay* 'solak', *terkey* 'hızlı'(CCum). Şimdiki Kırım Tatarcada *solaqay* kelimesinde vardır.

-Az

Pekiştirme eklerinden olup, kendinden önce gelen küçültme ekini pekiştirir. Kırım Tatarcada XX yuzyılının başında yazılmış eserlerde bir kaç örnek ile rastlanırdı: *qızcığaz* 'küçük kız', *evciğez* 'küçük ev'.

-Ça/çe

Küçültme göreviyle isim ve sıfat türeten eklerdendir [3, s. 43]. Eski Türkçede ve Kıpçakçada şöyle örmeklerde görülür: *barça, azraqça, süngülçe* (CCum), *aqça, alaça, yamança* Çağdaş Kırım Tatarcada *torunçe* sözünde küçültme anlamını bildiriyor, diğer örneklerde ise sıfatlarını yapar ve onların da küçültme anlamını verir: *sarıca, qaraca, beyazca, güzelce, yanıca* gibi. Aynı ek, zarfları türetir ve eşitlik anlamını bildirir: Eski Türkçe örneklerde *antaça,ança*; Kırımtatarcada: *böylece, eskice (eskicesine), türkçe, inglizce* vb.

-Çaq/çek

Eski Türkçede ve Kıpçakçada küçültme eki görevinde rastlanır: *qolıçaq, baltıçaq* (CCum), *qulunçaq* 'küçük tay', *böcek*. Şimdiki

Kırım Tatarcada geniş ünlülerle şekilleri bir kaç örnekte kalıplaşmış şekilde vardır: *böcek, boyuncaq, örumçek, oyuncaq, qaburçaq* gibi.

-Çan/çen eki de *-çaq/çek* ekinin bir şeklidir [4, s. 94]. Kırım Tatar dilinde az kullanımlı ek olup, bir de bir niteliğe sahip olma anlamlı sıfatları türetir: *işçen, oyçan, areketçen, musafirçen*.

Kononovun ifade ettiğine göre, *-çaq/çek* ve *-çan/çen* homoafikslerdir [5, s. 86].

-Çıq/çik/çuq/çük

Bu ek Eski Türkçe gramerlerinde yer almıyor. Eski Türkçe ve Karahanlı Türkçesi döneminde *-ç* eki küçültme görevinde kullandığı için [3, s. 43], *-çıq* eki muhtemelen sonradan oluşmuş bir ektir. Habiçev bu ekin *-çaq* ekinden oluştuğunu ifade ediyor [4, s. 89]. *-Çıq* eki en çok küçültme anlamıyla isimler türetir. *qabarçuq* 'sandık' (CCum), *çapçaçıq* (CCum), *balaçuq* (CCum), *tekeçük, azçıq, qısqaçuq, yinceçük,* şimdiki Kırım Tatarcada *balaçıq, qolçıq, yolçıq* vb. Sıfatlara eklenerek anlamca pekiştirilmiş ya da küçültme sıfat yapar: *azaçıq, inceçik, temizçik* vb. Bir çok isimlerde ise *-çıq* eki kalıplaşmış durumdadır: *qılçıq, balçıq, sığırçıq*.

-Çı/cı

Eski Türkçe döneminden beri bir meslek mensubu ya da bir işi sürekli yapan anlamında isimler türeten işlek bir ektir.

aŋçı, yadçı 'yağmur büyücüsü', *yuğçı* 'ağlayan kimse', *sabçı* 'haberci', *bedizçi* 'taşçı', *yerçi* 'yol gösteren kimse', *yolçı* 'yönetici' (Eski Türkçe), *bakırçı, boyaçı* (CCum), *qapuçı, qaznaçı* (CCum), *otaçı* (CCum), *oyunçı* (CCum), *bitikçi*. Çağdaş Kırım Tatarcada da işlek isim yapıcı eklerden biridir: *işçi, yırcı, aşçı, çiçekçi, yolcu, demirci, qalpaqçı* vb.

-Çıl/çil/çın/çin Eski Türkçede küçültme anlamını bildiren ektir: *aqçil, kökçil, kökçin/kökşin*. Çağdaş Kırım Tatarcada verimsiz ek olarak renk bildiren sıfatlara eklenir ve küçültme anlamını verir: *aqçil, kökçil*. Ekin *-şın* şekli sarışın kelimesinde vardır.

-Tağ/daq

Eski Türkçede isimden sıfat yapıcı ek olarak anlatılır ve sadece bir örneği verilir (Gabain, s. 46): *altağ* 'hile'. Kıpçak Türkçesinde bu ek daha çok kullandığını görmek mumkündür: *bağırdaq, başdaq* 'çokluk çocuğu olmayan, tek başına yaşayan', *boğardak* (KM). -Daq eki besbelli *tenk 'denk' sözünden oluşmuş ve eşitlik anlamını bildiriyordu [4, s. 78]. Çağdaş Kırım Tatarcada *-daq* eki kalıplaşmış

şekilde bir çok kelimede rastlanır: *qoltuq, boğurdaq, duvadaq, sandıq, baştaq* 'haylaz, kargaşacı', *boydaq* 'bekâr' gibi.

-Tam/-täm/-dam/-däm

Seyrek kullanılan soyut isim yapıcı ektir: *ärdäm* 'güç, yigitlik', *birdäm* 'birlik, beraber', *kündäm* 'güneşli'. Çağdaş Kırım Tatarcada *-tAm* kalıplaşmış şekilde bir kelimede rastlanır: *birdem*.

-Daş/taş

Eski Türkçe döneminde az kullanılan ektir, beraberlik, ortaklık, anlamında isimler türetir. Kıpçak dilinde daha çok kullanılırdı: *qadaş* 'akraba', *qarındaş* 'kardeş' (Eski Türkçe); *ağuldaş, kocadaş, kökürdeş, tözdeş, mengüdeş* (CCum). Çağdaş Kırım Tatracada *-daş* ekinin kullanım sıklığı arttı ve şu ek verimli ekler sırasında gösterilebilir: *zamandaş, sınıfdaş, meslekdeş, kursdaş, köydeş, sırdaş, gönüldeş, fikirdeş* vb.

-Duq/duruq

Eski Türkçe ve Karahanlı Türkçesi gramerlerinde bulunmayan bu ek Kıpçak dilinde organ adlarıyla gelir ve 'şu organ için kullanılan' eşya, araç anlamında isimleri yapardı. Çağdaş Kırım Tatarcada işlek olmayan, cansız bir ektir: *burunduruq, kömüldürük/kömüldrük* (CCum), *endek*.

-Duz/ tuz eki işlevi belli olmayan ölü bir ektir [6, s.47], *yulduz, yultuz, kündüz, yaldız* kelimeleri dışında örnekler bulunamamıştır.

-Ğaq

Küçültme ve kuvvetlendirme eki olarak Eski Türkçede kullanılan bir ektir. Kıpçak dilinde *-g/-ğ* düşmesi sebebiyle ek *-aq* gibi görünüyor: *yanğaq, erkek, tozğaq* (CCum). Kırım Tatarcada bir çok kelimelerde ek kalıplaşmış şekilde bulunmaktadır: *büyrek, yanaq, kökrek, yumruq, ulaq, eşek, pıtaq, tigenek, çarıq* v.b.

-Ğıl

Bu ek en eski isim yapma eklerden birisidir, başlıca küçültme ve benzerlik anlamlı isim ve sıfatları türetirdi [4, s. 106]: *qızğıl*, *sarğıl, qırğıl* (KM). Şimdiki Kırım Tatarcada kalıplaşmış bir ek durumundadır: *yengil, sepkil*. Renk bildiren sıfatların küçültme şeklini yapan *-ıltım* eki terkibinde de arkaik *-ğıl* eki vardır: *sarıltım, yeşiltim*, *kögültim* kelimelerinde bulunuyor.

-Ğına/gine

Eski Türkçede küçültme eki olup, küçültme, daralma, sınırlama ya da kuvvetlendirme işlevleriyle tamamalar isim ya da sıfat olarak

kullanılan kelimeler türetirdi: *aygine* 'küçük ay', *bugine* 'bu kadar' (KM), *sarrakine* 'sarımsı, az sarı'(CCum), *ançagına* 'birazcık', *munçagına* 'bira, bu kadarcık'(CCum), *hangınam, beyginem* (CCum). Çağdaş Kırım Tatarcada bu ek bulunmamaktadır.

-Ğı/gi/ğu/gü

Eski Türkçede isim ve sıfat yapan ektir [3, s. 45]: *inçkü* 'huzur, sulh', *äsängü* 'sağlamlık, sıhhat', *oğlanğu* 'çocuk gibi muamele edilen, nazik', *küzgü, mengü* (CCum). Çağdaş Kırım Tatarcada bu ek kalıplaşmış şekilde bir kaç kelimede rastlanır: *küzgü* 'ayna', *eyi* 'iyi', *burunğı* 'önceki'.

-Qı/ki/ğu/gü eki de *-Gı* ekinin şekli olup, Eski Türkçede verimli sıfat ve isim yapıcı ektir [5, s. 108]: *çölgi, ilki, tabğaçğı, yerdäki, tänridäki, buluŋdaqı,köŋültäki, içräki, öŋräki*. Çağdaş Kırım Tatar dilinde *-qı/ki* eki verimli ve çok kullanımlı ek olup, daha çok nisbî sıfatları türetir: *bugünki, tünevinki, qışqı, uzaqtaki, evdeki, elindeki, dağdaki*, *tışarıdaki* vb.

-Han/qan/kän

Eski Türkçede unvan bildiren isimlei türetirdi [3, s. 44]: *burhan* 'Buda', *tänrıkän* 'ilâhi, hazretleri', *tarhan* 'yüksek bir mevki'. Kırım Tatarcada bu ek ölü ektir, kalıplaşmış şekilde *tarhan* kelimesinde vardır.

-Kün/-gün/qun/gun

Eski Türkçede çokluk bildiren ve soyut isim yapan ektir [3, s. 45]: k*äliŋünüm* 'gelinlerim', *iniyigünüm* 'küçük kardeşlerim', *alquğun* 'hepsi', *qamağun* 'bütünüyle, hepsi'. Kırım Tatarcada hiç de rastgelmedi.

-Lay/-layın

Eski Türkçede ve Karahanlı Türkçesi gramerlerinde bahsedilmeyen ek Kıpçak dilinde 'benzerlik' anlamlı isim türetirdi: *uçmışlay* 'uçar gibi', *sözley* 'söz gibi', *yamğurlayın* 'yağmur gibi', *yavlayın* 'yağ gibi' (CCum). Kırım Tatarcada bir-iki zarfta rastlanır: *sabalayın, geceleyin*.

Lıq/lik

Eski Türkçe döneminden beri çok işlek, geniş kapsamlı bir ektir. Ancak Kononov ifade ettiğine göre, Eski Türk Run yazılırın dilinde az verimli ek edi ve daha çok Karahanlı Türkçesinde ve Çağataycada rastlanıyor [5, s. 87]. *-Lık* eki genel olarak soyut ve muşahhas isimleri türetir: Eski Türkçe örnekler *ağılıq* 'ambar, hazine', *yimişlik* 'meyve

bahçesi', *qınlıq* 'hapishane', *suwluq* 'su kabı' vb; Kıpçak dilinden örnekler *sağlıq* 'sağımlık koyun,keçi', *bellik* 'bele takılan silahların tümü', *çıraqlıq* 'şamdan', *qaralıq* 'mürekkep hokkası', *ağuzluh* 'ağızlık, at gemi', *biçenlik, yeşillik, ahlıq, qaralıq, qanlıq* 'hanlık', *aruvlıh* 'temizlik, kusursuzluk, iyilik', *söyuşlih* 'karşılıklı sevgi', *qısqalıq, qopmaqlıq* 'ölümden sonra dirilmek', *körksizlik* 'çirkinlik', *yarlılıq* 'fakirlik', *kertilik* 'doğruluk' (CCum). Çağdaş Kırım Tatarcada da *–lıq* eki çok işlektir*: bağçalıq, balalıq, dostluq, qardaşlıq, anterlik, gençlik, büyüklik, yükseklik, yeşillik, uzunlıq, rahatlıq, bütünlik, şekerlik, qışlıq* v.b.

Laq/lek eki -lıq/-lik ekinin geniş ünlüyle gelen şekli olarak ifade ediliyor [5, s. 89]: *yaylağ, qışlağ/yaylıq, qışlıq.*

Lı/li/lu/lü

Eski Türkçede isimden sıfat yapan *-lığ/-lig* eki çağdaş dillerin çoğunda, Kırım Tatarca dahil, *-lı/-li/-lu/-lü* çeklinde kullanılır. Ekin en çok kullanıldığı işlevi türetici isimnin bildirdiği özelliğe, şeye sahip olma, üzerinde bulundurma, ilgili olma anlamlarında sıfatlar türetir. Eski Türkçe örnekler bunlardır: *adalığ* 'tehlikeli', *qutunluğ* 'azametli', *küçlüğ*; Kıpçakça örnekler*: qılıqlı, haybatlı* 'heybetli', *erdemli, körümli, uçmaqlı* 'cennette bulunan' (CCum) , *atlu*, *aylu, barlu, qutlu, saqallu,tatlu.* Çağdaş Kırım tatarcada çok işlek olup, sıfatları türetir: *tuzlu, vicdanlı, bereketli, aqıllı, diqqatlı, Türkiyeli, Qırımlı, suvlu, lezzetli, tamğalı, örnekli, dehşetli, yolaqlı, sıralı* vb.

-Man/-män

Eski Türkçede güçlendirme ve küçültme anlamını bildiren sıfatları türeten ektir [5, s. 95; 4, s. 126]: *qutman* 'kutlu', *azman* 'kocaman, büyük', *kökmän* 'gök'. Kırım Tatarcada kalıplaşmış şekilde bir çok kelimelerde rastlanır: *azman* 'yaban arısı', *orman, şişman, evcimen, yaman, qırcıman, türkmen, Sarman, Kökmen*.

Öv/üv < äğü

Eski Türkçede *–äğü, ağu* şeklinde rastlanan ek [3, s. 75] 'birlikte, bir arada olma' anlamını bildirir. Kıpçak dillerinde *ğ>v* değişmesi ve yuvarlaklaşma sonucunda -öv/-üv olmuştur: Eski Türkçe *biräğü, ikiğü, yitäğü*; Kıpçakça *üçöv*, Kırım Tatarca *ekevi, üçevi, beşevi* vb.

Sız/siz/suz/süz

Eski Türkçede yokluk, sahip olmama anlamlı sıfatlar türetirdi: *körksiz* 'çirkin', *ögsüz* 'öksüz, annesiz', *igsiz* 'sağ'; Kıpçakça *adsız, malsız, saqalsız, küçsiz, ayıpsız, bahasız, kulaksız, sağsız, yazuksuz,*

körksüz (CCum). Çağdaş Kırım Tatar dilinde de çok işlek ektir: *küçsüz, aqılsız, babasız, ucsuz, yağsız, sütsüz, evsiz, suvsuz* vb.

-Siğ > -si

Eski Türkçede isimden 'Benzerlik, gibilik andırma' göreviyle isimden isim türetenektir; *-sIğ* ekinin son seste *-ğ*'nin düşmesiyle oluşan ektir [3, s. 48]: adınsığ 'başka türlü, seçkin', bäğsiğ 'bey gibi', kılsığ 'kul gibi'. Zanımızca, Kırım Tatarcada *mavımsi* kelimesinde kalıplaşmış ek olarak görülür.

Sıl/sul

Eski Türkçede bulunmayan bu ek Kıpçakça ve Kırım Tatarca çok seyrek rastlanır: *yoksıl* (CCum).

-Suq/sük

Eski Türkçede çok seyrek kullanılan isim yapıcı ektir: *bağarsuq* 'bağırsak', *taŋsuq* 'fevkaläde, hayrete değer olma'. Kırım Tatarcada ölü ek olup, kalıplaşmış şekilde bir kaç kelimede rastlanır: *bağırsaq, qursaq, tansıq* gibi.

-Iz/uz

Eski Türkçede -z/-ız/-iz eki ikilik, çokluk anlamı bildiren ektir [3, s. 46; 6, s. 66]*: ikiz , meñiz* 'beniz', *yalğuz* (CCum). Kırım Tatarcada canlı olmayan durumundadır.

-Bi/be

Eski Türkçede bulunmayan, Kırım Tatarcada Farsçadan alınma bir ektir, sahip olmama anlamlı sıfatlar türetirdi: Türkçede *-sız* ekine denktir. Kırım Tatarcada bir çok kelimelerde kalıplaşmış durumda bulnuyor: *bekâr, bitaraf, biçare, bedava.*

Farsçadan alınma *-na ve -lâ* eklerin kullanımı da aynıdır, kelimelerde kalıplaşmış şekildedir: *naçar, narazı*, *nalâyıq*, *lâçare*.

-Dar

Eski Türkçede bulunmayan, Kırım Tatarcada Farsçadan alınma bir ektir, mensupluk anlamını bildiren isim ve sıfatları türetir. Kırım Tatarcada az kullanımlı bir ektir: *avadar* 'bol havalı', *emekdar, mahsuldar, minnetdar, İlimdar*. Bazı bir kelimelerde kalıplaşmış durumdadır*: çavdar*.

-Kâr

Eski Türkçede kullanılmayan, Kırım Tatarcada Farsçadan alınma bir ektir, bir meslek mensubu ya da özellik, nitelik anlamını bildiren isim ve sıfatları türetir [7, s. 194]: *aveskâr, işkir, hızmetkâr*. Ayrı sözlerde bu ek kalıplaşmış durumdadır: *dülger, çilengir*.

-Şınas

Kırım Tatarcada Farsçadan alınma, bir meslek mensubu anlamını bildiren isimler türeten çok verimli bir ektir [7, s. 194]: *edebiyatşınas* 'edebiyatçı', *sanatşınas* 'sanatçı', *siyasetşınas* 'siyasetçi', *tarihşınas* 'tarihçi', *tilşınas* 'dilbilimci'vb.

-Van

Eski Türkçede bulunmayan, Kırım Tatarcada Farsçadan alınma bir ek olup, genellikle 'bakıcı, koruyucu' anlamını bildiren isimleri türeten çok az kullanılan bir ektir, bulunduğu kelimelerde kalıplaşmış durumdadır: *bahçevan, pelvan 'pehlivan', kervan, merdiven*.

Sonuç

Sonuç olarak, isimlerden morfolojik yolla isim yapımının dil tarihi içinde gitgide azaldığını söyleyebiliriz. İsimden isim yapan eklerin çoğu dil tarihinin her döneminde değişik fonetik yapısıyla ve işlevleriyle kullanılıyor. Eski Türkçede çokluk, benzerlik, denklik anlamını bildiren eklerin çoğu kalıplaşmış, ölü yapım eki durumuna geçmiştir. Kırım Tatar Türkçesinde Eski Türkçede bulunmayan, Fars dilinden alınma bir çok isim yapıcı ekler de vardır. Alınma ekler öz Türk eklerini yerinden çıkardığı ve yerlerini aldığı gözetilmektedir. Aynı zamanda alınma ekler anlam renklerini ve yeni anlamları aktarmakta yardımcı oluyor. İsimden isim yapan eklerin bu çalışmada ele alındığı kullanımı Türkiye Türkçesinde ve diğer çağdaş Türk lehçelerinde vardır. Ancak Kırım Tatar Türkçesinde eklerin geldiği kelimelerin çeşitliği, sıklığı, ifade kabilıyeti dikkat çekici bir ölçüdedir. Bu genel hükümün daha sağlıklı bir şekilde kanıt verilebilmesi için konu üzerinde daha da ayırıntılı çalışmalar yapılması gerektir.

REFERENCES

1. Clauson Gerard. Türkçede sekizinci yuzyıldan önce kullanılan ekler [Affixes used before the eighth century in Turkish]. *Dil Ararştırmaları dergisi* [Journal of Language Studies]. 2007, vol. 1, no. 1, pp. 185–196.

2. Eren Hasan. Türk Dili [Turkish language]. *Türk Ansiklopedisi* [Turkish Encyclopedia]. Ankara, 1983, vol. XXXII.

3. Gabain A. *Eski Türkçenin Grameri* [Old Turkish Grammar]. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 1988. 314 p.

4. Khabichev M.A. *Imennoye Slovoobrazovaniye i Formoobrazovaniye v Kumanskih Yazıkah* [Nominal word formation and morphogenesis in Kumanian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 220 p.

5. Kononov A.N. *Grammatika Yazyka Tyurkskikh Runicheskikh Pamyatnikov VII–IX vv.* [Grammar of Turkic runic monuments language of VII–IX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 256 p.

6. Korkmaz Zeynep. *Türkçede Eklerin Kullanılış Şekilleri Ve Ek Kalıplaşması Olayları* [Usage of forms of affixxes and the facts of stereotyped forms of affixes in Turkish]. Ankara, Türk Dili Kurumları Yayınları, 2000. 92 p.

7. Memetov A. *Zemaneviy Qırımtatar Tili* [Modern Crimean tatar language]. Simferopol, Qırım Devlet Oquv Pedagogika Neşriyatı, 2006. 320 p.

8. Öner Mustafa. Karay Türkçesinde Eski Unsurlar [Old Turkish elements in the Karaite language]. *IV. Uluslararası Türk Dili Kurultayı, 26–29 Eylül 2000* [IV. International Turkish Language Congress, September 26–29, 2000], İzmir.

9. Öner Mustafa. Karadeniz çevresi Türk dili [Turkish language of the Black Sea area]. *Türk Kültürü* [Turkish Culture]. 2010, no. 2, pp. 267–280.

10. Serebrennikov B.A., Gadzdiyeva N.Z. *Sravnitelno-Istoricheskaya Grammatika Tyurkskikh Yazykov* [The comparatively historical grammar of Turkic languages]. Baku, Maarif Publ., 1979. 304 p.

11. Sravnitelno-Istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov T. 2. Morfologiya [The comparatively historical grammar of Turkic languages. Vol. 2 Morphology]. Moscow, Nauka Publ, 1988. 558 p.

Yazar hakkında: Nariye Seydametova – doktor, yrd. doçent, Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi (95000, Sevastopol Caddesi, lane Eğitim, 15, Simferopol, Kırım); arslanqiz@yahoo.com, nariye@mail.ru

About the Old Turkish and the Crimean Tatar word formative affixes

Nariye Seydametova
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The article deals with the comparative analysis of word formative affixes in Old Turkish and the Crimean Tatar languages. The language of the Old Turkish manuscripts is an example of the earliest written language of Turkic languages, can help to understand the development of modern Turkic languages. The Modern Turkic languages differ from one another in phonetic, morphological, semantic, syntactic angles. A number of affixes which we come across in the Old Turkish languages are also used in contemporary Turkic languages, including the Crimean Tatar. In addition, the affixes have not been found in the Old Turkish are possibly can be met in contemporary languages. A number of affixes, which were lost during the historical development of language, we can find in the Old Turkish. The Crimean Tatar language, regarding to its lexical structure and a set of affixes, detects both Oguz and Kipchak elements. In our opinion, the comparative analysis of the Crimean Tatar and the Old Turkish languages will help us to explain the course of historical development of the language, as well as to identify its place among the other Turkic languages. It is an interesting problem to identify the ancient derivational affixes, which can be used for the formation of new words in modern Crimean Tatar language.

Keywords: Old Turkic, the Crimean-Tatar language, derivational af-fixes, comparative grammar.

About the author: Nariye Seidametova – Cand. Sci. (Philology), assistant professor, the Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Sevastopolskaya st., Uchebnyy lane, 15, Simferopol, Crimea); arslanqiz@yahoo.com, nariye@mail.ru

УДК 801.73(093)"653"

Урта гасырлардагы татар гаиләсе тарихына бер сәхифә

Марсель Әхмәтҗанов
(Татарстан фәннәр академиясенең Галимҗан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты)

Аңлатма: Мәкаләдә XVIII нче гасырдагы кулъязма күчермәсе нигезендә урта гасырлардагы татар гаиләсенең бер тарихи сәхифәсе ачыклана.

Ачкыч сүзләр: кулъязма, татар гаиләсе, татар ханлыклары, урта гасырлар.

Татар археографиясе өлкәсендәге эзләнүләр беренче чиратта урта гасырлар әдәбиятыбызга кагылышлы дистәләрчә әдәби мирасыбыз үрнәкләре ачылуга китерде. Татар әдәбиятының урта гасырлардан калган билгесез сәхифәләре табылып, язма мирасыбызның хәзинәләре нык тулыланды.

Археографик эзләнүләр шулай ук фәлсәфә, тарих, генеалогия, филология юнәлешендәге билгесез борынгы чыганакларыбыз барлыгын да исбат итте.

Шундый эзләнүләрнең нәтиҗәсендә тарихи хокук темасына кагылышлы документлар да табыла бара. Шундый бер кызыклы документның татар ханлыкларында гаилә структурасын һәм аның

яшәү рәвешен ачыклаган бер XVIII нче гасырдагы кулъязма күчермәсе белән танышуны күз алдында тотып, шушы мәкаләне яздык.

Табылган кулъязма бер фрагмент кына, анда 10 кәгазь битенә икешәр яклап тәгълик ысулында татар телендә текст язылган, тышлыгы, баш һәм ахыр битләре югалган. Моннан тыш кулъязма бик кадерсез хәлләргә төшеп керләнгән, хәтта ки бер битнең бер ягындагы язылган текстны танып укырлык та түгел.

Кулъязманың зурлыгы 11х17,3 см., текст үлчәме 8х11 см. Кәгазе калын гына, Русиядә эшләнгән кәгазьләрдән ясалган. Битләрдә эре хәрефләр белән кустодлар язылган. Язмалар коңгырт төстә, имән каерысыннан ясалган карада, тәгъликъ ысулындагы татар язуында тәртип ителгән. Һәр биттә 11 яки 10 юл язу төшерелгән. Текст татар телендә, кайбер борынгы сүзләр очрый. Мәсәлән: кәнизәк – кол кызы, углан кыз, углан угыл, түртүнче, тугъгъан h.б.

Кулъязмада гаилә кору һәм гаилә җимерелгән очраклардагы рөхсәт ителгән һәм тыелган йола пунктлары китерелеп, алар тасвирланып бирелә.

Мондагы сакланган ике бүлек тә тулы түгел, беренчесендә гаилә корганда кемнәргә өйләнергә ярый, кемнәргә ярамый темасына багышланган сәхифәләр кулъязманың 1а–3б. битләренәчә бәйян ителәләр. Аның тематикасы 24–38 бүлекчәләргә бүленгән. № 24нең башы юк.

I текст. Йегеткә өйләнергә ярамаган кызларның кардәшлек тәртибе.

«[**Йегерме өченче**]: Анасының ана бер, ата башка – атасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Йегерме түртүнче: Олуг анасыныйң ана бер, ата башка – атасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Йегерме бишенче: Ата-ана бер – ана берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Йегерме алтынчы: Ата бер, ана башка – анасы берлә туган карыйндәшене алмак булмаз.

Йегерме йитенче: Ана бер, ата башка – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Йегерме сигезенче: Атасының ата-ана бер – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Йегерме тукызынчы: Атасының ата бер, ана башка – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утызынчы: Атасының ана бер, ата башка – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз беренче: Анасының ата-ана бер – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз икенче: Анасының ата бер, ана башка – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз өченче: Анасының ана бер, ата башка – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз түртүнче: Олуг атасыйның ата-ана бер – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз бишенче: Олуг атасыйның ата бер, ана башка – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз алтынчы: Олуг атасыныйң ана бер, ата башка – атасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз йитинче: Олуг анасыныйң ата-ана бер – анасы берлә туган кыз карыйндәшене алмак булмаз.

Утыз сигезенче: Олуг анасыныйң...»

Бетте.

II текст

«Ата булмак... .... ул углан кыз булса, ул хатынның иригә хәрам булур. Угыл булса, ул хатын ул угыл хәрам булыр.

Ул угылның углы-кызы, йәнә ул хатынга, ул хатынның иринә хәрам булыр.

Әгәр углан угыл булса, аның хатыны хәрамдер. Ул сөт имезгән хатын иригә, әгәр кыз булса ири аның хәрамдүр. Сөт имезгәнгә мондаг әймешләр: имгәннең имезгәнгә үзи хәрам, имүзгәннең имгәнгә килмийә хәрам.

Баб. Файда

Пелгил вә агяһ булгыйл, кем гадәт тотмак хатынларга фарыздыр. «Корьән» айәте берлә, вә барча сәхабәләр вә голамәләр фәтвасе берлә кауля [Тәгаля вә ля тәгъзимү гакыйдәи әл-никах хаты пилагел-китаб әҗлә вә әгъләмү иннә-и Аллаhу йагалим мафи әнфәскем фахзәрдә] бу эшниң төрки мәгънәйә

мондаг булуб булгай, вә Аллаһу әгълям. Касд кыйлмаңызлар үзгә иргә никахланыйб вә хатынлыкга бармакга. Әүвәлге иреңезнең гадәте тумагунча. Йәгъни гадәтеңез тәмам кичкүнчә «Белеңезләр тәхкыйк Аллаһу Тәгаля сезләрниң күңлүңездәгени, төрлүк фикерләреңезне билгүчидүр, сакламаңызлар вә куркуңызлар Аллаһу Тәгалянең газабындин. Әгәр хатун гадәт эчендә иргә барса, вә [ир] такы ул хатунны алса, әгәр хәлал күрсәләр – кяфер булурлар.

Әгәр хәрам тиб белиб, нәфсени кайтмаса, фаслы фаҗир (азгын ир. – *М.Ә.*) булур. Газаб вә гакубәтга (азакта, соңыннан. – *М.Ә.*) мөстәхикъ (хаклы. – *М.Ә.*) булур, ляземдер (тиештер, кирәктер. – *М.Ә.*). Мөфти, вә казый, вә барча мөселманларга монларный бери бериндин җөда (аеру. – *М.Ә.)* кыйлгайлар вә тәгъзир (җәзага тартканнар. – *М.Ә.)* оргайлар. Катыйгъ ормак оргай. Әгәр ул хатынныйң ире үлсә, йа талак кыйлса, кирәк бер талак, кирәк ике талак, кирәк өч талак булсун, аның гадәти йөкене салмак берлә тәмам булур. Кирәк шул көн укъ йөкени туармусыйны, кирәк бер йыл, кирәк ике йылгача төшермәсине, гадәти аныйң йөкене төшүрмәк берлә тәмам булур. Әгәр хатынны хыйз (күремле. – *М.Ә.)* хәлдә талак кыйлса, ул хыйздин арынганны өч хыйзының беригә хисаб кыйлмагай. Пел кем андин башка йәнә өч хыйз гадәт тотмак кирәк булур.

Алтынчы. Ул хатынлар кем кәнизәкләр булгайлар, һәнүз азад булмаган булгайлар. Хуҗасы анларны иригә бирсә, әгәр ире үлсә, аңар ике ай да биш көн гадәт тотмак лязем килүр. Аныңөчүн анларныңгадәте азад хатынныйңйарымыдыр. Әгәр кәнизәкниңире талак кыйлса, әгәр ул кәнизәк нарасида булса, күрмәгән булса аныңгадәте бер такы йарыйм айдур. Азад нарасидәләрнеңйарумига каршы торур. Әгәр кайгылыкдан хыйз киселгән булса һәм шул хөкем укдур. Әгәр кәнизәкниңйегет вакыты булса, ире аны кылса, гадәте аныңике хыйздыр. Аныңөчүн кем хыйзны бер ай [тамигъ] йарыймга хисаб кыйлмак булмаздур. Хисаб хата булур. Начар зарурда һәм ике айга гадәт тотмак лязем килүр, йәгъни ике хыйз булур. Гадәте тәмам булур, бери йарымлы һич хыйз булмаз.

Ушпу нидаг укдур. Әгәр кәнизәкне хуҗасы рөхсәте берлә талак кыйлса, гәрчә хуҗасы өч талак кыйлгыйл дисә, ике талакдин зийада (артык. – *М.Ә.*) кыйла алмаз. Аныңөчүн кем азадларныйңзийадә талак өчдүр. Монларга зарурдан ике булгай.

Аның өчүн кем азад хатунларныйң йарымыдүр. Мондаг булса һәм өчне йарыймла мәшруг ирмәз (шәригать кушкан эш булмас. – *М.Ә.).*

Йитинче. Ул хатунлар кем өмми вәләде булгайлар, йәгъни угълан анасы йагъни йәсир, хуҗасындин угълан килтүргән булса, анларныйң гадәте хуҗасындин. Әгәр хуҗасы үлсә, үлгән заман азад булур. Әгәр өмли вәләде йегет вакытыдыр, аңар өч хыйз мөддәт тотмак лязем килүр. Безнең мәзһәбләрдә әгәр карый вакытыдур – аңа өч ай гадәт тотмак лязем килүр, хуҗасы үлгән соң. Әгәр хуҗасы өмми вәләдене азад кыйлса, үз терикли кендә аңа һәр гадәт хуҗасындин, өч хыйз тотмак кирәк азадлар тик. Әгәр йөкле булса йөкендин фаригъ булгунча (котылганчы. – *М.Ә.*) гадәт тоткай ляземдур.

Әгәр хуҗасы азад кыйлмайын, иргә бирсә, азад була алмаз. Үзгә йәсирләр тик – йәсир булур. Хуҗасындин кәнизәккә һич гадәт килмәзлекен, өмми вәләде хуҗасыйга хәрам булур ул ирниң никахында икән. Әмма качан ул ир үлсә, йәхуд талак кыйлса гадәтләре тәмам кичкәндин соң хуҗасыйга борынгы тик хәлал булур. Әгәр йөге булса, йөкне салганчы гадәте булыр.

Сигезенче. Ул хатынлар, кем анларга ирләре сохбәт кыйлмаган хәлвәт (ялгыз. – *М.Ә.*) сәхихә (исән. – *М.Ә.*) булынмаган булгай. Һәнүз (хаман. – *М.Ә.*) күрешмәгән булгайлар. Качан акларныйң ирләре үлсә, гадәтләре түрт ай көндүр, нитәк кем илгәре бәйян вә...! кыйлдук. Әгәр ире талак кыйлса, хәлвәт сәхихә булынган булса хатунга гадәт лязем булыр. Иргә кябин (туй. – *М.Ә.*) хакы лязем булыр. Качан никах дөрест булынган булса, иригә йарыйм кябин лязем килүр, вә хатынга нәрсә гатьдин(?) килмәз. Ушбу барчасы, кем әйтелүр, никах дөрест хәлал булган булса. Әгәр никах фасид (бозылган. – *М.Ә.*) булса, [аңар һич килүдин...] сәхихә (дөрес. – *М.Ә.*) булса һәм гадәт лязем булмаз. Та хакыйкать сохбәт булмаган булса ире хәс (әшәке. – *М.Ә.*) булса, аныйң хөкеме – йәнә үзгә хатынлар хөкемендәдур, – кем әйтде.

Тукызынчы. Ул хатынлар кем анлар ике гадәт тотмак важиб (тиеш. – *М.Ә.*) килүр. Ул мондаг булыр: хатын гадәт эчендә икенче иргә барса, араларыйнда сөхбәт (иптәшлек. – *М.Ә.*) төшсә, анлар бер берендин җөда (аеру. – *М.Ә.*) кыйлгайлар. Җөда

кыйлгандин соң бу хатынга ике гадәт тотмак важиб килүр. Бер гадәт әүвәлге ирендин, бер гадәт соңгы ириндин.

Имди бзнең галимнәр кашында Рәхмәтү Аллаh фәтвә улдыр, әгәр бер гадәт китмәсә, икесендин hәм гадәт тәмам булмыш булыр. Мәсәләән: әгәр ири талак кыйлса, вә hәнүз гадәт эчендә икән, хыйз күрмәгән ирди, икенче иргә барды. Икенче гадәтенә лязем килүб имди ултургай, өч хыйзне йәнә башдин тәмам кыйлгай. Hәр ике гадәтдин качан өч хыйз кичсә, hәр ике гадәт кичте. Әгәр әүвәлге ириндин бер хыйз үтүб ирди, икенчи иргә барды. Өч хыйз гадәт сакламакыйна лязем (тиеш. – *М.Ә.*) булур. Соңгы ириндин имди онтыргай гадәт тоткай. Качан ике хыйз үтсә, әүвәлге ирнең гадәте кичти, бу соңгы ириндин ике хыйз үткән булган. Йәнә бер хыйз калды. Качан бер хыйзинә күрсә, соңгы ирниң гадәте әда (түләү. – *М.Ә.*) булды. Әмма әүвәлге ике хыйздә hичкемнең хәмеде (мактады. – *М.Ә.*) йитмәс дүр. Кем ул хатынны хатын...»

Искәрмә: Икенче бүлектә бер хатының иреннән риза булмыйча икенче иргә чыгу тәртибе тасвирлана. Бу процедура шактый озакка сузыла. Хатын беренче ире белән торып аның гадәтләренә өйрәнеп беткәч, аннан аерылганда артык сүз булмасын өчен иренең өйрәнгән гадәтләрен онытып ... бетерергә тиешлек аңлашыла.

Сүзлекчә

олугъ анасы – дәү әнисе
карыйндәшене – туганын
булмаз – булмас, ярамый
олугъ атасыйның – дәү әтисенең
углан кыз – кыз бала
углан угыл – ир бала
хәрам – тыелган, шәригатькә сыймый
пелгил – белгел
вә – hәм
агяh – хәбәрдар булу
сәхабәләр – Мөхәммәд пәйгамбернең өйрәнүләрен танып, аңа шәкерт булган замандашлары
мондаг – мондый
вә Аллаhу әглям – бер Аллага мәгълүм
касд кыйлмаңызлар – нәфсегезне сузмагыз
әүвәлге – беренче
кичкүнчә – кичкәнче, беткәнче
фаслы фаҗир – азгын
гакубәтга – соңыннан, азакта
мөстәхикъ – хаклы
ляземдер – тиештер
җөда – аерылу
вә тәгъзир – җәзага тартылу
оргайлар – сукканнар, бәргәннәр
йөкене салмак – баласын тудырмак
хыйз – күрем

кәнизәкләр – кол, хезмәтче кызлар
нараси – сабый
тамигъ – нәфес
ушпу – ушбу, бу
зийадә – артык
зарурдан – хаҗәтдән
нидаг – өйдәү
мәшругъ ирмәз – шәригать кушкан эш булмас
йәсир – әсир
өмми вәләде – тудыручы
йегет вакыты – җиткән кыз вакыты
мөддәт – кирәкле вакыт
карый вакыт – картлык чоры
хәлвәт – ялгыз
hәнүз – даими
кябин – туй
фасид – бозык
сәхихә – дөрес
хәс – әшәке
важиб – тиеш
онытыргай – онытылган
әда – түләү
хәмеде – мактауы.

Текстлардагы тел үзенчәлекләре

Кулъязмадагы текстта татар телендәге борынгы текстларда гына очрый торган графофонетик үзенчәлекләр күзәтелә:

б>п>б

1. пелгил – әдәби: белгел; пел кем – бел кем; ушпу – ушбу.

д>т

2. тип – әдәби дип

-ый>-аг

3. мондаг – әдәби: мондый

-гыз, -гез> -ңыз, -ңез

4. кыйлмаңызлар – кыйлмагызлар; ирегезнең – ирегезнең; гадәтеңез – гадәтегез; күңлеңездәгени – күңлегездәгене h.б.

-ай>а

5. оргайлар>оралар, сугалар;
булгайлар>булалар
6. йарымы>әдәби: яртысы
7. килтүргән>әдәби: китергән

Автор турында белешмә: Марсель Ибраhим улы Әхмәтҗанов – филология фәннәре докторы, Татарстан фәннәр академиясенең Галимҗан Ибраhимов исемендәге Тел, әдәбият hәм сәнгать институты (420111, Лобачевский урамы, 2/31, Казан, Россия).

A page from the history of making family rules among the Tatars in Middle Ages

Marsel Akhmetzyanov
(Galimzyan Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Academy of Sciences of the Tatarstan Republic)

Abstract: In the article the question of established rules of making families among the Tatars, based on the manuscript of the XVIII century is considered.

Keywords: manuscript, Tatar family, Tatar Khanates, the Middle Ages.

About the author: Marsel Ibragimovich Akhmetzyanov – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, Galimzyan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Tatarstan Republic (420111, Lobachevskiy str., 2/31, Kazan, Russia).

УДК 39 (477.75):001.891 – 057.4"19"1920–1931

Плюсы и минусы «национальной музейной политики»: краеведческий музей в Евпатории (20–30-е годы XX века)

Улькер Мусаева
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В научный оборот вводится новый корпус архивных документов, посвященный истории музейного строительства в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в., выявленный в фондах ГАРФ (г. Москва). Анализируется участие центральных органов Народного комиссариата просвещения РСФСР в этом процессе, представляются формы взаимодействия руководящих органов и их региональных подразделений в обеспечении организационной, методической, материальной, исследовательской инициативы в процессе работы крымских музеев.

Ключевые слова: музеи, Крымская АССР, Главмузей Наркомата просвещения РСФСР, Крымский комитет по охране памятников искусства и старины (КрымОХРИС), П.Я. Чепурина, А.И. Полканов, этнографическая экспедиция.

Развитие этнографических исследований в Крыму в 1920-е годы непосредственно связано с деятельностью выдающегося евпаторийского краеведа, директора Евпаторийского археолого-этнографического музея Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947 гг.). Ее имя было забыто вплоть до конца XX века. Впервые ее роль в развитии татароведческих штудий была отмечена проф.

Д.П. Урсу [11, с. 22–23]. На основе выявленных нами в архивах Москвы, Симферополя и Санкт-Петербурга биографических документов удалось восстановить основные этапы жизни и творчества ученой. При этом особую ценность благодаря содержанию важной биографической информации имеет выявленная в научном архиве ГМВ докладная записка П.Я. Чепуриной представителю Крымской АССР при ВЦИК, написанная в августе 1935 г. [2, л. 4–5].

П.Я. Чепурина родилась 8 октября 1880 г. в Киеве в семье священника [1, л. 12]. После традиционного курса домашнего образования она окончила Евпаторийскую гимназию, а затем Одесское художественное училище. Образование было продолжено через несколько лет в Московском археологическом институте, где Полина Яковлевна получила специальность «археолог-художник» [10, с. 33]. Ее научным наставником в Институте была известный этнограф Вера Николаевна Харузина (1886–1931) [8, с. 227–229]. Значительным этапом в научном развитии П.Я. Чепуриной стала ее поездка в Европу в 1898 году (7 месяцев в Италии и 3 месяца в Германии), где она изучала народное искусство [1, л. 38об]. В 1903–1910 гг. П.Я. Чепурина работала в Одессе – фабричной воскресной школе [1, л. 58–59] и одновременно – на Одесской художественно-промышленной выставке. А затем «по собственному почину занялась собиранием и изучением крымскотатарского орнамента». «К изучению крымско-татарского бытового искусства я подошла еще в 1910–11 гг.», – вспоминала ученая [5, л. 4]. В 1910–1911 гг. состоялась ее первая научная экспедиция по Крыму, где она собирала крымскотатарское орнаментное шитье. Маршрут экспедиции охватил Юго-Восточный Крым: Отузы, Козы, Токлук, Судак, Таракташ, Капсихор, Кутлак, Ай-Серез. Главной находкой стало творчество художницы-рисовальщицы орнамента и технического мастерства Айше Мамбетовой из деревни Отузы.

По приглашению Евпаторийского наробраза П.Я. Чепурина заняла должность заведующей музея, открытом в конце 1920 г. Заполняя анкету Комиссариата внутренних дел Крымской АССР для граждан, вступающих в РОПИК, П.Я. Чепурина так определила свои цели в работе Общества: «Научно-художественное изучение Крыма за период XII–XVIII века» [1, л. 38об].

Начало научных исследований П.Я. Чепуриной в области изучения крымскотатарского и караимского народного искусства относится к началу 1910-х годов, когда ею были прочитаны первые научные доклады, посвященные этому вопросу. По результатам экспедиции 1910–1911 гг. в Русском географическом обществе ею был сделан доклад «Культура и быт крымских татар». Позже, обучаясь у В.Н. Харузиной, на заседании этнографического кружка при Археологическом институте она прочла доклады: «Орнамент крымскотатарской вышивки», «Быт, искусство и архитектура крымских татар» [5, л. 4]. В 1923 г. на географическом отделении Первого Московского государственного университета Полина Яковлевна выступила с сообщениями «Евпаторийская старина и орнамент крымских татар» [9, л. 103] и «Бытовое искусство крымских татар и памятники старины» [3, л. 1–2]. По данным докладной записки П.Я. Чепуриной на имя заведующего Евпаторийским отделом народного образования от 20 октября 1924 г. ею были разработаны научно-популярные лекции: «Евпатория в прошлом: По материалам раскопок 1916–1917 годов», «Татарское орнаментарное искусство», «Караимское искусство как одно из слагаемых искусства Востока». Краевед предлагала сделать выступления платными, а средства перечислить в фонд Ассоциации любителей караимской старины и искусства [2, л. 11]. Одновременно этнограф не прекращала своей основной работы по копированию образцов бытового искусства народов Крыма, создавая беспрецедентную по объему и научному значению коллекцию этнографических рисунков [5, л. 4 об].

Первая из выявленных публикаций П.Я. Чепуриной появилась в издании РОПИК – журнале «Крым» в 1925 г.: «Евпатория – ее живая археология» [13, с. 73–74]. Статья носила информативный характер. В ней тезисно были изложены основные этапы истории развития города и дана характеристика наиболее значимым экскурсионным объектам. В статье дается характеристика евпаторийской Караимской библиотеки-музея, приютившейся «в низеньком старинном доме» вблизи кенасы и городского «музея краеведения». В это время в музее действовало 5 отделов: 1) караимский, с предметами религиозного культа и бытовыми; 2) татарско-ногайский (на материалах Евпаторийского уезда); 3) археологический, посвященный раскопкам Керкинитиды; 4) ку-

ортно-бальнеологический и 5) производственный, посвященный Сакским соляным промыслам и бромному заводу.

25 июня 1925 г. П.Я. Чепурина выступила на заседании РОПИК с развернутым докладом «Этнография и историко-художественные материалы Крыма», основу которого составила характеристика новых поступлений этнографического отдела музея и местной коллекции рисунков предметов быта крымских татар и караимов [7, с. 306]. В следующем году в журнале «Крым» П.Я. Чепурина поместила очерк «Евпаторийский музей» [12, с. 200], где кратко остановилась на характеристике предметов культуры караимов и крымских татар, представленных в экспозиции.

В плане научно-исследовательской работы Евпаторийского краеведческого музея на 1925–1926 годы заведующая наметила двухнедельную командировку в Москву и Ленинград для знакомства с постановкой научной обработки и охраны предметов этнографии: тканей, вышивок, кустарного производства. Намечалось провести систему каталогизации и классификации собрания предметов быта крымских татар и караимов. Отдельным пунктом были указаны разработки в области караимской библиографии. В заключении к плану научной работы П.Я. Чепурина отметила, что накопленный этнографический, художественный и фольклорный материалы вполне могли бы стать основой для фундаментальных научных исследований [4, л. 1–4].

На Международной выставке декоративного искусства и современной художественной промышленности, состоявшейся в 1925 г. в Париже, представленные П.Я. Чепуриной вышивки крымских татар были удостоены бронзовой медали. Этот успех вдохновил краеведа на работу, целью которой было восстановить по всему Крыму угасавшее к тому времени искусство шитья и ткачества, а по мере возможности и других ремесленных производств, продукция которых достигала высокого художественного уровня. К этой работе она привлекла известных ей мастериц и в последующие годы на базе Бахчисарайского дворца периодически работали четырехмесячные курсы, которые должны были положить начало формированию вышивально-ткацких артелей.

Этнографическая коллекция Евпаторийского музея по караимам, крымским татарам и ногайцам была отмечена в отдельной публикации журнала «Этнография» (1926 г.) как наиболее

полная и представляющая научный интерес для дальнейших теоретических исследований [6, с. 305]. В августе 1926 г. специально для изучения этнографических собраний музея в Евпаторию приехал сотрудник Исторического музея (Москва) А. Клейн. Сохранилась рукопись его «Отчета о командировке в Крым для изучения собрания древних тканей и вышивок в местных музеях» [4, л. 44–46]. А. Клейн отметил наличие в фондах музея «огромного собрания одежды и тканей как экспонированных, так и хранящихся в запасных залах, в общей сложности насчитывающего 720 экземпляров, из которых большая часть падает на бытовые памятники и меньшая – на памятники религиозного культа. Это предметы быта татар и культовые караимские вещи» [4, л. 44]. Отметив «высокую ценность коллекций» крымскотатарских и караимских вещей А. Клейн заметил, что «Больше всего меня поразило, что ткани, из которых изготовлены даже культовые предметы караимов, относятся не к их работе, а к продукции самых разных фабрик и кустарных производств Востока, Запада и Центра России. Время их изготовления не отвечало той датировке, которая предварительно указывалась» [4, л. 45].

Таким образом, в течение 1920-х годов в Евпаторийском музее «Искусство старины» – Археолого-этнографическом Краеведческом музее г. Евпатории оформился этнографический отдел, состоящий из подотделов: крымскотатарского и караимского. Последний по качеству и количеству материала занимал центральное место. Евпаторийскими этнографами были собраны уникальные коллекции по культуре караимов и крымских татар, которые приобрели всемирную известность (собрания орнамента, шитья и тканья крымских татар И.С. Аирчинского и П.Я. Чепуриной).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГА РК. Ф. Р–138, оп. 1, д. 10.
2. ГА РК. Ф. Р–138, оп. 1, д. 6.
3. ГА РК. Ф. Р–663, оп. 7, д. 115.
4. ГИМ РФ ОПИ. Ф. 54, оп. 1, д. 999.
5. ГМВ. Оп. 2, сшивка 6, д. 115.

6. *Д-н А.* Этнографические музеи в Крыму // Этнография. 1926. № 1/2.

7. Из деятельности Российского общества по изучению Крыма // Этнография. 1926. № 1/2.

8. *Непомнящий А.А.* Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження. Сімферополь, 2003.

9. ПФАРАН. Ф. 155, оп. 2, д. 747.

10. *Урсу Д.П.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). Симферополь, 1999.

11. *Урсу Д.П.* Востоковедение и востоковеды Крыма (1918–1941) // Востоковедный сборник. Вып. 1.Симферополь, 1997.

12. *Чепурина П.Я.* Евпаторийский музей // Крым. 1926. № 2.

13. *Чепурина П.Я.* Евпатория – ее живая археология // Крым. 1925. № 1.

Сведения об авторе: Улькер Кязимовна Мусаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым); musaeva_ulker@mail.ru

Advantages and disadvantages of «national museum policy»: museum in Yevpatoriya (20–30-ies of XX century)

Ulker Musaeva
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The new case of archival documents devoted to the history of museum building in the Crimea in first half of the 20th XX century is entered into a scientific turn, revealed in funds the State Archive of Russian Federation (Moscow). Participation of the central bodies of the State commissariat of education of RSFSR in this process is analyzed, forms of interaction of directing bodies and their regional divisions in maintenance of the organizational, methodical, material, research initiative in the course of work of the Crimean museums are represented.

Keywords*:* museums, Crimean ASSR, Glavmuzey of the State commissariat of education of RSFSR, Crimean Committee for the Protection of art and antiquities (KrymOKhRIS), P.Ya. Chepourina, A.I. Polkanov, ethnographic expedition.

REFERENCES

1. GA RK. F. R–138, op. 1, d. 10.
2. GA RK. F. R–138, op. 1, d. 6.
3. GA RK. F. R–663, op. 7, d. 115.
4. GIM RF OPI. F. 54, op. 1, d. 999.
5. GMV. Op. 2, sshivka 6, d. 115.
6. D-n A. Etnograficheskie muzei v Krymu [Ethnographical museums in the Crimea]. *Etnografiya* [Ethnography], 1926, no. 1/2.
7. Iz deyatel'nosti Rossiyskogo obshchestva po izucheniyu Kryma [From the activities of Russian society on studying the Crimea]. *Etnografiya* [Ethnography], 1926, no. 1/2.
8. Nepomnyashchiy A.A. *Istorichne krimoznavstvo (kinets' XVIII – pochatok XX stolittya). Biobibliografichne doslidzhennya* [Historical studying of the Crimea (beginning of the XVIII century). Bibliographical investigations]. Simferopol, 2003.
9. PFARAN. F. 155, op. 2, d. 747.
10. Ursu D.P. *Ocherki istorii kul'tury krymskotatarskogo naroda (1921–1941)* [Sketches on history of culture of the Crimean Tatar people]. Simferopol, 1999.
11. Ursu D.P. Vostokovedenie i vostokovedy Kryma (1918–1941) [Oriental studies and orientalists of the Crimea]. *Vostokovednyy sbornik* [A collection of materials in oriental studies]. Issue 1. Simferopol, 1997.
12. Chepurina P.Ya. Evpatoriyskiy muzey [A museum of Evpatoriya]. *Krym* [The Crimea], 1926, no. 2.
13. Chepurina P.Ya. Evpatoriya – ee zhivaya arkheologiya [Evpatoriya – its living archaeology]. *Krym* [The Crimea], 1925, no. 1.

About the author: Ulker Kayzimovna Musaeva – Cand. Sci. (History), assistant professor, the Chair of history, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); musaeva_ulker@mail.ru

УДК 727.7(477.75)"1960/1964"

Реставрационные работы в комплексе построек Ханского дворца в 1960–1964 гг.

Эльвиз Османов
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В данной статье охарактеризованы и проанализированы научно-исследовательские и ремонтно-реставрационные работы в архитектурном комплексе Ханского дворца, проведенные в 1960–1964 гг. Киевскими республиканскими научно-исследовательскими реставрационными мастерскими Госстроя УССР. Руководила работами и являлась автором проекта архитектор Е.И. Лопушинская, реставрацией живописи руководил искусствовед В.А. Овсейчук. Это первая научная реставрация комплекса построек Хан-Сарая, которая ставила своей целью выявить и закрепить те старые элементы в архитектуре и живописи, которые еще можно обнаружить, не уничтожая при этом последующие наслоения с тем, чтобы можно было проследить все этапы ремонтов и реставраций Ханского дворца. Реставрационные работы 1960 гг. открыли живопись на потолках Летней беседки и Малой мечети кисти иранского мастера Омера и фрагменты живописи на стенах Посольского зала и Золотого кабинета.

Ключевые слова: Бахчисарайский Музей, изучение исторических памятников, состояние архитектурных сооружений, реставрационные работы, проектные предложения, росписи стен.

4 октября 1917 г. приказом Таврического Губернского комиссара Временного Российского правительства Богданова художник Усеин Боданинский был назначен заведующим Бахчисарайским ханским дворцом. А 3 ноября 1917 г. в Бахчисарае состоялось грандиозное событие – в городе был торжественно открыт Бахчисарайский государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры, которому «суждено было стать поистине островком культуры в те переломные, трудные для всех бахчисарайцев времена» [1, с. 11].

Во время нацистской оккупации музей продолжал свою работу. При отступлении нацисты серьезно разграбили музейные коллекции. Советская администрация, пришедшая на смену германской, в первый же месяц провела поголовную депортацию крымских татар. Раздавались «предложения» вслед за этим разрушить и основной исторический памятник выселенного народа.

Дворец был спасен от уничтожения усилиями ученицы Боданинского Марии Кустовой, настоявшей на необходимости его сохранения хотя бы из тех мотивов, что благодаря Пушкину он прославился на весь мир.

Ханский дворец остался нетронутым и вскоре музей продолжил работу. Одной из первоочередных задач было – осмотр и фиксация памятников города и окрестностей с целью выявления разрушений после ухода нацистов. Именно поэтому программу работ музея в начале 50-х гг. можно свести к таким пунктам как: перекладка каменных стен, замена сгнивших стропил, перекрытие кровли, ремонт штукатурки, побелка фасадов зданий, вставка разбитых стекол в мавзолеях-дюрбе, а также мощение каменными плитами главного входа в музей. [2, л. 18–22]

60-е гг. XX в. стали важным этапом в истории Бахчисарайского дворца. В 1960 году началось его научное исследование. Реставрацию проводили Киевские республиканские научно-исследовательские реставрационные мастерские Госстроя УССР. Ханский дворец за два с половиной столетия перенес огромные изменения. Все реставрации и ремонты за это время понемногу уничтожали колорит Востока. По существу остались стены, которые покрывались бесцеремонно побелкой, скрывая и так неудовлетворительную сохранность былых росписей. Ветхость деревянных конструкций могла погубить остаток старины, где еще теплилась скрытая душа XVI–XVIII вв., выраженная в удивительно тонких и изящных орнаментах.

Реставрация 1960–1964 гг. главную цель преследовала в том, чтобы обнаружить и сохранить подлинные художественные ценности искусства, сосредоточенного в бывшем Ханском дворце. Задачей реставрации было: выявить и закрепить те старые элементы в архитектуре и живописи, которые еще можно обнаружить, не уничтожая при этом последующие наслоения, чтобы можно было проследить все этапы ремонтов и реставраций Хан-

ского дворца. Перед реставрацией была проделана большая научно-исследовательская работа: просмотрен весь документальный материал прошлых ремонтов и реставраций, проведен детальный обмер всех помещений, фотофиксация, шурфы и зондажи в отдельных частях здания. Большая интересная работа выпала на долю художников-реставраторов. Им предстояло реставрировать самую старую и в художественном отношении самую ответственную часть всего ансамбля, начиная с Зала Совета и заканчивая Посольским залом. Руководила работами и являлась автором проекта архитектор Е.И. Лопушинская, реставрацией живописи руководил искусствовед В.А. Овсейчук.

В 1961 г. капитальному ремонту подверглись помещения Главного корпуса дворца, так как большая часть зданий была в аварийном положении. Состояние отдельных помещений Главного корпуса было различным: некоторые из них находились в удовлетворительном состоянии, другие требовали восстановления или замены. Фундаменты под стенами Зала Суда и Малой мечети, сложенные из камня, находились в хорошем состоянии. Цоколи и колонны Летней беседки также были в удовлетворительном состоянии, но со стороны Гаремного и Посольского садиков, а также со стороны Фонтанного дворика были деформированы стены и углы. В Посольском зале прохудилась стена, расположенная по колоннам Фонтанного дворика, вследствие большого прогиба балки, несущей стены и неравномерной осадки опор столбов, вызванной замачиванием основания.

Наиболее распространенной проблемой был отрыв стен друг от друга по причине того, что они различны по своему материалу. Так, например, в Золотом кабинете в северо-восточной части отошла стена от основной стены Зала Суда. Из-за систематического подмачивания основания, вызванного отсутствием отмостки или регулярного стока атмосферных вод, стена и цоколь Летней беседки, а также несущие стены Золотого кабинета отошли от стен Зала Суда. Юго-восточная стена подвальной комнаты, под комнатой евнуха, граничащая с Фонтанным двориком, в месте примыкания Золотого фонтана постоянно намокала от воды, что повлекло осадку части стены и гниение стоек и ригелей фахверка. Нижняя деревянная балка фахверка, уложенная на каменную кладку без гидроизоляции, полностью сгнила. Таким обра-

зом, нарушилась прочность и пространственная система фахверка, в результате чего через стены Кофейного зала пошли трещины. Во всех стенах, где проходят стойки, ригеля или подкосы фахверка, на штукатурке имелись трещины. Все деревянные столбы, вследствие примыкания к каменным опорам, из-за попадания влаги, подвергались гниению. Конструкции крыши над Золотым кабинетом, Посольским залом, Кофейной комнатой и Фонтанным двориком находились в неудовлетворительном состоянии. Все деревянные конструкции были поражены шашелем. Почти вся роспись стен покрыта известковой побелкой. Сохранилась она только на стенах Золотого кабинета.

Что касается внутренних архитектурных элементов, то балки перекрытия под Золотым кабинетом, Кофейной комнатой и над Ханской канцелярией были в удовлетворительном состоянии.

Каменные полы в Зале Суда и в Малой мечети с небольшими выбоинами. В Летней беседке плиты мраморного пола с трещинами. Кирпичный пол в полуподвальном помещении под «комнатой евнуха» – неровный с каменными заплатами. Покраска деревянных частей: дверей, окон, потолков, колонок, стенных шкафов, перил поблекла, потрескалась и во многих местах сошла.

В Золотом кабинете, Посольском зале, Кофейной комнате были повреждены деревянные резные золоченые капители и многие украшения на потолках и дверях. В оконных переплетах разбиты гипсовые горбыльки и мелкие цветные стекла. После расчистки верхних стоек росписи и штукатурки в Золотом кабинете, Зале Суда и Фонтанном дворике реставраторами была обнаружена старинная роспись.

Оба фонтана – «Золотой» и «Фонтан Слез» нуждались в ремонте, так как водопровод не работал, стены потрескались, полы рассохлись и осели, покраска поблекла, местами совсем сошла [8, л. 3–12].

В 1940–1941 гг. проводился ремонт Дюрбе Диляры Бикеч, но к 1960 гг. общее состояние памятника было неудовлетворительное. Кирпичный купол сильно выветрился и просвечивался изнутри, наружная обмазка осталась только на вершине. Полумесяц и часть поддерживающего его металлического стержня были сломаны. Облицовка стен из тесаного камня была в плохом состоянии. Резные украшения, карнизы, наличники, пилястры, цо-

коль – повреждены. Штукатурка с купола и с верхней части стен осыпалась. Из окон вынуты решетки. Дверные и оконные арки имели утраты, а проемы заложены камнем, подоконники стерты. Пол из каменных плит сильно потрескался. Реставрация сооружения была начата с восстановления фасадов, были заполнены все утраты в декоре и заменены разрушенные блоки [7, л. 7].

23 сентября 1961 г. было составлено «Заключение комиссии по рассмотрению проектных предложений и выполненных ремонтно-реставрационных работ». Выделим несколько пунктов этого заключения:

По Залу Суда и Совета было признано правильным предложенное и выполняемое дублирование наиболее сохранившихся кусков падуги с изготовлением новых холстов на участках, где холст и роспись пришли в полную негодность. Со стен зала рекомендовано было снять весь набел для выявления степени сохранности выявленных зондажами росписей.

В Фонтанном дворике планировалось тонировать места, где утрачена роспись, участки стен не имеющие росписи, отремонтировать и покрыть водоотталкивающим составом. Также произвести окраски деревянных плафонов, а недостающую часть восстановить.

По Золотому фонтану планировалось произвести обработку белокаменного обрамления троянкой. Ввести зеленый тон в золотую орнаментовку, согласно уточненному варианту проекта. По Порталу Алевиза рекомендована окраска каменной резьбы суриком, а фонарь навеса над порталом – в тон натурального дерева.

По Летней беседке автор проекта и руководитель реставрационных работ произвели исследование плафона с целью выявления обнаруженных росписей, приписываемых Омеру, и выяснения их связи с отделкой, выполненной Дорофеевым. При восстановлении росписей Омера, было рекомендовано применение темперных красок, а реставрацию выполнить методом ретуши и тонировки.

В дополнение к «Заключению» были составлены «Проектные предложения» по каждому помещению Главного корпуса. Приведем некоторые из них.

Проектные предложения по Залу Совета и Суда:

1. Все плоскости стен, лишенные росписи, в местах, где штукатурка отстала, отштукатурить заново и отделать нейтральным тоном.

2. Сохранившуюся и очищенную от набела роспись укрепить и ретушировать значительные места утраты.

3. Восстановить роспись Ханского тайника.

Проектные предложения по Посольскому залу:

1. Штукатурку, на которой сохранилась роспись, представляющая ценность, сохранить.

2. Места повреждений оштукатурить заново и окрасить в общий тон, соответствующий тону отделки под мрамор восточной стены.

3. Живопись в филенках «галереи» зала укрепить и ретушировать места утрат. Работы по раскрытию живописи в остальных филенках отнести ко второй очереди.

Проектные предложения по Кофейной комнате:

1. Заделать оконный проем в стене, смежной с Посольским залом.

2. Расчистить от трафаретной росписи камин с восстановлением ее первоначального вида.

3. Расчистить от верхнего слоя масляной окраски дверные полотна и восстановить на них методом ретуши раннюю роспись.

4. Реставрировать витражи.

5. Произвести ремонт штукатурки стен, сохранив существующую окраску.

6. Промыть позолоту на плафоне и восстановить методом дополнения окраску центральной розетки.

Проектные предложения по Золотому кабинету:

Учитывая хорошую сохранность росписи «потемкинского времени», представляющий собой один из этапов истории отделки дворца, предусматривается сохранить эту отделку, восстановив места утрат.

Проектные предложения по Жилому комплексу:

По жилому комплексу предусмотрена смета всех пришедших в негодность конструктивных элементов и ремонтные работы внутри отдельных помещений. Вновь покрасить стены проходных комнат и анфилады жилого комплекса. Плафон первой проходной комнаты, находящейся в аварийном состоянии, отре-

монтировать с восстановлением первоначальной окраски. Живопись на дверных филенках и шкафах укрепить и промыть. Роспись камина второй проходной комнаты сохранить.

Проектные предложения по Малой мечети:

1. Выявить расчистками наличие росписи в куполе.

2. Обнаруженную зондажами орнаментальную роспись укрепить и тонировать места утрат.

3. Укрепить штукатурку стен и купола в местах повреждений.

4. Первоначальное оформление стен под мрамор оформить большими зондажами, а остальную поверхность гладко окрасить в общем тоне сохранившейся отделки.

5. Восстановить разрушенный витраж.

6. Окрасить двери и ставни в первоначальный цвет.

Проектные предложения по Гарему:

1. Сменить прогнившие конструкции крыши.

2. На террасе укрепить штукатурку.

3. Все дверные элементы фасадов окрасить масляной краской.

4. В третьей комнате исследовать роспись и дать предложения по ее консервации.

5. Местами открыть малыми зондажами первоначальную роспись [8, л. 22–37].

Подводя итог проектным предложениям, хотелось бы отметить, что из вышеперечисленного было выполнено. В результате ремонтно-реставрационных работ 1960–1962 гг. во дворце была снята многоцветная роспись XVIII в. для восстановления росписи XVI в. После снятия позднейших наслоений на древней левкасированной штукатурке были обнаружены граффити, изображающие всадников на лошади и лодки с парусами. Очевидно, рисунки относятся к первоначальному периоду Ханского дворца. Если до сих пор было известно, что автором декоративного убранства Летней беседки и Золотого кабинета является Омер, то после исследований и тщательных расчисток удалось установить, что он также украсил купол Малой дворцовой мечети, расписал арочные перекрытия Фонтанного дворика и украсил Посольский зал излюбленным мотивом, т.н. «скорпионами». Этот зал архитектонично очень сложный и его убранство должно было оправдывать

назначение. Стены были покрыты левкасом, которым придана фактура мрамора. Два алькова отделяются двумя колоннами, соединенными арками. На этих арках могут быть самые изысканные декоративные росписи Омера, написанные в серо-серебристом тоне. Их мотив – «стилизованный скорпион» – повторяет рельеф Золотого кабинета. Эту же форму, только богаче и разнообразней, Омер воплощает в витражах ханской ложи мечети Хан-Джами. Его излюбленный прием – объединять большие пространства или выделять особенно ценные живописные акценты широкой рамкой, расчлененной узкими полосками, которые сгущаются к центру или от центра. Иногда этих полосок пять, иногда семь. Зачастую это вариации красных оттенков или фиолетово-розовых, реже соединение розовых и сине-голубых [10, л.14].

Помимо этого в Зале Совета и Суда было закончено восстановление плафона, стены очищены от набелов и отделаны под слоновую кость. Также были реставрированы росписи на панелях тайника, расчищен деревянный резной портал, очищены и отремонтированы витражи и дверь в Бассейный сад. Были оштукатурены и побелены стены. В Фонтанном дворике окрашены потолки, перестелен пол, стены дворика и лестница отделаны левкасом под слоновую кость. Под полом дворика была проложена водопроводная труба. В здании Малой мечети была укреплена роспись стен. Восстановлена роспись плафона в Летней беседке, серебряные детали были вновь покрыты сусальным серебром. Деревянные колонны в «Ханской канцелярии» были покрыты специальным раствором для сохранения фактуры дерева, был восстановлен фриз. Были заделаны трещины и отремонтированы витражи в Золотом кабинете и Кофейной комнате, восстановлена отделка стен под серый мрамор в Посольском зале. Также отреставрирована и окрашена каменная резьба Портала Алевиза, надпись вновь позолочена. В дюрбе Диляры Бикеч были установлены металлические решетки в оконных проемах [5, л. 1–6].

По смете 1962 г. на аварийные объекты – Соколиная башня и Ханская мечеть выделили 9175 рублей. Согласно смете за 1963 г. на ремонт свитского корпуса было выделено 29947 рублей [6, л. 13]. Спектр выполненных работ был следующим:

1. перекрыта крыша главного корпуса дворца;
2. закончен ремонт стен Фонтанного дворика;

3. отреставрирована живопись Зала совета и Суда, изготовлены и установлены деревянные резные части плафона;

4. исследована и восстановлена живопись Малой мечети, стены укреплены цементным раствором;

5. произведен ремонт стен гарема, восстановлена резьба Китайских свесов и беседки;

6. изготовлен резной потолок в бывшей «ханской канцелярии»;

7. восстановлены разрушенные памятники на могилах ханского кладбища [3, л. 7].

В отношении Ханской мечети в 1960–1964 гг. были заменены потерявшие прочность деревянные конструкции крыши. Северный фасад полностью освобожден от позднейших штукатурок и побелок, на нем раскрыты ранние росписи портала и оконных наличников. Дополнены росписи и на западном портале [9, л. 36].

Несмотря на проведенные ремонтно-реставрационные работы и израсходованные средства, основные работы, намеченные Киевскими мастерскими, не были выполнены. По преимуществу ни один объект не был готов для проведения экскурсий, а второй этаж по-прежнему пустовал. Ремонт Соколиной башни не был закончен, не было проведено металлическое крепление внутри аварийного минарета. В течение трех лет Киевские мастерские проектировали и изготавливали голову льва к «Золотому» фонтану, но она была украдена и больше не восстанавливалась. В связи с нехваткой средств, мощение двора музея каменными плитами также не было закончено [4, л. 6].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что это была первая научная реставрация архитектурного комплекса Ханского дворца, в ходе которой были открыты новые данные об архитектуре и живописи дворца. Например, ранняя роспись стен Зала Совета и Суда в виде виноградных гроздьев и тайника с растительным орнаментом относится к XVI в. Также было установлено, что в центре зала находился мраморный фонтан, к которому тянулась линия водопровода из свинцовых труб. Мраморный фонтан в летней беседке турецкой работы неизвестного скульптора был датирован XVIII в. Многие объекты Ханского дворца, и, главным образом, многочисленные росписи Омера не были известны исследователям восточного искусства уже начиная с XIX в. Тогда сло-

жилось мнение, что они погибли. Некоторые дошли в искаженном виде, как плафон Зала Совета и Суда, переделанный и переписанный во второй половине XIX в., некоторые сохранились во всем блеске своей чарующей красоты, как росписи в Летней беседке, Посольском зале, Фонтанном дворике и Малой мечети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпашкина О.Н.* Архивы рассказывают // Крымские известия. Симферополь, 2007. 10 июня. 11 с.

2. Государственный Архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р–4281 Бахчисарайский историко-археологический музей, оп. 1, д. 12. Смета расходов на восстановление каменного фонтана и Бахчисарайского Дворца-Музея (с приложениями), 34 л.

3. ГАРК. Ф. Р–4281, оп. 1, д. 44. Справка о работе музея за 1962 г., 6 л.

4. ГАРК. Ф. Р–4281, оп. 1, д. 60. Доклад на тему «Бахчисарайскому музею 50 лет», 4 л.

5. ГАРК. Ф. Р–3319 Управления культуры, оп. 1, д. 531. Годовые планы работы и отчеты о работе Бахчисарайского историко-археологического музея и Евпаторийского краеведческого музеев за 1960 г., 37 л.

6. ГАРК. Ф. Р–3319, оп. 1, д. 559. Материалы по реставрации Бахчисарайского историко-археологического музея на 1961 г., 69 л.

7. Научный архив Бахчисарайского историко-культурного заповедника (БИКЗ). Ф. 3 Архитектурно-реставрационный, оп. 1, д. 1. Проект реставрационно-строительных работ памятника архитектуры XVIII в. дюрбе Диляры-Бикеч в Бахчисарае, 1961 г., 25 л.

8. Научный архив БИКЗ. Ф. 3, оп. 1, д. 2. Материалы к проектным предложениям по реставрации главного корпуса бывшего ханского дворца в Бахчисарае, 1962 г., 66 л.

9. Научный архив БИКЗ. Ф. 3, оп. 1, д. 5. Памятник архитектуры XVI–XIX вв. Дворцовый комплекс в Бахчисарае. Ханская мечеть. Комплексные научные изыскания. Киев, 1989. 56 л.

10.Научный архив БИКЗ. Ф. 11 Личный фонд Н.А. Богдановой, оп. 1. Д. 12. Богданова Н.А. История постройки ремонтов и реставраций бывшего Ханского дворца в Бахчисарае, 1964 г., 46 л.

Сведения об авторе: Эльвиз Эдемович Османов – преподаватель кафедры истории РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, пер. Учебный 8, Симферополь, Крым).

Restoration work in the complex of buildings of Khan's Palace in 1960–1964 years

Elviz Osmanov
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: In this article, research and restoration works in the architectural complex of Khan's Palace, conducted in 1960–1964 by Kiev National Research restoration workshops of the USSR State Construction Committee are characterized and analyzed . Before restoration has been done much research work: all documentary material viewed past repairs and restorations, a detailed measurement of all premises, photo fixing pits and feelers in some parts of the building. Architect E.I. Lopushinskaya supervised the work and was the author of the project; restoration of paintings was directed by art historian V.A. Ovseychuk. This is the first scientific restoration of the complex of buildings Khan Saray, which aimed to identify and consolidate the old elements in architecture and painting, which can still be found, without destroying the subsequent layers in order to be able to follow all the stages of repair and restoration of Khan's Palace. Status of individual premises of the main building of the palace was different: some of them were in a satisfactory condition; the others demanded the restoration or replacement. The palace was removed off multicolor painting of the eighteenth century to restore the painting of the sixteenth century, as a result of repair and restoration works of 1960–1962. Early paintings on the walls of the Hall of the Council and the Court in the form of grapes and a cache of floral ornament refers to the sixteenth century. It was also found that in the center of the hall there was a marble fountain, which ran plumbing line from lead pipes. Marble fountain in the Summer Arbour dated to the eighteenth century. This restoration works discovered paintings on the ceilings of Summer Arbour and Smaller Palace Mosque brushed by Iranian master Omer, and also fragments of paintings on the walls of the Golden Hall and of the Ambassador House.

Keywords: Museum of Bakhchisarai, the study of historical monuments, the state of architecture, restoration, project proposals, wall murals.

REFERENCES

1. Alpashkina O.N. Arkhivy rasskazyvayut [Archives tell]. *Krymskie izvestiya* [Crimean news], 2007, no. 10.

2. Gosudarstvennyy Arkhiv Respubliki Krym (GARK). F. R–4281 Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy muzey, op. 1, d. 12. *Smeta raskhodov na vosstanovlenie kamennogo fontana i Bakhchisarayskogo Dvortsa-Muzeya (s prilozheniyami)* [Estimated cost of restoration stone fountain and Bakhchisaray Palace Museum (with attachments)], 1944. 34 p.

3. GARK. F. R–4281, op. 1, d. 44. *Spravka o rabote muzeya za 1962 g.* [History of the museum in 1962], 1962. 6 p.

4. GARK. F. R–4281, op. 1, d. 60. *Doklad na temu «Bakhchisarayskomu muzeyu 50 let»* [Report on «Bakhchisarai museum 50 years»], 1967. 4 p.

5. GARK. F. R–3319 Upravleniya kul'tury, op. 1, d. 531. *Godovye plany raboty i otchety o rabote Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeev za 1960 g.* [Annual work plans and reports from Bakhchisaray historical and archaeological museum and local history museums Evpatorian for 1960], 1960. 37 p.

6. GARK. F. R–3319, op. 1, d. 559. *Materialy po restavratsii Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya na 1961 g.* [Materials for the restoration of Bakhchisaray historical and archaeological museum on 1961], 1961. 69 p.

7. Nauchnyy arkhiv Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika (BIKZ). F. 3 Arkhitekturno-restavratsionnyy, op. 1, d. 1. *Proekt restavratsionno-stroitel'nykh rabot pamyatnika arkhitektury XVIII v. dyurbe Dilyary-Bikech v Bakhchisaray* [The project of restoration and construction works of the monument of architecture of XVIII century dyurbe Dilara Bikech in Bakhchisarai], 1961., 25 p.

8. Nauchnyy arkhiv BIKZ. F. 3, op. 1, d. 2. *Materialy k proektnym predlozheniyam po restavratsii glavnogo korpusa byvshego khanskogo dvortsa v Bakhchisarae* [Materials for the project proposals for the restoration of the main building of the former Khan's Palace in Bakhchisaray], 1962. 66 p.

9. Nauchnyy arkhiv BIKZ. F. 3, op. 1, d. 5. *Pamyatnik arkhitektury XVI–XIX vv. Dvortsovyy kompleks v Bakhchisarae. Khanskaya mechet'. Kompleksnye nauchnye izyskaniya* [Architectural monument XVI–XIX centuries. The palace complex in Bakhchisarai. Khan mosque. Complex scientific research]. Kiev, Science, 1989. 56 p.

10. Nauchnyy arkhiv BIKZ. F. 11 Lichnyy fond N.A. Bogdanovoy, op. 1, d. 12. Bogdanova N.A. *Istoriya postroyki remontov i restavratsiy*

byvshego Khanskogo dvortsa v Bakhchisarae [History of construction repair and restoration of the former Khan's Palace in Bakhchisaray], 1964. 46 p.

About the author: Elviz Edemovich Osmanov – lecturer of the Chair of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea).

УДК 902(045)"653"(398)(=1.3)

Сельджукские мотивы в орнаменте Бахчисарайских дюрбе

Эмиль Сейдалиев
(Крымский филиал Института Археологии)
Джемиле Халилова
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать присутствие сельджукского стиля в орнаментации средневековых мусульманских мавзолеев Бахчисарая. На базе опубликованных материалов археологических исследований разных лет, а так же работ искусствоведческого характера авторы поднимают одну из важных проблем формирования и развития архитектурных и стилистических традиций материальной культуры крымских народов периода средневековья. Как один из основных исторических и культурных центров формирования крымскотатарской культуры, г. Бахчисарай сохранил в себе черты оригинальной и самобытной местной традиции, на которую в разные времена влияли культурные традиции других народов населявших Крым. Искусство исламских памятников средневекового Крыма – это, среди всего прочего, их богатое декоративное оформление, выполненное в соответствии с суровыми догматами мусульманской традиции, запрещающей изображение живых существ. Как следствие, основную роль в украшении предметов быта и архитектуры играет орнамент, насыщенный различного рода геометрическими и растительными фигурами. Эти орнаменты во всем разнообразии представлены на мусульманских дюрбе Бахчисарая. В основе своей декорирование этих культовых сооружений складывалось под влиянием сельджукского стиля, пришедшего в Крым из Конии, и посредством архитектурных памятников Солхата распространился и на территорию Бахчисарая и остальные районы полуострова. Среди орнаментальных решений сельджукского стиля, присущих бахчисарайским мавзолеям, следует отметить различные варианты «сельджукской цепи», многократно повторяющихся «сельджукских узлов», различного рода «розетки» и растительные орнаменты, высеченные в камне. Следует упомянуть популярный в сельджукском искусстве мотив двудольного листа и растительная орнаментика в

виде мелких, вьющихся стеблей с ответвлениями, бутонами цветов и с мелкими растительными разводами, так же встречающиеся на бахчисарайских дюрбе. Таким образом наложение сельджукского стиля и исламских изобразительных особенностей на местные крымские устои архитектурной орнаментики позволяет говорить о зарождении и формировании особой средневековой крымскотатарской архитектурной традиции, которая в последствии испытала серьезное влияние османского искусства.

Ключевые слова: сельджуки, Малая Азия, Крым, Солхат, Бахчисарай, дюрбе, мавзолей, орнамент.

В условиях возрастающего интереса к средневековым памятникам Крыма, все более актуальным становится вопрос происхождения, формирования и в целом истории развития материальной и духовной культуры крымских татар. Одним из ключевых аспектов данной проблематики является изучение архитектурных памятников средневекового Крыма и выявление среди них объектов, наиболее ярко характеризующих процессы появления и формирования крымскотатарской архитектуры. Немаловажную роль играют при этом как археологические исследования, так и анализ стилистического оформления памятников крымскотатарской архитектуры. Наибольший интерес в этом плане, как нам кажется, представляет Бахчисарай, как столица Крымского ханства, сохранивший до наших дней большинство памятников археологии и архитектуры крымских татар. Именно тут с момента переноса столицы из Солхата происходят основные процессы, связанные с формированием особого стиля, присущего крымскотатарской архитектурной и декоративной традиции. Вопросами возникновения и формирования материальной культуры крымских татар в общем и отдельными аспектами этой культуры занимались различные исследователи, отмечая взаимное влияние местных традиций и привнесенных извне [3, с. 122, 131; 4, с. 195; 7, с. 25; 10, с. 115]. Дюрбе являются группой памятников Бахчисарая, хорошо сохранившихся до наших дней и несущих на себе образцы декоративного оформления, ввиду этого мы остановимся именно на них. История археологических исследований мавзолеев Бахчисарая достаточно развернуто представлена в статье

В.П. Кирилко и дополнена материалами, опубликованными Н.А. Гаврилюк и А.М. Ибрагимовой [11; 8].

Искусство исламских памятников средневекового Крыма это, среди всего прочего, их богатое декоративное оформление, выполненное в соответствии с суровыми догматами мусульманской традиции, запрещающей изображение живых существ. Как следствие, основную роль в украшении предметов быта и архитектуры играет орнамент, насыщенный различного рода геометрическими и растительными фигурами.

С вхождением тюрок в исламское культурное пространство произошло наложение друг на друга двух культурных традиций: арабской и кочевой тюркской, на формирование которых, в свою очередь, оказало влияние искусство Ирана и Византии. Именно на территории этих двух государств в XI–XIII вв. возникает и развивается государство тюрок-сельджуков. Именно в нем получил свое развитие особый вид архитектурного и декоративно-прикладного искусства, получивший название «сельджукский стиль». Свое распространение он получил в Малой Азии, Иране, Закавказье, а также, по мнению большинства специалистов, в ряде памятников крымскотатарского зодчества времен становления Крымского ханства [3, с. 122, 131; 4, с. 195; 7, с. 25].

На сложение декоративного убранства крымских дюрбе повлиял локальный вариант сельджукского стиля: изобразительное искусство Конийского султаната [4, с. 195; 16]. В частности, составляющими художественного образа крымских дюрбе стали легко узнаваемые конийские орнаментальные мотивы, такие как, «сельджукская цепь», разнообразные узлы и плетенки, «розетки» и др.

Наиболее часто встречаемым декоративным элементом в оформлении архитектуры бахчисарайских мавзолеев является мотив т.н. «сельджукской цепи» – один из наиболее узнаваемых признаков «сельджукского стиля» [13]. В архитектурных сооружениях Крыма в целом и бахчисарайских дюрбе в частности мотив «сельджукской цепи» окаймлял проемы порталов и оконных наличников [1, с. 159]. Е.А. Айбабина считает, что одно из самых поздних датированных строений, декорированное «сельджукской цепью» является дюрбе Хаджи-Гирея, построенное в 1501 г. [1, с. 162; 17, с. 141]. Как справедливо отметил

Б.Н. Засыпкин, «нося некоторые черты сельджкуского типа, в общем и целом дюрбе находится уже под влиянием османского искусства и веяний ренессанса...» [10, с. 127], вероятно, поэтому на более поздних культовых памятниках сельджукские мотивы либо не встречаются, либо не столь явны. «Цепь», как обрамление орнаментом в виде сплетенных жгутов, можно наблюдать и в оформлении портала дюрбе Джаныке-Ханым в Чуфут-Кале. В обоих случаях данный вид декорирования выступает в плотной взаимосвязи с общей архитектоникой айвана – портала вместе со сводчатым входом в мавзолей. Отметим также, что в украшении фасада дюрбе Хаджи-Гирея цепь использована без сопровождающего растительного орнамента [1, с. 160].

Для самовыражения художника в исламском мире орнамент играл важную роль, поэтому орнаментация несет на себе не только декоративную, но и смысловую нагрузку. Рассматривая конкретно мотив «сельджукской цепи», как орнамента, можно отметить следующее: плетение представляет собой один из древнейших видов технологической деятельности человека. Реально существовавшее ремесло плетения отразилось уже в самых древних памятниках искусства: фигуры ассирийских воинов на каменных рельефах одеты в костюмы, украшенные плетеной бахромой; на оттиске печати второй половины III тыс. до н.э., найденном в Греции, изображена композиция из двух переплетенных полуузлов; на коптских тканях IV–V вв. н.э. вытканы крестчатые плетеные композиции – предшественницы узоров искусства христианского мира X–XII вв. и др. Мир плетеных вещей заполнял воображение человека в X–XV вв. настолько, что это выплеснулось в богатейшую орнаментику. Всеобщностью, доступностью, всезнаемостью приемов и объясняется та легкость, с которой сложнейшие геометрические «хитросплетения» одинаково воплощались и каменщиками, и литейщиками, и резчиками по дереву и кости, и художниками книг» [9]. Отличительная особенность стилистики орнамента «сельджукской цепи» в обрамлении порталов бахчисарайских дюрбе – это наличие двух идущих параллельных прямых, образующих за счет перекрещивания между собой пять звеньев «крест накрест» и два кольцевых звена в оформлении входа в мавзолей Хаджи-Гирея. У основания «цепи» с обоих ее концов

мы видим два своеобразных узла. Этот орнаментальный мотив получил большое распространение в исламском мире и имеет благожелательный смысл, как «узел счастья», «узел долгой жизни» и т.д. [5]. Он может использоваться, как самостоятельно, так и в роли стилеобразующего принципа, как в обрамлении порталов вышеназванных дюрбе, где с помощью него происходит преобразование абстрактного декора «сельджукской цепи» в растительный орнамент, представленный стилизованным трилистником. Ближайшую аналогию подобного рода мы найдем в оформлении большой мангупской базилики, а именно наличника южного входа базилики [12, с. 272].

Среди других орнаментальных мотивов, присутствующих в декоре бахчисарайских мавзолеев, стоит отметить вырезанное на стене Эски-Дюрбе изображение «розетки», внутри которой помещена гексаграмма или шестиконечная звезда. Этот знак часто встречается в средневековом исламском искусстве, как «печать Сулеймана», т.е. библейского царя Соломона. Гексаграмма была изображена на флаге тюркского государства Караманидов (1250–1487) в Малой Азии. В семитскую символику он пришел из Индии, где был известен, как Анахата, или Анахата-чакра, и использовался там задолго до того, как появился в Передней Азии. В Вавилоне его отождествляли с богиней Иштар – вавилонской богиней плодородия. Наиболее раннее бесспорное изображение гексаграммы было обнаружено на Ближнем Востоке на еврейской печати VII в. до н.э. В средние века шестиконечная звезда как символ широко использовалась также и в христианской Европе. В европейских церквях того времени она часто встречается как фрагмент орнамента, и лишь к началу эпохи Нового времени этот символ начинают прочно ассоциировать с иудаизмом. В контексте бахчисарайских памятников можно отметить сочетание подобных розеток, составленных из шестиконечных звезд с «сельджукской цепью» и «сельджукскими узлами» на надгробиях из Эски-Юрта [2, с. 299]. Справедливости ради следует отметить, что ни Б.Н. Засыпкин, ни У.А. Боданинский, исследуя Эски-Дюрбе, не смогли подобрать ему близких аналогий, а вопрос датировки дюрбе еще остается открытым и дискуссионным.

Отдельную тему в рассмотрении декоративного оформления бахчисарайских дюрбе представляет резной орнамент боковых ниш их порталов. Здесь мы встречаем характерный для «сельджукского стиля» мотив двудольного листа, изобретенного сельджуками и потом используемый часто и широко. Это рисунок плоского листа, как правило, состоящего из двух долей. Иногда между ними изображалась третья доля. В любом случае одна из боковых долей неизменно бывает вытянутой и слегка заостренной. К данному мотиву прибегали при создании виньеток, бордюров, окантовке сложных композиций и орнаментальных концевых украшений. Сельджуки могли вычерчивать самые сложные рисунки от руки, вплетая каждый находившийся в их арсенале элемент в замысловатые повторяющиеся орнаменты. Они создавали их без помощи каких-либо математических инструментов, в итоге часто получая асимметричные узоры [14, с. 176], что подтверждается так же и археологическими находками различных архитектурных деталей с резьбой [13, с. 214, рис. 55]. Растительная орнаментика в виде мелких, вьющихся стеблей с ответвлениями, бутонами цветов и с мелкими растительными разводами покрывает поверхность ниши портала дюрбе Хаджи-Гирея. Перед тем, как коснуться сюжета резьбы, следует обратить внимание на некоторые детали. В искусстве ислама четко различаются два варианта в развитии орнамента: «гирих» и «ислими». Первый переводится с персидского как «узел», представляет собой сложный геометрический орнамент, составленный из стилизованных в прямоугольные и полигональные фигуры линий. «Ислими» – это вид декора, построенного на соединении вьюнка и спирали. Воплощает в стилизованной или натуралистической форме идею непрерывно развивающегося цветущего лиственного побега и включает в себя бесконечное разнообразие вариантов [15].

Таким образом, орнаментальное оформление боковых ниш айванов в вышеуказанных дюрбе, полностью подходит под флористический тип исламского искусства. Здесь мы встречаемся с одной из характерных черт в характеристике данного вида орнамента, составляющие сложные переплетения, фактически исключающие фон, так как один узор вписывается в другой, закрывая поверхность по принципу «боязнь пустоты». Растительный

декор покрывает полностью всю поверхность ниши причудливыми узорами переплетающихся стеблей. Само происхождение орнамента «ислими» – это переработка антично-византийского мотива аканфа, превратившегося в изящные завитки, распространяющиеся по всей поверхности с крохотными цветами и закрученными листами [5, с. 147]. Диапазон мотивов орнамента колеблется от хорошо узнаваемых элементов, заимствованных из антично-византийского искусства: пальметт и других цветочных стилизованных мотивов. Выше говорилось о запрете исламской религии на изображение живых существ, поэтому художник в поиске прибежища для развития орнаментальных идей зачастую выбирал архитектурный декор, где старался отразить каноны, существующие в единой плоскостной системе, в которой имеет место пересечение множества внутренних связей окружавшего его мира [6].

Таким образом наложение сельджукского стиля, исламских изобразительных традиций на местные крымские особенности архитектурной орнаментики позволяет говорить о зарождении и формировании особой средневековой крымскотатарской архитектурной традиции, которая в последствии испытала серьезное влияние османского стиля. При этом следует согласиться с А.А. Шарабиджановой, которая, проведя сравнительный анализ мавзолеев Крыма с памятниками Средней и Малой Азии, выполненными в сельджукском стиле, сделала вывод, что в Крыму складывается совершенно иная «портально-купольная композиция мавзолея» [16]. В то же время декоративное оформление бахчисарайских дюрбе XV–XVI вв. оказалось под прямым влиянием сельдужкского стиля, выраженного, в основном, в использовании орнамента «сельджукской цепи», многократно повторяющегося «сельджукского узла» и т.д. Истоки же этих орнаментальных традиций в декоре бахчисарайских дюрбе находятся в первой столице Крымского ханства – Солхате, куда они были принесены строителями из Анатолии, выполнявшими работы по сооружению медресе Инджибек-хатун [13, с. 214].

К сожалению, формат данной публикации не позволяет достаточно полно раскрыть поставленные задачи по изучению средневековых архитектурных традиций Крымского ханства, в той же мере, как и определенная в статье тематика, хроно-

логические рамки, а так же недостаток фактического материала под теме исследования, которая требует комплексного подхода в изучении. Тем не менее, хотелось бы отметить, что сельджукский стиль играл ключевую роль в оформлении бахчисарайских дюрбе и отдельные его элементы впоследствии нашли отражения в орнаментике архитектуры и декоративно-прикладного искусства крымских татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Изд-во «Сонат», 2001. 296 с.

2. *Башкиров А.С.* Боданинский У.А. Памятники Крымско-татарской старины: Эски Юрт // Новый Восток, 1925. № 8/9. С. 291–311.

3. *Башкиров А.С.* Художественные памятники Солхата // Крым. Журнал общественно-научный и экскурсионный. М.-Л., 1927. № 1(3). С. 113–168.

4. *Боданинский У.* Татарские мавзолеи «дурбе» в Крыму. ИТОИАЭ. Т. 1 (58). Симферополь, 1927. С. 195–201.

5. *Буткевич Л.М.* История орнамента. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.ru/read/butkevich_lyubov/istoriya_ornamenta_uchebnoe_posobie.html#0

6. *Валеев Ф.Х.* Татарский народный орнамент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tataroved.ru/publication/art/5/

7. *Гаврилюк Н.А. Тимченко Н.П.* Ранние культовые памятники столицы Крымского ханства. V научные чтения памяти У. Боданинского: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г.). Симферополь: Антиква, 2013. С. 25.

8. *Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М.* Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев-Запорожье: Дикое поле, 2010. 176 с.

9. *Елкина А.К.* Исторические и теоретические принципы построения плетеного орнамента // Художественное наследие, 1983. № 8 (38). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://art-con.ru/node/2982

10. *Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. Журнал общественно-научный и экскурсионный. М.-Л., 1927. С.113–168.

11. *Кирилко В.П.* Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum plus. № 6. Кишинев-Санкт-Петербург, 2005–2009. С. 439–466.

12. *Кирилко В.П.* Южный вход большой Мангупской базилики // Античная древность и средние века. Вып. 36: Материалы XII Международных научных Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2005. С. 260–272.

13. *Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. Спб.: Евразия, 2012. 496 с.

14. *Райс Т.Т.* Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 239 с.

15. *Расине О.* Орнамент всех времен и стилей. Т. 1. Античное искусство, искусство Азии и Средних веков. М.: Арт-Родник, 2004. 267 с.

16. *Шарибжанова А.А.* Влияние сельджукского стиля на исламскую архитектуру Крыма XV–XVI веков. Харьков, 2009. С. 157–162. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://artislam.org.ua/iskusstvo-islama/vliyanie-seldzhukskogo-stilya-na-islamskuyu-arxitekturu-kryma-xv-xvi-vekov.html

17.*Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.-Л.: Наука, 1964. 232 с.

Сведения об авторах: Эмиль Исаевич Сейдалиев – кандидат исторических наук, научный сотрудник средневекового отдела Крымского филиала Института Археологии (95007, проспект Вернадского, 2, Симферополь, Крым); codexcummanicus@gmail.com

Джемиле Эльвировна Халилова – студентка 4 курса историко-филологического факультета РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым).

Seljuk Motives in Ornamentation of Bakhchisarai Turbe

Emil Seydaliev
(Crimean branch of the Institute of Archaeology)
Dzhemile Khalilova
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The attempt to analyze the presence of Seljuk style in ornamentation of medieval Muslim mausoleums of Bakhchisarai has been made in the article. The authors opens the nature of one of the important problems of formation and development of architectural and stylistic traditions of mate-

rial culture of the peoples of the Crimea in the medieval period on the basis of published materials of archaeological research in different years, as well as works in art history. Being one of the major historical and cultural centers of formation of the Crimean Tatar culture, Bakhchisarai retained the features of the original and unique local tradition, which at different times was influenced by cultural traditions of other peoples inhabiting the Crimea. Art of Islamic monuments of medieval Crimea is, among other things, their rich decorations, made in accordance with the severe tenets of Muslim tradition, which forbids images of living beings. As a consequence, the main role in decorating objects of everyday use and architecture is played by ornament, rich in various kinds of geometric and floral shapes. These ornaments are presented in all their diversity in Muslim turbe of Bakhchisarai. Basically decorating of these memorial places was influenced by the Seljuk style, which had come to the Crimea from Konya, and through architectural monuments of Solkhat was spread on the territory of Bakhchisarai and other areas of the peninsula. Among the ornamental solutions of the Seljuk style specific to Bakhchisarai mausoleums, various kinds of «Seljuk chain», repetitive «Seljuk nodes» various «rosettes» and floral designs carved in stone are worth to note. It is necessary to mention popular in Seljuk art motif of bipartite leaf and plant ornaments in the form of small, twining stems with branches, flowers and small plant stains, which are also present on Bakhchisarai turbe. Thus the imposition of the Seljuk style and Islamic visual features to the local Crimean foundations of architectural ornamentation allows talking about the origin and formation of special medieval architectural Crimean Tatar tradition which later experienced a strong influence of Ottoman art.

Keywords: Seljuks, Asia Minor, Crimea, Solkhat, Bakhchisarai, Turbe (Muslim tomb), mausoleum, ornament.

REFERENCES

1. Aybabina E.A. *Dekorativnaya kamennaya rez'ba Kaffy XIV–XVIII vv.* [Decorative stone carving of Kaffa XIV–XVIII centuries]. Simferopol, Sonat Publ., 2001. 296 p.

2. Bashkirov A.S., Bodaninskiy U.A. Pamyatniki Krymskotatarskoy stariny: Eski Yurt [Crimean Tatar monuments of antiquity: Eski Yurt]. *Novyy Vostok* [New Orient], 1925, no. 8/9, pp. 291–311.

3. Bashkirov A.S. Khudozhestvennye pamyatniki Solkhata [Artistic monuments Solkhat]. *Krym. Zhurnal obshchestvenno-nauchnyy i ekskursionnyy* [Crimea. Journal of socio-scientific and sightseeing]. Moscow-Leningrad, 1927, no. 1(3), pp.113–168.

4. Bodaninskiy U. Tatarskie mavzolei «durbe» v Krymu [Tatar mausoleums «dyurbe» in Crimea]. *ITOIAE* [Proceedings Tauride society history, archeology and ethnography]. Vol. 1 (58). Simferopol, 1927, pp. 195–201.

5. Butkevich L. M. Istoriya ornamenta [History of ornament]. Available at: http://royallib.ru/read/butkevich_lyubov/istoriya_ornamenta_uchebnoe_posobie.html#0

6. Valeev F.Kh. Tatarskiy narodnyy ornament [Tatar folk ornament]. Available at: http://www.tataroved.ru/publication/art/5/

7. Gavrilyuk N.A., Timchenok N.P. Rannie kul'tovye pamyatniki stolitsy Krymskogo khanstva [Early religious monuments of the capital of the Crimean Khanate]. *5 nauchnye chteniya pamyati U. Bodaninskogo: tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Bakhchisaray, 23–27 oktyabrya 2013 g.) [V Scientific Readings in the Memory of Usein Bodaninskiy]. Simferopol, Antikva, 2013. P. 25.

8. Gavrilyuk N.A., Ibragimova A.M. *Tyurbe khana Khadzhi Geraya (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 2003–2008 gg.)* [Tomb of Haji Giray Khan (based on archaeological research in 2003–2008)]. Kiev-Zaporozh'e, Dikoe pole, 2010. 176 p.

9. Elkina A.K. Istoricheskie i teoreticheskie printsipy postroeniya pletenogo ornamenta [Historical and theoretical principles of woven ornament]. *Khudozhestvennoe nasledie* [The Heritage of Art], 8(38). 1983. Available at: http://art-con.ru/node/2982

10. Zasypkin B.N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Architectural monuments of the Crimean Tatars]. *Krym. Zhurnal obshchestvenno-nauchnyy i ekskursionnyy* [Crimea. Journal of socio-scientific and sightseeing]. Moscow-Leningrad, 1927, pp.113–168.

11. Kirilko V.P. Arkheologicheskoe issledovanie musul'manskikh mavzoleev-dyurbe Bakhchisaraya [Archaeological research of Muslim mausoleum-dyurbe in Bakhchisarai]. *Stratum plus*. Kishinev-Sankt-Peterburg, 2005–2009, no 6, pp. 439–466.

12. Kirilko V.P. Yuzhnyy vkhod bol'shoy Mangupskoy baziliki [South entrance of the basilica big Mangup]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Vypusk 36: materialy XII Mezhdunarodnykh nauchnykh Syuzyumovskikh chteniy* [Ancient antiquities and the Middle Ages. Issue 36: Materials of XII International scientific Syuzyumovsky readings]**.** Ekaterinburg, 2005, pp. 260–272.

13. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya* [Man of medieval streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy]. Saint-Petersburg, Evraziya, 2012. 496 p.

14. Rays T.T. *Sel'dzhuki. Kochevniki – zavoevateli Maloy Azii* [Seljuks. Nomads – conquerors of Asia Minor]. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2004. 239 p.

15. Rasine O. *Ornament vsekh vremen i stiley. Tom 1. Antichnoe iskusstvo, iskusstvo Azii i Srednikh vekov* [Ornament of all ages and styles. Vol. 1. Ancient Art, Art Asia and the Middle Ages]. Moscow, Art-Rodnik, 2004. 267 p.

16. Sharibzhanova A.A. *Vliyanie sel'dzhukskogo stilya na islamskuyu arkhitekturu Kryma XV–XVI vekov* [Seljuk influence on Islamic architecture style Crimea XV–XVI centuries]. Kharkiv, 2009. Pp. 157–162. Available at: http://artislam.org.ua/iskusstvo-islama/vliyanie-seldzhukskogo-stilya-na-islamskuyu-arxitekturu-kryma-xv-xvi-vekov.html

17. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym. Ocherki istorii i istorii material'noy kul'tury* [Medieval Crimea. Essays on History and the History of Material Culture]. Moscow-Leningrad, Nauka, 1964. 232 p.

About the authors: Emil Isaevich Seydaliev – Cand. Sci. (History), researcher at medieval department, the Crimean branch of the Institute of Archaeology (95007, Vernadsky Avenue, 2, Simferopol, Crimea); codexcummanicus@gmail.com

Dzhemile Elvirovna Khalilova – 4th year student, the faculty of History and Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea).

УДК 721+726.2+726.8

Архитектура Крымского ханства

Нияз Халит
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

Аннотация: Крымское ханство, просуществовавшее около 350 лет, оставило заметный след в истории России и некоторое количество наземных сооружений. К моменту его возникновения (1405 г.) его многоплеменной народ уже обладал тысячелетней строительной и архитектурной традицией. В целом архитектуру Крымского ханства можно определить как самостоятельное культурное явление, возникшее на прочном фундаменте местной традиции и опиравшееся, с одной стороны, на тюрко-татарскую государственную идеологию, с другой – на высокое ремесленное мастерство населяющих его народов. Находясь в непосредственной близости и зависимости от Османской империи, она восприняла черты турецкого стиля, оставаясь, однако, при этом в основе своей вполне своеобразной и концептуально ясной отраслью государственной и народной культуры Крыма.

Наиболее населенная часть, культурное ядро государства – Крымский полуостров также замечателен разнообразием природно-географической среды (горы, предгорье, степь, морское побережье). Это, а также сложность этногенеза крымскотатарского народа и вклад иноплеменных компонентов населения Крыма предопределили разнообразие планировочных принципов инфраструктуры поселений, типологию жилых и хозяйственных построек и способов их оформления.

В архитектуру Ханского дворца в Бахчисарае заложен принцип периметральной компоновки вокруг центрального двора. Он сближает Хан-Сарай с подобным же комплексом Арка в Казани и комплексом султанского дворца Топ-Капы в Стамбуле, единовременных с ним.

Ко времени возникновения Крымского ханства на его территории сложилось два основных типа мечети: центрально-купольный и колонный, воспринятые из более ранней золотоордынской традиции, а также купольно-базиличные османского типа. После завоевания Крыма Россией развитие архитектуры здесь пошло по схеме, уже отработанной двумя столетиями ранее в Поволжье и Сибири. Лишившись государственного финансирования и государственной поддержки, мусульманская

культовая архитектура прекратила свое поступательное развитие, резко сократив масштабы, типологическое разнообразие и качество строившихся зданий. В течение 19 века на архитектуру крымскотатарских мечетей воздействовали типовые проекты, разрабатывавшиеся в Петербурге. Самым распространенным типом крымско-татарской мечети Нового времени стало 1–2 этажное каменное здание с минаретом, примыкающим к одному из фасадов. В советское время началось тотальное разрушение мечетей, медресе, кладбищ. Выселение крымскотатарского народа с его исторической Родины в феврале 1944 года подвело черту под процессом поступательного развития его архитектуры вплоть до распада СССР и образованием независимого государства Украины.

Ключевые слова: Татары, крымские татары, Крым, Золотая Орда, Крымское ханство, мечети, дюрбе, ханский дворец, архитектура.

Крымское ханство, просуществовавшее около 350 лет, оставило заметный след в истории России и некоторое количество наземных сооружений, значительное по сравнению с практически полным отсутствием таковых на обширных территориях других татарских государств Европы и Азии, но, конечно, всего лишь жалкий осколок великого прошлого своей культуры. Тем не менее, общее понятие об архитектурной культуре и региональных особенностях стиля на основе анализа этих памятников сложить можно.

Даже краткий перечень народов, вложивших свою лепту в крымскую архитектуру, впечатляет. В их числе тавры (IX–IV вв. до н.э.), скифы (IV–II вв. до н.э.), греки (V в. до н.э.), сарматы (II–I вв. до н.э.), римляне (68 г. – III в. н.э.), готы (2 пол. III – 2 треть IV вв. н.э.), гунны (375–576 гг. н.э.), булгары (кон. VI – 1 пол. XVIII вв. н.э.), хазары (2 пол. XVIII – кон. X вв. н.э.), кипчаки (X–XIII вв. н.э.), сельджуки (1 пол. XIII в.), армяне (XIII–XIV вв.), генуэзцы (XIII–XIV вв.), золотоордынские татары (сер. XIII – нач. XV вв. н.э.) и др. Все это создало предпосылки для возникновения новой государственной культуры Крымского государства XV–XVIII вв., объединенной тюркской национальной идеей и опирающейся на мощный фундамент древней местной архитектурной традиции. Итогом стало необычайно своеобразное искусство архитектуры, своеобразное даже несмотря на всеподавляющее влияние османского колосса, мощная культурная интервен-

ция которого решающим образом повлияла даже на гораздо более крепкий и чуждый арабский мир. В сохранившихся зданиях периода правления Гиреев можно видеть и свободную планировку поселений тюркского кочевого сообщества, и суровый стиль мангупского наследия, и четкую математическую гармонизацию форм архитектуры Золотой Орды, и поэтическое изящество отделки, присущее османскому мироощущению.

Исследователи отмечают удивительное многообразие форм и смешение стилей в памятниках средневекового Крыма, определяя его как эклектизм. При этом подчеркивается «*подлинное мастерство исполнения, изящество стиля*», умение «*выбрать свое направление в разнообразном водовороте веяний, оставить наисовершеннейшие образцы своих творений*». Отмечаются и некоторые западноевропейские мотивы (ренессанс и барокко), якобы никак не повлиявшие на становление современного крымскотатарского стиля и выглядящие как неорганичные авторские включения под влиянием стамбульских мод.

Мягкий теплый климат Крыма, обилие хорошего строительного камня и леса в сочетании с развитыми технологиями производства и обработки строительных материалов предопределили становление основ крымскотатарского зодчества с его легкими изящными летними жилыми помещениями, порой павильонного типа, на массивном каменном этаже, окруженных тенистыми галереями-айванами и обнесенных крепкими каменными стенами, сложными орнаментальными решетками, деревянной и каменной резьбой, цветными витражами, черепичными кровлями. Традиции тюркского быта и требования исламского законодательства сформировали сложную на европейский взгляд планировку с автономными зонами пребывания мужчин и женщин, представительскими и хозяйственными помещениями, стремлением скрыть внутренность жилища для взгляда извне.

Близость Турции, и политический союз с Портой подвигнули на создание «маленького Стамбула» в Бахчисарае, с Ханской резиденцией, воспроизводящей образ и формы султанского дворца Топ-Капы, одновременно с появлением подобной же резиденции в Казани [37, с. 118–125]. Эта тенденция усилилась с гибелью других татарских государств, когда османы остались единственным покровителем, союзником и духовно родственным народом

в политическом и военном противостоянии с русской экспансией. Уничтоженный в пожаре потемкинского погрома 1736 года Хан-Сарай восстанавливается в формах стамбульского стиля; мечети Крыма все более напоминают османские. Появляются и чисто турецкие образцы, в том числе выстроенные видными османскими зодчими: Джума-Джами в Кезлеве [13, с. 82–84], мечеть и бани в Кефе [13, с. 18–20, 85–86; 22] (мимар Синан, XVI в.).

В целом архитектуру Крымского ханства можно определить как вполне самостоятельное культурное явление, возникшее на прочном многовековом фундаменте местной традиции и опиравшееся, с одной стороны, на тюрко-татарскую государственную идеологию, с другой – на высокое ремесленное мастерство населяющих его народов. Находясь в непосредственной близости и зависимости от мирового центра исламской культуры того времени – Османской империи, она с неизбежностью (как, впрочем, и большинство мусульманских культур мира) восприняла черты турецкого стиля оставаясь, однако, при этом в основе своей вполне своеобразной и концептуально ясной отраслью государственной и народной культуры Крыма.

Поселения и жилища.

Обширная территория Крымского ханства включала в себя целый ряд местностей, коренным образом отличавшихся друг от друга как климатическими, так и природно-географическими условиями. Несмотря на то, что специальных исследований планировок средневековых поселений Крыма не проводилось, наблюдения XIX и начала XX вв. в ретроспективе дают материал, позволяющий с большой долей вероятности судить и об особенностях более раннего времени.

Наиболее населенная часть, культурное ядро государства – Крымский полуостров также замечателен разнообразием природно-географической среды (горы, предгорье, степь, морское побережье). Это, а также сложность этногенеза крымскотатарского народа и вклад иноплеменных компонентов населения Крыма предопределили разнообразие планировочных принципов инфраструктуры поселений, типологию жилых и хозяйственных построек и способов их оформления. Несмотря на это, их объединял ряд черт, присущих для любого татарского поселения: нерегулярность пла-

нировки, обязательное наличие каменной мечети (одной или нескольких), кофейни (къавехане), одновременно служившей гостиницей и мужским клубом. Местом общения женщин были роскошные бани. На окраине города или села располагались кладбища, где над могилами устанавливались мраморные или каменные плиты (баш таш), иногда строились мавзолеи (дюрбе).

Отмечается, что «*большинство средневековых крымскотатарских поселений горного и предгорного Крыма, являющегося регионом проживания автохтонного населения Крыма, располагались буквально на фундаменте строений своих этнических предков – таврских, скифских и греческих городищ и крепостей. Так, например, таврские могильники VI–V вв. до н.э. были найдены в следующих сёлах и городах: Отуз, Коз, Токлук, Судак, Алушта, Корбек, Кувуш, Стиля, Буюк-Озенбаш, Татар-Осман, Коккозъ, Гаспра, Гурзуф, Ялта, Аутка, Кореиз, Симеиз, Лимены, Кикинеиз, Байдар, Уркуста, Буюк-Мускомья, Дуванкой, Теберти, Бахчисарай, Буюк-Янкой*» [20].

Сёла горного и предгорного Крыма, утопали в садах, из сплошной зелени выглядывали стройные минареты. Особое значение, как и у многих других народов причерноморской зоны, татары придавали оформлению источников [22]: в городах и селениях встречались многочисленные фонтаны, порой вычурно украшенные орнаментами и каллиграфически исполненными надписями (имя строителя, год постройки, изречение из Корана).

Степные крымцы расселялись дисперсно, в соответствии с потребностями полукочевого скотоводства, обычно на склонах защищенных от ветра степных балок и речных долин с подветренной стороны. Дома, сориентированные фасадами на юг, располагались на значительном удалении друг от друга. Посреди деревни устраивали большую круглую площадку, усыпанную песком для военных упражнений. В степном районе Карасубазара и Симферополя татарские деревни отличались беспорядочным расположением домов, с пустынным двором, окруженным низенькой оградой и имели неправильные, но довольно широкие улицы [20].

Поселения южнобережной зоны зачастую представляют собой сплошную многоярусную постройку из двухэтажных домов по склону ущелья. Улицы в такой деревне – это кривые каменные лестницы в узких промежутках между домами, которые громоз-

дятся один над другим; двор иногда размещается непосредственно на крыше нижележащего дома [20].

Большинство средневековых поселений едва ли существенно менялись вплоть до эпохи русского господства и наступления индустриальной революции 2-й половины XIX века. К примеру, характеристикой татарского средневекового города вполне можно считать описание П.С. Палласа (кон. XVIII в.): «*Старый город Ак-Мечеть построен, как и все татарские города, с узкими, кривыми и немощеными, очень грязными улицами, и так как все его дворы обнесены оградами, а дома, построенные внутри этих дворов, очень низки, так что их почти не видно, то кажется, что бродишь среди стен известкового бутового камня. Все дома построены из белого мергельного известняка, обычного в этой местности и выламываемого не правильными, а не постелистыми кусками, в них примечается много окаменелостей, известных под именем чечевичных камней; только малая часть этого камня обтесана для углов и обделки дверей и окон. Вместо известкового раствора во всех татарских городах полуострова для построек употребляют глину, смешанную с известью, прибавляя для прочности песок. Дворовые постройки по большей части – плетневые, обмазанные глиной, а их крыши – из легкой желобчатой черепицы, положенной на глине по плетням; эти крыши, если черепица не подмазана известью, требуют большого ремонта от влияния господствующих здесь бурь*» [23, с. 26]. Известный исследователь крымскотатарских жилищ Б.А. Куфтин устанавливает четыре главных районных типа жилищ крымских татар:

1. Татарский дом г. Бахчисарая. Однотипная планировка усадеб; домики, несмотря на внутреннюю строгую изолированность одного от другого, соединены внутри калитками, посредством которых можно пройти весь Бахчисарай, почти нигде по улице. Дом стоит внутри усадьбы, в глубине двора (азбара) и делится на два уровня (нижнего и верхнего двора). Верхний двор (усть-азбар) нередко занят фруктовым садом. Одноэтажные дома (бир къат) прямоугольные в плане, обычно выложены из дикого камня на глиняном растворе и перекрыты двухскатной или трехскатной крышей. Двухэтажные дома с консольно выступающим верхним этажом имели сходство со старыми византийскими домами, что еще раз подтверждает архаичность их архитектуры,

восходящую ко временам средневековья. «*Сначала более хорошие дома находились в Салачике и принадлежали в XVI веке, по Броневскому, османской колонии в Крыму, которая и являлась проводником константинопольских вкусов среди татарского населения. Частные дома создавались теми же мастерами, которые работали для хана»* [15, с. 8]. «… *Многие дома старинной крымской архитектуры*, – писал А.И. Маркевич, – *с наружными галереями и застекленными коридорами – даже с юга*» [16].

2. Деревенский дом Бахчисарайского района. Здесь, в районе водораздела Качи и Бельбека им описаны старые деревянные срубные дома (чатма эв) из массивных дубовых досок. Сруб стоит на низком каменном фундаменте или на каменном этаже (магъаз). Чердаков не было и потолком служила двухскатная крыша из обтесанных массивных брусьев. Более сложный вид, в развитие предыдущих, представляли деревянные двухэтажные дома в горных деревнях – Озенбаше, Стиле и др. Их особенные, выступающие всюду крупные древесные стволы придавали селению не южный, а скорее какой-то северный образ. «*Естественно*, – считает Б.А. Куфтин, – *обратиться за объяснением этой своеобразной конструкции деревянных срубных домов к северным пришельцам – готам, которые владели значительной областью в этой части Крыма в течение более тысячи лет*» [15].

3. Дом степного района Карасубазара и Симферополя. Низкие, углубленные в грунт одноэтажные двух-, трёхкомнатные домики под двухскатной черепичной крышей («кирамет») из обмазанного глиной плетня или кирпича с подобием фахверковой конструкции отличаются от домов Бахчисарайского района наличием пристроенного хлева в одну линию с ним под одной крышей.

4. Дом южнобережного района. В культуре южнобережных крымцев и, в частности, в жилище, Куфтиным отмечались кавказские и малоазиатские черты. Отличительной чертой здесь была нигде не наблюдаемая в северном районе плоская крыша, а также большей частью крестовидная планировка. Дома здесь расположены на склоне горы, буквально один на другом. Плетеная передняя стена дома имела глиняную штукатурку, а снаружи к дому (к очагу) нередко пристраивалась куполообразная печь (фурун) для выпечки хлеба.

Принципы оформления интерьеров татарских жилищ, вероятно, мало изменились к Новому времени, на что указывает их схожесть с интерьерами татар Поволжья. Кроме характерных для крымского региона камина (оджакъ) с трубой (баджа) и подвешенного к нему на цепи казана, другие элементы интерьеров – яркие ковры (килим, макъат) или узорные войлоки (кийиз), постеленные на полу, широкие и низкие диваны (сет), расположенные вдоль стен, встречались у татар везде, где бы они ни жили [20]. Одеяла и подушки были уложены стопкой на сундуках (сандыкъ) в специальной нише (къамере). На видном месте, на открытых полках (раф) расставлялась медная и гончарная посуда, развешивались полотенца. Из мебели – низенькие столики (хона), скамейки, зеркала, светильники, скатерти, салфетки, занавеси. Если в доме имелась отдельная парадная комната для гостей (мусафирхане), то лучшие вещи – ковры, посуда – собирались здесь. По описанию Евгения Маркова начала XIX века, «*Потолок с бахчисарайской резьбой, на полках ярко вычищенная посуда и несколько рукописных магометанских книг, деревянное мелкорешетчатое окошко на турецкий манер; а уж ковров, подушек и тюфяков счёту нет! Мы сидим на коврах, поджав под себя ноги вокруг татарского столика настоящего арабского рисунка*» [20]. В более изысканных домах Бахчисарая «*над обычными окнами в более богатых домах близ потолка устраивались единственно для украшения фигурные окошечки из цветного стекла, вставленного в узорно вылепленные из гипса рамы в виде розеток, кипарисов и т.д., подобные тем, какие используются широким распространением на Востоке; в Персии и Средней Азии. Эти окна, особенно ясно обнаруживают в себе влияние художественного османского стиля*». *Иногда на потолках домов встречается роспись... Расписываются также карнизы стен букетами тюльпанов и баночками цветов* [15, с. 10–11].

В степном Крыму, у наследников кыпчаков (половцев), важным материалом в убранстве жилищ были узорные войлоки, которыми увешивали и затягивали стены саманных домов, стремясь придать жилищу облик ушедшей в прошлое кочевнической юрты [20].

Все эти особенности, диктовавшиеся целым комплексом условий формирования архитектурной среды обитания, в том числе

и чертами своеобразия этнических традиций, носили объективный характер и сформировались уже при заселении Крыма татарами и их предшественниками. Поэтому перечисленные типы поселений и жилищ можно условно считать за более или менее приближенную модель реально существовавшей гражданской архитектуры крымскотатарского народа и в средневековое время.

Дворцовая архитектура.

Первые дворцовые комплексы Крымских ханов появились сразу с отделением Крыма от Золотой Орды и возникновением независимого государства. Перенеся в 1-й половине XV века столицу из Солхата в Кырк-Ор (Чуфут-Кале), хан Хаджи-Гирей вместе со строительством цитадели под северным склоном горы выстроил ханский дворец, который просуществовал как ханская резиденция вплоть до переноса столицы в Бахчисарай [16; 13, с. 27, 28]. Таким образом, к тому времени в Крыму существовало пять малых ханских дворцов – старый дворец Девлет-Сарай, дворцы Улаклы-Сарай, Алма-Сарай, Качи-Сарай, Сюйрень-Сарай [7]. Они служили ханам загородными виллами, главным же местом их пребывания стал Бахчисарай.

Хан-Сарай в Бахчисарае. Дворцовый комплекс в Бахчисарае имеет сложную историю [13, с. 37–38]. Он, вероятно, продолжая традиции дворцовой архитектуры столичных городов Золотой Орды [46], изначально строился не как укрепленная резиденция (эту функцию продолжал выполнять Кырк-Ер, где хранилась ханская казна и содержался до XVII в. монетный двор), а как своеобразное воплощение райского сада. Эта сквозная идея пронизывает здесь все: полное отсутствие выраженных элементов крепостной архитектуры, отказ от монументального стиля как воплощения государственной власти, свободная планировка при четком зонировании на представительскую и жилую зоны при общем ощущении жилой резиденции, а не парадного офиса.

В основе своей Хан-Сарай был выстроен Сахибом I Гераем вместе с основанием самого города Бахчисарая [47]. Со временем дворец рос и расширялся, каждый хан вносил свою лепту в его развитие. Исследователи приходят к выводу, что первый период формирования комплекса дворца завершился в правление Адиль-Сахиб-Гирей хана (был ханом трижды в период 1521–1551 гг.)

[47]. От XVI в. здесь сохранились Диван, Малая и частично Большая Дворцовые мечети, портал Демир Капы. Остальные постройки сильно искажены.

К сожалению, многочисленные вмешательства в архитектуру дворца после завоевания русскими Крыма, уничтожившие значительную часть его зданий и помещений, а также исказившие его интерьеры, не позволяют сегодня полностью реконструировать прежний облик Хан-Сарая. Однако основная его идея нерегулярного дворца-сада, давшая название всему городу, (от татарских слов *baqca* «сад» и *saray* «дворец»), пронизанного светом, утопающего в цветах и зелени, с многочисленными уединенными уголками и фонтанами (потоки чистой воды – неотъемлемый атрибут представления о рае), сохранился. Не претерпел изменений и композиционный принцип периметральной компоновки вокруг центрального двора, изначально заложенный в этот комплекс, читается здесь достаточно отчетливо [16]. Он сближает Хан-Сарай с подобным же комплексом Арка в Казани [37] и комплексом султанского дворца Топ-Капы в Стамбуле, единовременных с ним.

В планировке дворца ясно читается деление на ряд локальных функциональных зон [16]: представительскую, жилую, мемориальную, хозяйственную и рекреационную (зону отдыха). В представительской зоне, располагающейся сразу за главными (Северными) воротами, сгруппированы вокруг передней части дворцовой площади, парадная часть дворца со входом через Демир Капы из Посольского сада, Диван и ряд других парадных помещений. К ней же можно отнести и здание Хан-джами на другой стороне площади. Жилая зона включает в себя заднюю часть дворца, гарем и окружающие сады с Соколиной башней. К ней примыкает и зона отдыха (садовые террасы) с дюрбе Диляры Алтын-Бикеч. На противоположной стороне площади – хозяйственная зона. К мечети примыкает мемориальная зона – Ханское кладбище.

Отдельные сооружения комплекса Хан-Сарая, датируемые первым периодом его существования, позволяют составить некоторое представление о характере крымско-татарской архитектуры XV–XVI вв.

Диван (Зал Совета и Суда). Когда-то здание было окружено открытой аркадой, а вход выделялся каменным резным порталом. Это говорит о чертах общности с подобными же современными

ему сооружениями Казани и Баку: зданиями Дивана в Арк-Казан [37] и Диван-ханэ Дворца Ширваншахов (XV в.) [25]. Стены зала были отделаны изразцами, в центре мраморного пола находился бассейн с фонтаном. К концу XVI в. относятся разноцветные орнаментальные витражи османского типа в верхних окнах; нижние окна имели решетки-мушарабия; тогда же выполнен наборный картуш в центре потолка. Под хорами у входа – высокая балюстрада, за которой во время судебного разбирательства сидели приглашенные на суд. Над входной дверью нависал балкончик, украшенный орнаментальной росписью и забранный решетками-мушарабия, вписанными в стрельчатые арки: типичная деталь богатых турецких домов. Предполагают, что отсюда хан мог скрытно наблюдать за заседаниями Дивана. В зале стоял трон хана, обтянутый тонким оранжевым сукном с вышитым на спинке золотым полумесяцем. По его сторонам стояли обтянутые такой же тканью табуреты, а вдоль стен – диваны для приближенных хана.

Жилой корпус. *Парадные покои.* Занимают второй этаж, куда можно подняться из Фонтанного дворика по деревянной лестнице. Через ряд помещений – *Посольский зал,* высокий и двухсветный, с мраморным полом и голубым деревянным расписным потолком. Здесь было две большие ниши: для дворцовых музыкантов и «ханская ложа»; сюда вводили участников торжественных приемов или аудиенций у хана. *Портал Демир-Капы.* Роскошный резной каменный портал с массивной окованной дверью, расположенный в Посольском дворике, был парадным входом в ханскую резиденцию. Эта работа с отпечатком форм итальянского Ренессанса, принадлежит венецианскому архитектору Алоизио Ламберти да Монтаньяна (у русских он известен как Алевиз Новый). В традиционную композиционную основу мусульманского портала вписаны татарские и ренессансные орнаментальные мотивы, тамга Гиреев, арабские надписи, посвященные, Менгли Герай хану и датирующие это изделие 1503 годом. Тексты надписей таковы: «*Владелец этого дворца и правитель этой области, государь величайший, благороднейший, сын Хаджи Герая хана, да помилует Бог его и его родителей в обоих мирах». «Этот величественный порог и эта возвышенная дверь построены по приказу государя двух материков и хакана двух морей, государя, сына государя, Менгли Герая хана, сына государя Хаджи Герая хана.*

909 (1503)» [13, с. 36–37; 49]. Портал Демир-Капы на три десятилетия старше самого Ханского Дворца. Видимо, после постройки Бахчисарая портал был перенесен сюда из Девлет-Сарая, прежней резиденции Гиреев [47].

Гарем – интимная семейная зона, куда никто кроме хана, его малолетних сыновей и евнухов не имел права входить, его окружали каменные стены высотой до восьми метров. Существовало четыре гаремных корпуса – по числу законных ханских жен. Кроме них было множество наложниц. «*Там стоят черные аги (евнухи) и охраняют большие гаремные ворота,* – писал Эвлия Челеби. – *За этими воротами находятся триста шестьдесят великолепных комнат, расположенных друг над другом, с нишами, и высокие дворцы с бесчисленными разнообразными росписями, подобными хамелеону. Каждое строение построено кем-нибудь из падишахов*» [48].

В южной части гарема возвышается Тоган-Кулеси – Соколиная башня (вероятно, 60-е гг. XVIII в.) с видовой площадкой для обитателей гарема: евнухов, жен и наложниц. Название башни связано с тем, что в ее нижнем этаже находились ханские охотничьи соколы.

Хан-Джами. Другое ее название Буюк-Джами (по-татарски «буюк» – высокий) [47]. Массивное прямоугольное каменное здание мечети, крытое четырехскатной черепичной крышей, вытянуто с севера на юг. По бокам его – два легких изящных островерхих 10-гранных минарета на квадратных в плане основаниях с резными каменными шерефе с традиционной розеткой на каждой грани. Надпись, высеченная на плите над главным входом гласит, что мечеть построена Селямет-Гирей ханом, в 1741) г. Однако речь шла, по-видимому, о восстановлении и ремонте ранее существовавшего здания мечети после пожара 1736 г. Эвлия Челеби, описывая «*соборную мечеть Сахиб-Герай хана*» (то есть относя ее к XVI в.), не случайно отмечает архаичность ее архитектуры: «*Это старой конструкции дом Божий ... Внутри мечети на 20 высоких дубовых столбах – потолочная балка, а над ней простой потолок старой постройки. Справа находится место поклонения семьи достославных ханов (ханская Ложа). Над этим высоким местом висят разнообразные серебряные подсвечники и подвески ... слева, справа и со стороны кыблы – окна, выходящие в*

сад Тюрбе» [48]. Ближайшая аналогия ей – мечеть Узбека в Старом Крыму [1; 13, с. 10, 12–14], золотоордынский памятник сельджукской эпохи, имеющий свои прототипы в Турции и Поволжье [41; 34; 36, с. 18–23; 39, с. 16–23; 38, с. 19–27]. Внутри – это трехнефный зал, разделенный двумя аркадами, перед михрабом – высокий поперечный неф. Второй этаж образует маафиль – хоры, идущие вдоль трех стен (восточной, северной, западной) и предназначенные для молящихся. На правой стороне маафиля находится небольшая комната – молельня хана, богато отделанная фаянсовыми плитками и росписью. Хан входил в нее со двора по деревянной лестнице. Мукарнасная ниша михраба украшена лепниной со стилизованными растительными узорами. Справа от михраба находится деревянный минбар. С запада и востока здание окружают галереи со стрельчатыми арками, опирающимися на тонкие восьмигранные колонны. Верхние окна двусветного зала имеют разноцветное витражное заполнение. На некоторых – коранические изречения.

Малая дворцовая мечеть, XVI в. Домовая мечеть хана, его родственников и приближенных. Над входом надпись с именем Селямет-Гирея с датой восстановления мечети вместе с дворцом в 40-е годы XVIII века [44, с. 257]. В оформлении входа и пластике михраба ощущается отголосок сельджукских мотивов эпохи Золотой Орды; росписи интерьера на вид еще более архаичны и адресуют на первый взгляд к ранним арабским образцам Сирии, Ирака и Туниса. Орнамент османского типа, обрамляющий михраб, более поздний и относится к XVII в. Однако не в меньшей степени эти росписи напоминают рисунки традиционных тканых и войлочных полотнищ, украшавших тюркские юрты и шатры, в которых размещались и первые мечети кочевников. Не исключено, что здесь воссоздан образ традиционной золотоордынской домовой мечети, пришедший в Крым вместе с татарами. На эту мысль наталкивает и сообщение о том, что на древней штукатурке при реставрации были обнаружены изображения всадников, лошадей, лодки с парусами, относящиеся к первому строительному периоду дворца. Фасады здания скрыты поздними пристроями. Конструктивное решение и композиция купольного зала также сближают мечеть с сельджукскими памятниками 14–15 вв. Обилие архаичных элементов и порою нетипичных для мечетей изобразительных сюжетов оформ-

ления говорит о том, что, возможно, в архитектуре этого здания отразились воспоминания о более ранней фамильной домовой мечети чингисидов Гиреев, образ которой и был воспроизведен при строительстве Хан-Сарая.

Ханское кладбище (*мезарлык*). Архитектура надгробных сооружений на Ханском кладбище носит отчетливый отпечаток османского стиля, однако имеет и ряд своеобразных черт. В двух монументальных ***дюрбе***, фамильных усыпальницах Гиреев XVI–XVII вв., похоронены 16 ханов, прочие захоронения принадлежат их родственникам и приближенным [32; 33]. Гробницы оригинальны своей композицией: над высоким восьмигранным двусветным ярусом расположен низкий глухой восьмигранный ярус, повернутый по отношению к нижнему на 30^0, и все это увенчано полусферическим куполом со свинцовой кровлей. Гладкие, оштукатуренные, четко ограненные объемы усыпальниц украшены очень скромно, но элегантно, продолжая традиции золотоордынских мемориальных сооружений. В дюрбе, как и в других странах мусульманского мира, ставились каменные надгробия и деревянные саркофаги, покрытые черным или зеленым сукном с вышитыми золотом изречениями из Корана; у изголовья помещалась чалма, ставились большие бронзовые или серебряные подсвечники; полы устилались коврами, в нишах стояли светильники, курильницы, лежали книги со священными надписями. Судя по средневековым описаниям, именно так выглядела изнутри и усыпальница Казанских ханов [11].

Отдельно стоящее *дюрбе Диляры Бикеч* [13, с. 63], любимой жены хана Керим-Гирея, сохраняя традиционную компоновку объемов, стиль и присущую крымским усыпальницам элегантность, несет на себе легкий отпечаток стамбульского барокко второй половины XVIII в. в абрисе ниш нижней аркады.

Мраморные и известняковые ***надгробия*** встречаются двух типов: в виде саркофагов и надгробных стел. Мужские надгробия увенчаны чалмой, а иногда и воинскими атрибутами; женские – подобием плоской шапочки. Памятники покрыты резьбой, где кроме каллиграфически исполненных надписей (эпитафий и изречений из Корана) – разнообразные мусульманские орнаменты, порой с включением мотивов итальянского Ренессанса. Разнообразные надгробия-саркофаги относятся к XIV–XV вв. и вывезены с

кладбища Эски-юрта – Кырк-Азизлер [6]. Аналогии им можно найти среди старинных памятников Персии, Средней Азии, Кавказа, они отражают полиэтническую культуру Золотой Орды. Как писал Эвлия Челеби, «*Первые татары пришли сюда из городов Махана*[1] *и Ахлата*[2], *Кермана*[3], *Ясу*[4], *из-под Казани, Аждерхана*[5] *и Сарая*». О том же говорит и орнаментика надгробий, где читаются мотивы самого разного происхождения: византийские (лампады, голуби, кентавры), сельджукские [44, с. 124–128] (плетенки, розетки, особенно геометризованные, плетенка, мотив кипариса и др.).

Баня Сары-Гюзель (Желтая красавица). Распространенный тип восточной бани, известный повсюду, в т.ч. и в Золотой Орде. Согласно надписи, она была сооружена при хане Адиль-Сахиб Гирее в 1532 г.; предполагают, что вначале это была городская баня, позднее включенная в дворцовый комплекс. Здание перекрыто одним большим и несколькими малыми куполами с отверстиями для освещения. К мужскому и женскому отделениям примыкали крытые дворики с фонтанами. Здание обогревалось системой отопительных каналов под полом и в стенах. Горячая и холодная вода поступала в моечные отделения по свинцовым трубам и подводилась к пристенным каменным фигурным раковинам.

По всей видимости, Хан-Сарай закладывался как традиционный дворцовый комплекс в духе ханских резиденций столичных городов Золотой Орды [46]. Об этом говорит демонстративный отказ от внешних укреплений и архаичная архитектура ключевых сооружений, как бы хранящая воспоминания о прошлом и, возможно, воспроизводящая какие-то знаковые черты родовых сооружений чингисидов. Это подтверждают и воспоминания современников, видевших дворец до его пожара в 1736 году, упоминавших о «китайском» характере его отделки. И в надписях XVII века повествуется о том, что новый образ дворца понравился бы китайцам. Китайский и монгольский компонент в культуре Золотой Орды, несомненно, традиционно поддерживавшийся по-

---

[1] Северо-восточный Иран.
[2] В Малой Азии близ озера Ван.
[3] Юго-восточный Иран.
[4] Казахстан.
[5] Астрахань.

томками монголов, скорее всего был присущ ментальности чингисидов и искусственно вводился в бытовое окружение ханов, символизируя связь времен.

После пожара, который практически разрушил Хан-Сарай во время русского вторжения 1736 г., комплекс дворца сохранил в целом прежнюю внутреннюю структуру, но претерпел модернизацию в более современных формах: лаконичные стенные панно XVII в. с росписями под мрамор и мотивами гроздьев винограда сменялись изысканными орнаментами в стиле «крымского рококо»; на смену торжественным залам XVI века в XVIII столетии во Дворце начали строить легкие киосковые постройки. Большую роль в отделке дворца после пожара в 60-е гг. сыграло творчество иранского мастера Омера, заново оформившего и расписавшего большинство пострадавших помещений дворца и изготовившего, в частности, знаменитый Сельсебиль («Фонтан слез»). Им сооружена и богато отделана одна из интереснейших комнат Хан-Сарая – гостиная Крым-Гирея. Она расположена над летней открытой беседкой – так называемой «Альгамброй», где находится фонтан с квадратным мраморным бассейном. Вначале беседка была открытой, и по ее колоннам вился плющ.

В архитектуре Хан-Сарая отчетливо выражен принцип асимметрии, столь характерный для тюркского мышления в искусстве. Он проявлялся в татарском искусстве всех времен, придавая особый шарм даже произведениям барокко и классицизма, где принцип симметрии выдерживался особенно жестко. Внимание к детали, поэзия взаимной гармонизации форм и цветов первичны по отношению к общей композиции. В качестве примера можно привести тот же Сельсебиль, где при общей геральдической симметрии нельзя найти двух одинаковых деталей.

Культовая архитектура.

Мечети.

Ко времени возникновения Крымского ханства на его территории сложилось два основных типа мечети: центрально-купольный и колонный, воспринятые из более ранней золотоордынской традиции (*центрально-купольные* – мечеть в Судакской крепости [21], 1222 г.; Куршун-Джами [10]; *колонные* – мечеть

Бейбарса [10], 1287–1288 гг.; мечеть-медресе Узбека [13, с. 10, 12–14], 1314 г.; мечеть в Кырк-Иери [10] (позднее Чуфут-Кале), 1346 г.) *зальные* – мечеть Тахталы Джами в Бахчисарае [13, с. 63–64], 1707 г.; а также *купольно-базиличные* (Хан-Джами в г. Кезлев [13, с. 82–84], 1552 г. и др.). Новые торговые, ремесленные центры полуострова XVI–XVIII вв. Бахчисарай, Кезлев, Карасувбазар, Ор активно застраивались общественными и культовыми сооружениями при поддержке и покровительстве крымских ханов. В Бахчисарае, по описанию турецкого путешественника Эвлия Челеби, в 1666 году насчитывалось 24 мечети. Карасувбазар в 1666 году располагал 28-ю мечетями. В городе Кезлев в XVII веке находились здания 26 мечетей [48]. Итак, общее количество мечетей сооруженных за пять с половиной столетий в 6 городах и в 1474 деревнях Крыма к 1786 году составило свыше 1600.

Центрально-купольные мечети [39, с. 30; 38, с. 34] представляли собой, как правило, кубический объем, перекрытый куполом на парусах, опирающимся на 8–16-гранный уплощенный барабан. К зданию могли примыкать разнообразные пристрои (сени, галереи, медресе). Над углом здания возвышался 10–16-гранный минарет на квадратном в плане вытянутом вверх ярусе, обычно в османской традиции [35; 39, с. 30; 38, с. 34]. В их числе Кебир-Джами [8; 12; 14] в Ак-Мечеть (Акмеджит), 1508 г. (7 х 7 м), домовая мечеть Гиреев в Бахчисарайском дворце, мечеть Муфтий-Джами в Кафе). Здания могли иметь скатные покрытия с черепичной кровлей или металлические (свинцовые) прямо по поверхности внешнего купола.

Колонные мечети [39, с. 30–31; 38, с. 34–35] представляли собой прямоугольное строение, часто двусветное, с вытянутым вдоль кыйблы молельным залом и тремя продольными нефами, образованными каменными аркадами. Над боковыми нефами размещались антресоли.[6] Здание перекрывалось 1–4-скатной крышей с черепичным покрытием и могло увенчиваться полумесяцем рогами вверх в османской традиции. Таковы реконструк-

[6] В литературе их называют хорами, а саму планировку мечети – базиличной, хотя, строго говоря, базиличная конструкция предполагает освещение зала через выступающие стены центрального нефа, чего в татарских мечетях не наблюдалось.

ция мечети в Чуфут-Кале, 1455 г.; Хан-джами в Бахчисарайском дворце, 16 в.; небольшая мечеть Ешиль-Джами близ Бахчисарайского дворца, 1764 г.

Зальные мечети [39, с. 30–31; 38, с. 35] прямоугольной в плане конфигурации представляют широко распространенный в татарской архитектуре тип, встречающийся в разнообразных вариантах по всей территории России, в Средней и Малой Азии, на Кавказе и др. К ним относится мечеть Тахталы Джами в Бахчисарае, 1707 г. [24] и др.

Купольно-базиличные мечети [39, с. 31; 38, с. 35] являют собой прямой перенос османского типа джами, появились в середине XVI века усилиями великого османского зодчего Синана. Образцом мечети этого типа является Джума Джами (Хан-джами) в г. Кезлев, 1552 г. Вероятно, к этому же типу относилась и самая большая в Крыму мечеть, сооруженная в честь султана Селима в г. Кефе (Феодосия), творение знаменитого турецкого зодчего Ходжа Синана, разобрана в 1833 году.

Кроме них упоминаются «Шор Джами», «Буюк Джами» [47].

После завоевания Крыма Россией развитие архитектуры здесь пошло по схеме, уже отработанной двумя столетиями ранее в Поволжье и Сибири. Лишившись государственного финансирования и государственной поддержки, мусульманская культовая архитектура прекратила свое поступательное развитие, резко сократив масштабы, типологическое разнообразие и качество строившихся зданий. После вхождения Крымского ханства в состав Российской империи, особым указом 28 июня 1783 г. была закреплена свобода крымских татар исповедовать «природную веру». По сведениям И. Абдуллаева, «*ещё в 1794 г. было намечено учредить особое духовное управление, однако лишь в 1837 г. было издано положение о Таврическом магометанском духовном правлении и правилах производства им духовных дел мусульман Крыма, а также литовских и польских татар. Согласно принятой иерархии, высшее мусульманское духовенство состояло из Таврического муфтия, кадий-эскера и уездных кадиев (судей). Приходское духовенство состояло из хатыпов (хатибов), имамов, муэдзинов и служителей мечетей. Центром религиозной жизни продолжал оставаться Бахчисарай. В 1884 г. здесь было 3 медресе и 32 действующие мечети*».

Жесткая дискриминационная политика русского правительства по отношению к крымским мусульманам привела к массовой эмиграции татар за границу и разрушению их памятников. «*Общее количество мечетей сооруженных за пять с половиной столетий в 6 городах и в 1474 деревнях Крыма к 1786 году составило свыше 1600,* – пишет Ибраим Абдуллаев. *Во время Первой мировой и гражданской войн их было уже 632… Таким образом одним из итогов российской, колониальной политики в Крыму (1783–1917 г.) стало уничтожение около тысячи мусульманских культовых сооружений*», т.е. около 80 процентов. Учитывая новое строительство, можно констатировать почти полную утрату средневекового татарского архитектурного наследия в Крыму, сохранявшегося еще ко времени включения его в состав Российский империи.

В 1829 г. на строительство татарских мечетей был распространен указ «Об устройстве деревень, коим не позволяется заводить церквей иначе, чем на площадях…» [26], который прежде их не касался. Впервые после известного указа Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий ...» [18] были введены вновь ограничения на постройку мечетей, подтвердившие дискриминационный указ Анны Иоанновны от 23 августа 1756 г. В тексте этого указа, в частности, говорилось: «*Что же касается до назначения единообразных планов и фасадов мечетей, то хотя и не имеет в виду особенного закона, который обязывал бы строить мечети по планам, от Правительства данным, но не находит в сем затруднения, по сему ... что сами магометане просили иногда у правительства и принимали умного планы и фасады для построения мечетей ... За сим поручено было Строительному Комитету Министерства внутренних дел, приняв в соображение имеющиеся в виду на мечети чертежи, составить для оных образцовый план и фасад... Для построения мечетей всегда лучше назначать место на площадях, а где площадей нет, там производить оные на расстоянии не менее 10 сажен от строения*» [26]. В приложении к указу даны чертежи этой «образцовой» мечети весьма любопытной наружности, плода творческих изысканий архитектора А.И. Мельникова (Подробный анализ этого проекта см.: [45, с. 146, 170–172]).

В настоящем случае в основу мечети был положен один из традиционных типов центричной золотоордынской (а в основе своей, вероятно булгарской) мечети с минаретом в центре крыши. С другой стороны, здесь явно прочитывается и другой прототип: священный для каждого мусульманина храм Куббат ас-Сахра (607 г.н.э.) или мечеть Скалы в Иерусалиме, возведенной на месте, где Аллах продиктовал Мухаммеду Коран. Таким образом среди прототипов проекта легко усмотреть распространенную на Переднем Востоке центричную мечеть, наиболее ранним примером которой является упомянутая мечеть Скалы, а так же и более поздние культовые и мемориальные сооружения Азербайджана XIII–XV вв., Афганистана XVII–XVIII вв., Турции XIII–XVIII вв., Крыма XIV–XV вв.[7] и др. [39, с. 65; 38, с. 84] Известны подобные сооружения и в архитектуре средневековой Казани[8].

К тому времени русские архитекторы уже имели, как мы знаем, некоторый опыт в проектировании мечетей в Казанской, Оренбургской и Уфимской губерниях, а также на Кавказе [39, с. 66–67; 38, с. 84]. Последние из этих проектов, опираясь на те или иные местные традиции, развивали именно центричную композицию, которая получила уже к тому времени распространение и в архитектуре русского классицизма, где нередки были церкви-ротонды и другие центричные храмы, в целом сходные в планировке и композиции [39, с. 67; 38, с. 84–85]. Имелся опыт проектирования и строительства мечетей в духе классицизма в Казани, Оренбурге и Омске, в том числе и центричных [39, с. 67; 38, с. 85]. Таким образом, проект давал толчок к развитию одного из типов средневековых джами, направляя его стилевое русло классицизма николаевского времени.

Приведенный образцовый проект предназначался, как следует из аннотации к нему, для строительства мечетей в деревнях Пензенской губернии. В Казани мечети по этому проекту не строились. Однако известно немало мечетей в городах и селах Казанской, Нижегородской, Пермской, и Уфимской губерний, возведенных по этому проекту, что говорит о неограниченности его приме-

[7] Большое Дурбе в Азизе и др. [см.: 39, с.31; 38, с. 198].
[8] Мечеть Тюмен джами в Казанском Кермане [см.: 36, с. 31].

нения. В 1831 г. этот проект был распространен и на мечети крымских татар [5] (правда, факты реализации его в натуре в Крыму мне неизвестны) и, по всей видимости, воздействовал на формирование архитектуры азербайджанских и дагестанских мечетей, у литовских татар, калмыцких храмов [39, с. 67; 38, с. 85].

К середине XIX в. в архитектуре России, наметился решительный поворот в сторону новой художественно-эстетической системы. Стало модным всюду искать народные корни, воспевать красоту национальных, «исконных» форм искусства и архитектуры. Эстетика романтизма, опиравшаяся на возрастающий интерес к национальным художественным традициям, в полной мере отразилась на архитектуре татарских мечетей России.

В это время появляется новая разработка образцового проекта мечети 1844 г. [27] на основе прямоугольного плана и принципа осевой симметрии. Она имела несколько разновидностей: с минаретом перед зданием над входным тамбуром, с двумя минаретами и различные вариации этой композиции с дополнительными башенками по углам здания [39, с. 66, 68; 38, с. 86–87]. В композиционной и планировочной идее этих образцовых мечетей отчетливо угадываются их прототипы: средневековые волго-камские махалля мэчете и купольные джами.

Создание этого проекта было связано, прежде всего, со сменой эстетических идеалов в российской культуре. Классицизм, даже в период своего наибольшего могущества не сумевший оказать решительного воздействия на архитектуру мечетей Волго-Камья, уже не мог служить руководством для ее дальнейшего развития, а поиски новых образных решений были направлены в русло романтизма. В отличие от прежних времен, новый закон требовал выведения мечетей из гущи застройки в центре площади. Строгая симметрия относительно продольной оси – дань классицизму – сблизила проект с композицией, распространенной в русской церковной архитектуре XVIII – нач. XX вв., что вольно или невольно провоцировало мусульман «шарахаться» при реализации этого проекта от выраженных форм классицизма в стремлении избежать окончательной схожести с церковными сооружениями. Впрочем, авторы образцового проекта изначально заложили восточные черты во все варианты купольной мечети, что в итоге вернуло им как необходимую знаковость культового

сооружения, так и специфическую исламскую образность. Динамичное противопоставление высокой башни минарета статичному купольному объему сразу позволило выделить здание из окружающей среды, не прибегая к излишнему повышению самой мечети, а стилевая окраска фасадов и семантика его внешних форм служили средством выражения политических и идеологических взглядов заказчика.

Центричные мечети 1830-х гг. могли бы представить определенный интерес с точки зрения изучения творческого метода русского архитектора, при облечении образцового проекта в непривычные формы и малоизвестное образное содержание. Как это было принято в практике российского строительства того времени, образцовый проект задавал лишь планировочную и композиционную схемы здания, отнюдь не ограничивая выбора конкретных форм. Поэтому мечети, выстроенные по этому проекту в разных городах России, оказались самыми разнообразными, и их можно объединить лишь по композиции, а не по стилю. Образ мечети, таким образом, в этот период оказался в большой зависимости от позиции ее автора, что дало большое разнообразие вариантов [39, с. 68; 38, с. 88].

Известно немало объектов реального осуществления этой экзотической идеи в конкретных формах. Как и в предыдущем случае, квартальные мечети оказались более самобытными в образном отношении и выполнялись «ближе к тексту» образцового проекта. Каменные же городские мечети отразили в большей степени творческие поиски профессионалов, стесненных к тому же необходимостью соблюдения формальных признаков общегосударственного «стиля».

Романтические веяния в российской архитектуре в середине XIX в., ярким провозвестником которых стала мечеть Караван-Сарая в Оренбурге, заявили о себе в полный голос и воплотились в целом ряде построек на базе образцового проекта 1844 года. Большой разброс по территории России не помешал проявлению в них общей тенденции на повышение роли булгаро-татарской традиции в образе и конкретных формах при общей опоре на русский классицизм как на принцип организации пространства.

В 1861 году, ввиду многочисленных просьб мусульман на издевательства властей[9], в Государственный совет был представлен проект «О дозволении строить магометанские сельские мечети не по утвержденным в 1844 году для мечетей вообще планам и фасадам», где, в частности, было сказано: «*Сооружение мечетей по упомянутым чертежам обходится дорого и не для всех магометанских селений доступно. Между тем губернские начальства не дозволяют исправлять старые, требуя, чтобы они были перестроены по утвержденным рисункам. Посему ...в виду облегчения магометанских обществ в исполнении религиозных обязанностей просим об ... разрешении строить мечети не по одним утвержденным чертежам, но и по другим, какие будут признаны удобными...*» Последовавший за этим указ вошел в Строительные уставы последующих выпусков в следующем виде: «*Новые мечети... строятся по планам и фасадам, каковые прихожанами будут признаны удобными, но с тем, чтобы, когда постройка мечетей предполагается не по Высочайше утвержденным чертежам 1844 года, особые проекты были каждый раз утверждаемы местными губернскими правлениями (по Строительным Отделениям)*» [17]. Таким образом, начиная с 1863 г. все ограничения на свободный выбор заказчиком композиционного и планировочного типов мечети были отменены.

Можно констатировать в итоге, что, несмотря на значительную, казалось бы, зависимость архитектуры от внешних обстоятельств, в ее эволюции тем не менее прослеживается некая мощная магистральная идея, не допускающая существенных отклонений от традиции, а тем самым и духовного произвола исполнителя над заказчиком. Прослеживающаяся вполне отчетливо на всех уровнях эстетическая концепция, некая система позволяет говорить о существовании жизнеспособной и прочной традиции в культовой архитектуре Нового времени, берущей свое начало

---

[9] В качестве примера можно привести жалобу муллы дер. Бол. Сайман ведомства Сызранской уездной конторы, который, «*получив разрешение Симбирского Губернского Правления на исправление им мечети, выстроил на свой счет, с пособием от крестьян, новую мечеть, но не по Высочайше утвержденному в 1844 г. Рисунку... и был оштрафован... с обязательством перестроить мечеть на свой счет*» [9].

еще в зодчестве средневековья. Эта традиция, носителем которой выступал народ в лице конкретных заказчиков, и сформировала в итоге целостную при всем многообразии проявлений и достаточно устойчивую к деформирующим воздействиям извне архитектуру мечетей Нового времени, поддающуюся системному анализу на разных уровнях.

Самым распространенным типом крымско-татарской мечети Нового времени стало 1–2 этажное каменное здание с минаретом, примыкающим к одному из фасадов [39, с. 83; 38, с. 106]. Оно решалось в виде прямоугольного в плане объема, перекрытого 4-скатной крышей или куполом. При всех вариациях сохранялась твердая опора на османский стиль в различных его проявлениях: классический (Шор джами в Карасубазаре [10, с. 44–46], Юсуповская мечеть в Коккозе [50]), мусульманское барокко (Исми Хан джами в Бахчисарае [4]), неоготический (Воронцовская мечеть в Алупке), модерн (мечеть в Гурзуфе, Джума джами в Сеид-Нафе – Ак Мечеть [13, с. 76, 77, 79]). Минареты характерно османского типа выглядели как высокий тонкий цилиндрический (многогранный, каннелированный) стержень на квадратном в плане основании большей или меньшей высоты (от куба до вытянутого параллелепипеда), обычно вплотную примыкающего к одной из стен здания, увенчанного открытой площадкой шерефе, выход на которую находился в меньшем по диаметру цилиндрическом ярусе, который, в свою очередь, увенчивался высоким конусом крыши.

Некоторые из наиболее профессионально исполненных мечетей были построены русскими меценатами: графом Воронцовым (Алупка) и князем Юсуповым (Коккоз) как часть комплексов их собственных имений.

Судьбы мусульман России резко изменились после октября 1917 года. Пространство бывшей империи оказалось разорванным на несколько враждующих территорий, с переменным успехом переходивших из рук в руки в течение 1918–20 гг., и говорить в условиях гражданской войны о каком-либо развитии культуры и тем более архитектуры не приходится.

Уже 24 ноября 1917 года Совнарком РСФСР распространил обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное предсовнаркома Лениным и наркомом по на-

циональным делам Сталиным, где говорилось следующее: *«...Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов...»* [39, с. 108; 38, с. 148].

Впрочем, *довольно скоро лозунг «свободу мусульманам» разделил судьбу всех других революционных лозунгов, обещавших рабочим заводы, крестьянам землю, народам мир, а голодным – хлеб. Но вначале большевики делали серьезную ставку на мусульманскую часть населения бывшей империи, старательно показывая ему свою лояльность и покровительство, в отличие, скажем, от всех христианских конфессий, в которых революционеры видели только своих врагов... «Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию»* [39, с. 108; 38, с. 149], *– подчеркивал Сталин…*

До середины 1920-х гг. мусульманская умма России особенным ограничениям или дискриминациям не подвергалась[10]. В 1926 г. в Казани появилась новая мечеть (арх. Печников), приуроченная к 1000-летию принятия ислама Волжской Булгарией. В ней была проведена торжественная служба, после чего мечеть закрыли на 75 лет [39, с. 108; 38, с. 149].

К моменту присоединения Крыма к России (1783 г.) на полуострове было около 1530 мечетей, десятки медресе и текке. После ряда эмиграционных волн из Крыма в Турцию число мечетей к 1917 г. сократилось до 729, мусульмане стали религиозным меньшинством в Крыму [3]. *В 1926 г. Президиум ВЦИК запретил мусульманское вероучение к преподаванию на всей территории СССР. Вскоре ГПУ Крыма сообщало: «По имеющимся у нас сведениям, в связи с введением в школах естествознания и упразднения преподавания Корана, большинство татар очень неохотно*

[10] Исследователь Л. Малицкая утверждает, что «*вплоть до 1923 года мусульманское духовенство в Тюменской губернии помимо изъятия из его ведения школ никакого вмешательства со стороны советских органов не испытывало*» [2].

отпускают в школу своих детей». В селах Крыма происходили волнения, татары требовали прекратить преследования верующих… В конце 20-х гг. на ислам обрушились репрессии. Начинается снос мечетей, закрываются медресе… Репрессии на ислам достигли апогея в конце 30-х гг. К 1940-му году были закрыты почти все мечети, разрушены мавзолеи святых. Активное участие в этом принимали татары-комсомольцы. В 1937 г. НКВД Крымской АССР арестовал по делу так называемой «Идель-Уральской организации» 100 человек из мусульманского духовенства. 99 из них были расстреляны [3].

Во второй половине 1920-х годов усиливаются давление и пропаганда, направленные против религиозных учреждений. Властям уже была нужна не лояльность, а полное подчинение. Во второй половине 20-х в СССР стартовал «крестовый поход» против религий и культов, который возглавил «Союз воинствующих безбожников» под предводительством Е. Ярославского [3]. *К 1930 году в Татарии религиозные мусульманские учреждения представляли 26 мухтасибатов, 2134 мечети и приходских совета при них. В том же 1930 году из 12000 мечетей было закрыто более 10000, от 90 до 97% мулл и муэдзинов были лишены возможности осуществлять свои обязанности* [28]. Мечети закрывали повсеместно на всей территории СССР, огромное число зданий частично или полностью разрушалось. Здания использовались под клубы, библиотеки, общежития и жилые дома, овощехранилища, архивы, котельные, сумасшедшие дома. Появились целые бригады «строителей», специализировавшиеся на опрокидывании колоколен и минаретов специально разработанными методами.

Система религиозного исламского образования также перешла под контроль государства.

Может быть, самый сокрушительный удар по исламу Советская власть нанесла, когда был произведен повсеместный переход с арабской графики на латинскую, позже замененную кириллицей. В ходе «революции алфавитов» была уничтожена масса книг на арабском, прежде всего, религиозных.

По утверждению живущего в Германии узбекского исследователя Боймирзы Хайита, ислам в СССР лишился всех своих основ. Так, запрет религиозной собственности лишил его экономического базиса. Уничтожение религиозной литературы выбило

из-под него духовную основу. Запрет на выезд из страны и въезд в нее, невозможность совершать паломничество прекратил связи с другими исламскими народами. А закрытие мечетей, борьба с религиозными праздниками и постами оставили ислам в СССР и без его социального основания [3].

Первые годы Советской власти ознаменовались декларативными актами «монументальной пропаганды»: водружением в 1918 г. полумесяца над башней Сююмбике в Казани и передачей «трудящимся мусульманам» Караван-Сарая в Оренбурге, водружением на улицах городов гипсовых скульптур культурных и революционных деятелей и оформлением монументально-декоративных композиций на национальные темы. За короткий период НЭПа было выстроено довольно много мечетей, впрочем, не успевших развиться в сколько-нибудь значительное архитектурное явление. Смерть В.И. Ленина положила начало свертыванию программы свободного развития национальных культур.

Период после смерти Ленина и до начала Второй Мировой войны характеризовался сворачиванием политики культурно национальных автономий, ликвидацией очагов национальной татарской культуры во всех городах Советского Союза, кроме ТАССР и Крымской АССР.

Принятая 5 дек. 1936 г. Конституция СССР в ст. 124 провозглашала «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды» для всех граждан СССР. Законодательной основой деятельности религиозных объединений оставалось постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апр. 1929 г., всячески ограничивавшее как богослужебную, так и социальную деятельность религиозных общин. Впоследствии некоторые представители партийно-государственных органов выступали за отмену даже этого жесткого законодательного акта. Так, в мае 1937 г. с этим предложением к Сталину обращался Г.М. Маленков. Хотя предложение Маленкова и не было принято, в апр. 1938 г. была распущена руководимая П.А. Красиковым Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР. Единственной государственной структурой, занимавшейся религиозными вопросами, оказался «церковный отдел» НКВД. В идеологической работе партийных и общественных организаций одной из приоритетных объявлялась задача строи-

тельства «безрелигиозного общества», офиц. СМИ и антирелигиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами» репрессивной религиозной политики Советского государства, как «наиболее полно обеспечивающей свободу совести» [19].

В годы Второй мировой войны «исламский фактор» в СССР использовали в своих интересах обе воюющие стороны. Гитлеровцы «педантично подчеркивали свое уважение к исламу, – описывает Алексей Малашенко. – На захваченных территориях открывались отобранные у мусульман большевиками мечети, священнослужители призывали молиться за Гитлера... За относительно короткое время военных действий на Северном Кавказе, в период его оккупации здесь имело место своего рода возрождение ислама [3]. *Религиозный фактор учитывался при планировании внутренней политики в районах традиционного распространения ислама, прежде всего в Крыму и на Кавказе. Немецкая пропаганда декларировала уважение к ценностям ислама, преподносила оккупацию как освобождение народов от «большевистского безбожного ига», гарантировала создание условий для возрождения ислама. Оккупанты охотно шли на открытие мечетей практически в каждом населенном пункте «мусульманских регионов», предоставляли мусульманскому духовенству возможность через радио и печать обращаться к верующим. На всей оккупированной территории, где жили мусульмане, восстанавливались должности мулл и старших мулл, права и привилегии которых приравнивались к главам администраций городов и населенных пунктов* [19]. *Всего за время оккупации в Крыму было открыто 250 мечетей, зарегистрировано 400 мусульманских духовных лиц* [3].

Сложившаяся к началу 1943 г. ситуация (положение на фронтах, широкая патриотическая деятельность религиозных объединений, стремление нейтрализовать нем. пропаганду в отношении религиозной ситуации в СССР, желание изменить негативное отношение в общественных кругах стран-союзниц к церковному курсу советского правительства) способствовала изменению религиозной политики в СССР [19]. *Опираясь на обращение мусульманского духовенства, Совет добился принятия правительственного решения о создании в нач. 1944 г. духовных*

управлений мусульман Ср. Азии и Казахстана (Ташкент), Сев. Кавказа (Буйнакск) и Закавказья (Баку). В течение короткого времени мусульманам было возвращено более тысячи мечетей, из тюрем и лагерей освобождалось духовенство. С 1944 г. стало возможным осуществление хаджа в Саудовскую Аравию [19].

Выселение крымскотатарского народа с его исторической Родины 18 мая 1944 года подвело черту под процессом поступательного развития его архитектуры вплоть до распада СССР и образованием независимого государства Украины.

Дюрбе.

Несколько дюрбе, сохранившихся в Бахчисарае и вокруг него, дают представление о развитии этого типа сооружения в Крыму. В основе их лежит две разновидности портального дюрбе, воспринятых из архитектуры Золотой Орды.

1. Плоский восьмигранник на кубическом ярусе, перекрытый куполом (дюрбе Бей-Юде-султан [30], кон. XIV – нач. XV вв.; Эски-дюрбе [13, с. 37–38; 40], XV в.; дюрбе Ахмед-бея [29], XV–XVI вв.) и 1–2-ярусный восьмигранник с мощным далеко вынесенным порталом характерно золотоордынского типа (дюрбе Джанике-ханым [31], XV в.; дюрбе Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея [43], 1501 г.).

2. В XIV веке появляется 8-гранное двухъярусное дюрбе османского типа с уплощенным 16-гранным верхним ярусом и полусферическим куполом (дюрбе Мухаммед-бея [42], XVI в. и дюрбе хана Мухаммед-Гирея II [42], XVII в. в Азисе [13, с. 21–26]; и два фамильных дюрбе Гиреев на Ханском кладбище [32; 33], XVI–XVII вв., а также дюрбе Диляры Бикеч [13, с. 62–63; 33] на территории Хан-Сарая, XVIII в.).

Все дюрбе имеют высокое поминальное помещение и низкий склеп; покойники хоронились в деревянных гробах. Вход в склеп – с восточной или южной стороны, замуровывался или закладывался каменной плитой. В верхнем помещении ставилось надгробие с эпитафией. Конструктивные решения мавзолеев различаются. В дюрбе Бей-Юде-Султан подкупольные паруса своими основаниями опираются непосредственно на пол верхнего помещения. В Малом восьмиграннике и Кубовидном они подняты и улучшены по пропорциям.

Наружная отделка каждого дюрбе выполнена в камне, внутренняя – в штукатурке или предназначалась для оштукатуривания. Отделка большинства усыпальниц исключительно проста и элегантна. Все они облицованы хорошо обработанными тесаными блоками. Более ранние дюрбе украшены резными вставками и бордюрами сельджукского типа, мукарнасными нишами, орнаментированными колонками [44, с. 124]. В XVI–XVII вв. появляются типично османские формы декорировки фасадов: стрельчатые ниши и обводы вокруг окон [44, с. 180], выделение карнизов и лопаток тягами [44, с. 212], закрепление углов декоративными колонками [44, с. 220]. К XVIII веку абрисы ниш приобретают легкий барочный оттенок, не нарушающий общего татарского стиля сооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акчораклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59-й). Симферополь, 1929.

2. *Ардаев В.* В СССР ислам был [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bbcrussian.com/ 5 октября 2005 г., 15:48 GMT 19:48 MCK

3. *Бахревский Е., Золотарев Д.* Ислам в Крыму. История, современность, перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:www.moscow-crimea.ru

4. Бахчисарай: дворцы не горят [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archeologia.narod.ru/krim/bach.htm

5. Высочайше утвержденное положение о Таврическом магометанском духовенстве и о подлежащих ведению его делах // ПСЗ, собр. 2-е, № 5033, п. 65, 1831.

6. *Гайворонский О.* Кладбище Кырк-Азизлер – безмолвный спутник города [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eskiyurt.org.ua/qa.html

7. *Гайворонский О.* Очерк истории Ханского дворца [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hansaray.org.ua/r_ist_palac.html

8. *Гармаш П.Е.* Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1996.

9. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в Европейской части России и Сибири. Казань: Татарское книжное издательство, 2007.

10. *Засыпкин Б.М.* Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. Сб. статей под ред. И. Бороздина. М.-Л.: Академия, 1931. С.44–46.

11. К 350-летию покорения Казани (1552–1902). Подлинная о Казанском походе: запись царственной книги 1552 г. И сказание князя Курбского о покорении Казани. М., 1902.

12. *Килессо С.К.* Архитектура Крыма. Киев: Будівельник, 1983.

13. *Крикун Е.В.* Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII–XX вв.). Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 112 с.

14. Крым. Архитектура, памятники: фотоальбом. Авт. Фото Р.Т. Папикьян. Авт. текста В.И. Тимофеенко. Киев: Мистецтво, 1991.

15. *Куфтин Б.А.* Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы) // Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Вып. 1. М.: тип. «Тайнинский Печатник», 1926.

16. *Маркевич А.И.* Краткий очерк истории Крымского Ханства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kyrgyz.ru/?page=255&

17. О построении магометанских мечетей // Свод законов Российской империи. Т. XII, ч. 1. Разд. III, гл. 5, ст. 158. СПб., 1900.

18. О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставили все сие светским правительствам // ПСЗ, собр.1-е, т. XIX, 1773 г. № 13996.

19. *Одинцов М.И.* Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР. Православная энциклопедия. Т. VII. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.katehizis.ru/

20. *Озенбашлы Э.* Крымцы. Сб. работ по истории, этнографии и языку крымских татар. Акмесджит, 1997. 62 с.

21.*Опочинская А.И.* Судакская крепость // Архитектурное Наследство. М.: Гос. издательство литературы по строительству и архитектуре, 1986. № 34. С.255–265.

22. Отголоски древних верований у крымских татар [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cidct.info/ru/Avdet/1-6(96)/26.html

23. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794. М.: Наука, 1999.

24. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ua.vlasenko.net /_pgs/pgs-html/pgs2–258.html

25. *Саламзаде А.-В.Р.* История архитектуры Азербайджана. Всеобщая история архитектуры / под ред. Б.П. Михайлова. Ч.1. М.: Госстройиздат. 1958.

26. Указ... о постройке мечетей по ведомству Оренбургского Магометанского Духовного собрания, по новым планам и фасадам // ПСЗ, собр.1-е, № 2903, 1829 г.

27. Указ... о постройке мечетей по ведомству Оренбургского Магометанского Духовного собрания, по новым планам и фасадам // ПСЗ, собр. 2-е, № 27539, 1844 г.

28. *Хабутдинов А., Мухетдинов Д.* Ислам в СССР: предыстория репрессий. По материалам книги Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача «Ислам и мусульмане. По материалам восточного отдела ОГПУ. 1926 год. // Медина аль-Ислам. 19–25 октября 2007 г. № 39.

29. *Халит Н.* Дюрбе Ахмед-бея (Крым, Азиса) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004 г.

30. *Халит Н.* Дюрбе Бей-Юде-султан, рубеж XIV–XV вв. (Крым, Азиса, ул. Фрунзе) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 224.

31. *Халит Н.* Дюрбе дочери хана Тохтамыша Джаныке-ханым, XV в. (Крым, Салачик, Чуфут-Кале) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 225.

32. *Халит Н.* Дюрбе Крымских ханов и правителей // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 224.

33. *Халит Н.* Дюрбе Ханского кладбища (XVI–XVII вв.) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 226.

34. *Халит Н.* Мечети Золотой Орды // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 211–212.

35. *Халит Н.* Мечети Крымского ханства // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 215.

36. *Халит Н.* Мечети средневековой Казани. Историко-архитектурное исследование. Казань: Татарское книжное издательство, 2011.

37. *Халит Н.* Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань: Мастер-Лайн, 1999.

38. *Халит Н.* Татарская мечеть и ее архитектура. Казань: Татарское книжное издательство, 2012.

39. *Халит Н.* Татарская мечеть от начала до наших дней. Казань: РИУ, 2012.

40. *Халит Н.* Эски Дюрбе, XV в. (Крым, г. Бахчисарай, у Ханского дворца) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 224–225.

41. *Халит Н.* Главная мечеть Золотой Орды? // Татарстан. Казань: ТГЖИ, 1995, № 7–8.

42. *Халит Н.* Дюрбе Мухаммед-Бея и Мухаммед-Гирея II (Крым, Азиса) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С.225–226.

43. *Халит Н.* Дюрбе ханов Хаджи-Гирея и его сына Менгли-Гирея (Крым, Салачик, Чуфут-Кале) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 225.

44. *Халит Н., Альменова-Халит Н.* Стили и формы средневековой архитектуры Казани. Казань: Татарское книжное издательство, 2014. 351 с.

45. *Халитов Н.Х.* Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX вв. М.: Стройиздат, 1989.

46. *Халитов Н.Х.* (Нияз Халит) Татарские дворцовые комплексы XV–XVI вв.: некоторые закономерности архитектуры // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17–18 апреля 2008 г.). Казань, 2009. С. 304–317.

47. Ханский дворец (Бахчисарай) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ханский_дворец_(Бахчисарай)

48. *Эвлия Челеби.* Книга Путешествия, Крым и сопредельные области. 1666–1667 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimeantatars.com/крымское-ханство/14-эвлия-челеби-путешествие-по-крыму

49. *Эрнст Н.Л.* Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III Фрязин Алевиз Новый // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59-й). Симферополь: изд. Гос. дворца и Музея тюрко-татарской культуры в Крыму, 1928.

50. Юсуповская мечеть [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archiportal.crimea.ua/bachchisaray/usupovskaya-mechet.html

Сведения об авторе: Нияз Хазиевич Халитов – доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Россия); n_halit@mail.ru

Architecture of the Crimean Khanate

Niyaz Khalit
(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract: The Crimean Khanate, which existed for about 350 years, left an imprint on the history of Russia and also a number of ground facilities. At the time of its inception (1405), its multi tribal people already possessed thousands of construction and architectural tradition. In general, the architecture of the Crimean Khanate can be defined as a cultural phenomenon, which arose on the solid foundation of a local tradition and based, on the one hand, on the Turkish-Tatar State ideology, and on the other hand, on a very high craftsmanship standards of its peoples. Being situated close to the Ottoman Empire and depending on it, it had adopted features of Turkish style, while remaining, however, quite peculiar and conceptually clear branch of Government and popular culture of Crimea. The most populated part, the cultural core of the State, is the Crimean peninsula, having the remarkable diversity of natural-geographical environment (mountains, foothills, grassland and sea coast). This, as well as the complexity of the ethnogenesis of the Crimean Tatar people, and the contribution component of the other tribes of population of the Crimea, predetermined diversity planning principles for the infrastructure of the settlements, the typology of dwelling and household buildings and their design. In the architecture of the Khan's Palace in Bakhchisarai, the principle of perimeter layout around a central courtyard is taken. It brings the Khan-Saray palace with a similar set of Arch in Kazan and the complex of Sultan`s Palace Top-Capu in Istanbul, which were made at the same time with it. By the time of beginning of the Crimean Khanate, two main types of mosques came into use in its territory: central-domed and pillared, taken as the legacy of the earlier Golden Horde tradition, as well as cupola-basilica shaped of Ottoman type. After the conquest of Crimea by Russia, the development of architecture here went on the scheme, already used two centuries earlier in the Volga region and Siberia. Having lost government funding and Government support, the Muslim sacral architecture had stopped its perspective development, sharply lessening the scale of construction, typological diversity and the quality of buildings which were built.

During the 19th century on the Crimean Tatar mosques architecture made great impact the model projects, having been developed in St. Petersburg. The most common type of Crimean Tatar mosque building of the New period was 1–2 storey stone buildings with a minaret, adjacent to one of the

facades. In the Soviet times began the total destruction of mosques, medreces and cemeteries. The deportation of the Crimean Tatar people from their historical homeland in May, 18, 1944, stopped the process of the progressive development of its architecture right up until the collapse of the Soviet Union and the formation of the independent State of Ukraine.

Keywords: Tatars, Crimean Tatars,the Crimea, the Golden Horde, the Crimean Khanate, mosques, Dyurbe, Khan`s Palace, architecture.

REFERENCES

1. Akchorakly O. Novoe iz istorii Chufut-Kale [The new information from the history of Chufut-Kale]. *Izvestiya Tavricheskogo o-va istorii, arkheologii i etnografii* [The news from Tavrida`s history, archeology, and ethnography]. Vol. 2 (59). Simferopol, 1929.

2. Ardaev V. *V SSSR islam byl* [Islam was in the USSR]. Available at: http://bbcrussian.com/ 5 oktyabrya 2005 g.

3. Bakhrevskiy E., Zolotarev D. *Islam v Krymu. Istoriya, sovremennost', perspektivy* [Islam in the Crimea. The history, the present, the perspectives]. Available at: http:www.moscow-crimea.ru

4. *Bakhchisaray: dvortsy ne goryat* [Bakhchisaray:the palaces don`t burn]. Available at: http://archeologia.narod.ru/krim/bach.htm

5. Vysochayshee utverzhdennoe polozhenie o Tavricheskom Magometanskom Dukhovenstve i o podlezhashchikh vedeniyu ego delakh [The highest confirmed regulations about Tavrida Mohammedanism Clergy and about affairs concerning it]. *Polnoe sobranie zakonov* [The full collection of law code materials], assembly 2, no. 5033, 1831.

6. Gayvoronskiy O. *Kladbishche Kyrk-Azizler – bezmolvnyy sputnik goroda* [The Kirk-Azizler cemetery is the silent companion of the city]. Available at: http://www.eskiyurt.org.ua/qa.html

7. Gayvoronskiy O. *Ocherk istorii Khanskogo dvortsa* [The sketches on history of the Khan`s Palace]. Available at: http://hansaray.org.ua /r_ist_palac.html

8. Garmash P.E. *Putevoditel' po Krymu* [The guide-book on the Crimea]. Simferopol, 1996.

9. Zagidullin I.K. *Islamskie instituty v Rossiyskoy imperii. Mecheti v Evropeyskoy chasti Rossii i Sibiri* [Islam Institutes in Russian Empire. Mosques in the European part of Russia and Siberia]. Kazan. Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007.

10. Zasypkin B.M. Pamyatniki monumental'nogo iskusstva Sovetskogo Vostoka [The memorials of the monumental arts of the Soviet East].

Khudozhestvennaya kul'tura Sovetskogo Vostoka [The art culture of the Soviet East]. Ed. I. Borozdina. Moscow-Leningrad, Akademiya, 1931. Pp.44–46.

11. *K 350-letiyu pokoreniya Kazani (1552–1902). Podlinnaya o Kazanskom pokhode: zapis' tsarstvennoy knigi 1552 g. I skazanie knyazya Kurbskogo o pokorenii Kazani* [To the 350th anniversary of the conquest of Kazan (1552–1902). The true information about the campaign to Kazan: the writings of the regal book1552.And the tale of prince Kurbskoy about the subjugation of Kazan]. Moscow, 1902.

12. Kilesso S.K. *Arkhitektura Kryma* [Architecture of the Crimea]. Kiev, Budivel'nik, 1983.

13.Krikun E.V. *Pamyatniki krymskotatarskoy arkhitektury (XIII–XX vv.)* [The monuments of the Crimean Tatar architecture (XIII–XX)]. Simferopol, Krymuchpedgiz, 1998. 112 p.

14. *Krym. Arkhitektura, pamyatniki: fotoal'bom* [The Crimea. Architecture, monuments: photograph album]. Kiev, Mistetstvo, 1991.

15. Kuftin B.A. Zhilishche krymskikh tatar v svyazi s istoriey zaseleniya poluostrova (materialy i voprosy) [The dwellings of the Crimean Tatars in connection with colonization of the peninsular (materials and question)]. *Memuary etnograficheskogo otdela Obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii* [Memoirs of the ethnographic department of the society of natural science, anthropology and ethnography]. Issue 1. Moscow, Tayninskiy Pechatnik, 1926.

16. Markevich A.I. *Kratkiy ocherk istorii Krymskogo Khanstva* [A short sketch about the history of the Crimean khanate]. Available at: http://www.kyrgyz.ru/?page=255&

17. O postroenii magometanskikh mechetey [About construction of Mohammedan mosques]. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Law code of the Russian Empire]. Vol. XII, part 1. Razdel III, glava 5, stat'ya 158. Saint-Petersburg, 1900.

18. O terpimosti vsekh veroispovedaniy i o zapreshchenii Arkhiereyam vstupat' v dela, kasayushchiesya do inovernykh ispovedaniy i do postroeniya po ikh zakonu molitvennykh domov, predostavili vse sie svetskim pravitel'stvam [About tolerance to all religions and about prohibition made by Archibishop to interfere in the affairs concerning the other religious beliefs, and in the problem of construction their religious praying houses, and to let everything do to temporal state powers]. *Polnoe sobranie zakonov* [Full collection of statute books], assembly 1, vol. XIX, 1773, no. 13996.

19. Odintsov M.I. Velikaya Otechestvennaya voyna (1941–1945) i religioznye organizatsii v SSSR [The Great Patriotic War (1941–1945) and religious organizations in the USSR]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox encyclopaedia]. T. VII. Available at: http://www.katehizis.ru/.

20. Ozenbashly E. *Krymtsy. Sbornik rabot po istorii, etnografii i yazyku krymskikh tatar* [A collection of works on history, ethnography and language of the Crimean Tatars]. Akmesdzhit, 1997. 62 p.

21. Opochinskaya A.I. Sudakskaya krepost' [The Sudak fortress]. *Arkhitekturnoe Nasledstvo* [Architectural heritage]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1986, no. 34, pp.255–265.

22. *Otgoloski drevnikh verovaniy u krymskikh tatar* [The echo of the ancient beliefs of the Crimean Tatars]. Available at: http://cidct.info /ru/Avdet/1–6(96)/26.html.

23.Pallas P.S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794* [Observations made while travelling along the southern regions of Russian government in 1793–1794]. Moscow, Nauka, 1999.

24. *Pamyatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoy SSR* [The monuments of town-planning and architecture in the Ukrainian SSR]. Available at: http://ua.vlasenko.net/_pgs/pgs-html/pgs2-258.html.

25. Salamzade A.-V.R. *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana. Vseobshchaya istoriya arkhitektury* [The history of the architecture of Azerbaijan The universal history of the architecture]. Part 1. Moscow, Gosstroyizdat, 1958.

26. Ukaz... o postroyke mechetey po vedomstvu Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo sobraniya, po novym planam i fasadam [The decree about constructions of the mosques according to Orenburg Mohammedan Religious assembly using new plans and facades]. *Polnoe sobranie zakonov* [Full collection of status book], assembly 1, no. 2903, 1829.

27. Ukaz... o postroyke mechetey po vedomstvu Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo sobraniya, po novym planam i fasadam [The decree… about construction of the mosques according to Orenburg Mohammedan Religious assembly using new plans and facades]. *Polnoe sobranie zakonov* [Full collection of status books], assembly 2, no. 27539, 1844.

28. Khabutdinov A., Mukhetdinov D. Islam v SSSR: predystoriya repressiy. Po materialam knigi D.Yu. Arapova i G.G. Kosacha «Islam i musul'mane. Po materialam vostochnogo otdela OGPU. 1926 god» [Islam in the USSR. Prehistory of repression. According to the materials of the book by D.Yu. Arapov and G.G. Kosach «Islam and muslims. According materials of the eastern department of OGPU 1926»]. *Medina al'-Islam* [Islam city of Medina]. 19–25 oktyabrya 2007 g, no. 39.

29. Khalit N. Dyurbe Akhmed-beya (Krym, Azisa) [Dyurbe Bey Akhmed (the Crimea, Azisa)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004.

30. Khalit N. Dyurbe Bey-Yude-sultan, rubezh XIV–XV vv. (Krym, Azisa, ul. Frunze) [Dyurbe Bey-Yud Sultan.The borderline of ZIV-XV centuries (the Crimea, Azisa, Frunze st.)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 224.

31. Khalit N. Dyurbe docheri khana Tokhtamysha Dzhanyke-khanym, XV v. (Krym, Salachyk, Chufut-Kale) [Dyurbe of Tokhtamysh Khan`s daughter Dzhanyke- khanym (the Crimea, Salachyk, Chufut Kale)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 225.

32. Khalit N. Dyurbe Krymskikh khanov i praviteley [Dyurbe Crimean khans and rulers]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 224.

33. Khalit N. Dyurbe Khanskogo kladbishcha (XVI–XVII vv.) [Dyurbe of the Khan`s cemetery (XVI–XVII) centuries]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 226.

34. Khalit N. Mecheti Zolotoy Ordy [Mosques of the Golden Horde]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. Pp. 211–212.

35. Khalit N. Mecheti Krymskogo khanstva [Mosques of the Crimean Khanate]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 215.

36. Khalit N. *Mecheti srednevekovoy Kazani. Istoriko-arkhitekturnoe issledovanie* [The mosques of Kazan in the middle ages. Historic-architectural investigation]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011.

37. Khalit N. *Ocherki po arkhitekture khanskoy Kazani. Gipotezy. Fakty. Razmyshleniya* [The sketches on the architecture of the Khan`s Kazan]. Kazan, Master-Layn, 1999.

38. Khalit N. *Tatarskaya mechet' i ee arkhitektura* [Tatar`s mosque and its architecture]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012.

39. Khalit N. *Tatarskaya mechet' ot nachala do nashikh dney* [Tatar`s mosque from the beginning and up to the present days]. Kazan, RIU, 2012.

40. Khalit N. Eski Dyurbe, XV v. (Krym, g. Bakhchisaray, u Khanskogo dvortsa) [The Ancient Dyurbe, XV century (the Crimea, Bakhchisarai, near the Khan`s Palace)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 224–225.

41. Khalit N. Glavnaya mechet' Zolotoy Ordy? [The Main Dyurbe of the Golden Horde]. *Tatarstan* [Tatarstan]. Kazan, TGZhI, 1995, no. 7–8.

42. Khalit N. Dyurbe Mukhammed-Beya i Mukhammed-Gireya II (Krym, Azisa) [Dyurbe of Mukhammed Bey and of Mukhammed Giray II (the Crimea, Azisa)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. Pp. 225–226.

43. Khalit N. Dyurbe khanov Khadzhi-Gireya i ego syna Mengli-Gireya (Krym, Salachik, Chufut-Kale) [Dyurbe of Khan Hagi Giray and of his son Mengli-Giray (the Crimea, Salachyk, Chufut-Kale)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 225.

44. Khalit N., Al'menova-Khalit N. *Stili i formy srednevekovoy arkhitektury Kazani* [The styles and forms of the medieval architecture of Kazan]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014. 351 p.

45. Khalitov N.Kh. *Pamyatniki arkhitektury Kazani XVIII – nachala XIX vv.* [The monuments of architecture of Kazan of the XVIII beginning of XIX century]. Moscow, Stroyizdat, 1989.

46. Khalitov N.Kh. (Niyaz Khalit) Tatarskie dvortsovye kompleksy XV–XVI vv.: nekotorye zakonomernosti arkhitektury [Tatar`s Palace complexes of the XV–XVI centuries and some regularities of its architecture]. *Istoki i evolyutsiya khudozhestvennoy kul'tury tyurkskikh narodov: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya pedagoga-prosvetitelya, khudozhnika Sh.A. Tagirova (Kazan', 17–18 aprelya 2008 g.)* [Sources and evolution of the art culture of the Turkic people. Materials of the International scientific-practical conference, dedicated to 150 anniversary since the birthday of a great teacher and educator, the artist, Tagirov Sh.A. (Kazan, April 17–18, 2008)]. Kazan, 2009. Pp. 304–317.

47. *Khanskiy dvorets (Bakhchisaray)* [Khan`s Palace (Bakhchisarai)]. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/ Khanskiy_dvorets_(Bakhchisaray)

48. Evliya Chelebi. *Kniga Puteshestviya, Krym i sopredel'nye oblasti. 1666–1667 gg.* [The Book of Travels, the Crimea and the contiguous regions. 1666–1667]. Available at: http://crimeantatars.com/krymskoe-khanstvo/14-evliya-chelebi-puteshestvie-po-krymu

49. Ernst N.L. Bakhchisarayskiy khanskiy dvorets i arkhitektor vel. kn. Ivana III Fryazin Aleviz Novyy [Bakhchisarai Khan`s palace and architect of Ivan III Fryazin Aleviz Novi]. *Izvestiya Tavricheskogo o-va istorii, arkheologii i etnografii* [The news of Tavrida history, archeology and ethnography]. Vol. 2 (59). Simferopol, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo dvortsa i Muzeya tyurko-tatarskoy kul'tury v Krymu, 1928.

50. *Yusupovskaya mechet'* [Yusupov`s mosque]. Available at: http://www.archiportal.crimea.ua/bachchisaray/usupovskaya-mechet.html.

About the author: Niyaz Khazievich Khalitov – Doctor of Architecture, professor, the Chief Researcher, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russia); n_halit@mail.ru

Историография крымоведения, которой нет

Рец. на: Пащеня В.Н. Историография крымоведения. Симферополь : ДИАЙПИ, 2013. 368 с.

Андрей Непомнящий
(Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского)

Сегодня реконструкция полноценной картины истории научного изучения Крыма находится на новом качественном этапе. Тематика выпускаемых в свет научных исследований по крымоведению значительно расширилась, а значит – каждый период накопления исследовательского опыта должен выходить на новые уровни обобщения, выражающиеся в фундаментальных исследованиях тех или иных исторических процессов. Данный тезис касается не только истории отдельных регионов, этносов, социально-политической истории вообще, но и таких специфических отраслей исторической науки как историография и ее составляющей – история науки. Нынешнее развитие этих специальных исторических дисциплин во многом определяет общий прогресс исследовательской активности, стимулирует дискуссии и поиск актуальных научных концепций.

Как специалиста по истории наук (крымоведения) мое внимание не могло не привлечь новое монографическое исследование кандидата исторических наук, доцента Крымского института информационно-полиграфических технологий (бывшей Украин-

ской академии печати) (г. Симферополь) Владислава Николаевича Пащени «Историография крымоведения».

Рецензируемая книга оказалась «откровением» во всех своих составляющих. Уже ознакомление с ее титульным листом заставило задаться вопросом: как такое значительное исследование могло быть издано без ответственности какого-либо (и в данном случае, несомненно, авторитетного) научного учреждения или академического института? Однако сведения об ответственности, где указываются соответствующие институции, отсутствуют, а это значит, что автор творил не оглядываясь на авторитеты. Однако уже на обороте титульного листа указаны научный редактор и рецензенты монографии: в роли научного редактора издания назван доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина Сергей Иванович Посохов (кстати, не имеющий никакого отношения к крымоведению), а рецензентами – известный харьковский специалист в области историографии и краеведения, кандидат исторических наук С.М. Куделко и декан философского факультета Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, доктор исторических наук Ю.А. Катунин. С.М. Куделко является именно кандидатом, а не «доктором» исторических наук, как по непонятным причинам указал В.Н. Пащеня. Уважаемый специалист действительно рецензировал рукопись данной книги. В телефонном разговоре со мной он подтвердил, что дал господину Пащене отрицательный отзыв без рекомендации рукописи в печать. Не знал о своей ответственной редакторской роли до выхода книги в свет и «научный редактор» – С.И. Посохов, который, как оказалось, вообще к данному изданию не причастен. Кстати, в книге Харьковский национальный университет имени В.Н. Ка**раз**ина поименован «ХНУ имени В. Н. Ка**рамз**ина». Но это такая мелочь по сравнению с иными «перлами» монографии, что и останавливаться на ней не будем. В.Н. Пащеня подчеркивает среди особенностей своей работы тот факт, что «путевку в жизнь» монографии дала кафедра историографии ХНУ» (с. 10). При этом – нигде не указан ни номер протокола, ни дата соответствующего заседания названной кафедры, да и было ли оно? Итак, насторожили в плане научной этики уже первые страницы данной книги.

В аннотации к изданию утверждается, что «в книге дается общая характеристика становления и развития историографии истории Крыма с древнейших времен до наших дней». Размах авторской задумки впечатлил. Занимаясь более 20 лет историей крымоведения, я пока бы не решился на подобное обобщение, поэтому жадно окунулся в чтение. А что же в книге оказалось на самом деле…

Во «Введении» В.Н. Пащеня подробно попытался представить предмет своего исследования – и приводит четко, по-военному, устоявшиеся для диссертационных работ компоненты любого историографического труда (с. 8–9), абсолютно для подобного исследования ненужные, но возможные. Вызывает полное недоумение оглавление монографии. Так, на грани абсурда сформулировано название первой главы – «Историография источниковой базы и парадигм исследования». Налицо смешение, по меньшей мере, двух разных методов работы историка – собственно, источниковедческого и историографического анализа. Ведь для того чтобы создать историографическое исследование априори нужна источниковая база. Но в данном случае ею и должны являться труды по крымоведению. О какой «историографии источниковой базы» можно говорить в принципе? В чем тут смысл исследования? Ответа В.Н. Пащеня не дает. Зато в этой же главе есть место целому ряду «парадигм исследования» – натуралистической, юридической, этнокультурной, теологической, этнонациональной. Ознакомление с текстом данных параграфов (с. 35–115), увы, не приблизит читателя ни к пониманию этих парадигм, ни к конкретным работам по крымоведению, которые могли бы пролить свет на проблемы, вынесенные в заголовки. Автор зачастую просто пересказывает хорошо известную, энциклопедическую информацию о работах общего характера, касающуюся, например, сочинений античных авторов о природе и населении Северного Причерноморья, экспедициях в Крым В.Ф. Зуева, П.С. Палласа, путешествиях П.И. Сумарокова, исследованиях Х.Х. Стевена и В.Х. Кондараки и т.д. При этом стилем изложения материала является примитивный авторский пересказ содержания трудов ученых и путешественников прошлого. Мы вообще не увидели никаких попыток собственно историографи-

ческого анализа, или хотя бы общей оценки вклада того или иного исследователя.

Не менее странным выглядит и содержание параграфов, посвященных «историографии вспомогательных исторических дисциплин и археологии» (с. 115–137). Здесь, опять-таки, читатель найдет пространные рассуждения о развитии монетного дела в древнем мире, зачем-то – о становлении архивного дела в Российской империи и СССР, об истории археологии как науки и даже, как ни странно, содержание первого выпуска научно-информационного бюллетеня Главного архивного управления МВД СССР «Вопросы архивоведения» за 1959 год. Вместе с тем, как раз связного рассказа об истории нумизматических, архивоведческих или археологических исследований собственно в Крыму с характеристикой конкретных достижений деятелей науки – к сожалению, не обнаружит. Снова идет пересказ давно известных, выбранных Пащеней абсолютно по непонятному принципу и легкодоступных изданий. Опять – отсутствие всякого анализа, изредка – личная оценка, основанная на принципе «я так думаю». Ни мнения других исследователей, рецензентов, ни опоры на современную историографию в первой главе книги В.Н. Пащени нет в принципе.

Содержание остальных глав – лишь подтверждает названные нами тезисы. Так, например, недоумение вызывает название второй главы исследования «Досоветская историография Крыма с древнейших времен до 1920 года». При этом – ни одного представителя исторического крымоведения непосредственно из «древнейших времен», конечно же, не представлено. Потому что их не может быть априори. Как не представлено и ни одной заявленной на стр. 139–145 школы дореволюционной историографии крымоведения – есть и про Г.З. Байера, и про С.М. Соловьева, и про русских революционеров-демократов (зачем они здесь?), и про буржуазную историографию во главе с «Л.Н. Милюковым» (!), но об их связи (которую проследить, к слову, весьма нелегко) с крымоведением – ни слова. Не менее «занятным» является и подход автора к описанию «формирования историографии экономического развития Крыма» (с. 153–160): на стр. 153–154 идут известные любому более-менее подготовленному студенту исторического факультета (да и в принципе образованному человеку!)

рассуждения о развитии хозяйства в первобытную эпоху, от раннего палеолита до бронзового века, конечно же, никак не связанные с историографией крымоведения. Далее – на стр. 157–159 представлен подробный пересказ (прямо как по конспекту!) основных положений оценки развития капитализма в Российской империи, сформулированных В.И. Лениным в начале XX века. Тут, безусловно, сказалась хорошая политическая подготовка В.Н. Пащени – выпускника Даугавпилсского авиационного училища войск ПВО. Стоит ли говорить, что ответа на вопрос – какое все эти сведения имеют отношение к предмету исследования – мы на страницах книги не найдем.

В третьей главе «Создание и развитие советской школы историографии крымоведения (1917–1945 гг.)» мы зачем-то вынуждены ознакомиться с авторской оценкой Пащени событий Февральской революции 1917 г.: «Обреченность императорского дворянского строя России была ясна и понятна всему прогрессивному человечеству планеты Земля. <…> К власти пришла российская полиэтническая буржуазия, во главе которой встал ставленник мирового масонства А.Ф. Керенский. Масонские представители в лице М.С. Грушевского, В. Винниченко возглавили в Украине Центральную раду <…> Все шло по плану» (с. 185). Заметим, что подобные политизированные пассажи в книге не редкость. Однако при этом нельзя не отметить, что такие оценки явно не имеют ничего общего с принципами историзма и объективности, названными автором «определяющими факторами объективного использования парадигм» (?). Впрочем, самому В.Н. Пащене, очевидно, куда более близок принцип альтернативности, по его мнению, «обязывающий рассматривать, не отрицая, различные точки зрения (пусть даже несуразные, но высказанные)» (с. 36).

Бросается в глаза неуемная самореклама В.Н. Пащеней своих же многочисленных трудов, в последние годы обрушившихся на читателей мощным и непрекращающимся потоком. Автор монографии зачем-то пустился в ностальгические воспоминания о своей работе в Таврическом национальном университете имени В.И. Вернадского (с. 274–278, 279–280). На читателя выплескивается информация, не имеющая не только никакого отношения к теме исследования, но и научной ценности: попросту – жалобы

автора на неоцененность его исследований, в том числе – рассказ о переводе его с полной ставки доцента на 0,75 ставки…

Книжица просто переполнена и многочисленными фактологическими ошибками. Приведем только некоторые из них. Рассуждая о связи библиографических исследований с историографией крымоведения, В.Н. Пащеня делает безапелляционное заявление о том, что материалы сборника «Указателя сочинений, касающихся Крыма» А.И. Маркевича «хранятся в рукописной форме в Крымской Республиканской Научной Библиотеке им. И. Франко» (с. 25). Действительно, в главной библиотеке Республики Крым есть названные материалы. Для Пащени будет, наверное, откровением, что оснований считать их реальными материалами А.И. Маркевича нет. Потому как любому, кто интересуется историографией крымоведения, известно, что картотека А.И. Маркевича, которую ученый продолжал составлять вплоть до конца 30-х годов XX века в Ленинграде, действительно сохранилась в полном объеме. Ввиду материальных затруднений престарелый ученый был вынужден продать ее в два этапа Государственной академии истории материальной культуры. Эти материалы, а также ценные биографические документы А.И. Маркевича, членов его семьи и коллег составили основу личного архивного фонда А.И. Маркевича в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН на Дворцовой набережной в Санкт-Петербурге и на сегодняшний момент доступны исследователям (ф. 32 названного архива). Понятно, что В.Н. Пащеня ни в одном архиве, ни Российской Федерации, ни Украины, где отложились документы, связанные с «историографией крымоведения», кроме Гос. архива Республики Крым, не работал и вряд ли имеет представление о существовании таковых. С какими же тогда материалами, хранящимися в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке, «проводил исследование» автор? Действительно, сотрудниками библиотеки еще в 60–70-е годы XX века были осуществлены ряд поездок в Ленинград, где они от руки переписали содержание картотеки А.И. Маркевича (более 10 000 карточек). После этого рукописные карточки были перепечатаны на печатной машинке и составлены тома, в которых по понятным техническим причинам вкралось огромное количество ошибок. В связи с этим названный Пащеней собранием А.И. Маркевича печатный каталог вообще

нельзя рассматривать всерьез. Данные материалы нельзя считать картотекой А.И. Маркевича.

Заметим, что посещение автором главных архивохранилищ, где сконцентрированы документы по теме исследования при подготовке серьезных научных трудов еще никто не отменял. И наивно думать, что этим архивом является Гос. архив Республики Крым. Пащеня вообще не знаком ни с одним личным архивным фондом деятелей, которые стали, по сути, создателями крымской историографии, за разработку которой он с такой легкостью и поспешностью взялся. А таких фондов около сотни и разбросаны они по различным академическим центрам – различным городам, государственным и ведомственным архивам, фондам музеев и отделам рукописей библиотек. Работая над докторской диссертацией, которая посвящена, к слову, историографии крымоведения, мне пришлось более 10 лет объезжать эти архивы и месяцами просиживать в читальных залах различных хранилищ, восстанавливая страницу за страницей сюжеты крымской историографии. С полной ответственностью заявляю, что без этих материалов просто нелепо браться за создание «Историографии крымоведения». Налицо не только полная исследовательская некомпетентность В.Н. Пащени, но и банальная неосведомленность автора об общеизвестных фактах.

Наиболее неожиданные историографические «открытия» В.Н. Пащеня делает в уже упомянутой третьей главе книжки (с. 185–236), посвященной довоенному периоду развития советской «историографии крымоведения» (оговоримся – сугубо по авторскому мнению). В параграфе 3.1. «Суть и направления искажения истории и историографии советского государства, Крымской ССР (АССР)» (с. 186–189) автор попытался сформулировать заявленные «суть и направления», однако, из представленных девяти пунктов, реально относящимся к теме, можно назвать только один, касающийся «изъятия из оборота и уничтожения исторической, научной и другой литературы, изданий дореволюционного периода и Гражданской войны». Все остальные пункты либо нельзя отнести к деятельности советских органов в данный период, либо – попросту являются политизированными рассуждениями автора. В следующем параграфе 3.2. недоумение вызывает само название – «Формирование крымской истории и историографии практическими партийно-советскими и хозяйственными работниками, ар-

хивными фондами» (с. 189). В оглавлении впрочем, архивные «фонды» заменены на «документы», однако это не добавляет ясности – кто и что формировал? Нет и разъяснения смысла понятия «практические партийно-советские и хозяйственные работники», потому как если принять такую формулировку, то неизбежно возникнет вопрос – значит, были еще и некие «теоретические партийно-советские работники»? Относительно же содержания параграфа мы снова сталкиваемся с полным незнанием автором исторических и историографических работ современных исследователей данного периода – тех же М.Р. Акулова, Ю.А. Катунина, С.Б. Филимонова, которым В.Н. Пащеня, кстати, посвятил свой труд, или Б.В. Змерзлого, который выступает на страницах книги объектом болезненной критики, не говоря уже о работах А.А. Непомнящего, У.К. Мусаевой, А.В. Севастьянова, Э.М. Кангиевой и многих других. Снова в тексте книги мы ничего не увидим кроме банального пересказа некоторых публикаций и незнания элементарных принципов логического изложения материала. Не иначе, как сумбурной, можно назвать оценку В.Н. Пащеней обстоятельств политической борьбы в советском руководстве в течение 20-х гг. XX в.: здесь автором приведены и аргумент о том, что «от руководства начали отстранять представителей еврейского этноса», потом внимание уделяется борьбе И.В. Сталина с «правым уклоном» и сворачиванию НЭПа, убийству С.М. Кирова. Все это приводит В.Н. Пащеню к парадоксальному выводу: «Партия и государство получили «вождя» – И.В. Сталина, вокруг которого остался «прожиточный минимум» лично преданных ему представителей еврейского этноса». Возникает, как нам кажется, закономерный вопрос – где же тут Крым, более того – историография крымоведения? Зачем здесь весь этот околонаучный бред? Будем считать этот вопрос риторическим. И предложим дальнейшие рассуждения В.Н. Пащени: «Как результат такого хода дел, предание суду и расстрел в Крыму председателя Крым ЦИКа Вели Ибраимова. Программа развития еврейского переселения в Крым свертывается и переносится на Дальний Восток, туда, «где Макар телят не пас». На уровне Союза расстреляли всех ленинских еврейских лидеров» (с. 190–191). Собственно, остается, пожалуй, задать только следующие вопросы – о чем хотел сказать автор? что реально входило в его задачи при написании данного текста? да и все же – как связан процесс и рас-

стрел Вели Ибраимова с планами создания еврейской национальной автономии в Крыму? Про историографию крымоведения умолчим – ее здесь нет и близко. Последующие два параграфа третьей главы – посвящены деятельности Истпарта (с. 194–209) и Российского общества по изучению Крыма (РОПИК, с. 209–214) и представляют собой очередной сумбурный набор пересказа архивных документов без анализа, либо – перечисление статей журнала РОПИК «Крым». При этом только упоминается, но абсолютно не используются защищенная по специальности именно «историография» диссертация А.В. Севастьянова, посвященная истории Общества. Только ссылкой ограничивается В.Н. Пащеня на историографическую монографию того же автора по проблеме. Оба параграфа написаны В.Н. Пащеней скорее в позитивном отношении к деятельности и Истпарта, и РОПИК. Однако сколь неожиданно увидеть в выводе по главе следующую формулировку: «Ведущую роль в создании новой историографии Крыма стали Истпарт и РОПИК, заложившие основы фальсификации его истории» (с. 236). Фактов, подтверждающих это утверждение не представлено, поэтому остается лишний раз сожалеть о том, что В.Н. Пащеня не нашел возможности ознакомиться с общедоступными трудами по названным сюжетам. Тогда бы и не возникало подобных нелепостей в тексте книги.

Отметим, что в поле нашего внимания, как историка и биобиблиографа крымоведения, конечно же, попали и такие «мелочи» как неправильное написание инициалов, фамилий, названий трудов исследователей Крыма разных периодов. Так, Сергей Анатольевич Секиринский назван «С.И.» (с. 29), Григорий Михайлович Буров именуется «Г.Н.» (с. 137), киевские историки – доктора наук Светлана Александровна Беляева указана при перечислении ученых в мужском роде, а Сергей Борисович Сорочан – в женском (с. 136). Крупнейший историк античности Сергей Александрович Жебелёв обозначен как «Желябов» (с. 131), Осман-Нури Асанович Акчокраклы назван Акгокраклы (с. 131), Евгений Владимирович Веймарн обозначен «Вейнмарном» (с. 213). Так называемая «Литература» (с. 309–366) вообще трудно поддается критике. Ведь это, при такой постановке проблемы, в большинстве своем для автора источники, а не литература. Я нашел там для себя кое-что «новое». В частности, оказалось, что докторскую диссертацию я защитил по

специальности «Всемирная история». Это совсем не так! Моя докторская диссертация защищена по специальным историческим дисциплинам. Что в этом списке делают труды Дмитрия Ивановича Яворницкого (еще досоветские издания под фамилией Эварницкий и почему-то «в 2 томах», хотя они изданы в трех) по истории украинского казачества – загадка. Такое перечисление можно продолжать, но есть ли в этом смысл… Все это демонстрирует низкий уровень подготовки исследования. Показатель элементарной безграмотности автора, взявшегося за раскрытие вопроса, в котором он попросту дилетант.

Уже много лет как термин «крымоведение» прочно вошел в обиход любого историографа или источниковеда. И смысл этого термина означает именно «историю изучения Крыма». К сожалению, мы констатируем, что об этом в книге В.Н. Пащени сказано очень и очень мало, соответственно ее название не соответствует ее содержанию. Более того, даже приведенная в аннотации претензия на «историографию истории Крыма», также не выдерживает никакой критики. А потому становится совершенно ясно, почему это издание вышло без соответствующего грифа ответственной организации, почему у него «мифические» научный редактор и рецензент (по факту – попросту назначенные быть ответственными по воле автора!), почему даже по месту работы автора сотрудники не захотели принимать участия в подготовке данной книги, а руководство КРУ «Универсальная научная библиотека имени И.Я. Франко», также не смогло соответствовать уровню сотрудничества с В.Н. Пащеней (см. стр. 10).

В сегодняшних условиях, когда при наличии средств любой гражданин может издать что угодно под любым названием, на историографов накладывается особая ответственность. Рецензии должны появляться. Этому учит опыт полемики крупнейших ученых-крымоведов XIX века. Критика всегда будет стимулировать уровень исследований. Рецензировать же книгу В.Н. Пащени можно долго и объем такого опуса будет равняться самой анализируемой книги. Столько в ней несоответствий, граничащих с вульгарным незнанием основ изучаемого предмета. В Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского в рамках развития блока региональной истории вводится курс историографии истории Крыма. Считаю, что, пожалуй, единственное при-

менение «монография» Пащени таки найдет на семинарских занятиях для студентов в качестве яркого источника для выявления различных ляпов и откровенных несуразностей.

Сведения об авторе: Андрей Анатольевич Непомнящий – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (95000, просп. Вернадского, 4, Симферополь, Крым); aan@home.cris.net

Рец. на: Акдес Нигмет Курат. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы

Э.Г. Сайфетдинова
(Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан)

7 октября 2014 года в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась презентация книги татарско-турецкого ученого, историка Акдеса Нигмета Курата «Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы» [1].

Современные исследователи достаточно часто ссылаются на работы А.Н. Курата. Поэтому издание его трудов на русском языке это большой и значимый подарок для историков. Наряду с учеными Института истории активное участие в издании книги приняли и родственники известного историка.

Ставшая бестселлером его книга «Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы» была выпущена еще в 1940 году в Стамбуле. Однако перевод ее на русский язык был осуществлен

впервые. Несомненно, его работа это не только значимый источниковедческий материал, но и историческое исследование.

В книге представлены 10 ярлыков и битиков с оригинальным текстом, транскрипцией и переводом на русский язык, также даны подробные комментарии по печатям, дате, личным именам, содержащимся в тексте документов.

В основной первой части показаны 3 битика ханов Золотой Орды:

1. Битик хана Золотой Орды Улу-Мухаммеда к Мураду II.
2. Битик хана Золотой Орды Махмуд хана сына Мухаммед хана сына Тимур хана к султану Мехмеду Фатиху.
3. Битик хана Золотой Орды Ахмеда сына Мухаммеда сына Тимур хана к султану Мехмеду Фатиху.

Во второй части представлены ярлыки и битики Крымских ханов и беев:

1. Тарханный ярлык первого крымского хана Хаджи-Гирея.
2. Первый битик Менгли-Гирей хана к султану Мехмеду Фатиху.
3. Второй битик Менгли-Гирея.
4. Третий битиг Менгли-Гирей хана к султану Мехмеду Фатиху.
5. Первый битик крымского бея Эминека к султану Мехмеду Фатиху.
6. Второй битик крымского бея Эминека к султану Мехмеду Фатиху.

В третьей части расположен битик тимуридского султана Абу-Саида Кюркана в Узун-Хасану.

Достаточно полный анализ ярлыков и битиков золотоордынских ханов, представленных в книге А.Н.Курата, был дан в статье И.М. Миргалеева [2]. Что же касается ярлыков и битиков крымских ханов и крымских беев, то нужно отметить они составляют более объемную часть труда. Одним из первых ярлыков крымских ханов на страницах книги был представлен тарханный ярлык крымского хана Хаджи-Гирея Анкарскому хакиму Яхъе. Как казалось А.Н. Курату, этот ярлык является одним из наиболее важнейших документов, оригинал которого ему удалось обнаружить, однако редакторы казанского издания указывают со ссылкой на труды татарского историка М.А. Усманова [3], что это лишь копия.

Нужно отметить, что А.Н. Куратом дан достаточно подробный лексикографический анализ текста ярлыков, что подтверждает его компетентность не только в вопросах истории, но и филологии.

В трех битиках крымского хана Менгли-Гирея к османскому султану Мехмеду Фатиху. Курат обращает внимание на их стилевые различия: «Мы видим, – пишет он, – что после признания Крымом османского покровительства, язык крымского делопроизводства тотчас перешел на турецко-османский. Стиль письма тоже стал совершенно другим. В то время как в первом битике Менгли-Гирей использовал весьма вольный язык, в этом битике крымский хан пишет языком зависимого человека. Этот битик Менли-Гирея ясно отражает произошедшие в Крыму перемены» [1, с. 133]. Курат неоднократно подчеркивает, что «после смерти первого крымского хана Хаджи-Гирея, Крым пережил смутные времена» [1, с. 122, 138] и отмечает вассалитет Крыма от османского господства [1, с. 122, 143].

Два последних битика в книге А.Н. Курата, касающихся истории Крыма, – это письма крымского бея Эминека к султану Мехмеду Фатиху. Как видно, что подробная биография Эминека не была известна Курату, свои мысли он излагает согласно предположениям, отмечая, что «Эминек-мирза играл значительную роль в Крыму, в особенности после смерти Хаджи-Гирей хана» [1, с. 157]. Тем не менее крымский карачи-бек Эминек происходил из знатного рода Ширин, был сыном ширинского мурзы Тэгинэ-бея и младшим братом Мамак-бея, жил во времена правления хана Менгли-Гирея.

Первое письмо было написано во времена похода султана Мехмеда Фатиха на Молдавию, Эминек должен был присоединиться к войску султана, но в это время Крым был захвачен большеордынской армией. В битике Эминек говорит о том, что у него не осталось военных сил и оружия, поэтому ему не удалось воссоединиться с войском султана. Второе письмо является просьбой посодействовать в освобождении из плена Менгли-Гирея и назначить его крымским ханом.

Как уже было подмечено И.М. Миргалеевым [2, с. 258], Курат в своих работах путает Ахмад-хана с Сеид-Ахмадом и в комментариях подчеркивает: «Упомянутый в строках 26/27 «хан пре-

стола Ахмед» является Сеид-Ахмед ханом (см. Битик Ахмед хана)» [1, с. 157].

Необходимо отметить большую работу редакторов нового издания. Как известно, Институтом истории принято решение перевести все работы Курата. Хочется верить, что и последующие издания трудов А.Н. Курата будут выполнены на высоком уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Курат А.Н.* Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева; редактор текстов на арабице М.Р. Исмагилова; ответственные редакторы Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.

2. *Миргалеев И.М.* История Золотой Орды в трудах Курата // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 253–261.

3. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Сведения об авторе: Эльмира Гаделзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Россия); adulya2@yandex.ru

Хроника

23–25 сентября 2014 г. состоялись II Бахчисарайские научные чтения памяти Исмаила Гаспринского – **«Исмаил Гаспринский и мусульманский мир России».**

Бахчисарайские научные чтения памяти И. Гаспринского проводятся с 2012 г. на базе КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» раз в два года. 2014 год был объявлен UNESCO годом памяти Исмаила Гаспринского (1851–1914) – публициста, реформатора, издателя и редактора одной из первых мусульманских газет России «Переводчик-Терджиман» (1883–1918). В связи со столетием со дня смерти И. Гаспринского по всему тюрко-мусульманскому миру проводятся конференции, круглые столы, семинары и молебны.

Организаторами Бахчисарайских научных чтений выступили: Министерство культуры Республики Крым, КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник», Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, Духовное управление мусульман Крыма, Мемориальный музей Исмаила Гаспринского.

Начались чтения с молебна. Молебен был проведен заместителем Муфтия мусульман Крыма – Айдером Исмаиловым.

В Мемориальном музее Исмаила Гаспринского на официальном открытии чтений выступили: генеральный директор КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» Эльмира Аблялимова, заместитель Муфтия мусульман Крыма Айдер Исмаилов, председатель Государственного комитета РК по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Заур Смирнов, заместитель председателя Совета Муфтиев РФ Дамир Мухитдинов, руководитель информационно-аналитического отдела Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования Руслан Волков. Были зачитаны приветственные письма председателя Совета Муфтиев России – муфтий шейха Равиля Гайнутдина, председателя ЦРО АРДУМ, муфтия Астраханской области Назымбек-хазрят Ильязова.

В течение 3-х дней участники конференции смогли принять участие в интересной научной программе, насладиться дружеской атмосферой и экскурсией по Ханскому дворцу, историко-архитектурному комплексу Зынджирлы медресе.

В этом году Бахчисарайские научные чтения посетило более 50-ти слушателей и участников из различных уголков России и Украины. За время работы конференции было зачитано 35 научных докладов.

Работа конференции велась по 4 основным направлениям:

– Жизнь и деятельность Исмаила Гаспринского.

– История образования, издательской и культурной деятельности тюркских народов в XIX–XX вв.

– Актуальные проблемы социально-экономической, культурной, общественно-политической истории Крыма XIX–XX вв.

– Реформирование системы мусульманского образования в России XIX–XX вв.

Участники Бахчисарайских чтений отметили высокий уровень организации и содержания работы, реальную значимость полученных сведений в изучении жизни и деятельности И. Гаспринского.

Информация подготовлена С.А. Сеитмеметовой
(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)

* * *

Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан совместно с Крымским историческим музеем начали реализацию совместного проекта – проведение открытых лекций, с целью популяризации истории и культуры крымских татар и народов Крыма.

25 октября 2014 г. на территории Девлет-Сарая состоялась первая открытая лекция по истории Крыма. С лекцией на тему «Письменные свидетельства государственного развития крымских татар ханской эпохи» выступил младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, к.филол.н. Р.Р. Абдужемилев.

Подобного рода мероприятия будут иметь системный характер. Они призваны стать своеобразной площадкой, на которой ученые смогут делиться последними научными достижениями в области истории и культуры Крыма.

Информация подготовлена
кандидатом исторических наук Э.Х. Сейдаметовым
(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)

Список сокращений

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivleri
DİA – Türkiye Diyavet Vakfı İslâm Ansiklopedisi

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АЮЗР – Архив Юго-Западной России
БИКЗ – Бахчисарайский историко-культурный заповедник
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАРК / ГААРК – Государственный архив (Автономной) Республики Крым
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГИМ РФ ОПИ – Государственный исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников
ГМВ – Государственный музей Востока
ГПУ – Государственное политическое управление
КАССР – Крымская АССР
КрымОХРИС – Крымский комитет по охране памятников искусства и старины
НИИ – Научно-исследовательский институт
ОНО – Отдел народного образования
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПФАРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РАН – Российская академия наук
РВУЗ – Республиканское высшее учебное заведение
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РОПИК – Российское общество по изучению Крыма
ТОИАЭ – Таврическое общество истории, археологии и этнографии
ЦГИАК – Центральный государственный исторический архив Украины в городе Киеве
ЦДАГО – Центральний державний архів громадських об'єднань
ЦИК – Центральный избирательный комитет

Правила для авторов

Предлагаемые статьи в научный журнал «Крымское историческое обозрение» должны быть оформлены технически грамотно в строгом соответствии со следующими требованиями.

Требования по оформлению статей

– Статья принимается в электронном варианте. Размер кегля 14. Шрифт – Times New Roman, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

– УДК статьи.

– Название статьи на русском и английском языках.

– Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (http://www.translit.ru с вариантом BGN).

– Аннотация и ключевые слова на русском языке.

– Аннотация (Originality/value) (объем 250–300 слов) и ключевые слова (6–8 слов) на английском языке.

Обратите внимание на то, что аннотация должна быть:

1. Информативной (не содержать общих слов);
2. Оригинальной (не быть калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);
3. Содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);
4. Написана качественным английским языком;
5. Аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, не забывая, что **Вы пишете для международной аудитории.**

– Текст статьи (общий объем – не менее 5 страниц и не более 1,5 п.л.); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

– Библиографические ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, где указывается порядковый номер, соответствующий номеру источника в пристатейном списке литературы, и страницу(ы). В пристатейном списке литературы указывается полное количество страниц.

Например:

В тексте: [10, с.32]

В пристатейном списке литературы:

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная Литература, 2002. 752 с.

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала, сначала – источники на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

– Список литературы на английском языке (**References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок** (для транслитерации использовать http://www.translit.ru с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2002. 752 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов)

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected Articles], 2012, no. 5, pp. 8–12.

Описание материалов конференций:

Mirgaleev I.M. Toktamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Описание статьи из журнала:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: http://www.discovery.ucl.fc.uk/18975/1/18975.pdf

Описание переводной книги:

Gerberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 p. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o Moskovii.* Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

– Иллюстрации предоставлять отдельными файлами в формате TIF, JPG с разрешением 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы

– В конце статьи необходимо дать сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – на русском и английском языках.

Просим специалистов присылать свои статьи по электронному адресу: crimeanhr@gmail.com

Instructions for authors

The proposed articles to the scientific journal «Crimean Historical Review» must be prepared technically correctly, strictly in accordance with the following requirements.

Author Guidelines for Submission of Journal Manuscripts

– Articles are accepted in electronic form. Point size – 14, font – Times New Roman, regular style, line spacing, margins – 2 sm.

– UDC (Universal Decimal Classification) of the article.

– The initials and surname of the author (s) (on the right, bold font).

– Title of the article (centered in bold, no capital letters).

– Abstract in Russian.

– Keywords in Russian.

– The initials and surname of the author (s) – transliteration in Latin alphabet.

– Title of the article – in English.

– Abstract (Originality / value) (100–250 words) and keywords (6–8 words) in English. Please, note that the abstract should be:

1. Informative (containing no generalities);
2. Original (not to be the calque of Russian annotation with literal translation);
3. Content-related (reflecting the main content of the article and the results of the study);
4. Written in good English;
5. Abstract is intended for a competent audience, so you can use the technical (specific) terminology of your discipline without forgetting that **you are writing for an international audience.**

– Keywords in English.

– Text of the article (in total – not less than 5 pages and no more than 1,5 printer's sheet); submitted material should be edited stylistically and technically, you should not include the tabulation or separate paragraphs by one empty line.

– References in the text should be enclosed in square brackets and indicated by a number corresponding to the sequence number mentioned in the list of references. After the reference number follows the number (or numbers) of the publication's page on which the author refers. In the list of references the total amount of publication's pages should be indicated.

For example: In the text: [10, p.32]

In the list of references:

10. Usmanov M.A. Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p.

– References should be arranged in alphabetical order (surname and initials of the author, the title, place and year of publication, pages) – in original language, first – the sources on Cyrillic (Russian, Bulgarian, Ukrainian, etc.), then – on Latin alphabet (English, Turkish, French, etc.).

– List of references in English **(References) – combination of the transliterated and English parts of the Russian titles** (for transliteration use http://www.translit.ru with option BGN).

For example:

Description of monographs (books):

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Description of article from continuing publication (the collection of works):

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected Papers], 2012, no. 5, pp. 8–12.

The description of conference papers:

Mirgaleev I.M. Toktamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»] Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Description of the printed journal articles:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Description of the electronic journal article:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review,* 2009, no. 87 (4). Available at: http://www.discovery.ucl.fc.uk/18975/1/18975.pdf

Description of translated books:

Gerberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 p. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o Moskovii.* Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

– List of abbreviations should be provided with the definition of abbreviations;

– Illustrations should be presented as separate files in the format TIF, JPG with high resolution of 200–300 dpi;

– Captions to the illustrations and the tables should be given after the list of references;

– At the end of the article should be given information on the author or authors (in the case of a collective work), full name, degree, title, place of employment, address of organization, city, country, position – in Russian.

– Information about the author(s) – in English.

Please, send your articles to e-mail: crimeanhr@gmail.com

Крымское историческое обозрение

Crimean Historical Review

№ 2. 2014

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 20.11.2014 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 19,0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18-09

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
www.tataroved.ru